947.07
Г672

Горбачевский, И.
Записки декабриста.

К-7

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

571 до 28/III-60

Колич. пред. выдач _____ з. 155

П 34 г.

БИБЛІОТЕКА МЕМУАРОВЪ. Вып. II.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА И. И. ГОРБАЧЕВСКАГО.

Съ приложеніями и со вступительной статьей
Б. Е. Сыроѣчковскаго.

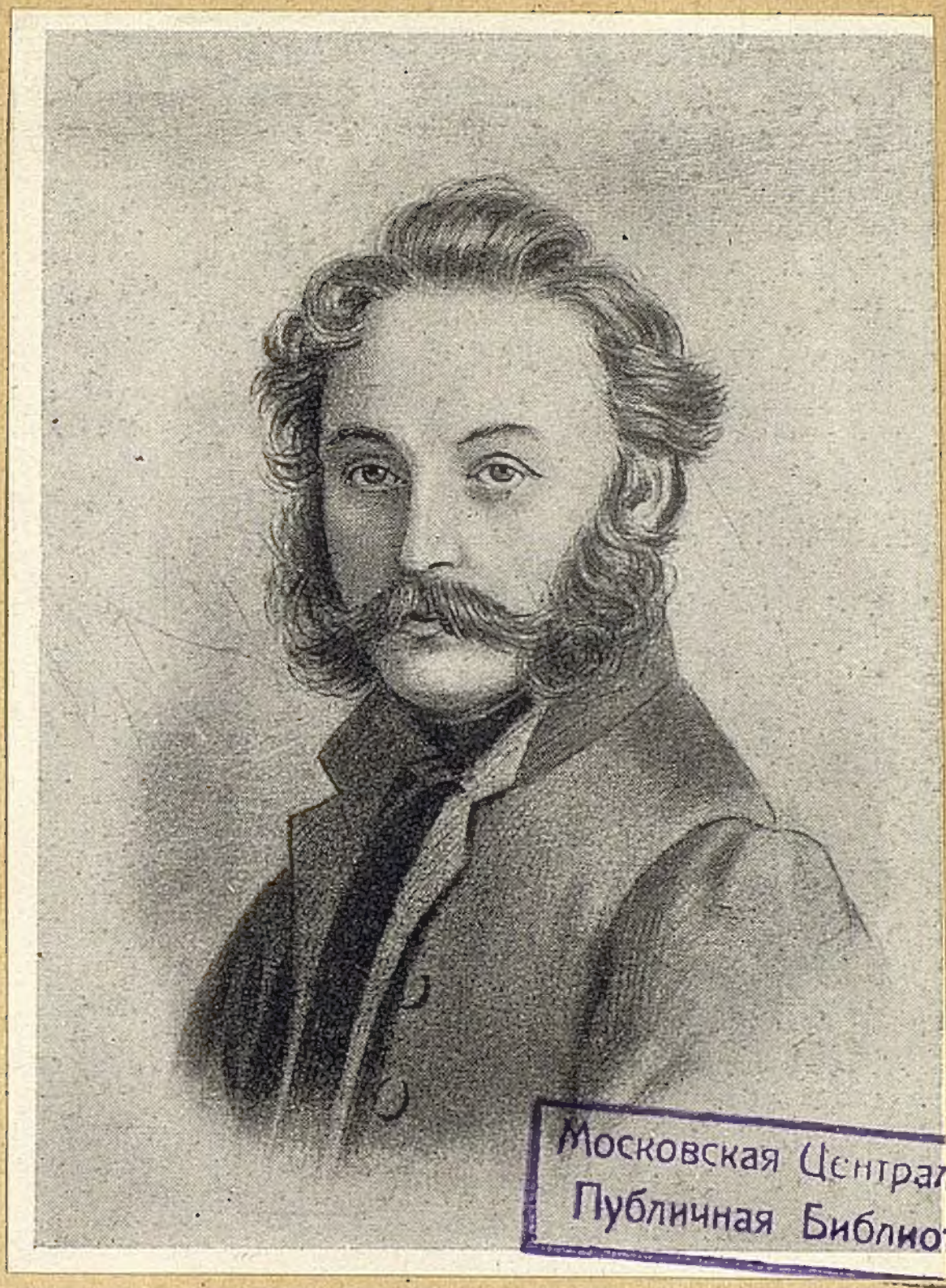
Центральное книгохранилище Моск. Обл. Б-ки
Московская Центральная Публичная Библиотека
947.07
Г672

ЗАДРУГА
1916 г.

МОСКВА,
Типогр. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путин. пер., с. д.
1916.

Отъ издательства.

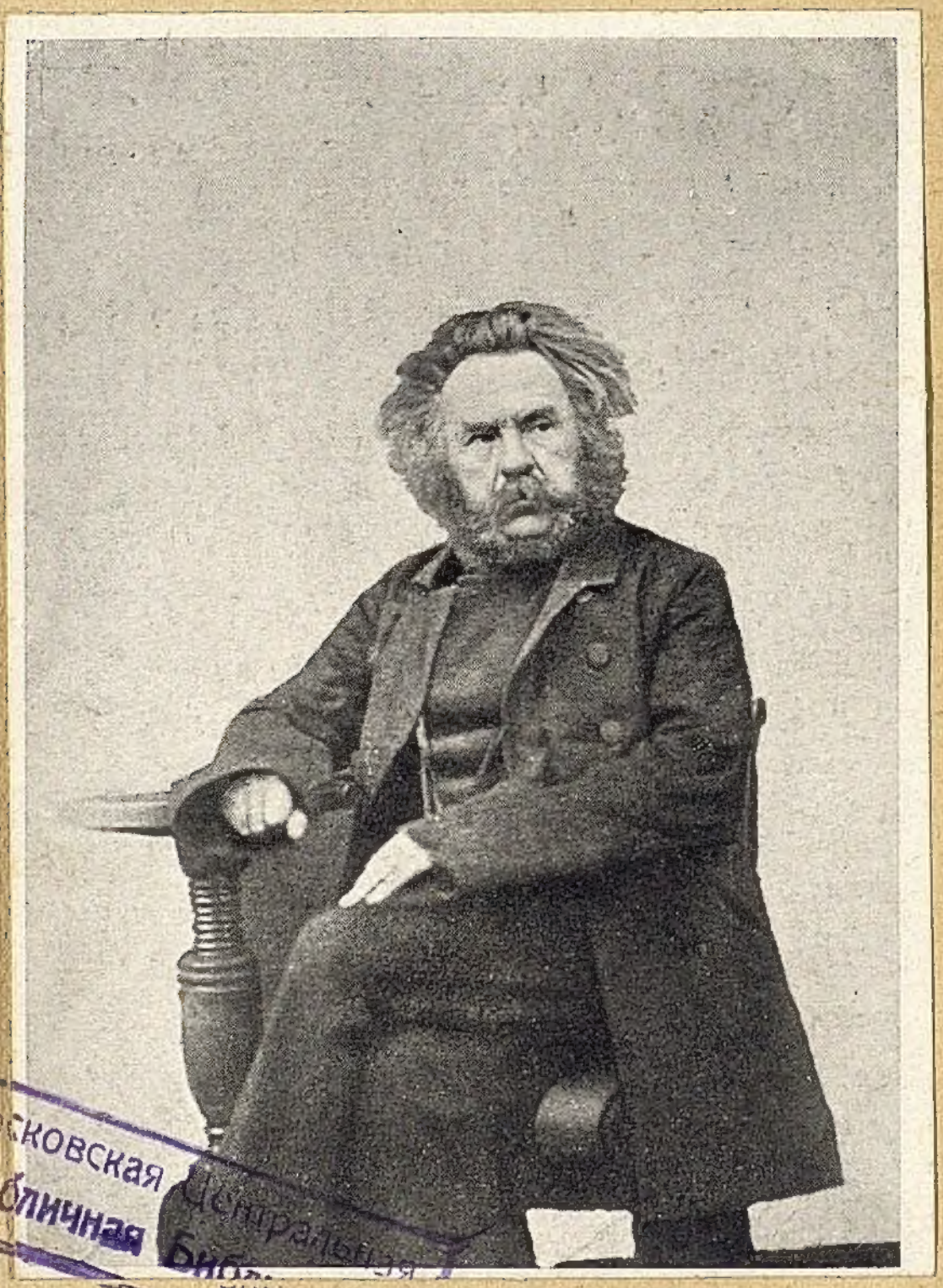
Подготовка къ печати Записокъ И. И. Горбачевскаго и приложеній, начатая П. Е. Щеголевымъ, по обстоятельствамъ перешла затѣмъ къ Б. Е. Сыропѣчковскому, которому и принадлежитъ окончательная редакція книги.



Московская Центральная
Публичная Библиотека

И. И. Горбачевскій.

(1828 — 1830 г.г. въ Читѣ).



Московская Центральная
Публичная Библиотека

И. И. Горбачевскій.

(Послѣдніе годы жизни).

И. И. Горбачевскій и его Записки.

Иванъ Ивановичъ Горбачевскій родился 22 сентября 1800 года въ семьѣ скромнаго провинціальнаго чиновника: отецъ его Иванъ Васильевичъ Горбачевскій служилъ въ витебской казенной палатѣ. Въ 1818 году старикъ Горбачевскій за какіе-то безпорядки при подрядѣ провіанта былъ отставленъ отъ должности и даже отданъ подъ судъ. Дѣло его перешло въ Сенатъ и тамъ безнадежно застряло. Какъ ни хлопоталъ Горбачевскій, ему не пришлось вернуться на службу, и обстоятельство это сильно сказывалось на матеріальныхъ условіяхъ его семьи. И. И. Горбачевскому въ молодости пришлось терпѣть нужду и лишенія.

Дѣтство и учебные годы до семнадцати лѣтъ Горбачевскій жилъ при родителяхъ. Онъ учился сначала въ витебскомъ народномъ училищѣ, а съ 1813 года — въ витебской губернской гимназіи. Кромѣ Ивана у Горбачевскихъ былъ еще сынъ Николай и три дочери. Семья была, повидимому, дружная, и ея духовной атмосферѣ и всему ея укладу позднѣе самъ Горбачевскій склоненъ былъ приписывать большое вліяніе на выработку своего характера и вглядовъ. Мать Горбачевскаго, о которой онъ вспоминаетъ съ мягкимъ юморомъ, была простая, набожная женщина и хорошая хозяйка, — «истая малороссіянка», которая ничего не понимала и не знала, кромѣ монаховъ и Кіевской лавры, и у ко-

торой въ чуланахъ всегда были большіе запасы сала и моченыхъ яблокъ. Зато отецъ Горбачевскаго былъ, повидимому, человѣкъ незаурядный. Онъ не мирился съ крѣпостнымъ правомъ и отвращеніе къ нему передалъ и сыновьямъ. Когда послѣ смерти жены его осталось имѣніе съ крестьянами, то и этотъ бѣдный, отставной чиновникъ и оба его сына одинъ за другимъ, не задумываясь, отказываются отъ земли и предоставляютъ ее въ полное и безвозмездное пользованіе крестьянамъ. Иванъ Васильевичъ Горбачевскій оставилъ записки—«преоригинальная и любопытная вещь», по отзыву сына, а онъ—самъ авторъ прекрасныхъ «Записокъ»—могъ въ данномъ случаѣ судить вполнѣ компетентно.

Въ 1817 году Горбачевскій окончилъ курсъ гимназіи. Въ томъ же году одинъ родственникъ Горбачевскихъ ѣхалъ въ Петербургъ; И. И. отправился съ нимъ въ столицу и опредѣлился тамъ 24 августа 1817 г. въ «Дворянскій полкъ», въ училище, соотвѣтствующее нынѣшнимъ юнкерскимъ. Черезъ три года, 27 іюля 1820 г. Горбачевскій былъ выпущенъ изъ «полка» прапорщикомъ въ 8-ю артиллерійскую бригаду, въ 1-ю батарейную роту; часть эта стояла въ Новоградъ-Волынскѣ, уѣздномъ городкѣ Волынской губерніи. Здѣсь въ 8-й бригадѣ и прошла вся недолгая служба Горбачевскаго съ той единственной перемѣной, что въ сентябрѣ 1824 г. онъ изъ 1-й батарейной былъ переведенъ во 2-ю легкую роту, стоявшую въ мѣстечкѣ Барановкѣ близъ Новоградъ-Волынска.

Въ кружкѣ офицеровъ, который подобрался въ 8-й бригадѣ, времяпровожденіе установилось малообычное

для военной молодежи. Офицеры усердно служили и службѣ, ученіямъ отдавали много времени; въ свободные часы они много учились, читали, собирались другъ у друга; развлеченія, удовольствія, знакомства были оставлены и забыты.

Кромѣ Горбачевскаго къ этому кружку принадлежали Як. Мих. Андреевичъ, Вл. Ал. Бечасновъ, Аполлонъ Веденяпинъ, Ал. Сем. Пестовъ и др.; но душою его были братья Борисовы, Андрей и Петръ, съ которыми, особенно съ Петромъ, Горбачевскій тѣсно сдружился. Борисовы давали тонъ всему кружку и сообщали ему направленіе «вольнодумческое». Петръ Борисовъ сочинялъ стихи и прозу и давалъ читать товарищамъ свои «листочки» о разныхъ «вольнодумческихъ матеріяхъ». Потомъ, выучившись французскому языку, онъ сталъ давать товарищамъ для чтенія свои переводы изъ Вольтера и Гельвеція. Горбачевскій, который еще въ гимназическіе годы пристрастился къ математикѣ и исторіи, теперь въ бригадѣ занимался алгеброй, черченіемъ и съ увлеченіемъ читалъ «Плутарха о жизни великихъ мужей, прославившихъ себя подвигами военными». Борисовъ пенялъ ему, что онъ читаетъ книги на русскомъ языкѣ и уговаривалъ его учиться по-французски и читать тѣ книги, которыя читалъ онъ самъ.

Общее чтеніе, споры и бесѣды на темы философскія и политическія привели молодыхъ офицеровъ отъ простого товарищества по службѣ къ задушевной дружбѣ, скрѣпленной единствомъ убѣжденій; а отъ такой дружбы въ ту эпоху масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ былъ одинъ только шагъ къ тайному обществу. Такое общество и возникло въ бригадѣ въ

1823 году; основателями его были двое Борисовыхъ и польскій шляхтичъ Люблинскій; то было «Общество Соединенныхъ Славянъ». Въ концѣ зимы того же 1823 г. Петръ Борисовъ принялъ въ общество Горбачевскаго; онъ съ Бечасновымъ были первыми принятыми членами.

Въ дальнѣйшей короткой исторіи «Общества Соединенныхъ Славянъ» Горбачевскій занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ рядомъ съ Петромъ Борисовымъ. Зимой 1824—1825 г. они являются иниціаторами реорганизаціи общества, которая должна была сообщить больше энергіи его работѣ и перевести его отъ теоретическихъ разсужденій и романтическихъ мечтаній о свободѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ Лещинскомъ лагерѣ Горбачевскій былъ однимъ изъ главныхъ представителей со стороны Общества въ сношеніяхъ, завязавшихся съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ. Когда состоялось соединеніе Общества Соединенныхъ Славянъ съ Южнымъ, Горбачевскій былъ выбранъ посредникомъ для сношеній съ Верховной Думой отъ артиллеристовъ 8-й бригады. 15 сентября, 1825 г., наканунѣ выступленія изъ лагеря, въ баракѣ у Муравьева Горбачевскій включилъ себя въ списокъ 15 «заговорщиковъ», т.-е. въ ту garde perdue, на которую падалъ жребій цареубійства. Слѣдуетъ отмѣтить, что во все время лещинскихъ переговоровъ Горбачевскій примыкалъ къ той небольшой группѣ «славянъ», съ Петромъ Борисовымъ въ центрѣ, которая со сдержаннымъ скептицизмомъ относилась къ пламеннымъ рѣчамъ Бестужева и другихъ «южанъ», была противъ полнаго сліянія Общества Соединенныхъ Славянъ съ Южнымъ и отстаивала его самостоятельность.

XI

По возвращеніи на зимнія квартиры «славяне» въ 8-й бригадѣ начали дѣятельную подготовку къ возстанію, которое во время лещинскихъ собраній было назначено на конецъ 1826 года. Они обсуждали планы военныхъ дѣйствій и вели энергичную пропаганду среди офицеровъ и фейерверкеровъ, не открывая имъ до времени окончательно существованія и цѣли общества. Горбачевскій, какъ посредникъ, игралъ видную роль на всѣхъ собраніяхъ; принималъ онъ участіе и въ агитаціи среди нижнихъ чиновъ, хотя, можетъ быть, и менѣе значительное, чѣмъ другіе товарищи. Извѣстія о 14 декабря, а затѣмъ объ арестѣ С. Муравьева и о возстаніи Черниговскаго полка застали «славянъ» 8-й бригады въ самый разгаръ ихъ агитаціонной работы. Они рѣшаютъ немедленно же начать дѣйствія и стараться увлечь въ возстаніе «все, что только показывало склонность къ мятежу». Начинается оживленная пересылка съ житомирскими членами общества, съ Пензенскимъ, Саратовскимъ, Тамбовскимъ полками, съ ахтырскими гусарами; черезъ Креницкаго и Головинскаго завязывается соглашеніе съ поляками; принимается рѣшеніе «тотчасъ по возстаніи образовать въ городѣ временное правленіе и выдать прокламаціи объ освобожденіи крѣпостныхъ людей». Во всѣхъ этихъ хлопотахъ и перепискѣ Горбачевскій принимаетъ самое дѣятельное участіе.

Вездѣ призывъ артиллеристовъ находилъ горячій откликъ, и они у себя въ Новоградъ-Волынскѣ уже упивались надеждами, когда гроза разразилась надъ ихъ головами. Черниговскій полкъ былъ разбитъ подъ Бѣлою Церковью, Муравьевъ и его товарищи арестованы. Вскорѣ на квартирѣ у Горбачевскаго въ Бара-

новкѣ былъ арестованъ Петръ Борисовъ, а недолго спустя—и самъ Горбачевскій. Ихъ заковали въ цѣпи и на тройкахъ помчали въ Петербургъ. Глубокою ночью привезли ихъ въ Зимній дворецъ, обыскали и провели въ одну изъ громадныхъ залъ. Первый краткій допросъ сдѣлалъ самъ императоръ Николай; потомъ арестованнымъ опять завязали глаза и отвезли въ Петропавловскую крѣпость. Началось заключеніе и слѣдствіе.

Въ послѣднихъ числахъ января или въ самомъ началѣ февраля 1826 года Горбачевскій давалъ свое первое показаніе передъ Слѣдственной Комиссіей. Оно кратко, скупо на признанія, исполнено достоинства и сдержанности. Къ сожалѣнію, и Горбачевскій подобно многимъ декабристамъ не выдержалъ кошмара одиночнаго заключенія и томительныхъ допросовъ и не проявилъ достаточной стойкости *): уже въ слѣдующемъ его показаніи, отъ 5 февраля, видно желаніе выгородить себя, разжалобить судей, выставить себя жертвою коварства и обольщенія—и кого же!—Борисовыхъ и Бестужева. И такимъ остается уже до конца дѣла характеръ всѣхъ показаній Горбачевскаго... Въ долгой его жизни это былъ единственный и короткій припадокъ малодушія. Но Горбачевскій быстро стряхнулъ съ себя эту минутную слабость; ее безъ слѣда свѣяло, вѣроятно, еще въ тѣ полные острой боли и волнующаго подъема дни объявленія и исполненія приговора, когда онъ вновь стоялъ въ однихъ рядахъ съ

---

*) Въ этомъ отношеніи Горбачевскій представляетъ исключеніе среди членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ, которые вообще, держались очень твердо отъ начала до конца процесса.

товарищами передъ висѣлицей, приготовленной для пятерыхъ изъ нихъ, и когда и подлинный обликъ ихъ судей, и вся цѣнность ихъ собственной дружбы и дѣла стали вдругъ такъ ясны сознанію, какъ никогда прежде... Какъ бы то ни было, декабристы забыли и простили другъ другу то, что мимолетною тѣнью проползло между ними въ затхлыхъ стѣнахъ тюрьмы; въ частности Горбачевскаго и въ Сибири связывала горячая дружба съ Борисовыми, и, вообще, товарищи его любили. И кому становиться судьею между друзьями въ томъ, что самимъ имъ было понятнѣе и виднѣе, чѣмъ кому бы то ни было со стороны.

Приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда Горбачевскій былъ отнесенъ къ первому разряду. Въ вину ему были поставлены умыселъ на цареубійство, участіе въ управленіи тайнымъ обществомъ, подготовка и возбужденіе къ бунту нижнихъ чиновъ, пріемъ въ общество членовъ; наказаніемъ первому разряду назначена была смертная казнь отсѣченіемъ головы. Казнь, какъ извѣстно, въ порядкѣ монаршаго милосердія, замѣнена была лишеніемъ чиновъ и дворянства и ссылкою въ вѣчныя каторжныя работы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія сентенціи, т.-е. въ серединѣ іюля 1826 г., Горбачевскій вмѣстѣ со Спиридовымъ и Барятинскимъ былъ отправленъ изъ Петропавловской тюрьмы въ Финляндію, въ крѣпость Кексгольмъ; здѣсь всѣхъ троихъ посадили въ такъ называемой Пугачевой башнѣ, гдѣ передъ тѣмъ содержалась семья Емельяна Пугачева. Въ апрѣлѣ 1827 г. узниковъ перевезли въ Шлиссельбургъ. Отсюда въ октябрѣ того же года Горбачевскій вмѣстѣ съ Николаемъ и Михаиломъ Бестужевыми отправленъ былъ въ Восточную Сибирь, въ Читу.

Въ читинскомъ острогѣ Горбачевскій содержался въ Маломъ казематѣ. Извѣстны обстоятельства жизни декабристовъ въ Читѣ: тѣснота, артельное хозяйство, работы, занятія науками и языками. Вѣроятно, здѣсь Горбачевскій выучился языкамъ—французскому и нѣмецкому настолько, что потомъ переводилъ съ нихъ свободно. Здѣсь же, въ Читѣ, было много разговоровъ о «дѣлѣ», выяснились всѣ детали слѣдствія и подробности разныхъ событій изъ исторіи общества до катастрофы и его послѣднихъ дней. Надо полагать, именно въ это время собралъ Горбачевскій въ своей памяти такъ много фактовъ для позднѣйшихъ своихъ разсказовъ и записокъ, здѣсь же выработалось окончательно и его пониманіе пережитыхъ событій, ихъ смысла и значенія.

Осенью 1830 года декабристовъ изъ Читы перевели въ Петровскій Заводъ, въ новую тюрьму съ темными неудобными казематами. Горбачевскій былъ помѣщенъ по одному корридору съ кн. Е. П. Оболенскимъ, И. И. Пущинымъ и Вл. Ив. Штейнгелемъ. Обстоятельства здѣшней жизни декабристовъ общеизвѣстны также.

Въ серединѣ 1839 года Горбачевскій вышелъ на поселеніе и былъ оставленъ тутъ же, въ Петровскомъ Заводѣ, хотя и просился вмѣстѣ съ Оболенскимъ и Быстрицкимъ въ Верхнеудинскъ. Коронаціонный манифестъ 1856 года, разрѣшавшій декабристамъ возвращеніе въ Россію, засталъ Горбачевскаго все еще въ Петровскомъ Заводѣ. Онъ могъ теперь переѣхать въ любой городъ Сибири, могъ вернуться на родину, но не тронулся никуда. Для переѣзда въ Россію у него не было средствъ: деньги, которыя высланы были ему по завѣщанію умершаго брата, присвоилъ какой-то иркутскій

чиновникъ. Позднѣе, уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ племянники Горбачевскаго, дѣти Анны Ивановны Квистъ, выхлопотали ему позволеніе жить въ Петербургѣ и Москвѣ и звали его къ себѣ въ Петербургъ на готовую квартиру и содержаніе; Горбачевскій не воспользовался и этой возможностью и отклонилъ предложеніе племянниковъ: онъ боялся оказаться въ Россіи еще болѣе чужимъ всему и одинокимъ, чѣмъ въ Сибири, не хотѣлъ стать въ зависимость отъ родственниковъ, да и къ Петровскому Заводу и къ мѣстной жизни успѣлъ онъ привязаться. «Что я туда поѣду?»—говорилъ онъ П. И. Першину про Петербургъ:—«Тамъ прогрессъ, все идетъ впередъ, а я засидѣлся въ этомъ медвѣжьемъ углу и отсталъ». «Ѣхать на неизвѣстное, жить съ людьми, которыхъ не знаю, хотя и считаются родными, что я буду тамъ дѣлать»,—писалъ онъ по тому же поводу Оболенскому. Такъ и остался Горбачевскій до самой смерти въ Петровскомъ Заводѣ—одинъ, потому что всѣ товарищи разъѣхались въ разныя стороны.

Изъ писемъ Горбачевскаго и изъ воспоминаній о немъ П. И. Першина-Караксарскаго мы знаемъ довольно хорошо о послѣднемъ, заводскомъ періодѣ его жизни.

Горбачевскій на Заводѣ жилъ въ собственномъ домикѣ. Въ небольшомъ хозяйствѣ его первое мѣсто занимала мельница. Но хозяинъ Горбачевскій былъ плохой, и мельница едва ли не была ему въ убытокъ. Дѣлу вредилъ не недостатокъ дѣловитости и энергіи, а доброта и довѣрчивость Горбачевскаго, которыя постоянно и при томъ совершенно нехозяйственно врывались въ его хозяйственныя операціи. Горбачевскій ску-

палъ зерно, размалывалъ его, и муку раздавалъ въ долгъ жителямъ Завода и окрестнымъ крестьянамъ. Долги собирались туго, пересрочивались по нѣскольку разъ, а часто и вовсе пропадали: должники всегда умѣли разжалобить Горбачевскаго, а при случаѣ и обмануть.

Значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ Горбачевскаго были доходы отъ комиссій по разнымъ закупкамъ на Заводѣ, которыя давали ему нѣкоторые золотопромышленники; помогали ему деньгами и сестра Анна Ивановна Квистъ. Въ итогѣ Горбачевскій жилъ, сводя кое-какъ концы съ концами; потребности его были скромны.

Драматичная судьба, а еще болѣе личныя качества Горбачевскаго, его доброта и свѣтлый умъ, снискали ему на Заводѣ общее уваженіе и любовь, и онъ сталъ центромъ немногочисленнаго мѣстнаго общества. Заводскіе инженеры, мѣстный священникъ о. Поликарпъ Павловичъ Сычевъ, нѣсколько купцовъ и тянувшаяся къ просвѣщенію молодежь составляли знакомство Горбачевскаго. Кружокъ связывали не одни только мѣстныя дѣла и личныя отношенія, но и интересы литературные. Читали много и русскіе журналы и книги и заграничныя изданія. Горбачевскій получалъ «Колоколъ» и «Полярную Звѣзду» Герцена, долгоруковскую «Правду о Россіи» и другія заграничныя изданія. Книги читались съ жадностью и комментировались въ горячихъ бесѣдахъ и спорахъ. Особенно притягателенъ Горбачевскій былъ, повидимому, для заводской интеллигентной молодежи, которой и самъ въ отвѣтъ платилъ теплымъ вниманіемъ и заботой. Для тѣхъ изъ молодыхъ друзей своихъ, которые не владѣли иностранными языками, онъ дѣлалъ переводы изъ клас-

сиковъ и изъ заграничныхъ эмигрантскихъ изданій. Такъ, для Першина онъ переводилъ изъ зарубежныхъ журналовъ, изъ Вольтера, Руссо, а изъ Шиллера перевелъ всю «Орлеанскую Дѣву». Эти переводы Горбачевскаго утонули, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ Першина.

Горбачевскій былъ источникомъ свѣта и знанія и для самаго юнаго поколѣнія Петровскаго Завода: онъ занимался съ дѣтьми своихъ знакомыхъ и другихъ обывателей, заводскихъ служителей и канцеляристовъ. Уроки приносили ему нѣкоторый заработокъ, но самый ничтожный, потому что, если и оплачивались, то очень дешево. Не матеріальный интересъ, а любовь къ дѣтямъ, которой у него былъ большой запасъ, и къ самому дѣлу побуждала Горбачевскаго къ педагогическимъ занятіямъ. Обычно, курсъ учениковъ Горбачевскаго ограничивался программою уѣзднаго училища, а то и просто лишь грамотой и письмомъ, но нѣкоторые его питомцы шли дальше; особенно выдается среди нихъ Илья Степановичъ Елинъ. Его Горбачевскій подготовилъ въ 4-й классъ Иркутской гимназіи; по окончаніи ея Елинъ поступилъ въ Московскій Университетъ на медицинскій факультетъ. Онъ былъ ученикомъ Боткина, и тотъ очень цѣнилъ его. Для завершенія своего образованія Елину удалось поѣхать за границу—въ Берлинъ и Вѣну. Но воспаленіе легкихъ, перешедшее въ чахотку, рано подрѣзало молодую много обѣщавшую жизнь; Елинъ умеръ 32 лѣтъ въ Пизѣ въ 1872 году *).

*) П. И. Першинъ называетъ Елина однимъ изъ сыновей декабристовъ, а товарищъ Елина докторъ Н. А. Бѣлоголовый въ своихъ запискахъ говоритъ, что онъ былъ сынъ Горбачевскаго, который и заботился о немъ до конца своей жизни.

Педагогическое дарованіе Горбачевскаго и его любовь къ людямъ проявились своеобразно и въ отношеніяхъ къ одному разряду взрослаго населенія Завода, именно къ ссыльнымъ поселенцамъ. Внимательно и участливо присматриваясь къ этому «оклеветанному, убитому народу», онъ сумѣлъ разглядѣть въ нихъ людей и людей «умныхъ, разсудительныхъ» и «...даже... очень добрыхъ и честныхъ». Многимъ изъ нихъ онъ помогалъ. Самъ «человѣкъ небогатый, скорѣе даже бѣдный», Горбачевскій, по словамъ Першина, не умѣлъ отказать въ помощи бѣдняку, который у него просилъ. Случалось, у самого у него не было ни гроша, тогда онъ занималъ у П. И. Першина рубль, два, три, пять и давалъ просившему. Иныхъ изъ выходившихъ «на пропитаніе» по отбытіи наказанія Горбачевскій бралъ къ себѣ яко бы для услугъ въ работники по два, по три и старался ихъ перевоспитать. Потомъ онъ строилъ имъ дома и снабжалъ всѣмъ необходимымъ для перваго обзаведенія; такъ устроилъ онъ не менѣе десяти хозяйствъ.

Когда 12 апрѣля 1861 года была объявлена воля заводскимъ рабочимъ *), для Горбачевскаго открылось новое обширное поприще дѣятельности. Онъ много и горячо хлопочетъ объ устройствѣ новаго быта вышедшихъ на свободу рабочихъ. Покинутость предоставленныхъ самимъ себѣ рабочихъ, расцвѣтшее вдругъ между ними пьянство мучатъ и сердятъ его. Вліяя на знакомыхъ рабочихъ, онъ направляетъ рѣшенія волостного схода, посредничаетъ между рабочими и заводскимъ начальствомъ. Его стараніями на Заводѣ откры-

*) Петровскій заводъ былъ казенный желѣзный заводъ, на которомъ принудительно работали приписанные къ нему рабочіе.

вается училище, устраивается потребительская лавка. Когда 25 іюля 1864 г. Горбачевскій былъ выбранъ въ мировые посредники, это было только офиціальнымъ оформленіемъ того положенія, которое фактически онъ уже давно занималъ въ мѣстной жизни. Стоитъ отмѣтить еще одинъ эпизодъ изъ дѣятельности Горбачевскаго въ эти годы: своимъ вліяніемъ и словомъ сумѣлъ онъ остановить совсѣмъ было уже состоявшійся приговоръ волостного общества о выселеніи съ Завода евреевъ.

Занятый своимъ хозяйствомъ, уроками и общественной дѣятельностью, такъ глубоко вошедшій въ мѣстную жизнь, Горбачевскій прочно прижился на Петровскомъ заводѣ и съ трудомъ и рѣдко отрывался даже для поѣздокъ въ Селингинскъ къ Бестужевымъ, или въ Кяхту къ знакомымъ сибирякамъ. Друзья пеняли ему за домосѣдство, М. Бестужевъ прозвалъ его «медвѣдемъ», «сморгонскимъ студентомъ». Но друзей своихъ и семьи ихъ Горбачевскій любилъ очень, и побывки къ нимъ замѣнялъ перепискою. Переписку онъ велъ большую: отправлялъ до 17 писемъ въ почту, писалъ и друзьямъ и роднымъ, и въ далекую Россію и въ Сибирь. Небольшая доля этой громадной переписки, опубликованная до сихъ поръ, позволяетъ составить нѣкоторое представленіе о настроеніи Горбачевскаго, о его думахъ и чувствахъ въ послѣдніе годы его жизни.

Въ письмѣ къ П. И. Першину отъ 14 декабря 1861 года Горбачевскій называетъ себя «старымъ допотопнымъ существомъ, у котораго все уже притупилось». Это самая несомнѣнная напраслина; наобо-

ротъ, все—и отзывы знавшихъ его, и дѣятельность его на заводѣ, и, наконецъ, самыя его письма изобличаютъ въ Горбачевскомъ живой умъ и горячее сердце, не остывшее до самой могилы подъ его нѣсколько суровой наружностью. Чѣмъ же занятъ этотъ умъ, для чего бьется это неугомонное сердце?

Меньше всего думаетъ и заботится Горбачевскій о себѣ и о своемъ хозяйствѣ. Объ этомъ говорятъ и другіе, въ этомъ просто и безъ рисовки признается и самъ онъ въ письмахъ къ Оболенскому. «Характеръ у меня такой, что мало думаю о себѣ; всегда я воображалъ и думалъ, что живу на мѣстѣ только временно; заботы о себѣ и пріобрѣтеніе на будущее чего-нибудь—всегда у меня на второмъ планѣ жизни моей». Хозяйство свое онъ никогда не любилъ и не любитъ. «Я хорошъ экономъ для чужихъ денегъ, но о своихъ не думаю».

Такъ же мало мѣста, какъ личныя дѣла и заботы, занимали въ жизни Горбачевскаго интимныя привязанности и родственныя отношенія. Семьи у него нѣтъ никакой; на вопросъ Оболенскаго онъ отвѣчаетъ, что не женатъ «во всѣхъ отношеніяхъ». Онъ чувствуетъ теперь, «какъ ужасна жизнь стараго холостяка; скучно, грустно и будущаго нѣтъ»; но, онъ мирится съ судьбою. Что дѣлать! «Не такая жизнь была, чтобы объ этомъ было время думать, не такія были обстоятельства, чтобы объ этомъ позаботиться». И въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ ни объ одномъ сердечномъ увлеченіи Горбачевскаго за всю его долгую жизнь. Не до того было; сердце и мысли заполнены были иными помыслами и заботами. Одиночества Горбачевскаго не скрашиваютъ и какія-либо родственныя привязанности. Изъ родныхъ въ живыхъ остались въ Петербургѣ

сестра и племянники, которыхъ онъ никогда не видалъ; въ Малороссіи всѣ умерли. Россія, родныя мѣста лишь рѣдко вспоминаются ему. Въ минуту одинокой тоски онъ ловитъ иногда себя на мечтахъ «о своей Малороссіи», о возвращеніи туда; но тотчасъ подымаются холодные вопросы: «съ чѣмъ (ѣхать), какъ, куда, зачѣмъ, къ кому», и Горбачевскій обрываетъ воспониманія перенятой у Давыдова поговоркой: «не наша ѣда лимоны».

Но если не было около Горбачевскаго родныхъ, зато его окружали заботами и вниманіемъ люди чужіе, съ которыми свела его жизнь; и мы видѣли, какъ много силъ и заботы отдавалъ и онъ въ свою очередь мѣстной сибирской жизни и мѣстнымъ людямъ. И все-таки Горбачевскій на Заводѣ чувствуетъ себя чужимъ и одинокимъ. «Вспомни, гдѣ я живу», пишетъ онъ Оболенскому и въ другой разъ какъ бы продолжаетъ ту же мысль: «нѣтъ знакомыхъ здѣсь по мысли, ни друзей по сердцу». Горбачевскій знаетъ, что онъ многимъ на Заводѣ полезенъ и нуженъ; онъ любитъ этихъ людей и чувствуетъ, какъ трудно было бы ему порывать связи съ ними, если бы онъ вздумалъ переселиться въ другое мѣсто. Но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь въ Сибири онъ больше нуженъ другимъ, чѣмъ они ему, что онъ больше даетъ, чѣмъ получаетъ. Задушевному его міру люди, въ среду которыхъ закинула его жизнь, все-таки остаются чужими, и не имъ отдано святая-святыхъ его души.

Оно отдано друзьямъ и дружбѣ. Съ друзьями онъ «связанъ навсегда и душевно и мысленно», «у него нѣтъ родныхъ другихъ кромѣ нихъ». Единственное утѣшеніе, которое осталось ему въ оди-

нокой сибирской глуши—письма друзей. Какъ ждетъ онъ ихъ, и какіе бурные прибои радости подымаютъ эти письма въ его старой груди! Почтальонъ подаетъ ему письмо. По надписи на конвертѣ послѣ двадцатилѣтней разлуки узнаетъ онъ почеркъ Оболенскаго. Если бы что-нибудь на него упало и сильно придавило, онъ бы, кажется, меньше былъ встревоженъ, оглушенъ, удивленъ; и только пробѣжавши письмо, онъ «отдохнулъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять письмо отъ Оболенскаго и при немъ его фотографическая карточка. Горбачевскій не знаетъ, что съ собою и дѣлать, когда портретъ очутился въ его рукахъ: «грудь стѣснилась, рядъ воспоминаній блеснулъ въ головѣ, сердце замерло». Потомъ, какъ будто отдохнувъ, онъ начинаетъ смѣяться, въ слухъ благодарить далекаго друга, сталъ ходить по комнатѣ, забывъ, не замѣчая мальчика, который принесъ письмо. «Такое впечатлѣніе и такія переживанія», пишетъ онъ Оболенскому, «производятъ на меня и ваши письма иногда, и ваши портреты... Не забывай моего одиночества, тогда повѣришь моимъ словамъ и чувствамъ». На каждое письмо друзей Горбачевскій отвѣчаетъ, за каждое благодаритъ горячо и проситъ еще и еще писать обо всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, о важномъ и о пустякахъ, о себѣ и о семьяхъ. И тѣмъ не менѣе, не переживаемое настоящее связываетъ Горбачевскаго съ друзьями. Онъ любитъ ихъ семьи, интересуется ихъ дѣлами, но только потому, что это семьи, это обстоятельства дорогихъ ему людей. Сама же по себѣ ихъ теперешняя жизнь ему чужда и непонятна; онъ самъ подчасъ признается въ этомъ. «Мнѣ странно кажется,—пишетъ онъ 17 іюля 1861 г. Оболенскому,—

и иногда я спрашиваю себя, какъ эти люди живутъ, и что имъ чудится послѣ Читы, Петровскаго завода, Итонцы и проч. И послѣ всего этого жить въ Москвѣ, въ Калугѣ и далѣе и далѣе... Для меня все это кажется фантазія, мечта». «Я почти одичалъ», пишетъ онъ тому же Оболенскому черезъ годъ, «напримѣръ меня удивляетъ, какъ это такъ сдѣлалось, какъ у васъ у всѣхъ достало умѣнія устроить себя такъ, что живете спокойно, умѣли завестись семьями, разсуждаете хладнокровно, смотрите на дѣла людскія спокойно, чего-то ожидаете хорошаго и проч.». И онъ не можетъ вполнѣ понять увлеченія Оболенскаго дѣятельностью по освобожденію крестьянъ, раздѣлить его интереса къ происходящимъ реформамъ и надеждъ на лучшее будущее. А о М. Бестужевѣ, отъ маленькихъ дѣтей котораго онъ съ такой болью отрывался, побывавъ у него въ Селенгинскѣ годъ тому назадъ, онъ не безъ раздраженія пишетъ: «занятъ своей семьей, все и всѣхъ забылъ».

Не настоящее, а далекое прошедшее, декабрьское дѣло и все въ связи съ нимъ пережитое связываетъ Горбачевскаго съ друзьями. На это прошлое всегда «обращены» у него «мысли и чувства». Оно—основная тема его писемъ, его разговоровъ съ друзьями настоящихъ и воображаемыхъ. Въ 1861 г. Горбачевскій три дня провелъ у Бестужева; «все говорили день и ночь», и онъ «раздразнилъ себя воспоминаніями». Уѣзжая, обѣщалъ прислать списокъ всѣхъ товарищей съ краткими отмѣтками о судьбѣ каждаго. И черезъ недѣлю шлетъ вмѣсто сухого реестра тетрадь воспоминаній въ десять листовъ, живо и горячо написанныхъ. Или воображаетъ Горбачевскій себя въ Калугѣ вмѣстѣ съ Оболенскимъ въ гостяхъ у Свистунова;

«сколько бы (было) воспоминаній, разговору, разсказовъ о быломъ—прошедшемъ, которыми (онъ) только и жив(етъ), не зная настоящаго и не имѣя никакого будущаго и даже рѣшительно не вѣря ему въ хорошемъ!».

На это прошлое память у Горбачевскаго, по его выраженію, «чертовская». Жадно впитывая въ нее всѣ разсказы, всѣ воспоминанія, складывая и сортируя ихъ въ себѣ, онъ сталъ живымъ архивомъ исторіи декабристовъ. Безъ справокъ, безъ замѣтокъ чуть ни въ одинъ присѣстъ можетъ онъ написать списокъ 128 товарищей, почти для каждаго дать свѣдѣнія объ его арестѣ, ссылкѣ, сплошь и къ ряду разсказать что-нибудь интересное и важное и почти не ошибиться въ датахъ и подробностяхъ.

Перегруженный воспоминаніями, фактическими свѣдѣніями о прошломъ тайнаго общества и отдѣльныхъ его членовъ, сознавая свой несомнѣнный талантъ мемуариста, Горбачевскій постоянно возвращается къ мечтѣ о подробныхъ запискахъ, какія бы могъ онъ написать. Охота заняться ими тяжестью лежитъ на душѣ у него. Обложиться книгами, перьями и писать это было бы счастьемъ для него и это было бы настоящее дѣло не то, что его «проклятое хозяйство» и глупые разорительные подряды. Вѣдь никто не можетъ составить т а к и х ъ записокъ о декабристахъ и ихъ обществѣ, какъ онъ. Онъ это знаетъ, и не даромъ С. Муравьевъ прощаясь въ Лещинѣ и какъ бы предчувствуя судьбу свою и общества, именно ему завѣщалъ, написать воспоминанія. И можетъ быть самою острою болью для одинокаго стараго Горбачевскаго въ послѣдніе годы его жизни было то, что нѣтъ у него досуга

и матеріальныхъ средствъ, чтобы отдаться завѣтной литературной работѣ.

Такое исключительное сосредоточеніе всѣхъ душевныхъ силъ на прошломъ вызывалось у Горбачевскаго въ значительной мѣрѣ самыми обстоятельствами его біографіи. Судьба, прямо съ школьной скамьи молодымъ, пылкимъ юношей бросивъ его въ тайное общество, зажгла его одною мечтою, одною идеей, привела въ тюрьму, въ ссылку, и потомъ больше уже ничего и не дала значительнаго въ личной жизни. Для другихъ декабристовъ радости и тревоги послѣдующей жизни заслоняли въ большей или меньшей степени драматическія событія ихъ молодости, и память ихъ уже не безъ усилія пробивалась къ нимъ черезъ пережитое. Горбачевскому, которому, жизнь не послала ни женской любви, ни семьи, ни культурнаго уюта, ни интересной общественной работы, ни любимаго труда, прошлое свѣтило ничѣмъ незаслоненное въ своемъ ослѣпительномъ блескѣ. Кромѣ этого прошлаго ничего больше не было значительнаго въ его жизни; этимъ прошлымъ онъ только и жилъ, какъ сознавалъ это ясно и самъ: «Всегда у меня мысли и чувства были обращены на... дѣло, давно прошедшее; всегда я жалѣлъ о проигранномъ и этого никогда не могъ забыть».

Кромѣ этого яркаго прошлаго Горбачевскому свѣтилось еще въ туманной дали «какое-то хорошее будущее», будущее не личное, а будущее его «идеи», въ которое онъ вѣритъ и чувствуетъ, что будетъ вѣрить до послѣдняго дыханія, вѣрить вопреки всѣмъ испытаніямъ, и невзгодамъ, вопреки самому своему

скептицизму. И отъ того незабываемаго, ярко свѣтящаго прошлаго къ этимъ манящимъ огнямъ будущаго смыкается для Горбачевскаго смыслъ жизни. Всѣ встрѣчи, заботы, дѣла, которыя легли въ его жизни между этими двумя гранями, кажутся ему второстепенными, ничтожными и неважными, какими-то скучными сѣрыми буднями.

Конечно, немало нужно было имѣть духовныхъ силъ, чтобы отъ молодости до могилы черезъ 46 лѣтъ жизни, трудной и суровой, пронести неугасимо такую яркую и живую преданность одной идеѣ, одной вѣрѣ. Силы эти были у Горбачевскаго отъ природы, и тотъ закалъ, который приняла его душа на зарѣ своей сознательной жизни въ рядахъ Общества Соединенныхъ Славянъ, только окрѣпъ и пріобрѣлъ новую силу въ тяжкихъ испытаніяхъ тюрьмы и послѣдующей сибирской жизни. До конца своихъ дней Горбачевскій остался «славяниномъ», вѣрнымъ духу и завѣтамъ Общества, и всѣ взгляды и сужденія его въ вопросахъ общественныхъ и политическихъ всегда опредѣлялись старыми «славянскими» принципами, усвоенными въ молодости.

«Славяниномъ» оставался Горбачевскій—прежде всего въ сужденіяхъ своихъ о самомъ движеніи декабристовъ. Никогда ни въ малѣйшей степени не раздѣлялъ онъ того признанія его принципіально ошибочнымъ, какое въ разной степени и съ разными оттѣнками проскальзывало кое-у-кого изъ другихъ декабристовъ. Въ заговорѣ и возстаніи Горбачевскій видитъ ошибки только тактическія и въ сужденіяхъ о должной тактикѣ остался такимъ же «славяниномъ», какимъ былъ въ Лещинѣ и Барановкѣ. Онъ упрекаетъ членовъ Сѣвернаго Общества въ томъ, что они всѣ,

какъ Пущинъ, хотѣли революціи «на розовой водѣ», «хотѣли все сдѣлать переговорами, ожидая, чтобы Сенатъ къ нимъ вышелъ и, поклонившись спросилъ: «Что вамъ угодно,—все къ вашимъ услугамъ!». Досадуетъ онъ и на то, что С. Муравьевъ-Апостолъ «заразившись петербургской медленностью», упустилъ въ Лещинѣ «случай съ 30-ю тысячами солдатъ» и потомъ все тою же нерѣшительностью погубилъ возстаніе Черниговскаго полка, которое могло бы имѣть и иной исходъ. «Что-жъ хорошаго послѣ этого въ умѣренности, въ хладнокровіи, въ нелюбви къ пролитію крови, въ медленности, въ холодномъ разсудкѣ, въ расчетѣ какомъ-то? Все это по-моему и по-нашему», (т.-е. по-славянски), пишетъ Горбачевскій 12 іюня 1861 М. Бестужеву. Въ «Запискахъ» своихъ, сдержанно и спокойно повторяя тѣ же упреки въ нерѣшительности, онъ еще ставитъ въ укоръ членамъ Южнаго Общества недостатокъ демократизма, стремленіе къ командирству, недовѣріе къ офицерамъ и солдатамъ, неискренніе, демагогическіе пріемы, желаніе «произвести переворотъ одною военною силою, безъ участія народа», намѣреніе навязать народу готовый политическій строй. Впрочемъ, Горбачевскій не винитъ строго друзей своихъ изъ Южнаго и Сѣвернаго обществъ: по своему происхожденію, воспитанію, положенію въ жизни они и не могли быть революціонерами, «патріотами», «республиканцами, «заговорщиками», способными «кверху дномъ все переворотить», какими были «славяне». И на склонѣ дней, какъ нѣкогда въ Лещинѣ, только планы Общества Соединенныхъ Славянъ продолжаетъ Горбачевскій считать правильными и никакъ не можетъ пріучить себя безъ горечи вспоминать сліяніе ихъ общества въ Южнымъ и о всѣхъ послѣдствіяхъ этого шага.

Тѣмъ же «славяниномъ» остается Горбачевскій въ своихъ сужденіяхъ и о другомъ политическомъ движеніи, которое проходило на его глазахъ, о реформахъ и движеніи 60-хъ годовъ.

Реформа 19 февраля не удовлетворяетъ его своей половинчатостью, нерѣшительностью. Онъ не понимаетъ дарованной свободы: «Что это такое—шутка или серьезная вещь», пишетъ онъ Оболенскому. Къ чему вся эта постепенность, уставныя грамоты, какое-то затяжное переходное состояніе? Зачѣмъ столько формальностей, и почему крестьянамъ не предоставляютъ самимъ выработать устройство своей новой жизни, окружаютъ ихъ уставами и опекой? Почему бы «не кончить дѣло однимъ разомъ», какъ кончили когда-то со своими крестьянами братья и отецъ Горбачевскіе. Отъ воли, устрояемой начальствомъ и помѣщиками, Горбачевскій ничего хорошаго не ждетъ. Не можетъ онъ раздѣлить и вѣры Оболенскаго обѣщаніямъ правительства, его надеждъ на скорое осуществленіе «гражданскаго устройства», о которомъ мечтали они въ молодости. Все то, что происходитъ въ Россіи и въ чемъ принимаетъ участіе и самъ Оболенскій, всѣ эти засѣданія по общественному дѣлу», конечно, интересуютъ Горбачевскаго очень, онъ радуется движенію, проситъ писать о немъ; но надеждъ Оболенскаго не раздѣляетъ: «все въ тебѣ хорошо, прекрасно, кромѣ твоей надежды». «Я пересталъ вѣрить и обѣщаніямъ людскимъ, и въ хорошую будущность: опекунство и благодѣянія тяжелая вещь».

Оставаясь во всѣхъ своихъ политическихъ взглядахъ и сужденіяхъ вѣрнымъ старому «славянскому» закалу, Горбачевскій и въ отношеніяхъ къ власти, тор-

жествовавшей побѣду въ декабрѣ 1825 года, до конца дней сохранилъ всю непримиримость, не научился и не хотѣлъ что-нибудь прощать ей и забывать, не видя къ тому никакихъ основаній и поводовъ. Въ іюлѣ 1861 года онъ только что опять посѣтилъ старую ихъ тюрьму и въ письмѣ къ Оболенскому подробно описываетъ ея теперешній видъ и состояніе. «Грудь у меня всегда стѣсняется, когда я тамъ побываю», продолжаетъ онъ: «сколько воспоминаній, сколько и потерь я пережилъ, а этотъ гробъ и могила нашей молодости или молодой жизни существуетъ. Какъ это было построено для насъ, за что? И кому мы всѣ желали зла? Вы всѣ давно отсюда уѣхали, у васъ всѣ впечатлѣнія изгладились, но мое положеніе совсѣмъ другое, имѣвши всегда предъ глазами этотъ памятникъ нѣжной заботливости о насъ. Ты скажешь, зачѣмъ я сержусь? Я знаю, что ты всегда молился Богу и за своихъ враговъ, но это мнѣ не мѣшаетъ высказать тебѣ свои чувства».

Горбачевскій сознавалъ, что со своимъ радикализмомъ, со своею живою вѣрностью старымъ идеямъ и понятіямъ, онъ былъ бы одинокъ среди своихъ друзей, которыхъ во многомъ измѣнила и со многимъ примирила жизнь, и есть доля правды въ томъ, что въ отношеніи къ теперешнимъ ихъ взглядамъ и къ тому либеральному теченію, къ которому примкнули тѣ изъ нихъ, которые не ушли вовсе въ частную жизнь,— онъ чувствуетъ себя существомъ иной формаціи, «допотопнымъ». Но Горбачевскій, разумѣется, неправъ, когда причиной своего непониманія новой жизни и новаго движенія готовъ считать свою «отсталость» отъ прогресса, порожденную жизнью въ глухомъ сибирскомъ углу. Впрочемъ, едва ли самъ онъ въ глубинѣ

души такъ о себѣ думалъ: слишкомъ много въ немъ было горячности и жизни до послѣднихъ дней, слишкомъ явно для самого него въ немъ продолжалъ ж и т ь декабристъ и «славянинъ», чтобы торопиться читать надъ собой отходную и сдавать себя въ архивъ. Наоборотъ, быть можетъ, переѣхавъ въ Россію, Горбачевскій со своей непримиримостью и радикализмомъ, со своими призывами къ сближенію съ народомъ и со своимъ сдержаннымъ отношеніемъ къ осуществлявшимся реформамъ и дворянскому либерализму, быть можетъ, онъ не отсталымъ отъ жизни увидѣлъ бы себя, а нашелъ бы гораздо болѣе соприкосновеній между собою и новымъ, только что подымавшимся движеніемъ молодого поколѣнія, чѣмъ съ чаяніями и надеждами своихъ старыхъ друзей. Но молодого радикальнаго движенія Горбачевскій не зналъ или не успѣлъ примѣтить, и кто знаетъ, не боязнь ли почувствовать себя чуждымъ не по-прежнему близкимъ со старыми друзьями, которые одни только и оставались ему въ жизни, не этотъ ли смутный страхъ послѣдняго и полнаго одиночества, удерживалъ его болѣе всего на Заводѣ передъ старою тюрьмою ихъ молодости. Вѣдь ему все кажется что друзья тамъ, въ Россіи ничуть не перемѣнились, и въ то же время онъ знаетъ, что въ этомъ ошибается. Такъ не лучше ли, чѣмъ добивать себя ударами послѣднихъ разочарованій, остаться здѣсь передъ казематами, гдѣ каждый закоулокъ, каждый камень говоритъ о прошломъ, будитъ дорогія воспоминанія и вереницей вызываетъ въ воображеніи дорогіе призраки, не затуманенные никакимъ искажающимъ налетомъ новой, чуждой жизни.

Такъ и остался старый декабристъ жить у порога ветшавшей тюрьмы.

Годы, между тѣмъ, шли, давали себя знать и пережитыя невзгоды; могучій организмъ Горбачевскаго начиналъ подаваться; все чаще Горбачевскій прихварываетъ; ревматизмъ и другія болѣзни его мучатъ, а хозяйственныя дѣла его, между тѣмъ, идутъ тоже все хуже: выработка желѣза на заводѣ падаетъ; дешевые уральскіе продукты вытѣсняютъ на рынкѣ дорогія издѣлія Завода, и золотопромышленники больше уже не даютъ комиссій на закупки; рабочія руки вздорожали, вздорожало сѣно. Нужда самая подлинная, какой не зналъ Горбачевскій даже въ прежніе годы своей жизни на Заводѣ, становится его постоянной гостьей. Чтобы хотя какънибудь добыть денегъ, ему приходится брать явно убыточные казенные подряды на возку угля и разориться все дальше и дальше. Хозяйство становится ему окончательно противно.

Все чаще жалуется Горбачевскій въ письмахъ Обо-

ленскому на одиночество и тоску. Завалишинъ уѣхалъ изъ Сибири, собирается перебраться въ Россію и Бестужевъ. Когда онъ уѣдетъ, Горбачевскій останется совсѣмъ одинъ въ Восточной Сибири—«сидѣть на развалинахъ»; «я и самъ развалина»—прибавляетъ онъ—«не лучше Карѳагена». Бодрость измѣняетъ старику, въ тонѣ его писемъ нѣтъ прежней энергіи, а въ особенно горькую минуту у него готовъ вырваться даже упрекъ далекимъ друзьямъ, которые уговариваютъ его заняться мемуарами, литературной работой, упрекъ, что они забываютъ, въ какихъ условіяхъ онъ живетъ, и каково должно быть его душевное состояніе.

Такъ мрачно и тяжело проходили послѣдніе годы жизни Горбачевскаго; но, несмотря на все, онъ до самой смерти волновался неладицей мѣстной жизни, работалъ,

какъ мировой посредникъ на Заводѣ и умѣлъ откликаться на радости и печали своихъ сибирскихъ друзей. Умеръ онъ 9 января 1869 г. Смерть подошла къ нему тихо. Еще въ самый день ея написалъ онъ письмо П. И. Першину. Похороненъ Горбачевскій на Петровскомъ Заводѣ.

У Горбачевскаго былъ несомнѣнный литературный талантъ; печатаемыя въ настоящемъ изданіи «Записки»—крупнѣйшее произведеніе изъ его наслѣдія. «Записки» эти, составленныя, какъ можно предполагать, въ послѣдніе годы царствованія Николая I, представляютъ не личные мемуары Горбачевскаго, а повѣствованіе о послѣднемъ періодѣ Общества Соединенныхъ Славянъ, основанное на разсказахъ участниковъ описываемыхъ событій и только отчасти на собственныхъ воспоминаніяхъ автора. Такимъ образомъ, это какъ бы своего рода монографія объ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ, обрабатывающая обширный матеріалъ различнаго происхожденія. Объективность изложенія, большая точность, обнаруживаемая при сличеніи «Записокъ» съ официальными и иными документами, строго продуманный планъ, опредѣленная точка зрѣнія на излагаемыя событія, анализъ ихъ причинной связи, проведенный черезъ всю работу—дѣлаютъ названіе монографіи вполнѣ заслуженымъ въ примѣненіи къ труду Горбачевскаго. Его «Записки», такимъ образомъ, одновременно и первоисточникъ, и историческое изслѣдованіе, притомъ на данную тему единственное во всей литературѣ. Литературныя достоинства «Записокъ» очень высоки: прекрасный языкъ, живое изложеніе, ясный планъ дѣлаютъ чтеніе

ихъ увлекательнымъ и пріятнымъ и заставляютъ отвести имъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ мемуаровъ. Тѣмъ больше приходится жалѣть, что погибли другія написаныя Горбачевскимъ «Записки», которыя онъ сжегъ, и что остались не написанными его личные мемуары и работы по исторіи декабристовъ, планъ которыхъ у него былъ въ послѣдніе годы жизни.

Рукопись «Записокъ принадлежала П. И. Бартеневу и находится въ настоящее время, надо полагать, въ архивѣ его наслѣдниковъ. Въ настоящемъ изданіи «Записки» печатаются, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были опубликованы въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1882 г.; свѣрить текстъ съ рукописью было для редакціи, къ сожалѣнію, невозможно, между тѣмъ, по свидѣтельству П. И. Бартенева *), при опубликованіи «Записокъ» Горбачевскаго въ 1882 году онъ встрѣтилъ серьезныя цензурныя препятствія, и «Записки» «во многихъ мѣстахъ были урѣзаны».

Въ приложеніяхъ помѣщены статья Горбачевскаго о Сухиновѣ, письма его къ Оболенскому и къ М. Бестужеву и два автобіографическіе разсказа его въ передачѣ П. И. Першина-Караксарскаго. Ссылки на изданія, изъ которыхъ заимствованы эти писанія Горбачевскаго, даны въ примѣчаніяхъ. Одно письмо къ Бестужеву появляется въ печати впервые и печатается по копіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петроградѣ. Все собранное въ настоящей книгѣ, почти исчерпываетъ литературное наслѣдіе Горбачевскаго: остаются еще два незначительныхъ письма къ Першину, напечатанные въ «Историческомъ Вѣстникѣ»

*) См. „Русскій Архивъ“ 1890 г., № 9, стр. 111–112.

за 1908 г. Ихъ содержаніе использовано въ настоящемъ предисловіи.

Опубликованныя до сихъ поръ письма Горбачевскаго составляютъ лишь малую долю его громадной переписки, и надо надѣяться, что большая часть ея не погибла и лежитъ въ частныхъ архивахъ. Слѣдуетъ желать скорѣйшаго опубликованія остальныхъ писемъ Горбачевскаго, такъ какъ и они, подобно уже опубликованнымъ, окажутся, вѣроятно, исключительнымъ по своимъ достоинствамъ источникомъ для исторіи декабристовъ.

Изъ портретовъ, приложенныхъ къ книгѣ, первый заимствованъ изъ изданія Зензинова «Декабристы», и воспроизводитъ карандашную копію художника Питча съ оригинала писаннаго красками Н. А. Бестужевымъ въ Читинскомъ острогѣ; второй сдѣланъ съ фотографіи, принадлежащей И. И. Попову, и воспроизводитъ карандашный портретъ изъ собранія В. Р. Зотова.

Заканчивая настоящій очеркъ, авторъ его считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать глубокую свою признательность уважаемому В. И. Семевскому, любезно предоставившему въ его пользованіе копію съ «дѣла» Горбачевскаго, изъ которой почерпнулъ онъ многія данныя для своей работы.

Б. Сыроѣчковскій.

Ноябрь 1915 г. Москва.

Записки декабриста

И. И. Горбачевскаго.

I.

Происшествія Лещинскаго лагеря.

I.

Общество Соединенныхъ Славянъ до начала сношеній съ Южнымъ обществомъ. — Первыя подозрѣнія Славянъ о тайномъ обществѣ.—Тютчевъ открываетъ это общество и руководителей его: С. Муравьева и Бестужева-Рюмина и устраиваетъ свиданіе съ послѣднимъ Борисова 2-го и Горбачевскаго.—Предложеніе присоединиться.—Мнѣнія Славянъ по этому поводу.

Въ концѣ 1824 года тайное общество подъ названіемъ Славянскаго Союза или Соединенныхъ Славянъ состояло изъ малаго числа членовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи. Усилія Славянъ укоренить свои мнѣнія и распространить общество оставались безъ желаемаго успѣха. Многіе изъ нихъ убѣждались даже, что время ни мало не сближаетъ ихъ съ цѣлію; но сіе убѣжденіе, не ослабляя желаній, еще болѣе другихъ воспламеняло. 6 декабря 1824 года Борисовъ 2-й и Горбачевскій, послѣ долгаго совѣщанія, признали, что для единства въ дѣйствіяхъ къ скорѣйшему достиженію предназначенной цѣли, необходимо ускорить ходъ общества, дать новое образованіе оному, учредить порядокъ въ дѣлахъ и подвергнуть членовъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Въ исполненіе сей мысли первый изъ нихъ написалъ проектъ окончательнаго образованія общества.

Мы упомянемъ здѣсь вкратцѣ о семъ уставѣ, чтобы тѣмъ хоть нѣсколько пояснить дѣла общества и

показать, въ какомъ положеніи оно находилось до маневровъ подъ Лещинымъ. Симъ проектомъ управленіе общества поручалось президенту и секретарю, выбраннымъ на одинъ годъ и подлежащимъ отвѣтственности предъ обществомъ; первой назначалъ время и мѣсто обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ собраній, давалъ направленіе дѣйствіямъ общества и старался привести въ исполненіе всѣ намѣренія и планы, служащіе къ распространенію онаго. Послѣдній способствовалъ взаимнымъ сношеніямъ между членами, равно сношеніямъ ихъ съ президентомъ; кромѣ того ему ввѣрялась общественная сумма, изъ коей по согласію президента выдавались деньги, назначаемыя для всякаго предпріятія, признаннаго полезнымъ обществу.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года многіе изъ Славянъ собрались въ мѣстечкѣ Черниковѣ (въ 25 верстахъ отъ Житомира) и, разсмотрѣвъ помянутое предложеніе, приняли его единогласно: каждый чувствовалъ необходимость лучшаго и правильнѣйшаго устройства. По общему желанію Борисовъ принялъ должность президента на время съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ полное собраніе членовъ въ лагерѣ подъ Лещинымъ и принявъ еще нѣкоторыя улучшенія въ предположенномъ образованіи общества, избрать тамъ новаго президента. Ивановъ, находившійся по должности въ корпусной квартирѣ и имѣвшій средства вступить въ постоянныя сношенія со всѣми членами, былъ назначенъ временнымъ секретаремъ.

Составленіе общественной суммы должно было начаться съ 1-го сентября; сумма сія должна была безпрерывно увеличиваться взносами членовъ; кромѣ

сего секретарю дозволялось употреблять наличный капиталъ въ торговыхъ оборотахъ для приращенія онаго. Но непредвидѣнный случай разрушилъ всѣ сіи планы, прежде нежели они были приведены въ исполненіе.

Съ давняго времени члены Славянскаго Союза замѣчали, что офицеры бывшаго Семеновскаго полка имѣютъ какія-то тайныя предпріятія противъ правительства, и думали, что они состоятъ въ какомъ-либо тайномъ обществѣ. Борисовъ 2-й, узнавъ отъ Пестова и Высочина о близкомъ знакомствѣ Сергѣя Муравьева съ офицерами конныхъ артиллерійскихъ ротъ, препоручилъ Громницкому принять въ общество капитана Тютчева, служившаго прежде въ помянутомъ гвардейскомъ полку, и поручить ему возобновить прежнее знакомство съ Сергѣемъ Муравьевымъ, стараясь узнать его мысли и намѣренія съ тѣмъ, что ежели онъ замѣтитъ въ немъ что-либо клонящееся къ цѣли Славянскаго общества, то немедленно увѣдомитъ о семъ Борисова или котораго-нибудь изъ членовъ. Не нужно говорить, что отъ Тютчева требовали скромности и осторожности; ему никто не препоручалъ принимать въ члены С. Муравьева; просили только съ нимъ сблизиться и узнать все, что можно, о тайномъ обществѣ.

Въ 1825 году 3-й пѣхотный корпусъ (кромѣ 7-й дивизіи), для смотра, назначеннаго покойнымъ государемъ, былъ собранъ подъ мѣстечкомъ Лещинымъ, находящимся отъ Житомира въ 15 верстахъ, влѣво отъ дороги изъ Житомира въ Бердичевъ. Полки 8-й и 9-й пѣхотныхъ дивизій ушли на сборное мѣсто еще въ началѣ августа мѣсяца; артиллерія же сихъ дивизій и 3-я гусарская дивизія съ принадлежащею къ ней

конною артиллеріею прибыли въ лагерь къ 1 сентября.

По проходѣ 8-й артиллерійской бригады чрезъ Житомиръ, Ивановъ увѣдомилъ Горбачевскаго, что Пензенскаго пѣхотнаго полка капитанъ Тютчевъ открылъ какое-то тайное общество, къ которому принадлежитъ Черниговскаго полка подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. На другой день Борисовъ 2-й увидѣлся съ Тютчевымъ, который подтвердилъ сказанное Ивановымъ, присовокупляя, что сіе тайное общество чрезвычайно сильно, и что въ скоромъ времени оно начнетъ переворотъ въ Россіи; изъ словъ его видно было, что члены сего общества составили уже для Россіи конституцію и въ слѣдующемъ году намѣревались приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Сіе извѣстіе поразило всѣхъ Славянъ. Борисовъ 2-й и Ивановъ хотѣли увѣдомить о семъ отсутствующихъ членовъ и назначить время для предположеннаго въ мартѣ мѣсяцѣ совѣщанія. Другіе члены, соглашаясь на сію мѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ требовали, чтобы немедленно были открыты сношенія съ Муравьевымъ, который, по словамъ Тютчева и Громницкаго, ищетъ знакомства Славянъ. И въ самомъ дѣлѣ, С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ 29 августа пріѣзжали въ деревню Млинищи [1]) съ намѣреніемъ познакомиться съ Горбачевскимъ и Борисовымъ 2-мъ и, не заставъ ихъ дома, запискою просили ихъ къ себѣ. Опасаясь потерять случай, благопріятный ихъ желаніямъ, Славяне поло-

---

[1]) 8-й артиллерійской бригады 1-я батарейная и 2-я легкая рота стояли на тѣсныхъ квартирахъ въ деревнѣ Млинищахъ, отъ Лещина 3 версты, отъ... [пропускъ въ оригиналѣ. Р е д.] 1½ версты. Тамъ происходили совѣщанія. Вообще, какъ артиллерія, такъ и кавалерія 3-го корпуса, стояли на тѣсныхъ квартирахъ.

жили, не дожидая общаго собранія всѣхъ членовъ, препоручить Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношенія съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, но отнюдь не приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, не объявлять имъ ничего и ни на что не соглашаться безъ общаго согласія всѣхъ членовъ Славянскаго Общества.

30 августа Громницкій и Тютчевъ пріѣхали къ Борисову и Горбачевскому съ предложеніемъ ѣхать въ лагерь къ Муравьеву; въ этомъ случаѣ они были нѣкоторымъ образомъ посредниками между двумя обществами. Свиданіе сіе съ помянутыми членами Южнаго общества было роковымъ ударомъ для Славянскаго Союза. Муравьевъ принялъ Борисова и Горбачевскаго съ особеннымъ радушіемъ, осыпалъ ихъ ласками и лестными отзывами, которымъ едва могла противустоять врожденная недовѣрчивость Борисова. Бестужевъ-Рюминъ, бывшій при семъ свиданіи, говорилъ много и, въ пылу разговора, излилъ всю свою душу. Нельзя довольно изобразить удивленія Славянъ, когда члены Южнаго общества начали говорить объ ихъ цѣли, намѣреніяхъ и даже объ именахъ всѣхъ ихъ сочленовъ. Муравьеву и Бестужеву все было уже извѣстно: самое образованіе Славянскаго Общества и предположенное совѣщаніе для отклоненія затрудненій сношеніямъ и дѣйствіямъ по обществу. Славяне догадались, что Тютчевъ, не будучи уполномоченъ, открылъ Муравьеву всѣ тайны ихъ общества по личной къ нему довѣренности, а, можетъ быть, даже и неосторожности. Муравьевъ, говоря о силѣ своего общества и невозможности, въ которой находятся Славяне осуществить свои желанія безъ содѣйствія русскаго

и извѣстнаго ему польскаго тайнаго общества, предложилъ Славянамъ немедленно соединиться съ Южнымъ обществомъ. Борисовъ 2-й, желая отклонить подробныя объясненія, отвѣчалъ на все поверхностно и неудовлетворительно; между прочимъ говорилъ, что правила Славянскаго Общества запрещаютъ ему входить въ положительныя сношенія съ кѣмъ бы то ни было безъ особеннаго на то согласія другихъ членовъ; что безъ согласія своихъ товарищей онъ не можетъ ни принять, ни отвергнуть лестныхъ предложеній Муравьева; что сіе требуетъ времени и размышленія; наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, которыя имѣли цѣлью, съ одной сторны, получить рѣшительный отвѣтъ на предложеніе, а съ другой, избѣжать онаго и оставить сіе дѣло неконченнымъ, условились назначить общее собраніе членовъ Славянскаго Общества, на которомъ Муравьевъ и Бестужевъ обѣщали лично возобновить свои предложенія.

Славяне, узнавъ отъ своихъ довѣренныхъ о предложеніи Муравьева, раздѣлились въ мнѣніяхъ: нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно радовались сему случаю и предлагали, не медля ни мало, соединиться съ Южнымъ обществомъ; другіе, напротивъ того, вознегодовали на Тютчева и, желая, чтобы Славянскій Союзъ удержалъ свои формы, требовали его смерти, какъ примѣрнаго наказанія за нескромность и нарушеніе правилъ Славянскаго Общества, и тѣмъ пресѣчь всѣ дальнѣйшія сношенія съ Муравьевымъ. Мнѣніе Борисова 2-го было совершенно иное: онъ предлагалъ продолжить переговоры, не соглашаясь на предложенія С. Муравьева, и стараться склонить его къ цѣли Славянскаго Общества. Въ случаѣ же его отказа, взять

съ него честное слово, что существованіе Славянскаго Общества останется тайною для другихъ членовъ Южнаго общества, и увѣрить его, что всѣ Славяне готовы принять участіе въ переворотѣ, когда онъ начнется, и будутъ споспѣшествовать оному всѣми своими силами. Хотя многіе раздѣляли послѣднее сіе мнѣніе, но никто кромѣ Иванова не поддерживалъ онаго. Умы всѣхъ были обворожены близкимъ и какъ бы несомнѣннымъ преобразованіемъ Россіи и, повидимому, каждый предоставлялъ обстоятельствамъ рѣшить вопросъ соединенія. Однакожъ, послѣ многихъ сообщеній, разсужденій и даже сильныхъ споровъ, положили собраться на квартирѣ подпоручика Пестова и Борисова 2-го всѣмъ членамъ находящимся въ лагерѣ, пригласить туда Муравьева и Бестужева, вступить съ ними въ переговоры и потомъ положить: должно ли Славянское Общество оставаться на прежнемъ основаніи, или, соединясь съ Южнымъ, принять иной видъ и характеръ.

2.

Общее собраніе Славянъ выслушиваетъ и обсуждаетъ предложеніе Бестужева-Рюмина.—Второе совѣщаніе о присоединеніи.—Рѣчи Бестужева и возраженія Борисова 2-го.—Бестужевъ добивается согласія Славянъ присоединиться къ Южному обществу.

3-го или 4-го сентября, большая часть членовъ Славянскаго Общества собрались въ назначенномъ мѣстѣ и, въ ожиданіи пріѣзда членовъ Южнаго общества, разсуждали снова о предложеніи соединить два общества; но мысль безусловнаго соединенія уже начинала преобладать надъ умами Славянъ, которыхъ же-

ланіе дѣйствовать обращалось въ непреодолимую страсть. Появленіе Бестужева прекратило сіи пренія. «Важныя дѣла,—сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій,—помѣшали Муравьеву сдержать данное имъ обѣщаніе, но онъ поручилъ мнѣ кончить наши общія дѣла. Я долженъ объявить вамъ о намѣреніяхъ и цѣли Южнаго общества и предложить присоединеніе къ оному Славянскаго». Потомъ началъ говорить онъ о силѣ своего общества, объ управленіи онаго Верховною Думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворотъ, объ участіи въ сихъ намѣреніяхъ 2-й арміи, гвардейскаго корпуса и многихъ полковъ 3-го и 4-го корпусовъ. Изъ его словъ видно было, что конституція, заключающая въ себѣ формы республиканскаго правленія для Россіи и получившая одобреніе многихъ знаменитыхъ публицистовъ, англійскихъ, французскихъ и германскихъ, принята была единодушно членами Южнаго общества. Бестужевъ обѣщалъ немедленно доставить имъ копію съ конституціи, объяснить цѣль, мѣры и управленіе онаго общества и, при окончательномъ соединеніи, дать наименованіе главныхъ членовъ; но объявилъ, что правила общества запрещаютъ ему открыть мѣстопребываніе Верховной Думы и членовъ, составляющихъ оную. Сіи неудовлетворительные отвѣты поколебали большую часть Славянъ; сомнѣніе вкралось въ сердца многихъ; требовали доказательствъ, дѣлали возраженія,—однимъ словомъ съ обѣихъ сторонъ ожидали взаимной довѣренности, но никто первый не хотѣлъ быть откровеннымъ. Бестужевъ отложилъ дальнѣйшія объясненія до другого времени, надѣясь, что время не охладитъ порыва, но еще болѣе усилитъ его, и въ

этомъ онъ не ошибся [1]). На другой день, по утру, онъ далъ Пестову извлеченіе изъ Русской Правды и просилъ его сообщить оное всѣмъ Славянамъ [2]). Въ тотъ же день было сдѣлано нѣсколько списковъ съ помянутаго извлеченія, и ввечеру уже всѣмъ Славянамъ была извѣстна будущая форма русскаго правленія. Ввечеру того же дня Горбачевскій и Борисовъ 2-й видѣлись съ Муравьевымъ, который, подтверждая все сказанное Бестужевымъ, просилъ ихъ снова собраться и кончить скорѣе дѣло соединеніемъ двухъ обществъ.

По прошествіи двухъ или трехъ дней послѣ перваго совѣщанія, всѣ Славяне, исключая офицеровъ Черниговскаго полка [3]), собрались на квартирѣ подпоручика Андреевича, въ деревнѣ Млинищахъ. Сіе собраніе было многочисленное. Бестужевъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ и началъ разговоръ требованіемъ неограниченной довѣренности къ Верховной Думѣ; во имя любви къ отечеству просилъ Славянъ соединиться съ Южнымъ обществомъ безъ дальнѣйшихъ съ его стороны объясненій. Громкій ропотъ и изъявленіе негодованія служили ему отвѣтомъ. «Намъ нужны доказательства, мы требуемъ полнаго объясне-

---

[1]) Бестужевъ, увидя на семъ совѣщаніи Полтавскаго полка поручика Усовскаго, удивился, что въ 9-й дивизіи есть члены тайнаго общества. Онъ обрадовался сему, но его радость, по замѣчанію другихъ, была притворная. Причину увидимъ послѣ.

[2]) Нѣкоторые Славяне спрашивали у С. Муравьева: «Неужели Верховная Дума хочетъ принудить Россію взять для себя ту конституцію, которую она написала и извлеченія изъ коей находится у нихъ въ рукахъ?» Муравьевъ отвѣчалъ, что Верховная Дума только предложитъ, но что народъ можетъ ее принять или отвергнуть.

[3]) Черниговскаго полка офицеры не могли быть на семъ совѣщаніи по дѣламъ службы.

нія!»—выкрикнуло нѣсколько членовъ. Бестужевъ началъ объяснять чертежомъ управленіе Южнаго общества, говорилъ о различныхъ управахъ (ventes), существующихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи [1]), объ образѣ ихъ сношенія съ Верховною Думою, о силѣ своего общества, наименовалъ членовъ онаго: кн. Волконскаго, кн. Трубецкого, генерала Раевскаго, генерала Орлова, генерала Киселева, Юшневскаго, Пестеля, Давыдова, Тизенгаузена, Повало-Швейковскаго, Александра и Артамона Муравьевыхъ, Фролова, Пыхачева, Враницкаго, Габбе, Набокова и многихъ другихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ разныхъ корпусовъ, и дивизій, и полковъ. «Всѣ сіи благородные люди,—сказалъ онъ въ заключеніе,—забывая почести и богатство, поклялись освободить Россію отъ постыднаго рабства и готовы умереть за благо своего отечества» [2]).

Видя, что его слова произвели сильное дѣйствіе на умы Славянъ, онъ присовокупилъ, что многочисленное Польское общество, коего члены разсѣяны не только въ Царствѣ Польскомъ и присоединенныхъ къ Россіи губерніяхъ, но въ Галиціи и воеводствѣ Познанскомъ, готово раздѣлить съ русскими опасность переворота и содѣйствовать оному всѣми своими силами и способами; что оно уже соединилось съ Южнымъ об-

---

[1]) Какъ то: въ Каменкѣ, въ Васильковѣ, въ Тульчинѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ и пр.

[2]) Чтобы болѣе убѣдить въ силѣ своего общества, Бестужевъ присовокупилъ, что полки 3 гусарской дивизіи, конныя роты 5 и 6, многіе командиры пѣхотныхъ полковъ 3 и 4 корпусовъ раздѣляютъ образъ мыслей и совершенно уже готовы принять участіе въ замышляемомъ переворотѣ.

ществомъ, и что для сношенія сихъ двухъ обществъ назначены съ польской стороны князь Яблоновскій, графъ Мошинскій и полковникъ Крыжановскій, а съ русской—Сергѣй Муравьевъ и онъ, Бестужевъ-Рюминъ. Тутъ же онъ объявилъ, что открыты слѣды существованія тайнаго общества между офицерами Литовскаго корпуса, и что Повало-Швейковскому поручено войти въ сношенія съ членами онаго и въ особенности дѣйствовать на сей корпусъ.

Откровенность Бестужева обворожила Славянъ; немногіе могли противиться всеобщему влеченію; согласіе соединиться съ обществомъ благонамѣренныхъ людей, поклявшихся умереть за благо своего отечества, выражалось въ ихъ взорахъ, въ ихъ тѣлодвиженіяхъ; каждый требовалъ скорѣйшаго окончанія дѣла. Только Борисовъ 2-й и нѣкоторые изъ присутствующихъ на семъ совѣщаніи Славянъ почитали невозможнымъ безусловное соединеніе двухъ обществъ. По мнѣнію Борисова 2-го, Славяне, обязавшись клятвою посвятить всю свою жизнь освобожденію славянскихъ племенъ, искорененію существующей между нѣкоторыми изъ нихъ вражды и водворенію свободы, равенства и братской любви, не въ правѣ нарушить сихъ обязательствъ. Нарушеніе это влечетъ за собою всеобщее порицаніе и упреки совѣсти. «Тѣмъ болѣе, подчинивъ себя безусловно Верховной Думѣ Южнаго общества,—продолжалъ онъ,—будемъ ли мы въ состояніи исполнить въ точности принятыя нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнетъ ли насъ произволу сей таинственной думы, которая, можетъ-быть, высокую цѣль Славянскаго Союза найдетъ маловажною и, для настоящихъ выгодъ жертвуя буду-

щими, запретитъ намъ имѣть сношенія съ другими иноплеменными народами?» [1]) Бестужевъ-Рюминъ всѣми силами старался опровергнуть сіе возраженіе; онъ доказывалъ, что преобразованіе Россіи необходимо откроетъ всѣмъ славянскимъ племенамъ путь къ свободѣ и благоденствію; что соединенныя общества удобнѣе могутъ произвести сіе преобразованіе; что Россія, освобожденная отъ тиранства, будетъ открыто споспѣшествовать цѣли Славянскаго Союза: освободить Польшу, Богемію, Моравію и другія славянскія земли, учредить въ нихъ свободныя правленія и соединить всѣхъ федеральнымъ союзомъ. «Такимъ образомъ,—сказалъ онъ,—наше соединеніе не только не удалитъ васъ отъ цѣли, но, напротивъ того, приблизитъ къ оной».

Энтузіазмъ Бестужева-Рюмина походилъ на вдохновеніе; увѣренность въ успѣхѣ предпріятія вдыхала въ сердце каждаго несомнѣнную надежду счастливой будущности. Онъ восторжествовалъ надъ холоднымъ скептицизмомъ Борисова 2-го, ожидавшаго успѣха отъ однихъ усилій ума и приписывавшаго все постоянной волѣ людей. Мысль о силѣ Южнаго общества, надежда видѣть при своей жизни освобожденіе отечества и другихъ славянскихъ народовъ увлекла совершенно Славянъ; въ общемъ пылу благородныхъ страстей своихъ, они согласились немедленно соединиться съ Южнымъ обществомъ, раздѣлять съ нимъ труды и опасности для блага своей родины и отъ сей минуты

---

[1]) При первомъ свиданіи съ Борисовымъ и Горбачевскимъ, Бестужевъ обнаружилъ свои мысли относительно цѣли Славянъ и сношеній русскихъ съ поляками. Борисовъ не могъ забыть сего,

цѣль, правила и мѣры, принятыя симъ обществомъ, почитать своими собственными. Такимъ образомъ окончательно соединились два общества: судьба Славянъ была рѣшена. Съ сего времени Славянскій Союзъ существовалъ только въ мысляхъ и сердцахъ немногихъ, которые не могли забыть возвышенной и великой, хотя, можетъ-быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, мечтательной идеи федеративнаго союза славянскихъ народовъ [1]).

Получивъ отъ Славянъ согласіе на соединеніе съ Южнымъ обществомъ, Бестужевъ-Рюминъ предложилъ имъ избрать изъ среды своей посредника и составить особенную управу [2]). «Избранный посредникъ — сказалъ онъ — долженъ завѣдывать дѣлами управы и относиться во всемъ ко мнѣ или къ С. Муравьеву; мы обязываемся, съ своей стороны, доста-

---

[1]) Все сказанное Бестужевымъ о силѣ Южнаго общества и содѣйствіи сего общества къ освобожденію другихъ народовъ, о силѣ онаго и пр. послѣ сего сообщенія было подтверждено многими членами Южнаго общества, а особливо съ ужаснымъ хладнокровіемъ, отличнымъ краснорѣчіемъ и умомъ—Сергѣемъ Муравьевымъ, который не только подтвердилъ, но еще болѣе объяснилъ все сказанное Бестужевымъ на совѣщаніи. Нѣкоторыхъ изъ Славянъ это не утѣшило; они скорбѣли объ участи Славянскаго Союза, и даже двое изъ нихъ послѣ сего соединенія не хотѣли больше быть на совѣщаніяхъ; другіе съ сожалѣніемъ согласились съ большинствомъ. Достойно замѣчанія, что соединеніе двухъ обществъ воспослѣдовало въ томъ самомъ мѣсяцѣ (сентябрѣ), когда Майборода донесъ правительству о существованіи Южнаго.

[2]) Члены Славянскаго общества, на случай соединенія двухъ обществъ, положили слѣдующія условія: они имѣютъ право выбрать посредника изъ среды своей для сношенія съ Верховною Думою, состоять въ отдѣльной управѣ и принимать членовъ по своимъ правиламъ. Муравьевъ согласился на сіи условія; но впослѣдствіи Славяне, соединившись съ Южнымъ обществомъ, въ принятіи новыхъ членовъ не слѣдовали уже формамъ Славянскаго общества.

влять ему предписанія отъ Верховной Думы и увѣдомлять его о всѣхъ дѣлахъ общества; Славяне могутъ принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ съ дозволенія посредника, который долженъ будетъ, хотя одинъ разъ въ годъ, отдавать отчетъ Верховной Думѣ о распространеніи и дѣлахъ Славянской управы». Бестужевъ-Рюминъ продолжалъ: «Южное общество уже такъ сильно, что не нуждается даже въ пріобрѣтеніи новыхъ членовъ. Посему гораздо лучше Славянамъ заняться постепеннымъ, осторожнымъ и медленнымъ приготовленіемъ солдатъ. Они могутъ принимать также въ общество офицеровъ, если найдутъ такихъ, которые заслуживаютъ сію честь».— Относительно гражданскихъ чиновниковъ онъ былъ вовсе противнаго мнѣнія: въ его глазахъ эти люди были не только безполезны, но даже вредны; преобразованіе Россіи должно было быть слѣдствіемъ чистого военной революціи. Поляки подверглись сему исключенію.

Бестужевъ-Рюминъ требовалъ отъ Славянъ, чтобы они умалчивали о существованіи Южнаго общества даже предъ тѣми, которые уже нѣсколько лѣтъ были членами Славянскаго общества. Сіе исключеніе Бестужевъ основывалъ на томъ, что въ Польшѣ существуетъ особенное общество и что каждый изъ поляковъ долженъ думать прежде о своемъ отечествѣ, а потомъ уже о Россіи. Изложивъ помянутыя условія и не дожидая принятія оныхъ, Бестужевъ требовалъ, чтобы всѣ бумаги, касающіяся до Славянскаго Союза, и списки членовъ онаго были представлены ему, какъ лицу, уполномоченному Верховною Думою. Противъ сего не было сдѣлано никакого возраженія; но зато

члены Славянскаго Общества, не почитая себя обязанными слѣдовать первому условію, на которое Бестужевъ не требовалъ изъявленія ихъ согласія, дѣйствовали по своимъ правиламъ, т.-е. объявили всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ и полякамъ о соединеніи двухъ обществъ и принимали новыхъ членовъ на прежнемъ основаніи.

Совѣщаніе кончилось предложеніемъ съѣхаться на другой день для избранія посредника и приготовленія требуемыхъ Бестужевымъ бумагъ.

3.

Собраніе Славянъ для избранія посредника.—Докладъ Борисова 2-го о прошломъ и будущемъ Общества Славянъ.—Цѣль и правила Славянскаго Союза.

На другой день, въ 5 или 6 часу вечера, всѣ Славяне собрались снова на квартирѣ (въ Млинищахъ) подпор. Андреевича; число ихъ было значительно и увеличено вновь принятыми членами. Борисовъ 2-й представилъ собранію отчетъ, содержащій въ себѣ цѣль и правила Славянскаго Общества, проектъ новаго образованія Славянскаго Союза, мнѣнія и дѣйствія членовъ и присовокупилъ къ сему общій списокъ всѣхъ Славянъ съ означеніемъ настоящаго ихъ мѣстопребыванія и рода службы.

Желая познакомить читателей съ духомъ Общества Соединенныхъ Славянъ, мы прервемъ на нѣкоторое время нить нашего разсказа и изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ цѣль и правила онаго.

Общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія; уничто-

Московская Центральная Публичная библиотека

женіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностію опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами Союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Вникая въ основанія благоденствія частнаго человѣка, мы убѣждаемся, что они бываютъ физическія, нравственныя и умственныя; посему гражданское общество, какъ цѣлое, составленное изъ единицъ, необходимо зиждется на тѣхъ же началахъ и для достиженія возможнаго благосостоянія требуетъ промышленности, отвращающей бѣдность и нищету, нравственности, исправляющей бурныя наклонности, смягчающей страсти и внушающей человѣколюбіе, и наконецъ—просвѣщенія, вѣрнѣйшаго сподвижника въ борьбѣ противу золъ, неразлучныхъ съ существованіемъ, которое дѣлаетъ умнѣе и искуснѣе во всѣхъ предпріятіяхъ. Развертывать, распространять сіи три основныя начала общественнаго блага поставлялось въ первую и неизмѣнную обязанность Славянина. Онъ долженъ былъ, по возможности, истреблять предразсудки и порочныя наклонности, изглаживать различіе сословій и искоренять нетерпимость вѣрованій, собственнымъ примѣромъ побуждать къ воздержанію и трудолюбію, стремиться къ умственному и нравственному усовершенствованію и поощрять къ сему дѣлу другихъ, всѣми

способами помогать бѣднымъ, но не быть расточительнымъ; не дѣлать людей богатыми, но научать ихъ, какимъ образомъ, посредствомъ труда и бережливости, безъ вреда для себя и другихъ, пользоваться оными. Убѣжденіе въ сихъ правилахъ заставляло Славянъ выводить слѣдующія заключенія: никакой переворотъ не можетъ быть успѣшенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи: посему прежде всего должно приготовить народъ къ новому образу гражданскаго существованія и потомъ уже дать ему оный; народъ не иначе можетъ быть свободнымъ, какъ сдѣлавшись нравственнымъ, просвѣщеннымъ и промышленнымъ. Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ цѣли, но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ которой совершаются. Славяне, убѣжденные въ томъ, что надежды ихъ не могутъ такъ скоро исполниться, какъ они того желали, не хотѣли терять времени въ пустыхъ и невозможныхъ усиліяхъ, но вознамѣрились дѣлать все, что зависитъ отъ нихъ и ведетъ хотя медленно къ предпринятой цѣли. Въ исполненіе сего намѣренія они положили опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей, стараться заводить или споспѣшествовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ; внушать крестьянамъ и солдатамъ необходимость познанія правды и любовь къ исполненію обязанностей гражданина и такимъ образомъ—возбудить въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства и пр.

Не взирая однакожъ на сіи постепенныя и кроткія мѣры, Славянскій Союзъ носилъ на себѣ отпечатокъ какой-то воинственности. Страшная клятва, обязываю-

щая членовъ онаго посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертвовать всей жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія Славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія [1]).

Сей слабый очеркъ достаточно показываетъ, что духъ Славянскаго общества во многомъ отличался отъ духа Южнаго общества и что даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они были другъ другу совершенно противоположны. Но къ соединенію двухъ обществъ не столько содѣйствовало сходство ихъ характеровъ, сколько нетерпѣніе и желаніе скорѣйшаго достиженія цѣли. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство Славянъ еще худо понимало правила и средства своего союза и порывомъ своимъ увлекло тѣхъ немногихъ, которые были вполнѣ проникнуты оными. Сіи послѣдніе видѣли невозможность бороться съ представителями сильнаго русскаго общества, обѣщавшаго немедленно освобожденіе Россіи, и съ прискорбіемъ приняли на себя трудъ онаго. Боязнь повре-

---

1) Сіи постановленія и правила Славянскаго Союза были разсматриваемы единственно для того, чтобы ихъ передать Южному обществу безошибочно, чтобы оно могло въ нихъ найти правила, получившія одобренія всѣхъ Славянскихъ членовъ, залогъ будущаго ихъ поведенія и основныя мысли сего общества.

дить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми заставила ихъ утѣшаться надеждою, что послѣ переворота мысль Славянскаго Союза воспрянетъ и съ новою силою заставитъ трудиться для освобожденія всѣхъ славянскихъ народовъ.

Но время намъ возвратиться къ Славянамъ, собравшимся для избранія посредника.

4.

Избраніе Спиридова въ посредники.—Примѣры измѣненія духа Славянскаго Союза подъ вліяніемъ Васильковской управы: 1) юнкеръ Шекола поднимаетъ бунтъ въ 1-й ротѣ Саратовскаго полка, 2) мятежный духъ поручика Кузмина.—Спиридовъ докладываетъ С. Муравьеву объ успѣхахъ Славянъ.—Общее собраніе членовъ Южнаго общества и Славянъ у С. Муравьева.

Разсмотрѣвъ бумаги и провѣривъ списки [1]), представленные Борисовымъ 2-мъ, члены Славянскаго Союза поручили доставить оные Бестужеву и приступили къ предположенному избранію посредника. Пензенскаго пѣхотнаго полка майоръ Спиридовъ получилъ большинство голосовъ. Тотчасъ послѣ избранія онъ предложилъ и взялся самъ составить правила, которыя могли бы служить руководствомъ членамъ тайнаго общества въ ихъ будущихъ дѣйствіяхъ. Предложеніе Спиридова было принято безъ малѣйшаго возраженія; послѣ непродолжительныхъ преній Славяне предоставили право другимъ изложить мысли о семъ предметѣ и предложить ихъ къ слѣдующему собранію на общее утвержденіе. Съ сего уже времени характеръ Славянскаго Союза начиналъ примѣтно измѣняться, дѣйствія

---

[1]) Въ спискахъ находились и гражданскіе чиновники и неслужащіе нигдѣ дворяне.

и намѣренія членовъ принимали видъ рѣшительныхъ и даже слишкомъ смѣлыхъ мѣръ. Нельзя не замѣтить, что духъ Васильковской Управы находилъ отголоски въ пылкихъ страстяхъ Славянъ и увлекалъ ихъ за предѣлы благоразумія. Одна искра могла произвести пожаръ. Приведемъ примѣры.

Предъ закрытіемъ описываемаго собранія одинъ изъ членовъ объявилъ, что командиръ 1-й гренадерской роты Саратовскаго полка притѣсняетъ своихъ подчиненныхъ, что несправедливости и жестокости его превышаютъ всякую мѣру, и что [онъ] даже запрещаетъ своимъ солдатамъ имѣть сношеніе съ солдатами бывшаго Семеновскаго полка, которые, по своему положенію, были ревностными агентами тайнаго общества, возбуждая въ своихъ товарищахъ ненависть и презрѣніе къ правительству. «Онъ долженъ быть наказанъ за свою жестокость»,—закричали немедленно многіе. Борисовъ 2-й и еще нѣкоторые изъ Славянъ хотѣли остановить сей порывъ негодованія; ихъ усилія остались тщетными. «Взбунтовать роту»,—вскрикнулъ въ изступленіи поручикъ Кузминъ. Многіе его поддержали. Собраніе поручило тотчасъ члену общества Саратовскаго же полка юнкеру Шеколѣ привести предложеніе Кузмина въ исполненіе. Отчаянный Шекола съ радостію принялъ сіе порученіе и на другой же день осуществилъ желаніе своихъ сочленовъ [1]).

Сіе дѣло кончилось, однакожъ, безъ дурныхъ по-

---

[1]) Саратовскаго полка юнкеръ Шекола имѣлъ отъ роду 20 лѣтъ, росту высокаго, лицо страшное, обросшее волосами; глаза большіе, черные; физіономія изображала всю пылкость его души. Былъ испытанной храбрости и рѣшительности; родомъ сербъ, уважаемый сочленами и любимый солдатами.

слѣдствій, которыхъ опасались нѣкоторые изъ членовъ союза. Командиръ 1-й гренадерской роты, узнавъ, что его подчиненные не хотятъ болѣе ему повиноваться, и страшась подвергнуть жизнь свою опасности, спрятался въ балаганъ полкового командира, который побѣжалъ къ возставшей ротѣ, стараясь какъ можно скорѣе ее усмирить. Дерзость недовольныхъ солдатъ часъ отъ часу увеличивалось; полковникъ, боясь, чтобы сіе происшествіе не навлекло ему непріятностей отъ высшаго начальства и не лишило его полка, вступилъ съ ними въ переговоры, обѣщая забыть нарушеніе военной дисциплины, простить ихъ всѣхъ и смѣнить немедленно ротнаго командира. Зная трусливый характеръ полковника, Шекола искусно шепнулъ солдатамъ, чтобы они изъявили согласіе на сіе предложеніе и просили бы новаго ротнаго командира. Ихъ требованіе въ тотъ же день было исполнено; полковой командиръ сдержалъ вполнѣ свое слово.

Вотъ другой примѣръ. Васильковская Управа, ослѣпляясь мнимою силою Южнаго общества и надеждою счастливаго успѣха своихъ предпріятій, полагала, что въ народѣ и въ арміи общество не только не встрѣтитъ сопротивленія ко введенію конституціи, но найдетъ даже помощь, и потому намѣревалась воспользоваться сборомъ 3-го корпуса и начать дѣйствія тотчасъ по пріѣздѣ государя въ лагерь. Обстоятельство сіе было поводомъ ко многимъ разговорамъ и различнымъ предположеніямъ. Многіе члены Южнаго общества хотѣли даже, чтобы корпусъ поднялъ знамя бунта, не дожидая пріѣзда государя, полагая, что усердіе членовъ, ропотъ и негодованіе войскъ достаточны для счастливаго начала и окончанія переворота.

Славяне знали всѣ эти предположенія и, хотя были убѣждены въ силѣ Южнаго общества и въ скоромъ преобразованіи Россіи, однакожъ, большая часть изъ нихъ, сколько извѣстно, не думали, чтобы во время лагеря можно было начать возстаніе: никто изъ нихъ не сообщилъ еще о своихъ намѣреніяхъ подчиненнымъ, не зналъ ихъ образа мыслей (впрочемъ негодованіе и озлобленіе было общее) и потому не слишкомъ надѣялся на ихъ пособіе, которое, по мнѣнію Славянъ, было необходимымъ условіемъ успѣшнаго переворота. Несмотря на всѣ сіи обстоятельства, Кузминъ, по пылкости и рѣшительности своего характера, былъ готовъ на все, даже—и на невозможное. Преобладаемый, такъ сказать, единственною мыслію о возстаніи, о которомъ только и говорилъ, онъ вообразилъ, что существованіе самовластія въ Россіи приходитъ уже къ концу. Не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ своихъ сочленовъ, этотъ пылкій человѣкъ собралъ роту и объявилъ преданнымъ своимъ солдатамъ о замышляемомъ переворотѣ; въ короткихъ словахъ изъяснилъ имъ причину, цѣль и средства достигнуть онаго. Получивъ отъ подчиненныхъ согласіе и клятву умереть съ нимъ для блага отечества, онъ съ радостнымъ лицомъ явился въ собраніе и торжественно объявилъ, что его рота готова и ожидаетъ только приказанія итти.

«Когда назначено возстаніе?» спросилъ онъ при всѣхъ у Горбачевскаго.

«Этого никто не знаетъ,—отвѣтилъ послѣдній,—начало его зависитъ не отъ насъ, но отъ обстоятельствъ; ты напрасно спѣшишь, мы должны приготовлять медленно нижнихъ чиновъ; можетъ-быть, только въ будущемъ году намъ представится случай осуществить наши намѣренія и, вѣроятно, не ранѣе».

«Жаль,—возразилъ Кузминъ,—я думаю, лучше скорѣе начать; пустые толки ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—мои солдаты умѣютъ молчать; я сожалѣю только, что объявилъ о семъ юнкеру Полтавскаго полка Богуславскому и послалъ его въ Житомиръ съ порученіемъ увѣдомить нашихъ друзей о близкомъ возстаніи».

Сіи слова были громовымъ ударомъ для многихъ: всѣ знали, что помянутый юнкеръ былъ глупъ, болтливъ и развратенъ, и что онъ безъ разбору все пересказываетъ своему дядѣ, начальнику артиллеріи 3-го корпуса. Никто не могъ удержать справедливаго своего негодованія.

Кузминъ, замѣтя сіе, сказалъ хладнокровно: «Развѣ сего поправить нельзя?» Взялъ шляпу и, выходя изъ комнаты, прибавилъ: «Завтра вы найдете его мертвымъ въ постели».

Горбачевскій и Громницкій, зная рѣшительность и твердость Кузмина, зная, что онъ ничего напрасно не говоритъ, схватили его и начали отклонять отъ сего опаснаго предпріятія. «Завтра онъ будетъ мертвымъ, повторяю вамъ»,—закричалъ въ бѣшенствѣ Кузминъ. Многіе изъ Славянъ окружили его и послѣ долгихъ преній склонили, наконецъ, Кузмина отказаться отъ безразсуднаго и даже преступнаго намѣренія лишить жизни глупца, котораго легко можно увѣрить, что Кузминъ, говоря ему о возстаніи, хотѣлъ пошутить надъ его легковѣріемъ и простотою.

Славяне, однако, несовсѣмъ вѣрили Кузмину и, желая уничтожить въ немъ мысль о степени неосторожности его поступка, старались дать этому обстоятельству видъ маловажности и даже обратили это въ

шутку; ибо, если бы Кузминъ замѣтилъ противоположное, несчастный юнкеръ въ тотъ же вечеръ не существовалъ бы.

На другой день нѣкоторые изъ Славянъ объявили Богуславскому, что Кузминъ надъ нимъ шутилъ, смѣялся надъ его легковѣріемъ, и этотъ бѣдный простакъ совершенно повѣрилъ всему и молчалъ [1]).

Сіи два случая, кажется, достаточно подтверждаютъ сказанное выше объ измѣненіи духа Славянскаго Союза по соединеніи онаго съ Южнымъ обществомъ. Вліяніе Васильковской Управы возбудило бурныя страсти, до того времени дремавшія въ сердцахъ Славянъ. Люди, до того времени почитавшіе себя не въ правѣ дѣлать благодѣянія другимъ безъ ихъ вѣдома и согласія, вдругъ приняли на себя обязанности покровительствовать притѣсняемымъ и карать притѣснителей. Мнимая сила Южнаго общества и убѣжденіе въ его силѣ породили въ Славянахъ сію гордость и самонадѣянность.

По окончаніи вышеописаннаго совѣщанія, Спиридовъ возвратился въ лагерь, посѣтилъ Муравьева и между прочими разговорами сказалъ ему, что успѣхи Славянскаго Общества невѣроятны. «Каждый день,—говорилъ онъ,—общество усиливается новыми членами; кромѣ прежнихъ офицеровъ Черниговскаго полка, пріобрѣтено еще нѣсколько новыхъ въ томъ же полку, въ другихъ полкахъ обѣихъ дивизій и артиллеріи». Къ удивленію Спиридова Муравьевъ началъ охуждать сію дѣятельность, находилъ ее неумѣстною и сказалъ, что

---

[1]) Соловьевъ и Щепила, слѣдуя примѣру Кузмина, тоже начали приготовлять солдатъ, бывшихъ еще въ лагерѣ.

онъ вовсе не желаетъ, чтобъ принимали въ общество его полка офицеровъ, которыхъ онъ лично знаетъ и коихъ, по его мнѣнію, можно возбудить къ возстанію, объявивъ объ этомъ наканунѣ дѣла. Въ отвѣтъ на сіе Спиридовъ сказалъ ему, что Кузминъ и Соловьевъ состоятъ въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ уже два года и что имъ невозможно воспрепятствовать прямо дѣйствовать; ибо прежнія правила не только даютъ имъ на сіе право, но даже обязываютъ умножать общество новыми пріобрѣтеніями, налагая на нихъ отвѣтственность за принимаемыхъ членовъ.

«Эти правила,—сказалъ Муравьевъ,—уничтожены соединеніемъ обществъ; они могутъ быть пагубны нашему дѣлу. Планъ нашихъ дѣйствій совсѣмъ иной: солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будутъ орудіями и произведутъ переворотъ. Вы знаете, что за люди русскіе солдаты и офицеры?»...

Замѣтя такое ложное понятіе о русскихъ солдатахъ и офицерахъ и видя, какимъ образомъ С. Муравьевъ, а слѣдовательно и другіе главные члены Южнаго общества, полагаютъ дѣлать переворотъ, Спиридовъ не хотѣлъ входить въ дальнѣйшіе споры и съ прискорбнымъ молчаніемъ удалился.

На другой день послѣ репетиціи смотра, С. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ Славянъ. Мы не знаемъ, съ какими именно намѣреніями сіе было сдѣлано, но кажется, что онъ хотѣлъ показать Славянамъ на самомъ дѣлѣ силу Южнаго общества и совершенно разрушить сомнѣніе, которое обозначалось въ словахъ многихъ относительно сего предмета. Догадка

сія подтверждается тѣмъ, что даже большая часть членовъ Южнаго общества не знала причины собранія [1]).

Кирѣевъ, Горбачевскій, Андреевичъ, Веденяпинъ 1-й, Борисовъ 2-й, Громницкій и прочіе, тотчасъ по окончаніи репетиціи, пришли къ Муравьеву и застали тамъ: Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Швейковскаго, Враницкаго, Фролова, Пыхачева, Врангеля, Нащокина, Бестужева-Рюмина и проч. С. Муравьевъ знакомилъ своихъ сочленовъ съ Славянами и старался дружескими разговорами сгладить разницу въ лѣтахъ и чинахъ и внушить имъ взаимную довѣренность. Какъ С. Муравьевъ, такъ и прочіе члены Южнаго общества говорили только о злоупотребленіяхъ правительства. Каждый изъ нихъ увѣрялъ въ готовности искоренить зло, доказывалъ необходимость переворота и убѣждалъ въ силѣ общества, составляемаго изъ благонамѣренныхъ людей, поклявшихся улучшить жребій своего отечества. Артамонъ Муравьевъ произносилъ безпрестанно страшныя клятвы—купить свободу своею кровью. Славяне видѣли въ немъ не только рѣшительнаго республиканца, но и ужаснаго террориста. Аполлонъ Веденяпинъ 1-й, одаренный проницательнымъ умомъ и никогда не довѣрявшій словамъ, особенно въ столь важныхъ случаяхъ, замѣтилъ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей, что не должно полагаться на слова сихъ господъ; что ихъ поведеніе совершенно несогласно съ тѣмъ, что они говорятъ; что, по его мнѣнію, каждый членъ, какого бы то онъ званія ни былъ, необходимо долженъ представить доказательства предан-

---

[1]) Почти всѣ офицеры конной артиллеріи спрашивали у Славянъ, зачѣмъ звалъ ихъ къ себѣ Муравьевъ. Они отвѣчали, что ничего не знаютъ.

ности къ священному дѣлу не на словахъ, но на самыхъ дѣйствіяхъ; что, сколько ему извѣстно, полковые командиры, состоящіе въ обществѣ, не только не дѣйствуютъ на солдатъ, но даже не стараются принимать въ общество достойныхъ офицеровъ своихъ полковъ, и что безъ сего никогда нельзя ожидать успѣха. Аполлонъ Веденяпинъ сіи самыя слова повторилъ С. Муравьеву и Бестужеву, прибавляя, что для успѣха въ предпринимаемомъ переворотѣ необходимо, чтобы всѣ члены безъ изъятія отдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ. С. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что «вѣроятно Верховная Дума, управляющая Южнымъ обществомъ, приняла мѣры, и что не должно сомнѣваться въ чувствахъ тѣхъ, которые уже своими дѣлами доказали возвышенность и благородство своей души». Веденяпинъ возразилъ, что онъ не знаетъ никакихъ дѣлъ и потому судить о нихъ не можетъ, но для побужденія къ дѣйствію недостаточно однихъ чувствъ, къ сему необходима обдуманная и твердая рѣшительность; что въ борьбѣ противъ гигантской власти мало одной военной храбрости, потребно еще гражданское мужество; что надобно заранѣе пріучить себя къ сей мысли: «я погибну, если начну дѣйствовать; пусть другіе доканчиваютъ»... «Для достиженія цѣли,—сказалъ онъ, наконецъ,—нужна сила; безъ единства же, совокупности и подчиненности нѣтъ силы, которая сверхъ того тогда только можетъ быть извѣстна, когда есть отчетность».

Никто не поддержалъ Веденяпина, и разговоръ снова обратился на предметы общіе, и снова начались восклицанія. Горбачевскій спросилъ Муравьева, по какой причинѣ Южное общество не воспользуется настоящимъ сборомъ корпуса и не начнетъ дѣйствовать?

— «Я и мои товарищи,—продолжалъ онъ,—могутъ ручаться за себя и за своихъ подчиненныхъ; вы сами сему свидѣтели; по вашимъ словамъ большая часть полковыхъ командировъ раздѣляютъ наши мысли и готовы на все, если»...

Въ это время командиръ 5-й конной роты Пыхачевъ схватилъ Горбачевскаго за руку и сказалъ съ жаромъ:

— «Нѣтъ, милостивые государи, я никому не позволю первому выстрѣлить за свободу моего отечества; эта честь должна принадлежать 5-й конной ротѣ; я начну, да, я».

С. Муравьевъ бросился Пыхачеву на шею и оставилъ Горбачевскаго безъ отвѣта. Разговоръ снова перемѣнился. Послѣдствія покажутъ, до какой степени можно было считать на сіи мгновенные порывы и взаимныя увѣренія нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ случай дѣломъ доказать прочность своихъ мнѣній и оправдать надежды общества.

5.

Мысль о раздѣленіи Славянскаго Общества на два округа и избраніи второго посредника.—Собраніе у Андреевича.—Избраніе новаго посредника Горбачевскаго.—Рѣчь Бестужева.—Сомнѣнія Борисова 2-го.—Недоразумѣнія съ членами Общества, принадлежавшими къ Черниговскому полку.—Разногласіе съ С. Муравьевымъ.—Отношенія Общества Славянъ къ вопросу о цареубійствѣ.

Выходя отъ Муравьева, Бестужевъ-Рюминъ, остановивъ Борисова 2-го и Бечаснова, спросилъ ихъ, выбрали ли они посредниковъ. И не дождавшись отвѣта, прибавилъ въ разсѣянности: «Сдѣлайте милость, не выбирайте Борисова 2-го».

— «Мы выбрали Спиридова,—сказалъ хладнокровно сей послѣдній,—вы вѣроятно уже объ этомъ знаете».

— «А я именно хотѣлъ сказать, чтобъ его не выбирали,—подхватилъ Бестужевъ-Рюминъ съ замѣшательствомъ и началъ извиняться въ своей ошибкѣ.

Борисовъ 2-й улыбнулся вмѣсто отвѣта.

— «Нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить избранія»—продолжалъ Бестужевъ-Рюминъ [1]).

«Я убѣжденъ въ невозможности,—отвѣчалъ Борисовъ 2-й,—избраніе происходило въ присутствіи избраннаго; почти всѣ голоса были въ его пользу. Устранить его значитъ нанести оскорбленіе не только ему, но всѣмъ избирателямъ; впрочемъ, если вы имѣете на сіе достаточную причину, объясните ее и при будущемъ совѣщаніи предложите новый выборъ».

— «Я не имѣю никакой причины,—прервалъ Бестужевъ съ досадою,—но мнѣ бы хотѣлось»...

Бечасновъ вывелъ его изъ сего затруднительнаго положенія, предложивъ раздѣлить Славянское Общество на два округа, такимъ образомъ, что артиллерія будетъ составлять одну управу, а пѣхота—другую, изъ коихъ каждая будетъ имѣть своего посредника.

Эта мысль чрезвычайно понравилась Бестужеву; онъ и Муравьевъ просили Славянъ собраться на другой же день и осуществитъ оную. Апполонъ Веденяпинъ предложилъ съѣхаться на его квартиру, которая находилась въ уединенномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, на что и согласились. За нѣсколько часовъ до назначеннаго времени, Бестужевъ просилъ Славянъ перемѣнить избранное ими мѣсто для совѣщаній и собраться опять

---

[1]) Причина сей недовѣрчивости къ Спиридову Бестужева никому неизвѣстна.

у Андреевича. Сію перемѣну онъ основывалъ на какомъ-то особенномъ затрудненіи; послѣ нѣкоторыхъ возраженій онъ получилъ, наконецъ, согласіе и взялся увѣдомить о послѣдовавшей перемѣнѣ офицеровъ Черниговскаго полка.

Славяне собрались у Андреевича гораздо позже назначеннаго времени. Принятые въ общество члены поручикъ Шультенъ, Тихоновъ (9-й артил. бригады) и старшій адъютантъ 9-й дивизіи Шахиревъ пріѣхали съ Пестовымъ. Вслѣдъ за ними явился Бестужевъ-Рюминъ и пригласилъ собраніе, не дожидаясь отсутствующихъ членовъ, заняться немедленно дѣлами [1]).

Спиридовъ тотчасъ представилъ составленныя имъ правила. Они заключались въ томъ, что каждый членъ подвергался отвѣтственности за свое бездѣйствіе и долженъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, кому слѣдуетъ, подвергаясь за нескромность, неосторожность и упущенія по дѣламъ общества удаленію отъ совѣщаній и проч. За значительную же вину наказывался немедленно смертію.

Во время чтенія сего проекта сильное большинство оказалось противъ сихъ правилъ, во главѣ коего былъ Бестужевъ-Рюминъ. Но Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Апполонъ Веденяпинъ и Драгомановъ думали, что сіи правила необходимы и поддерживали Спиридова. Они доказывали, что заговорщики не могутъ быть свободны въ своихъ дѣйствіяхъ; что, принимая на себя священныя, необходимыя, вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасныя обязанности, они болѣе, нежели кто-либо, должны сами подчинять обществу личную свою свободу и соблюдать съ точностію правила и постановленія, служащія

---

[1]) Отсутствующіе члены были офицеры Черниговскаго полка и Черноглазовъ.

къ достиженію цѣли, къ сохраненію союза и къ безопасности членовъ онаго: безнаказанное нарушеніе какихъ бы то ни было обязательствъ неминуемо разрушаетъ всякое сообщество, и совѣсть каждаго не всегда можетъ быть вѣрнымъ и надежнымъ блюстителемъ принятыхъ обязательствъ.

Бестужевъ-Рюминъ съ жаромъ отвергалъ сіи доводы, говорилъ о неограниченной свободѣ, о благородствѣ цѣли, о высокости намѣреній. «Для пріобрѣтенія свободы,—вскричалъ онъ,—не нужно никакихъ сектъ, никакихъ правилъ, никакого принужденія,—нуженъ одинъ энтузіазмъ. Энтузіазмъ,—продолжалъ онъ въ изступленіи,—пигмея дѣлаетъ гигантомъ; онъ разрушаетъ все, и онъ создаетъ новое».

Ему дѣлали возраженія; онъ опять отвѣчалъ; наконецъ, стали собирать голоса, и предложеніе Спиридова было отвергнуто сильнымъ большинствомъ. Большинство сіе вполнѣ раздѣляло мнѣніе Бестужева и не хотѣло слышать ни о какихъ правилахъ.

Тотчасъ, послѣ сего, Бестужевъ предложилъ новое раздѣленіе Славянскаго Общества на двѣ управы; опять сдѣланы были возраженія, но большинство снова взяло верхъ, причемъ онъ прибавилъ, что члены 9-й артил. бригады будутъ относиться къ Пестову, который, находясь при корпусной квартирѣ, имѣетъ возможность вести съ Южнымъ обществомъ постоянныя сношенія, а члены 9-й дивизіи непосредственно поступятъ въ вѣдѣніе Муравьева. Это предложеніе было одобрено; противники онаго не могли даже замедлить его принятія. Тотчасъ приступили къ новому избранію. Спиридовъ былъ снова избранъ (хотя Бестужевъ тайно противился сему) 8-ою пѣхотною дивизіею; мнѣ-

нія артиллеристовъ пали на двухъ кандидатовъ: Борисова 2-го и Горбачевскаго. Первый уклонился самъ, а послѣдній былъ выбранъ посредникомъ. Посредники сіи обязаны были сохранять порядокъ, послѣдовательность и единство въ дѣйствіяхъ управы, наблюдать за поведеніемъ и поступками членовъ. Они одни имѣли право сноситься съ Верховною Думою черезъ С. Муравьева или Бестужева-Рюмина и представлять Думѣ разные проекты и мнѣнія членовъ, которые черезъ нихъ получали предписанія Думы относительно дѣйствій, возстанія и проч. Равнымъ образомъ для принятія кого-либо въ члены общества необходимо было согласіе посредника, который, впрочемъ, самъ имѣлъ право принять не только въ члены общества, но даже изъ нихъ назначать въ заговорщики [1]).

Объяснивъ права и обязанности посредниковъ, безусловное и слѣпое повиновеніе членовъ предписаніямъ Верховной Думы, Бестужевъ-Рюминъ читалъ рѣчь. Въ сей рѣчи онъ доказывалъ пользу соединенія двухъ обществъ, сильно говорилъ о необходимости переворота въ Россіи и краснорѣчиво убѣждалъ въ несомнѣнномъ успѣхѣ онаго. По окончаніи чтенія онъ объявилъ собранію о полученныхъ имъ отъ Борисова 2-го бумагахъ, которыя онъ взялся доставить Верховной Думѣ, восхищался намѣреніемъ и цѣлью Славянскаго Общества, но постепенное стремленіе и отдаленность цѣли ему не нравились. Сдѣлать народъ участникомъ переворота казалось ему весьма опаснымъ.

«Наша революція,—сказалъ онъ,—будетъ подобна революціи испанской (1823 г.); она не будетъ стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною арміею,

[1]) Это различіе объяснится впослѣдствіи.

безъ участія народа; Москва и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возстанія войскъ. Наша конституція утвердитъ навсегда свободу и благоденствіе народа. Будущаго 1826 года въ августѣ мѣсяцѣ императоръ будетъ смотрѣть 3-й корпусъ, и въ это время рѣшится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиранъ падетъ подъ нашими ударами; мы поднимемъ знамя свободы и пойдемъ въ Москву, провозглашая конституцію».

— «Но какія мѣры приняты Верховною Думою для введенія предположенной конституціи,—спросилъ его Борисовъ 2-й,—кто и какимъ образомъ будетъ управлять Россіей до совершеннаго образованія новаго конституціоннаго правленія? Вы еще ничего не сказали объ этомъ».

— «До тѣхъ поръ, пока конституція не приметъ надлежащей силы,—отвѣчалъ Бестужевъ,—временное правленіе будетъ заниматься внѣшними и внутренними дѣлами государства, а это можетъ продолжаться десять лѣтъ».

— «По вашимъ словамъ,—возразилъ Борисовъ 2-й,—для избѣжанія кровопролитія и удержанія порядка, народъ будетъ вовсе устраненъ отъ участія въ переворотѣ; революція будетъ совершенно военная, одни военные люди произведутъ и утвердятъ ее. Кто же назначитъ членовъ временнаго правленія? Ужели одни военные люди примутъ въ этомъ участіе? По какому праву, съ чьего согласія и одобренія будетъ оно управлять 10 лѣтъ цѣлою Россіею? Что составитъ его силу, и какія огражденія представите въ томъ, что одинъ изъ членовъ вашего правленія, избранный воинствомъ и поддерживаемый штыками, не похититъ самовластія?»

Вопросы Борисова 2-го произвели страшное дѣйствіе на Бестужева-Рюмина; негодованіе изобразилось во всѣхъ чертахъ его лица.

— «Какъ можете вы меня объ этомъ спрашивать!— вскричалъ онъ съ сверкающими глазами.—«Мы, которые убьемъ нѣкоторымъ образомъ законнаго государя, потерпимъ ли власть похитителей! Никогда! Никогда!»

— «Это правда,—сказалъ Борисовъ 2-й съ притворнымъ хладнокровіемъ и съ улыбкою сомнѣнія;—но Юлій Цезарь былъ убитъ среди Рима, пораженнаго его величіемъ и славою, а надъ убійцами, надъ пламенными патріотами восторжествовалъ малодушный Октавій, юноша 18-ти лѣтъ».

Борисовъ хотѣлъ продолжать, но былъ прерванъ другими вопросами, сдѣланными Бестужеву, о предметахъ вовсе незначительныхъ. Бестужевъ-Рюминъ симъ воспользовался и не отвѣчалъ ничего Борисову 2-му; потомъ, поспѣшая домой, просилъ избранныхъ посредниковъ назначить день послѣдняго собранія для утвержденія клятвою соединенія двухъ обществъ и готовности умереть за Россію.

Собраніе было закрыто. Всѣ обратили вниманіе на поспѣшный отъѣздъ Бестужева; вслѣдъ за нимъ уѣхали нѣкоторые изъ членовъ Славянскаго Общества, какъ вдругъ вошелъ Черниговскаго полка поручикъ Щепила и, видя, что собраніе уже кончилось, съ гнѣвомъ сказалъ: «Я и мои товарищи, по сдѣланному прежде условію, пріѣхали къ Веденяпину; не заставъ его дома и не зная ничего о перемѣнѣ мѣста, мы долго дожидали пріѣзда другихъ членовъ; наконецъ, рѣшились ѣхать назадъ съ намѣреніемъ найти кого-нибудь изъ сочленовъ и узнать, гдѣ производить совѣщаніе. Неда-

леко отъ лагеря мы встрѣтили Мозгана, который сказалъ намъ, что мѣсто собранія перемѣнено, по какой причинѣ—сего никто не знаетъ, и что оно уже кончилось. Сія новость весьма огорчила моихъ товарищей; они подозрѣваютъ, что Бестужевъ-Рюминъ и даже нѣкоторые Славяне хотятъ удалить насъ отъ общества, какъ-будто опасныхъ или безпокойныхъ людей. Напрасно я старался уговорить ихъ ѣхать сюда для объясненій: они меня не послушали и говорили только о нанесенномъ имъ оскорбленіи и о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ Муравьева й Бестужева-Рюмина».

Слова Щепилы произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ; они видѣли обманъ со стороны Бестужева, и многіе приняли сторону Черниговскихъ офицеровъ. Борисовъ 2-й просилъ Щепилу употребить всѣ силы для прекращенія возбужденнаго негодованія и предупрежденія ссоры, которая въ самомъ началѣ можетъ разрушить всѣ предпріятія. Для лучшаго успѣха онъ съ нимъ поѣхалъ къ Соловьеву, но не заставъ его дома, онъ долженъ былъ отложить сіи переговоры до другого дня. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что во многихъ случаяхъ не можемъ одобрить поведенія Бестужева и Муравьева. Желаніе удалить отъ совѣщаній Черниговскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ (причину сего мы увидимъ послѣ) разрушило прежнюю связь и довѣренность, которыми всегда хвалилось Славянское Общество.

Рѣчь Бестужева, его пустые и ничего незначущіе отвѣты на вопросы Борисова 2-го, его замѣшательство, неприбытіе Черниговскихъ офицеровъ на совѣщаніе и его скорый выѣздъ изъ собранія многимъ весьма не понравились и навели на него подозрѣнія. Шультенъ,

Тихоновъ и Черноглазовъ послѣ сего отказались присутствовать на совѣщаніяхъ и не хотѣли принимать участія въ дѣлахъ общества. На другой день Горбачевскій поѣхалъ къ Кузмину и Сухинову, объяснилъ, почему онъ не увѣдомилъ о перемѣнѣ мѣста, назначеннаго для собранія, и убѣдилъ ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, итти къ Бестужеву и Муравьеву, желая объяснить все недоразумѣніе, породившее столь непріятныя чувства. Придя къ Муравьеву, Горбачевскій спросилъ его, почему онъ удаляетъ отъ совѣщаній Черниговскихъ офицеровъ и по какому праву онъ это дѣлаетъ?

Муравьевъ отвѣтилъ хладнокровно, что все касающееся до Черниговскаго полка принадлежитъ ему исключительно, и онъ не позволитъ никому другому вмѣшиваться въ его распоряженія.

— «Но какимъ образомъ,—возразилъ Горбачевскій,—мы можемъ прекратить сношенія съ тѣми, которые уже около двухъ лѣтъ считаются нашими сочленами; мнѣ кажется, для сего нужно наше и ихъ согласіе?»

Отвѣтъ Муравьева былъ точно такой же, какъ и первый; казалось, онъ не хотѣлъ дать никакихъ объясненій и заставить ихъ изъ уваженія къ нему забыть оскорбленіе и кончить ссору. Но онъ обманулся; его настойчивость и хладнокровіе привели Кузмина въ бѣшенство.

— «Черниговскій полкъ,—вскричалъ онъ внѣ себя отъ ярости,—не вашъ и не вамъ принадлежитъ; я завтра взбунтую не только полкъ, но и цѣлую дивизію; не думайте же, г-нъ подполковникъ, что я и мои товарищи пришли просить у васъ позволенія быть патріотами», повернулся и вышелъ вонъ.

Бестужевъ-Рюминъ подошелъ къ Сухинову и старался оправдать себя и Муравьева, однакожъ его оправданія не произвели никакого дѣйствія. Сухиновъ, не слушая ихъ, сказалъ ему въ сильномъ гнѣвѣ:

— «Если онъ когда-нибудь вздумаетъ располагать мною и моими товарищами, удалять насъ отъ тѣхъ, съ которыми мы быть хотимъ въ связи, и сближать съ тѣми, которыхъ мы не хотимъ знать, то клянусь всѣмъ для меня священнымъ, что я тебя изрублю въ мелкіе куски; знай навсегда, что мы найдемъ дорогу въ Москву и Петербургъ; намъ не нужны такіе путеводители какъ ты и»... (тутъ онъ взглянулъ на С. Муравьева).

Муравьевъ, видя, что сіи объясненія могутъ имѣть весьма вредныя слѣдствія, перемѣнилъ тонъ и началъ хвалить чувствованія Кузмина и Сухинова, превознося силъ ихъ любовь къ отечеству и сказалъ, наконецъ: «Я не имѣлъ никогда намѣренія что-либо скрывать отъ такихъ достойныхъ людей; но хотѣлъ только имѣть честь сноситься съ вами прямо, какъ съ товарищами одного полка», и тому подобное.

За симъ послѣдовало примиреніе. Разговоры Щепилы и Борисова успокоили совершенно Черниговскихъ офицеровъ и другихъ членовъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Здѣсь должны замѣтить, что до 4-го совѣщанія ни Бестужевъ-Рюминъ, ни С. Муравьевъ ничего не говорили о покушеніи на жизнь императора Александра, хотя при первомъ свиданіи съ Борисовымъ и Горбачевскимъ С. Муравьевъ старался проникнуть мысли Славянъ за сей счетъ и узнать, думаютъ ли они, что государь согласится дать конституцію и что, давши оную, соблюдетъ ее съ точностію? Борисовъ 2-й, при всей своей осторожности

и недовѣрчивости своего характера, говорилъ всегда о переворотѣ чистосердечно и свободно; но какъ цѣль Славянскаго союза была чрезвычайно отдалена, то никто изъ членовъ сего общества не дѣлалъ себѣ вопроса, что будетъ съ царствующимъ императоромъ и его домомъ? Каждый считалъ безполезнымъ заниматься рѣшеніемъ онаго. Славянское Общество желало радикальной перемѣны, намѣревалось уничтожить политическіе и нравственные предразсудки; однакожъ, всѣмъ своимъ дѣйствіямъ хотѣло дать видъ естественной справедливости и потому, гнушаясь насильственныхъ мѣръ, какого бы рода онѣ ни были, почитало всегда самымъ лучшимъ средствомъ законность. Посему Борисовъ 2-й и нѣкоторые изъ его товарищей осуждали..... и всѣ вообще дворцовыя революціи, не одобряли судъ Карла I-го, Людовика XVI-го, изгнаніе Іакова II-го и заточеніе Фердинанда VII-го.

С. Муравьевъ, желая, вѣроятно, приготовить Славянъ къ мысли Южнаго общества, т.-е. къ истребленію всей царской фамиліи, сказалъ однажды Борисову 2-му и Горбачевскому, что невозможно полагаться на слова государя, и въ доказательство привелъ поступокъ испанскаго короля съ конституціонистами. Борисовъ 2-й, не зная помянутой мѣры Южнаго общества, выразилъ откровенно мысли своего общества слѣдующими словами: «Народъ долженъ дѣлать условія съ похитителями власти не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ, купить свободу кровію и кровію утвердить ее; безразсудно требовать, чтобы человѣкъ, родившійся на престолѣ и вкусившій сладость властолюбія съ самой колыбели, добровольно отказался отъ того, что онъ привыкъ почитать своимъ правомъ; хотя нѣ-

которые и приводятъ въ примѣръ Траяна, который хотѣлъ въ римской имперіи ввести демократическое правленіе, но Траянъ можетъ быть исключеніемъ очень рѣдкимъ, какъ въ физической, такъ и въ нравственной природѣ человѣка, и не можетъ служить правиломъ и руководствомъ».

Вѣроятно, Муравьевъ и Бестужевъ слова Борисова приняли въ пользу мѣръ Южнаго общества и думали, что истребленіе царствующаго дома не будетъ новостію для Славянъ; однакожъ, во всѣхъ своихъ разговорахъ они никогда не упоминали о сей мѣрѣ, и на 4-мъ только совѣщаніи, какъ мы видѣли, Бестужевъ, увлеченный энтузіазмомъ, въ первый разъ въ присутствіи Славянъ вскрикнулъ: «Тогда тиранъ падетъ подъ нашими ударами». Впрочемъ и сіе восклицаніе можно было принять въ переносномъ смыслѣ, если бы на томъ же совѣщаніи онъ не сказалъ Борисову 2-му: «Мы, которые убьемъ законнаго государя». Это одно объясняетъ, почему многіе изъ Славянъ показывали въ слѣдственной комиссіи, что злоумышленіе на царствующій домъ было извѣстно всѣмъ Славянамъ, и что объ этомъ было говорено неоднократно, между тѣмъ Борисовъ 2-й, Горбачевскій и еще нѣкоторые всѣми силами отрицали сіи показанія, и на ихъ сторонѣ была справедливость.

Безъ сомнѣнія, тѣ даже, которые говорили утвердительно о истребленіи, никогда не думали о семъ; разсуждая о близкомъ переворотѣ, зная, что форма правленія должна быть республиканская, они полагали, что императоръ и его домъ не могутъ остаться въ Россіи и, можетъ быть, послѣ словъ Бестужева-Рюмина: «убьемъ законнаго государя», истребленіе всей цар-

ской фамиліи показалось имъ самымъ надежнымъ и скорымъ рѣшеніемъ сего труднаго вопроса.

Если бы планъ сего сочиненія не заставлялъ насъ заняться главнѣйшими происшествіями и избѣгать разсужденій, то мы могли бы подтвердить нашу мысль многими другими разговорами Славянъ и тѣмъ доказать, что помянутое истребленіе никогда не было предметомъ общихъ разсужденій на совѣщаніяхъ.

6.

Собраніе Славянъ 13 сентября.—Произнесеніе клятвъ.—Собраніе у С. Муравьева—Спиридова, Пестова, Горбачевскаго, Бестужева.—Разговоръ о средствахъ приготовленія солдатъ.—Религія, какъ орудіе политической пропаганды.

13 сентября, въ день, назначенный для послѣдняго совѣщанія, всѣ члены Славянскаго Общества поспѣшили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собраніе было многочисленное и представляло любопытное зрѣлище для наблюдателя. Люди различныхъ характеровъ, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о томъ, какъ бы слиться въ одно желаніе и составить одно цѣлое: всѣ ихъ мысли были заняты предпріятіемъ освобожденія отечества; всѣ ихъ надежды затмѣвались надеждою блистательныхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ. Радость, самоотверженіе блистали на ихъ лицахъ; посреди всеобщаго упоенія, проницательный взоръ наблюдателя могъ бы замѣтить, что не всѣ Славяне чистосердечно радовались соединенію ихъ общества съ Южнымъ, подобно какъ просвѣщенный путешественникъ, присутствующій при шум-

номъ и радостномъ торжествѣ дикихъ, погребающихъ одного изъ своихъ собратій, читаетъ въ глазахъ отца и супруги скорбное чувство разлуки и видитъ незамѣчаемую никѣмъ слезу, посвященную памяти умершаго. Пріѣздъ Бестужева-Рюмина довершилъ упоеніе. Онъ говорилъ снова объ успѣхахъ, о счастіи пожертвовать собою для блага своихъ согражданъ, и послѣ сего каждый хотѣлъ произнести немедленно требуемую клятву; всѣ съ жаромъ клялись при первомъ знакѣ явиться въ назначенное мѣсто, съ оружіемъ въ рукахъ, употребить всѣ способы для увлеченія своихъ подчиненныхъ, дѣйствовать съ преданностію и съ самозабвеніемъ. Бестужевъ-Рюминъ, снявъ образъ, висѣвшій на его груди, поцѣловалъ оный пламенно, призывая на помощь Провидѣніе; съ величайшимъ чувствомъ произнесъ клятву умереть за свободу и передалъ оный Славянамъ, близъ него стоявшимъ. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вмѣстѣ странной сцены. Воспламененное воображеніе, потокъ бурныхъ и неукротимыхъ страстей производили безпрестанныя восклицанія. Чистосердечныя, торжественныя, страшныя клятвы смѣшивались съ криками: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ народъ! Да погибнетъ различіе сословій! Да погибнетъ дворянство вмѣстѣ съ царскимъ саномъ!»... Образъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Славяне съ жаромъ цѣловали его, обнимали другъ друга съ горящими на глазахъ слезами, радовались, какъ дѣти,—однимъ словомъ, это собраніе походило на сборище людей изступленныхъ, которые почитали смерть верховнымъ благомъ, искали и тре-

бовали оной [1]). Бестужевъ-Рюминъ, пораженный и тронутый сими чувствами, симъ бурнымъ порывомъ энтузіазма, или желая, можетъ-быть, надеждою лучшей будущности еще болѣе воспламенить страсти Славянъ, сказалъ со слезами на глазахъ: «Вы напрасно думаете, что славная смерть есть единственная цѣль вашей жизни; отечество всегда признательно: оно щедро награждаетъ вѣрныхъ своихъ сыновъ. Наградою вашего самоотверженія будетъ не смерть, а почести и достоинства; вы еще молоды, и васъ ожидаетъ не мученическій вѣнецъ, но вѣнецъ славы и счастія». Сіи слова, подобно магическому жезлу Эндоры, въ одно мгновеніе перемѣнили сцену: шумныя восклицанія умолкли, негодованіе заступило мѣсто упоенія. «Говоря о наградахъ,—воскликнули многіе,—вы обижаете насъ!»—«Не для наградъ, не для пріобрѣтенія почестей хотимъ освободить Россію»,—говорили другіе. «Сражаться до послѣдней капли крови: вотъ наша награда!» закричали съ неистовствомъ нѣкоторые. Бестужевъ-Рюминъ смѣшался, видя, что неумѣстно выразился насчетъ наградъ; но сіе справедливое негодованіе прошло послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Бестужевымъ: они успокоили Славянъ, которые снова предались изліянію своихъ чувствъ.

15 сентября С. Муравьевъ попросилъ къ себѣ Спиридова, Горбачевскаго и Пестова, которые пріѣхали къ нему въ назначенный часъ. Бестужевъ-Рюминъ началъ разговоръ похвалами Славянскому Обществу, разска-

---

[1]) Когда Бестужева вели на казнь, онъ сей самый образъ, надъ которымъ клялись Славяне, подарилъ своему сторожу, который былъ при немъ въ казематѣ. Сторожъ продалъ оный образъ Лунину, у котораго оный и теперь хранится.

зывалъ и повторялъ нѣсколько разъ С. Муравьеву, съ какимъ восторгомъ они произносили клятву соединенія двухъ обществъ, превозносилъ ихъ преданность къ общему дѣлу, и тому подобное. Но Спиридовъ, Горбачевскій и Пестовъ все еще не знали, зачѣмъ ихъ къ себѣ звалъ С. Муравьевъ. Сначала они полагали, что онъ ихъ приглашаетъ къ себѣ по какимъ-нибудь маловажнымъ обстоятельствамъ, или для того, чтобы кончить какіе-нибудь переговоры; но вышло противное. (Мы увидимъ въ скорости, чего хотѣли С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ отъ Славянъ, на что они согласились и въ чемъ отказали С. Муравьеву.) Разговоръ сдѣлался общимъ: разсуждали о сношеніяхъ съ Верховною Думою, о дѣйствіи на нижнихъ чиновъ и пр. Спиридовъ, Пестовъ и Бестужевъ-Рюминъ перешли къ разсужденіямъ о принятіи членовъ и, по несогласію мнѣній относительно сего предмета, между ними произошелъ довольно жаркій споръ. Сергѣй Муравьевъ съ Горбачевскимъ, удалившись въ другой конецъ комнаты, разговаривали о возстаніи, въ особенности о приготовленіи солдатъ. Горбачевскій утверждалъ, что отъ солдатъ ничего не надобно скрывать, но стараться съ надлежащею осторожностію объяснить имъ всѣ выгоды переворота и ввести ихъ постепенно, такъ сказать, во всѣ тайны общества, разумѣется не открывая имъ сего, заставить ихъ о семъ думать и дойти до того, чтобы они сражались не въ минуту энтузіазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемыя ими права. Здѣсь Горбачевскій разсказалъ С. Муравьеву предполагаемый Славянами планъ дѣйствія на нижнихъ чиновъ и говорилъ, что должно принять всѣмъ членамъ одинакій способъ дѣйствій.

Онъ былъ убѣжденъ, что откровенность и чистосердечіе подѣйствуютъ на русскаго солдата болѣе, нежели всѣ хитрости махіавелизма. Муравьевъ думалъ иначе: ему казалось не только безполезнымъ, но даже опаснымъ открывать солдатамъ что-либо клонящееся къ цѣли общества; что они отнюдь не въ состояніи понять выгодъ переворота; что республиканское правленіе, равенство сословій и избраніе чиновниковъ будутъ для нихъ загадкою сфинкса. Горбачевскій возражалъ, что сихъ политическихъ тонкостей не нужно имъ толковать и разсказывать, но что на это есть другой языкъ, который они поймутъ, лишь бы только соображались съ ихъ понятіями. «Кромѣ того,—прибавилъ онъ,—у всякаго командира есть столько способовъ, что если солдаты, во время возстанія, за нимъ не пойдутъ, то, конечно, командиръ самъ виноватъ, и сіе должно приписать не чему другому, какъ его нехотѣнію, или просто нерадѣнію». С. Муравьевъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, лучшій способъ дѣйствовать на русскихъ солдатъ религіею; что въ нихъ должно возбудить фанатизмъ, и что чтеніе Библіи можетъ внушить имъ ненависть къ правительству.

— «Нѣкоторыя главы,—продолжалъ онъ,—содержатъ прямыя запрещенія отъ Бога избирать царей и повиноваться имъ. Если русскій солдатъ узнаетъ сіе повелѣніе Божіе, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружіе противъ своего государя».

— «Я съ вами несогласенъ,—отвѣчалъ Горбачевскій,—вы знаете, что терпимость составляетъ отличительную черту русскаго народа; вамъ не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могутъ имѣть вліянія на русскихъ и что они пользуются весьма не-

выгоднымъ для нихъ мнѣніемъ между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли съ русскимъ говорить языкомъ духовныхъ особъ, на которыхъ онъ смотритъ съ весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно болѣе найти вольнодумцевъ, нежели фанатиковъ, и легко можетъ случиться, что здравый смыслъ заставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказать, что запрещеніе израильтянамъ избирать царя было не Божіе повелѣніе, а обманъ и ксзни священниковъ-левитовъ, желавшихъ поддержать теократію».

— «Вы дѣлаете много чести нашимъ солдатамъ,— возразилъ С. Муравьевъ,—простой народъ добръ, онъ никогда не разсуждаетъ, и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли». Говоря сіе, онъ вынулъ изъ ящика исписанный листъ бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказалъ: «Повѣрьте мнѣ, что религія всегда будетъ сильнымъ двигателемъ человѣческаго сердца; она укажетъ путь къ добродѣтели, поведетъ къ великимъ подвигамъ русскаго, по вашимъ словамъ равнодушнаго къ религіи, и доставитъ ему мученическій вѣнецъ».

Горбачевскій молча взялъ бумагу изъ рукъ Муравьева, пробѣжалъ ее глазами и увидѣлъ, что это переводъ той главы изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ описывается избраніе израильтянами царя Саула.

— «Это все очень хорошо,—сказалъ онъ, отдавая назадъ Муравьеву помянутый листъ,—но я увѣренъ, что никто изъ Славянъ не согласится такимъ образомъ дѣйствовать; что же касается до меня, то я первый отвергаю сей способъ и не прикоснусь до сего листа».

Въ это время подошелъ къ нимъ Спиридовъ.

С. Муравьевъ, отдавая ему сей листъ, повторилъ сіе мнѣніе. Услышавъ оное, Спиридовъ началъ поддерживать мнѣніе Горбачевскаго, говоря, что сей способъ совершенно не соображенъ съ духомъ русскаго народа, что онъ не принесетъ никакой пользы, и что кто проникнутъ чувствомъ религіи, тотъ не станетъ употреблять столь священный предметъ орудіемъ для достиженія какой-либо посторонней цѣли. Муравьевъ силился доказать Горбачевскому, что сіе средство дѣйствовать на солдатъ есть самое надежное; Горбачевскій же, напротивъ, утверждалъ, что оно относительно русскаго солдата есть совершенно безполезное, и что ежели ему начнутъ доказывать Ветхимъ Завѣтомъ, что не надобно царя, то съ другой стороны, ему съ малолѣтства твердятъ и будутъ доказывать Новымъ Завѣтомъ, что итти противъ царя значитъ итти противъ Бога и религіи, наконецъ, что никто не захочетъ входить въ теологическіе споры съ солдатами, которые совсѣмъ не въ томъ положеніи, чтобы ихъ понимать, и не тѣ отношенія между ними и офицерами. Муравьевъ замолчалъ, положилъ бумагу въ ящикъ и обратилъ разговоръ на другой предметъ. Мы не будемъ здѣсь разсуждать, почему Муравьевъ полагалъ, что Священнымъ Писаніемъ можно привлечь къ дѣлу солдатъ и показать имъ, какимъ образомъ должны управляться народы; не будемъ также доказывать, ложно ли или справедливо было сіе его мнѣніе, но только скажемъ, что ни Горбачевскій, ни Спиридовъ не только не приняли предложенія С. Муравьева, но даже впослѣдствіи оставили его безъ всякаго вниманія и не сообщали его своимъ товарищамъ, ибо напередъ знали, что они будутъ противнаго мнѣнія.

Во время разговора Горбачевскаго съ Муравьевымъ, Спиридовъ, Пестовъ и Бестужевъ-Рюминъ спорили между собою. Бестужевъ вскричалъ: «Членовъ много, но скажите, возьмется ли кто-нибудь изъ нихъ нанести ударъ императору?» Пестовъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: «Я не понимаю вашего вопроса; мнѣ кажется, что каждый, поклявшійся умереть за отечество, долженъ быть на все готовъ; онъ долженъ исполнить все, служащее ко благу отечества, лишь только оно будетъ признано необходимымъ».

При сихъ словахъ, на лицѣ Бестужева изобразилась радость; онъ вмѣсто всякаго отвѣта вынулъ изъ кармана списокъ членовъ Славянскаго Общества, подбѣжалъ къ столу и, обращаясь къ Пестову, Спиридову и Горбачевскому, сказалъ: «Коль скоро такъ, то прошу на семъ спискѣ отмѣтить имена Славянъ, которые, по вашему мнѣнію, готовы пожертвовать всѣмъ и однимъ ударомъ освободить Россію отъ тирана».

Очень хладнокровно и нимало не противорѣча, всѣ три подошли къ столу. Пестовъ назначилъ самого себя; Спиридовъ, кромѣ себя, еще Тютчева, Громницкаго и Лисовскаго; Горбачевскій—себя и двухъ братьевъ Борисовыхъ; Бестужевъ-Рюминъ самъ назначилъ Бечаснаго и потомъ самого себя, Кузмина, Соловьева и Сухинова. Когда Горбачевскій отмѣтилъ Борисова 2-го, Бестужевъ-Рюминъ объявилъ неудовольствіе и не хотѣлъ, чтобы онъ былъ назначенъ. Пестовъ и Горбачевскій почли сіе устраненіе оскорбительнымъ и спросили причину онаго. «Онъ слишкомъ холоденъ и неспособенъ къ энтузіазму,—отвѣчалъ Бестужевъ,—и потому я почитаю его неспособнымъ къ этому рѣшительному предпріятію».—«Вы его не знаете,—отвѣчали

они съ негодованіемъ, стараясь разрушить предубѣжденіе Бестужева, который долженъ былъ, наконецъ, согласиться помѣстить Борисова 2-го въ число заговорщиковъ—такъ онъ называлъ людей, которые назначались къ отважному предпріятію покуситься на жизнь государя. Кончивъ сіи назначенія и не входя ни въ какія предварительныя разсужденія, Бестужевъ сказалъ: «Заговорщики должны дать клятвенное обѣщаніе въ неизмѣнномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и до исполненія онаго никому изъ членовъ общества не открывать своего назначенія и даже никому не говорить о сей мѣрѣ Южнаго общества». Онъ первый поклялся исполнить сей обѣтъ и—какъ оказалось послѣ—первый его нарушилъ, написавши къ Пестелю и сказавши другимъ, что у него есть 15 человѣкъ, готовыхъ убить государя.—Славяне поклялись, и не только никто изъ ихъ сочленовъ не зналъ о сей мѣрѣ Южнаго общества, не только никто не зналъ о существованіи заговорщиковъ, но даже никто изъ нихъ не слыхалъ, что 15-го сентября, вечеромъ, у Муравьева и Бестужева были Пестовъ, Спиридовъ и Горбачевскій.

Такимъ образомъ кончилось замѣчательное и странное совѣщаніе. Описывая его подробно, со всею справедливостію и истиною, мы хотимъ показать, какимъ образомъ дѣйствовали С. Муравьевъ и Бестужевъ, чего они хотѣли, и должно ли было имъ такъ поступать съ людьми, которые, не скрывая отъ нихъ ничего, и которые, одинъ разъ рѣшившись на все, не подвергая обсужденію предложенія Бестужева, хладнокровно и безъ всякаго противорѣчія, назначали себя въ убійцы изъ одного убѣжденія, что сего требуетъ цѣль общества и успѣхъ предпріятія. Но между тѣмъ, Бе-

стужевъ и Муравьевъ не замѣтили самаго важнаго: отъ ихъ вниманія ускользнуло, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они теряютъ довѣренность, необходимую въ столь важныхъ случаяхъ, и наводятъ на себя подозрѣнія. Славяне ясно видѣли, что съ ними обходятся неоткровенно и употребляютъ извороты, вовсе не нужные, чтобы получить отъ нихъ согласіе. Однако, несмотря на сіе, имѣя всегда въ виду только достиженіе цѣли, они согласились и молчали обо всемъ, единственно для того еще, чтобы не повредить успѣху дѣла. Не менѣе того заговорщики съ сей минуты еще болѣе убѣдились въ невыгодныхъ мнѣніяхъ на счетъ откровенности Муравьева и Бестужева и вообще на счетъ дѣлъ ихъ общества.

Муравьевъ и Бестужевъ, прощаясь съ Пестовымъ и Горбачевскимъ, просили ихъ сообщить о всемъ происходившемъ на семъ совѣщаніи Борисову 2-му и желали, чтобъ онъ непремѣнно до выхода изъ лагеря съ ними повидался. Борисовъ 2-й на другой день рано утромъ былъ у Муравьева и Бестужева (они вмѣстѣ жили), которые, сообщивъ ему помянутую мѣру Южнаго Общества, объявили ему, что онъ поступилъ въ заговорщики, и взяли съ него клятвенное обѣщаніе.

Въ тотъ же день, т.-е. 16 сентября, всѣ полки и артиллерійскія роты, бывшія въ лагерѣ, выступили на кантониръ-квартиры.

7.

Различіе Общества Южнаго и Соединенныхъ Славянъ.

Краткое описаніе сихъ происшествій Лещинскаго лагеря доказываетъ, сколь сильное вліяніе имѣло соединеніе двухъ обществъ на направленіе дѣйствій и

будущую судьбу оныхъ. Постараемся теперь означить, сколько возможно, отличительныя черты каждаго изъ этихъ обществъ: сіе сближеніе яснѣе покажетъ составныя части и характеръ оныхъ.

Члены Южнаго общества дѣйствовали, большею частію, въ кругу высшаго сословія людей; богатство, связи, чины и значительныя должности считались какъ бы необходимымъ условіемъ для вступленія въ общество; они думали произвести переворотъ одною военною силою, безъ участія народа, не открывая даже предварительно тайны своихъ намѣреній ни офицерамъ. ни нижнимъ чинамъ, изъ коихъ первыхъ надѣялись увлечь энтузіазмомъ и обѣщаніями, а послѣднихъ—или тѣми же средствами, или деньгами и угрозами [1]). Сверхъ того, такъ какъ члены Южнаго обще-

[1]) Въ справедливости сего мы могли бы привести множество примѣровъ, но скажемъ главные, которые служатъ доказательствомъ нашего мнѣнія.

Изъ происшествій Лещинскаго лагеря легко можно видѣть, что С. Муравьевъ и Бестужевъ съ трудомъ согласились, чтобы Славяне дѣйствовали на солдатъ, и когда дали оное согласіе, то не иначе какъ съ ограниченіемъ, какъ-то: дѣйствовать медленно, косвенно. Мы смѣло утверждаемъ, чему свидѣтели всѣ бывшіе въ Лещинѣ, что полковые командиры всегда говорили, въ томъ числѣ и С. Муравьевъ, что они безъ всякаго предварительнаго приготовленія увлекутъ за собою солдатъ и офицеровъ. Сему служатъ опроверженіемъ самые рѣзкіе примѣры.

Ни одинъ полковой командиръ 9-й дивизіи, 8-й гусарской и командиръ артиллерійской роты, никто изъ нихъ никогда изъ своего полка не принялъ ни одного офицера въ общество. (Хотя въ полкахъ сихъ дивизій находилось много членовъ общества изъ субалтернъ-офицеровъ, но всѣ они были приняты или Славянами, или Бестужевымъ-Рюминымъ). Муравьевъ не только не принималъ въ члены офицеровъ Черниговскаго полка, но даже не зналъ, что съ нимъ служатъ офицеры, которые уже два года принадлежатъ къ другому тайному обществу. Мнѣніе, что можно увлечь съ собою офицеровъ и солдатъ, было единствен-

ства были, большею частію, люди зрѣлаго возраста, занимавшіе довольно значущія мѣста, имѣвшіе нѣкоторый вѣсъ по гражданскимъ отношеніямъ, то для

ною причиною, которая заставляла С. Муравьева противиться, чтобы Черниговскаго полка офицеры не принимали никакого участія въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ Лещинѣ, и сія же самая причина была удивленію Бестужева, при первомъ совѣщаніи (прим. 1, стр. 11), когда онъ увидѣлъ тамъ 9-й дивизіи поручикъ Усовскаго. Черниговскаго полка офицеры прямо дѣйствовали на солдатъ, но о семъ никогда не зналъ С. Муравьевъ; никогда сіи офицеры не говорили ему о семъ, ибо знали напередъ, что онъ будетъ сему противиться.

Вятскаго полка командиръ Пестель никогда не заботился объ офицерахъ и угнеталъ самыми ужасными способами солдатъ, думая симъ возбудить въ нихъ ненависть къ правительству. Вышло совершенно противное. Солдаты были очень рады, когда его избавились, и послѣ его ареста они показали на него жалобы. Непонятно, какъ онъ могъ себѣ вообразить, что солдаты сіе угнетеніе вовсе не отнесутъ къ правительству, но къ нему самому: они видѣли, что въ другихъ полкахъ солдатамъ лучше, нежели имъ; слѣдовательно, понимали и даже говорили, что сіе угнетеніе не отъ правительства, а отъ полкового командира. Полковникъ Тизенгаузенъ всегда говорилъ, что для него довольно будетъ, если онъ, выстроивши полкъ, выкативши нѣсколько бочекъ вина, выдавши нѣсколько денегъ, вызвавши пѣсенниковъ впередъ, крикнетъ: «ребята за мной!»—чтобы полкъ двинулся и дѣйствовалъ въ смыслѣ его.—Бригадный командиръ 3-й конной бригады, подполковникъ Фроловъ, и ротный командиръ 5-й конной роты, капитанъ Пыхачевъ, говорили то же самое, что и полковникъ Тизенгаузенъ, прибавляя еще къ ихъ словамъ, что онъ прикажетъ дать нѣсколько кусковъ сала въ кашицу, и русскіе солдаты пойдутъ за нимъ. Бывшій командиръ 27-й конно-артиллерійской роты, подполковникъ Ентальцовъ, однажды спросилъ у Горбачевскаго:

— «Зачѣмъ въ 8-й артиллерійской бригадѣ объявили солдатамъ и фейерверкерамъ о замышляемомъ переворотѣ?»

— «Затѣмъ,—отвѣчалъ ему Горбачевскій,—чтобы имъ знать, за что они будутъ сражаться и-поэтому быть совершенно убѣждену въ ихъ содѣйствіи и усердіи и быть увѣрену всякую минуту въ готовности ихъ къ возстанію».

— «Этого никогда не должно дѣлать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погналъ бы палкою», возразилъ Ентальцовъ.

нихъ было тягостно самое равенство ихъ свободнаго соединенія; привычка повелѣвать невольно брала верхъ и мѣшала повиноваться равному себѣ, и тѣмъ болѣе препятствовала имѣть довѣренность въ сношеніяхъ по обществу съ лицами, стоящими ниже ихъ въ гражданской іерархіи.—Славяне, напротивъ, въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали отъ своего сочлена, ни мало не взирая на свѣтскія его отношенія, старанія стремиться къ собственному усовершенствованію, презрѣнія къ предразсудкамъ и твердаго и обдуманнаго желанія полнаго во всемъ преобразованія. Они были проникнуты обширностью своего плана и для приведенія его въ исполненіе считали необходимымъ содѣйствіе всѣхъ сословій; въ народѣ искали они помощи, безъ которой всякое измѣненіе непрочно; собственнымъ же своимъ положеніемъ убѣждались, что частная воля, частное желаніе—ничтожны безъ сего всемощнаго двигателя въ политическомъ мірѣ. Славяне, всѣ безъ исключенія, люди молодые, пылкіе, довѣрчивые и рѣшительные, не могли ограничиваться одними желаніями: дѣятельность сдѣлалась потребностію ихъ души, жаждущей овладѣть желаемымъ. Равенство и даже подчиненность въ стремленіи къ общему дѣлу не могли устрашить тѣхъ, которые еще не вкусили яда власти. Однако, несмотря на разномысліе въ средствахъ и образѣ дѣйствій, сіи люди соединились и поклялись, жертвуя всѣмъ, достигнуть цѣли. Сближеніе сіе, конечно, измѣнило нѣсколько характеръ Васильковской Управы, но не могло вполнѣ пробудить ее отъ бездѣйствія. Славяне же, укрѣпленные новыми силами, начали еще съ боль-

шимъ рвеніемъ дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ. Плодомъ ихъ дѣйствія было возстаніе Черниговскаго полка, которое составляетъ главный предметъ нашего разсказа. Сила обстоятельствъ заставила, можетъ быть, начать его ранѣе нежели слѣдовало, и надолго удалила Россію отъ того благоденствія, которое ей обѣщало сіе благородное усиліе людей истинно-благомыслящихъ. Приступимъ къ описанію сего незабвеннаго происшествія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изложимъ предварительно всѣ содѣйствовавшія оному обстоятельства.

II.

Возстаніе Черниговскаго полка.

1

Агитація среди солдатъ.—Извѣстіе о смерти Александра I.—Событіе въ Черниговскомъ полку.—Присяга Константину, совершенная одновременно съ экзекуціей.—Вѣсть о 14 декабря.—Балъ въ Васильковѣ у Гебеля и полученіе приказа объ арестѣ.—Бестужевъ спѣшитъ въ Житомиръ предупредить С. Муравьева.—Появленіе въ Васильковѣ Андреевича 2.

Немедленно, по возвращеніи изъ Лещинскаго лагеря на зимнія квартиры, Славяне, горѣвшіе нетерпѣніемъ достигнуть желаемой цѣли, начали распространять свои мысли между нижними чинами. Въ 9-й дивизіи офицеры Черниговскаго полка еще во время лагеря дѣйствовали на солдатъ; прибывъ на квартиры, они усилили свои дѣйствія и неослабимо, съ величайшею ревностію, приготовляли своихъ подчиненныхъ—будущихъ сподвижниковъ великаго дѣла. Въ полкахъ 6-й дивизіи, члены общества также не оставались праздными и всѣми способами стремились къ избранной цѣли; но можно положительно сказать, что никто изъ нихъ не дѣйствовалъ сильнѣе и рѣшительнѣе артиллеристовъ 8 бригады. Они употребляли всѣ возможныя усилія къ приготовленію своихъ подчиненныхъ, старались какъ бы слиться съ ними, породнить ихъ съ своими мыслями и желаніями; они даже открыли имъ всѣ свои намѣренія, и когда повѣряли имъ свои надежды, въ семъ случаѣ Славяне Черниговскаго полка и 8-й бригады переступили, можетъ

быть, границы благоразумія; но къ ихъ счастію и къ чести русскихъ, между нижними чинами не нашлось ни одного измѣнника: за довѣренность своихъ офицеровъ они платили скромностію и вѣрностію, слушали пылкихъ Славянъ со вниманіемъ, любопытствомъ, хотя и не безъ удивленія; нѣкоторые изъ нихъ даже клялись слѣдовать всюду за добрыми, какъ они говорили, офицерами и, если нужно, умереть вмѣстѣ съ ними. Какое-то темное желаніе измѣнить существующій порядокъ вещей волновало ихъ умъ и сердце; настоящее положеніе было имъ тягостно; они хотѣли перемѣны, но какой?—они въ томъ не могли себѣ сначала дать яснаго отчета.

Въ концѣ октября мѣсяца командированъ былъ начальствомъ Андреевичъ 2-й въ Кіевскій арсеналъ для черченія плановъ [1]). Горбачевскій послалъ съ нимъ письмо къ Бестужеву, гдѣ описывалъ дѣйствія Славянъ на нижнихъ чиновъ, готовность ихъ къ возстанію и принятіе новыхъ членовъ. Въ семъ письмѣ успѣхи Славянъ нисколько не были преувеличены: они желали чистосердечно переворота, потому дѣйствовали смѣло и были увѣрены въ скоромъ исполненіи ихъ желаній. Тутъ же было приложено мнѣніе Петра Борисова относительно приготовленія артилеріи и передѣлки снарядовъ: онъ предлагалъ управляющимъ обществами найти способы внушить начальству, чрезъ кого-нибудь изъ близкихъ къ оному, мысль объ отданіи приказа по корпусу на счетъ осмотра и передѣлки всѣхъ вообще зарядовъ, и полагалъ необходимымъ привести сію мѣру въ дѣйствіе,

---

[1]) Послѣ лагеря Андреевичъ былъ переведенъ изъ 2-й легкой роты въ 1-ю батарейную 8-й же бригады.

по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ротахъ артиллеріи, гдѣ находятся члены общества [1]).

Среди сихъ занятій и приготовленій получено было извѣстіе о внезапной смерти Александра I. Сіе неожиданное происшествіе призывало къ немедленному возстанію. Различныя чувства волновали сердца; ожиданія, надежды приводили умы въ движеніе, но все было спокойно. Въ началѣ декабря военные и гражданскіе чиновники получили повелѣніе приступить къ присягѣ новому императору Константину. Славяне присягали съ неудовольствіемъ и, пользуясь симъ случаемъ, старались внушить своимъ подчиненнымъ недовѣренность къ правительству и представить сію присягу, какъ обстоятельство, вынужденное насиліемъ, отъ которой каждый можетъ освободиться при первомъ благопріятномъ случаѣ, безъ малѣйшаго упрека совѣсти.—Въ Черниговскомъ полку сами обстоятельства помогали офицерамъ дѣйствовать на солдатъ въ семъ смыслѣ. Командиръ сего полка, подполковникъ Гебель, не соображаясь нисколько съ духомъ времени, ни съ важностью присяги, поступилъ какъ обыкновенно поступаютъ наши должностные люди, по мнѣнію коихъ все искусство въ управленіи состоитъ въ

---

[1]) Въ артиллерійскія роты, для практическихъ ученій, порохъ и снаряды принимались всякій годъ въ Кіевѣ и расходовались во время лагеря. Между тѣмъ, по небреженію ротныхъ командировъ, заряды, находящіеся въ ящикахъ, никогда не перемѣнялись. Это дѣлалось почти вездѣ, и Борисовъ, будучи въ сраженіи противъ горцевъ съ бригадою, которая перешла на Кавказъ изъ первой арміи и пошла тотчасъ въ дѣйствіе, не успѣвъ перемѣнить и осмотрѣть снарядовъ, и будучи свидѣтелемъ неудачнаго дѣйствія гранатъ, брандскугелей и картечъ,—боялся, чтобы сего не случилось и при возстаніи.

томъ, чтобы сбыть съ рукъ скорѣе дѣло. Пользуясь сборомъ полка для присяги, онъ вздумалъ привести въ исполненіе сентенцію главнокомандующаго 1-ю арміею надъ двумя рядовыми, приговоренными за грабительство къ позорному наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу. Такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же часъ, по его распоряженію, были исполнены два повелѣнія, разительно противуположныя одно другому. Солдаты знали, что они собраны для присяги, и не могли не удивиться, услышавъ чтеніе сентенціи и видя приготовленія къ постыдному наказанію виновныхъ ихъ товарищей. При самомъ началѣ чтенія, въ рядахъ былъ слышанъ глухой ропотъ, который вскорѣ превратился въ явное изъявленіе негодованія. Сей поступокъ полкового командира убѣждалъ солдатъ въ его злобѣ и недоброжелательствѣ. Они думали, что онъ могъ бы избавить ихъ товарищей отъ жестокаго наказанія, зная, что при восшествіи на престолъ новаго государя самые ужасные злодѣи получаютъ смягченіе наказанія [1]). Офицеры, пораженные симъ неблагоразумнымъ распоряженіемъ, жаловались вслухъ, при солдатахъ, на неумѣстную жестокость правительства, выражали явно свою ненависть къ деспоту, къ исполнителямъ его воли и, не желая быть свидѣтелями сего позорища, оставили свои мѣста. Сіе торжество человѣколюбія предъ военною дисциплиною сильно подѣйствовало на солдатъ. Казалось, они ожидали только слова, чтобы слѣдовать примѣру своихъ офицеровъ.

[1]) Сіи несчастные солдаты, будучи пьяны, отлучились отъ полка и въ 3 верстахъ отъ штаба отняли у мужика 2 рубля сер. Конечно, они виноваты, но въ семъ случаѣ такая строгость хуже всякаго послабленія.

Нечаянный случай выразилъ сей порывъ. Сергѣй Муравьевъ, человѣкъ чувствительный, по своему высокому и благородному характеру чуждый всякой жестокости, былъ пораженъ воплемъ жертвъ тяжко терзаемыхъ вѣчно-свирѣпымъ палачемъ. Напрасно онъ дѣлалъ усилія казаться спокойнымъ: не будучи въ состояніи выдержать сильныхъ потрясеній души, производимыхъ симъ отвратительнымъ зрѣлищемъ, онъ лишился чувствъ и палъ за-мертво. Офицеры и солдаты, увидя сіе, всѣ безъ исключенія, забывъ военную дисциплину, забывъ присутствіе строгаго Гебеля, бросились къ Муравьеву на помощь. Строй пришелъ въ совершенный безпорядокъ, солдаты собрались въ кучу около лежавшаго безъ чувствъ С. Муравьева и старались возвратить его къ жизни. Ни командныя слова, ни угрозы не могли привести ихъ къ послушанію и возстановить порядокъ. Происшествіе сіе еще болѣе привязало солдатъ Черниговскаго полка къ ихъ офицерамъ и особенно къ Муравьеву; въ его чувствительности они видѣли доказательство его человѣколюбія и участія къ бѣдственному жребію русскаго солдата, неогражденнаго никакими законами отъ самовластія послѣдняго офицера: они чувствовали, что онъ для ихъ собственнаго добра желаетъ перемѣны ихъ положенія. Увлеченные гнѣвомъ, они осыпали проклятіями полкового командира, правительство, и сей случай заронилъ въ ихъ сердца искру мщенія. Присяга новому императору, произнесенная сейчасъ послѣ сей ужасной экзекуціи, не могла быть чистосердечна: умы и сердца были поражены жестокостію наказанія и не могли вознестись къ Престолу Вѣчнаго съ обѣщаніемъ умереть за.....[1]).

[1]) Въ подлинникѣ не разобрано (Примѣч. редактора «Рус. Архива»).

За два дня до Рождества Христова, въ Черниговскомъ полку узнали о происшествіи 14 декабря. На другой день по утру, С. Муравьевъ объявилъ Славянамъ, что онъ поѣдетъ въ Житомиръ и скоро возвратится. Цѣлію сей поѣздки, по его словамъ, было намѣреніе испросить у корпуснаго командира отпускъ Бестужеву-Рюмину въ С.-Петербургъ. Намъ неизвѣстно, зачѣмъ Бестужевъ долженъ былъ ѣхать въ столицу; мы только можемъ сказать, что онъ, незадолго передъ симъ, писалъ Горбачевскому и Спиридову и приглашалъ ихъ пріѣхать къ 15 января 1826 года въ г. Кіевъ, вмѣстѣ съ Борисовымъ и Тютчевымъ. Наканунѣ отъѣзда С. Муравьева, Бестужевъ-Рюминъ просилъ Кузмина приготовиться въ дорогу и сказать объ этомъ Соловьеву, Сухинову и Щепилѣ. «Вы всѣ поѣдете,—говорилъ онъ,—со мною въ Кіевъ, а оттуда въ С.-Петербургъ». [1]) По симъ даннымъ невозможно сдѣлать никакого заключенія, и весьма трудно рѣшить, зачѣмъ Бестужевъ приглашалъ ихъ въ Кіевъ къ назначенному сроку.—Вечеромъ того же дня, вскорѣ послѣ отъѣзда С. Муравьева (24 декабря), ротные командиры Черниговскаго полка получили отъ полкового командира повелѣніе собрать роты въ полковой штабъ для присяги новому императору Николаю I. Услыша о семъ повелѣніи, Славяне сейчасъ согласились собрать свои роты въ полной походной и боевой аммуниціи, намѣреваясь воспользоваться случаемъ и, не ожидая пріѣзда Муравьева изъ Житомира, возмутить полкъ и итти прямо на Кіевъ, гдѣ Муравь-

---

[1]) Муравьевъ прежде самъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ съ сими офицерами, но, какъ видно, отложилъ сіе намѣреніе.

евъ, услыша о семъ, могъ соединиться съ ними. Сію мысль подало имъ извѣстіе о неудачномъ происшествіи 14 декабря въ С.-Петербургѣ: зная несчастныя слѣдствія онаго, они хотѣли произвесть новое возстаніе на югѣ и тѣмъ спасти тайное общество отъ конечной гибели.—Рано по утру, 25 декабря, когда всѣ роты Черниговскаго полка собрались въ Васильковъ, члены Славянскаго Общества поколебались въ своемъ намѣреніи; они не знали, на что рѣшиться: начать ли дѣиствовать, или ожидать возвращенія С. Муравьева. «Что мы будемъ дѣлать,—говорили нѣкоторые изъ нихъ,—если, по приходѣ нашемъ въ Кіевъ, мы не найдемъ ни одного изъ членовъ, желающихъ раздѣлить съ нами опасность возстанія, и если, по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, Муравьевъ будетъ задержанъ въ Житомирѣ и не пріѣдетъ къ намъ? Наше возстаніе, начатое безъ вѣдома и согласія главныхъ членовъ общества, не повредитъ ли общему дѣлу и не разстроитъ ли плановъ, составленныхъ ими?» Сіе разсужденіе остановило бурный порывъ нетерпѣливыхъ Славянъ, и послѣ долгаго совѣщанія, они почли нужнымъ, наконецъ, отложить свое предпріятіе и спокойно ожидать возвращенія С. Муравьева.[1])

Того же дня, въ 10 часовъ утра, былъ совершенъ обрядъ присяги.[2]) Солдаты произносили обѣщаніе

[1]) ...Офицеры говорили впослѣдствіи о семъ Муравьеву; онъ очень жалѣлъ, что они тотчасъ не исполнили.

[2]) Рано поутру ротные командиры, Соловьевъ и Щепила, пришли къ полковому командиру съ рапортомъ о прибытіи ихъ ротъ въ штабъ. Когда они явились, подполковникъ Гебель спросилъ у нихъ, между разговорами, знаютъ ли они причину требованія въ штабъ? Соловьевъ отвѣчалъ,

съ отвращеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли съ мрачнымъ и неподвижнымъ взоромъ, въ глубокомъ молчаніи, и не только не повторяли словъ священника, но даже не слушали оныхъ; офицеры показывали явно нетерпѣніе и негодованіе, были совершенно невнимательны къ сему обряду, и многіе изъ нихъ даже не поднимали руки, какъ это бываетъ при подобныхъ случаяхъ. Глухой ропотъ въ рядахъ сопровождалъ почти каждое слово священника. «Сколько будетъ этихъ присягъ?» говорили иные.—«Богъ знаетъ», отвѣчали другіе,—«это ни на что не похоже: сегодня присяга одному, завтра—другому, а тамъ, можетъ-быть, и третьему». Неудовольствіе, досада изображались во всѣхъ движеніяхъ и показывали сильное броженіе умовъ; казалось, что всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго и желали быть свидѣтелями совершенія онаго. Гебель все сіе видѣлъ, но старался скрыть свое неудовольствіе отъ своихъ подчиненныхъ и произносилъ клятвенное обѣщаніе съ особеннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ, какъ бы желая тѣмъ пробудить въ сердцахъ угасшую ихъ преданность къ царственному дому. Тотчасъ по окончаніи присяги полкъ былъ

что онъ слышалъ, будто бы присягать новому государю. Гебель сіе подтвердилъ, прибавивъ, что онъ боится, чтобы при семъ случаѣ не было переворота въ Россіи, и при сихъ словахъ заплакалъ. Соловьевъ отвѣчалъ съ улыбкою, что всякій переворотъ всегда бываетъ къ лучшему, и что даже желать должно. «Охъ, я боюсь»,—сказалъ, закрывая руками лицо, Гебель, какъ-будто предчувствуя то, что съ нимъ случится. Соловьевъ началъ шутить, Гебель—плакать; а Щепила, который былъ характера вспыльчиваго и нетерпѣливаго, ненавидѣлъ Гебеля за его дурные поступки, дрожа отъ злости, сердился и едва могъ удерживать свою досаду. Соловьевъ разсказываетъ, что изъ этого вышла пресмѣшная и оригинальная сцена.

распущенъ по квартирамъ; члены общества, по принятому ими намѣренію, остались въ Васильковѣ и, отпустивъ свои роты въ деревни, приказали имъ, по первому приказу, явиться въ полной боевой и походной амуниціи туда, куда потребуютъ ихъ ротные начальники [1]).

Вечеромъ, по случаю полкового праздника, приглашены были къ [под]полковнику Гебелю на балъ всѣ офицеры, городскіе жители и знакомые помѣщики съ ихъ семействами. Собраніе было довольно многочисленное; хозяинъ всѣми силами содѣйствовалъ къ увеселенію гостей, а гости старались отблагодаритъ его радушіемъ, веселились отъ чистаго сердца и танцовали, какъ говорится въ тѣхъ мѣстахъ, до упаду. Музыка не умолкала ни на минуту; дамы и кавалеры кружились безпрестанно въ вихрѣ танцевъ; даже пожилые люди принимали участіе въ забавахъ, опасаясь казаться невеселыми. Однимъ словомъ, веселиться и веселиться искренно было общимъ желаніемъ, закономъ собранія. Время летѣло быстрѣе молніи. Вдругъ раство-

---

1) Читая сіи намѣренія членовъ Славянскаго Общества и ихъ распоряженія, нельзя не убѣдиться, какъ важно для всякаго общества, которое хочетъ дѣйствовать военною силою, имѣть въ немъ ротныхъ командировъ и субалтернъ-офицеровъ, и какъ важно заранѣе объявить свое намѣреніе солдатамъ. Спрашивается: кто бы осмѣлился приказывать ротамъ явиться въ походной амуниціи къ присягѣ и, пришедши въ штабъ, скрыть оное отъ всѣхъ? Кто бы осмѣлился приказывать ротамъ явиться съ боевыми патронами туда, куда потребуетъ ротный командиръ? Можно ли отдавать такія приказанія такимъ солдатамъ, которые не знаютъ намѣреній ротнаго командира? Вопросы сіи сами собою рѣшаются. Но мы еще прибавимъ, что одни офицеры въ состояніи сіе сдѣлать и притомъ такимъ образомъ, что ни баталіонный, ни полковой командиръ никогда о семъ не могутъ знать. Этому примѣръ—Черниговскій полкъ.

рилась дверь въ залу, и вошли два жандармскихъ офицера: поручикъ Несмѣяновъ и прапорщикъ Скоковъ. Мгновенно удовольствія были прерваны, все собраніе обратило на нихъ взоры, веселіе превратилось въ неизъяснимую мрачность, всѣ глядѣли другъ на друга безмолвно: жандармы навели на всѣхъ трепетъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Гебелю, спросилъ его, онъ ли командиръ Черниговскаго полка, и, получа отъ него утвердительный отвѣтъ, сказалъ ему: «Я къ вамъ имѣю важныя бумаги». Гебель тотчасъ удалился съ нимъ въ кабинетъ.—Тутъ начались вопросы, предположенія, безпокойства; одни члены Славянскаго Общества сейчасъ поняли, что ударилъ часъ общей для нихъ гибели. «Все открыто,—думали они про себя.—Сегодня арестуютъ одного, завтра другого; надобно на что нибудь рѣшиться!» Черезъ нѣсколько минутъ, Гебель, въ сопровожденіи жандармскихъ офицеровъ, возвратился въ залу и, не сказавъ никому ни слова, вышелъ, сѣлъ въ тѣ же самые сани, въ которыхъ пріѣхали Несмѣяновъ и Скоковъ, и вмѣстѣ съ ними поскакалъ на квартиру С. Муравьева. [1])

Въ это время Бестужевъ-Рюминъ находился въ Васильковѣ и жилъ съ Башмаковымъ на квартирѣ Муравьева. Было довольно поздно: они уже спали. Никто изъ членовъ, бывшихъ у Гебеля, не могъ ихъ увѣдомить о нечаянномъ появленіи жандармовъ: отдаленное разстояніе и быстрое дѣйствіе Гебеля не позволили предварить ихъ, и они узнали о немъ только тогда, когда, разбуженные стукомъ и требованіемъ

[1]) Сіи жандармскіе офицеры посланы были изъ главной квартиры 1-й арміи: одинъ пріѣхалъ, чтобы арестовать С. Муравьева, другой—брата его Матвѣя.

огня, увидѣли передъ собою командира Черниговскаго полка, сопровождаемаго жандармами, которые прямо вошли въ кабинетъ Муравьева и, не сказавъ ни одного слова, взяли всѣ бумаги, тамъ находящіяся. Кончивъ свое дѣло, они помчались по житомирской дорогѣ. Бестужевъ-Рюминъ и Башмаковъ, пораженные симъ явленіемъ, оставались нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, изъ коего были выведены пришедшими Славянами, которые, полагая навѣрное, что жандармы привезли повелѣніе арестовать Муравьева, оставили тотчасъ домъ Гебеля и побѣжали въ разныя мѣста города, чтобы собрать хотя нѣсколько солдатъ и захватить Гебеля вмѣстѣ съ жандармами; но, не найдя солдатъ, которые до одного разошлись по деревнямъ, они поспѣшили къ Бестужеву и просили его скакать въ ту же минуту вслѣдъ за Гебелемъ, стараясь обогнать его и увѣдомить Муравьева объ угрожающей ему и всему обществу опасности, говоря, что, между тѣмъ, они займутся приготовленіемъ къ возстанію. Бестужевъ-Рюминъ не ожидалъ повторенія, взялъ лошадей и полетѣлъ. Онъ такъ скоро ѣхалъ, что обогналъ на дорогѣ Гебеля, былъ четвертью часа на первой станціи прежде его и поскакалъ далѣе.

Отправивъ Бестужева, офицеры Черниговскаго полка рѣшились въ Васильковѣ ожидать возвращенія С. Муравьева и, если онъ будетъ арестованъ на дорогѣ, непремѣнно поднять полкъ и итти на Кіевъ, не заботясь, какой конецъ будетъ имѣть сіе дѣйствіе. Однакожъ, не взирая на сію твердую рѣшительность пасть первыми жертвами свободы, ихъ положеніе было весьма тягостно. Окруженные неизвѣстностью, мучимые желаніями, они терзались въ догадкахъ и предположеніяхъ и почти не покидали квартиры Муравь-

ева, ожидая его возвращенія. 27 декабря, когда, по обыкновенію, всѣ тамъ находились и бесѣдовали о будущемъ, стараясь забыть настоящее, неожиданно явился 8-й бригады подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Черниговцы обрадовались. Андреевичъ, войдя въ комнату, спросилъ, гдѣ Муравьевъ? «Мы не знаемъ, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается»,—отвѣчали Славяне. Тутъ разсказали они Андреевичу въ короткихъ словахъ о всемъ случившемся 25 декабря и потребовали, чтобы онъ немедленно ѣхалъ по слѣдамъ Муравьева и старался отыскать его; чтобъ онъ просилъ его остаться въ 8-й дивизіи или въ какомъ-нибудь гусарскомъ полку и тамъ поднять знамя бунта. Они поручили Андреевичу успокоить его на счетъ ихъ; ибо коль скоро они узнаютъ о возстаніи, то немедленно взбунтуютъ Черниговскій полкъ и придутъ на сборное мѣсто. Сверхъ того они сказали Андреевичу, чтобы онъ извѣстилъ всѣхъ извѣстныхъ ему членовъ, какъ Южнаго, такъ и Славянскаго обществъ о началѣ возстанія и, наконецъ, если Муравьевъ арестованъ, то чтобы онъ старался побудить другихъ членовъ къ дѣйствію и къ освобожденію арестованнаго, и что сами они ожидаютъ отъ него увѣдомленія объ успѣхѣ его предпріятія. Андреевичъ не дѣлалъ никакихъ возраженій: предложеніе черниговскихъ офицеровъ ему понравилось; онъ тотчасъ согласился исполнить его со всевозможною ревностью. Ему дали казенную подорожную на имя Александрійскаго гусарскаго полка поручика Сухинова, а Кузминъ снабдилъ его деньгами на прогоны. Андреевичъ, ни минуты не медля, поскакалъ по дорогѣ къ Житомиру. [1])

---

[1]) Торопливость, съ какою отправили Андреевича, была такъ велика, что никто даже не вздумалъ спросить у него,

2.

Усилiе Славянъ поднять возстанiе въ различныхъ частяхъ войскъ.

Теперь оставимъ на время Черниговскiй полкъ и бросимъ взглядъ на движенiя, происходившiя въ то же самое время въ другихъ мѣстахъ: это отступленiе необходимо для обозрѣнiя общаго хода дѣла; мы часто будемъ переносить нашего читателя изъ одного мѣста въ другое, прерывать начатый разсказъ и начинать новый.

Послѣ присяги Константину, Славяне 8-й дивизiи, 8-й артиллерiйской бригады не имѣли никакого извѣстiя ни отъ Муравьева, ни отъ Бестужева. Несмотря на сiе, члены неусыпно старались приготовлять солдатъ. Хотя планъ возстанiя, назначенный на лещинскихъ собранiяхъ къ концу 1826 года, разстроивался смертiю Александра I, но они думали, что распространенiе мыслей и желанiе переворота не можетъ вредить общей цѣли. 20 декабря Борисовъ 2-й былъ у Горбачевскаго, и когда они разсуждали о своихъ дѣйствiяхъ на солдатъ, одинъ фейерверкеръ принесъ Горбачевскому письмо отъ Андреевича, въ которомъ онъ иносказательно изъяснялъ, сколько Бестужевъ радуется успѣхамъ Славянъ въ ихъ дѣйствiяхъ и... о близ-

---

зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Васильковъ. — Черниговскаго полка поручикъ Сухиновъ былъ еще вначалѣ ноября мѣсяца 1825 года переведенъ въ Александрiйскiй гусарскiй полкъ и въ томъ же мѣсяцѣ получилъ отъ полка повелѣнiе отправиться куда слѣдуетъ; но, несмотря на всѣ угрозы начальства, которое побуждало его ѣхать въ гусарскiй полкъ, Сухиновъ не выѣзжалъ изъ Черниговскаго полка, единственно дожидая возстанiя онаго.

комъ началѣ желаемаго переворота. Еще не было прочтено письмо, какъ, къ удивленію ихъ, Андреевичъ самъ вошелъ въ комнату въ дорожномъ платьѣ. Радость ихъ была неимовѣрная. Онъ подалъ имъ письмо отъ Бестужева. Изъ сего письма они увидѣли, что главные члены Южнаго общества понитаютъ необходимымъ начать дѣйствіе ранѣе положеннаго времени. Бестужевъ просилъ Славянъ ускорить дѣло и употребить всѣ усилія къ приготовленію нижнихъ чиновъ. «Намъ представляется случай ранѣе, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества,—писалъ онъ Горбачевскому,—можетъ-быть, въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ, голосъ родины соберетъ насъ вокругъ хоругви свободы». Въ семъ же письмѣ Бестужевъ просилъ Горбачевскаго вмѣстѣ съ Борисовымъ 2-мъ пріѣхать къ 15 января 1826 года въ г. Кіевъ. Извѣстіе сіе чрезвычайно ободрило Славянъ. Горбачевскій тотчасъ увѣдомилъ Бечаснаго о пріѣздѣ Андреевича и просилъ его пріѣхать къ нему. Славяне провели всю ночь въ сообщеніяхъ, разбирали возможность скораго возстанія, пріискивали средства къ приведенію сего дѣла въ исполненіе и наконецъ положили ускорить свои дѣйствія, объявить фейерверкерамъ и рядовымъ о близости переворота, стараться укрѣпить ихъ духъ и усугубить дѣятельность. Они поручили Андреевину изъяснить словесно Бестужеву то, что они считали необходимымъ для поднятія артиллерійскихъ ротъ 8-й бригады. Борисовъ 2-й, съ общаго согласія, написалъ памятную записку и вручилъ ее Андреевичу. Сія записка заключалась въ слѣдующихъ семи пунктахъ, на которые Андреевичъ долженъ былъ требовать разрѣшенія отъ Муравьева и Бестужева:

1) Артиллерія не можетъ выступить въ походъ и дѣйствовать безъ прикрытія; посему необходимо снестись съ Спиридовымъ, Арт. Муравьевымъ, и требовать, чтобы они прислали въ 8-ю артиллерійскую бригаду: первый—пѣхоту, а второй—гусаръ.

2) Въ батарейной ротѣ состоитъ на лицо одинъ только офицеръ (прочіе въ командировкѣ), принадлежащій къ обществу, и рота находится въ городѣ, гдѣ квартируетъ бригадный командиръ, который, въ случаѣ возстанія, можетъ получить содѣйствіе отъ внутренней стражи. Посему, для надлежащаго дѣйствія въ сей ротѣ нужна значительная часть пѣхоты и кавалеріи, безъ коей фейрверкеры и рядовые, вооруженные только тесаками, несмотря на ихъ готовность и рвеніе къ дѣлу, не могутъ одни обѣщать успѣхъ, тѣмъ болѣе, что артиллерійскія лошади стоятъ въ 45 верстахъ отъ парка.

3) Во 2-й легкой ротѣ не существуетъ сихъ затрудненій къ возстанію: она совершенно готова и требуетъ только прикрытія на походѣ.

4) Изъ 4 орудій, остающихся въ каждой ротѣ, за неимѣніемъ лошадей (роты состояли на мирномъ положеніи), Славяне намѣрены сформировать новую батарею, лошадей надѣются найти подъ квитанцію одного изъ своихъ сочленовъ, а прислугу думаютъ взять изъ 4-й парочной роты, полагаясь вполнѣ на служащихъ въ оной солдатъ.

5) Немедленно по возстаніи Славяне полагаютъ необходимымъ объявить скорое освобожденіе крестьянъ.

6) Славяне хотятъ, посредствомъ поляковъ, состоящихъ въ ихъ обществѣ, дѣйствовать на шляхту и

склонить ее къ участію въ общемъ дѣлѣ объявленіемъ всеобщаго возстанія (pospolite ruszenie).

Наконецъ, 7) Славяне требуютъ отъ Муравьева и Бестужева немедленнаго увѣдомленія о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, заблаговременнаго извѣщенія о днѣ возстанія съ означеніемъ сборнаго пункта, гдѣ предполагается сосредоточить всѣ силы, поднявшія оружіе противъ правительства.

На другой день Горбачевскій и трое его товарищей видѣлись съ фейерверкерами двухъ ротъ 8-й бригады и, согласно съ принятымъ рѣшеніемъ, сообщили имъ о полученныхъ изъ Кіева извѣстіяхъ и о мѣрахъ къ дальнѣйшему дѣйствію. Это не удивило фейерверкеровъ: они, кажется, заранѣе были на все готовы; но нечаянный пріѣздъ Андреевича изъ Кіева безъ дозволенія начальства сильно подѣйствовалъ на умы солдатъ и произвелъ глубокое впечатлѣніе, благопріятное намѣреніямъ Славянъ. Черезъ два дня Андреевичъ оставилъ 8-ю бригаду и возвратился въ Кіевъ, откуда 27 декабря отправился въ Васильковъ къ Муравьеву, котораго, какъ мы видѣли выше, не найдя дома, поѣхалъ отыскивать, послѣ минутнаго свиданія съ офицерами Черниговскаго полка. Пріѣздъ Андреевича еще болѣе сблизилъ Славянъ съ ихъ подчиненными. Довѣренность возрастала съ каждымъ днемъ, и нѣкоторые фейерверкеры сдѣлались настоящими членами тайнаго общества. Офицеры не пренебрегали ихъ бесѣдами и, напротивъ, старались всѣми средствами облагородить чувства своихъ подчиненныхъ, возвысить ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ и тѣмъ пробудить въ ихъ сердцахъ желаніе свободы. Все содѣйствовало ихъ намѣреніямъ: неожиданное отреченіе

отъ престола Константина и присяга новому императору Николаю и его наслѣднику. Сіи происшествія поселили въ умахъ неизвѣстность и сомнѣніе, весьма споспѣшествующее замышляемому перевороту. Члены общества пользовались сими важными событіями для ускоренія своего дѣла. Между всѣми сословіями начали распространяться разные слухи о перемѣнѣ существующаго порядка. Одинъ изъ фейерверкеровъ, преданныхъ Борисову 2-му, сообщилъ, что городской голова, мѣщанинъ, уважаемый всѣмъ городомъ, разговаривая съ нимъ о смерти Александра, явно обнаружилъ свои надежды на лучшую будущность и намекалъ о близкомъ переворотѣ, котораго желаютъ многіе. По словамъ сего же фейерверкера, многіе унтеръ-офицеры и солдаты Саратовскаго полка, ночевавшіе въ городѣ, изъявляли готовность дѣйствовать и упоминали о какомъ-то штабъ-офицерѣ, который поддерживалъ эти чувства и давалъ имъ понять, что улучшеніе ихъ положенія находится въ собственныхъ ихъ рукахъ и что отъ нихъ самихъ зависитъ терпѣть притѣсненія или прекратить оныя. Подобные слухи и разговоры нижнихъ чиновъ сильно помогали дѣйствіямъ Славянъ, коихъ дѣла примѣтно улучшались. 14 декабря неожиданно пріѣхалъ въ Новградъ-Волынскъ изъ Харьковской губерніи Борисовъ 1-й. Узнавъ изъ письма своего брата о знакомствѣ его съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, онъ отправился въ Кіевъ съ намѣреніемъ повидаться съ ними; но, не заставъ тамъ ни Муравьева, ни Бестужева, онъ пріѣхалъ къ брату. Пріѣздъ Борисова обрадовалъ не только его брата, но и другихъ Славянъ: они съ удовольствіемъ узнали о намѣреніи его вступить опять въ военную службу и опредѣ-

литься въ одну конную роту, стоявшую въ Украинѣ.

26 декабря, по утру, извѣстіе полученное о происшествіи 14 декабря заставило Славянъ собраться для совѣщанія; они убѣдились въ скоромъ возстаніи, думая, что члены Южнаго общества пожелаютъ довершить начатое въ столицѣ. На семъ совѣщаніи они положили: держать своихъ подчиненныхъ въ строгой дисциплинѣ, стараться предупреждать безпорядки, обходиться съ жителями какъ можно лучше, тотчасъ по возстаніи образовать въ городѣ временное правленіе и выдать прокламаціи объ освобожденіи крѣпостныхъ людей; между тѣмъ, въ ожиданіи положительнаго извѣстія отъ Муравьева, приготовлять солдатъ и офицеровъ, на которыхъ совершенно можно бы положиться. Борисовъ 1-й вызвался ѣхать немедленно въ Харьковскую губернію и приготовить къ возстанію конныя роты, въ коихъ было нѣсколько офицеровъ, принятыхъ имъ въ Славянское Общество; проѣзжая же Житомиръ, онъ хотѣлъ объявить находящимся тамъ Славянамъ о мѣрахъ, принятыхъ въ 8-й бригадѣ. Вслѣдствіе сего плана, Борисовъ 1-й отправился 30-го декабря изъ Новградъ-Волынска въ Житомиръ; но обстоятельства измѣнили всѣ предположенія. Въ Житомирѣ, при свиданіи съ Ивановымъ и Кирѣевымъ, онъ узналъ о поведѣніи арестовать С. Муравьева, о погонѣ за нимъ подполковника Гебеля и о проѣздѣ Андреевича черезъ Житомиръ, который тоже поскакалъ догонять С. Муравьева. Борисовъ 1-й сейчасъ предложилъ всѣмъ членамъ собраться и положить, что должно дѣлать въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Члены тайнаго общества, находившіеся тогда въ Житомирѣ, безъ отлагательства съѣха-

лись къ Веденяпину 2-му. На семъ совѣщаніи были Ивановъ, Веденяпинъ 1-й, Ведняпинъ 2-й, Кирѣевъ, Андреевъ, Нащокинъ и нѣкоторые другіе. Борисовъ 1-й предложилъ имъ возстать немедленно, стараться освободить Муравьева, если онъ арестованъ, и дѣйствовать по обстоятельствамъ, сообразно съ планомъ, принятымъ артиллеристами 8-й бригады, который состоялъ въ томъ, чтобы идти на Кіевъ или на Бобруйскъ, запереться въ которой-нибудь изъ сихъ крѣпостей и ожидать присоединенія 2-й арміи и полковъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, на содѣйствіе коихъ можно было надѣяться по увѣреніямъ членовъ Южнаго общество. Конной роты поручикъ Нащокинъ, принятый въ общество Бестужевымъ-Рюминымъ, противился сему предложенію, почитая такого рода возстаніе безразсуднымъ поступкомъ, внушеннымъ отчаяніемъ. «Мы должны погибнуть, — возразилъ Борисовъ 1-й, — и погибнуть позорно: нашему выбору представляется или смерть или заточеніе. Мнѣ кажется лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели жить цѣлую жизнь въ желѣзахъ». Сіе мнѣніе одержало верхъ, всѣ согласились съ Борисовымъ 1-мъ. «Я ѣду обратно въ 8-ю бригаду и тамъ положимъ начало мятежу, но дайте мнѣ письменное доказательство, что вы будете содѣйствовать моему брату и тѣмъ, которые согласятся погибнуть вмѣстѣ съ нами». Сего не приняли, а удовольствовались тѣмъ, что Ивановъ написалъ двѣ записки: одну къ Горбачевскому о готовности житомирскихъ членовъ дѣйствовать, а другую къ двумъ ротнымъ командирамъ Троицкаго полка, коихъ онъ приглашалъ участвовать въ возстаніи. Кирѣевъ также написалъ письмо къ Борисову 2-му,

исполненное рвенія къ благому дѣлу и совершенною надеждою на несомнѣнные успѣхи.

Борисовъ 1-й поспѣшилъ отъѣздомъ и, къ удивленію своего брата и Горбачевскаго, былъ уже снова въ Новградѣ-Волынскѣ. Узнавъ о происшедшемъ въ Житомирѣ, Борисовъ 2-й и его товарищи рѣшились немедленно начать дѣйствіе, не ожидая увѣдомленія С. Муравьева, и стараться увлечь за собою все, что только показывало склонность къ мятежу. Они просили Борисова 1-го ѣхать въ Пензенской полкъ и, если можно, оттудова увѣдомить членовъ Саратовскаго полка, лично или письменно, смотря по обстоятельствамъ. Между тѣмъ, какъ искали лошадей для Борисова 1-го, братъ его написалъ къ Громницкому, Тютчеву и Лисовскому письмо въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, напомнилъ имъ священныя узы, ихъ соединяющія, клятву, данную Южному обществу, общую опасность, законы чести, однимъ словомъ—все, что только могло пробудить въ нихъ самоотверженіе и рѣшить трудный выборъ между смертію и позоромъ. Письмо сіе онъ вручилъ брату, который долженъ былъ доставить его лично, равно какъ и къ Спиридову записку отъ Горбачевскаго. Въ это самое время отставной поручикъ Креницкій, принимавшій во всемъ дѣятельное участіе, привелъ къ Борисову 2-му четырехъ поляковъ, присоединенныхъ имъ къ Славянскому Обществу и давшихъ клятвенное обѣщаніе дѣйствовать и погибнуть вмѣстѣ съ артиллеристами за общее дѣло. Борисовъ 2-й написалъ письмо къ юнкеру Головинскому, служившему въ 4-й парочной ротѣ, квартировавшей тогда въ Овручскомъ уѣздѣ (въ Некорости). Онъ просилъ помянутаго члена приготовить

къ возстанію солдатъ и убѣдить своего брата, занимавшаго должность повѣтоваго маршала, содѣйствовать имъ по возможности и, наконецъ, стараться узнать мнѣніе шляхты Овручскаго повѣта, и, если можно, склонить ихъ къ участію въ дѣлѣ. Славяне думали во время возстанія послать Кирѣева изъ Житомира въ парочную роту для окончательнаго дѣйствія на солдатъ, которые могли быть полезны 8-й бригадѣ. Съ симъ письмомъ къ Головинскому двое поляковъ отправились въ Овручъ, взявъ на себя обязанность дѣйствовать тамъ на шляхту; третій поѣхалъ въ Заславъ съ тѣмъ, чтобы узнать расположеніе тамошнихъ поляковъ, дѣйствовать на нихъ и при первомъ извѣстіи о началѣ возстанія поднять оружіе. Четвертый изъ нихъ остался въ Новградѣ-Волынскѣ при Борисовѣ 2-мъ, надѣясь имѣть нѣкоторое вліяніе на шляхту, живущую въ окрестностяхъ сего города. Славяне были въ большомъ безпокойствѣ, видя невозможность вдругъ отправить Борисова 1-го въ Старый Константиновъ: они не могли найти наемныхъ лошадей; почтовыхъ же никому не давали, даже по подорожной, безъ особеннаго дозволенія мѣстнаго начальства. У евреевъ былъ праздникъ, и никто изъ нихъ не хотѣлъ нарушить законъ. По симъ обстоятельствамъ, Борисовъ 1-й выѣхалъ изъ Новградъ-Волынска уже поздно вечеромъ 1 января. На другой день неизвѣстный еврей доставилъ Борисову 2-му записку изъ мѣстечка Полоннаго отъ его брата, въ коей было сказано, что Ахтырскій полкъ собирается въ штабъ-квартиру м. Любаръ; что артиллерія второй арміи и Литовскій корпусъ, квартирующіе въ Полонномъ, находятся уже въ сборѣ и что вездѣ

замѣчается движеніе войскъ.—Надежда возбудилась въ сердцахъ Славянъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ имъ невозможно было соблюдать правила, принятыя на лещинскихъ совѣщаніяхъ. Точное исполненіе оныхъ было бы даже безразсудно, посему они немедленно увѣдомили фейерверкеровъ и рядовыхъ о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, о своемъ намѣреніи возстать, о надеждѣ на пособіе другихъ и особенно отъ С. Муравьева, и о непремѣнномъ прибытіи къ нимъ Пензенскаго полка и Ахтырскихъ гусаровъ. Они препоручили имъ дѣйствовать на остальныхъ своихъ товарищей и приготовляться къ походу. Борисовъ 2-й говорилъ явно двумъ офицерамъ, что онъ ожидаетъ переворота, и приглашалъ ихъ принять въ немъ участіе, представляя опасность противиться или оставаться равнодушнымъ во время возстанія. Сіи офицеры дали слово дѣйствовать.—Борисовъ 1-й, возвращаясь изъ Стараго Константинова, заѣхалъ въ Барановку къ Горбачевскому и Бечаснову и сказалъ имъ, что онъ видѣлся съ Тютчевымъ, Громницкимъ и Лисовскимъ, которые готовы дѣйствовать, но отсовѣтовали ему ѣхать къ Спиридову, говоря, что они сами сообщаютъ майору свои намѣренія. Борисовъ прежде всего не былъ знакомъ съ офицерами Пензенскаго полка. Онъ видѣлъ изъ ихъ словъ, что они какъ-будто не довѣряютъ Спиридову, котораго онъ тоже никогда не видалъ. Надѣясь, что они исполнятъ свое обѣщаніе, онъ уѣхалъ отъ нихъ. Горбачевскій и Бечасновъ совѣтовали Борисову 1-му ѣхать изъ Барановки прямо домой, не подвергаться опасности быть заранѣе арестованну въ Новградѣ-Волынскомъ, или гдѣ-нибудь на дорогѣ, и увѣдомить о всемъ его брата. Борисовъ 1-й

охотно согласился, тѣмъ болѣе, что считалъ свое присутствіе въ 8-й бригадѣ совершенно ненужнымъ, между тѣмъ какъ надѣялся въ конныхъ ротахъ возбудить офицеровъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Кромѣ того, онъ намѣревался обо всемъ происходившемъ въ 8-й дивизіи увѣдомить кіевскихъ членовъ и, если можно, сдѣлать тамъ что-нибудь въ пользу возстанія, смотря по ходу обстоятельствъ. Борисовъ отправился вечеромъ 5 числа, проселочными дорогами, въ Житомиръ. Городъ былъ окруженъ военною цѣпью: онъ отпустилъ извощика и пѣшкомъ прошелъ заставу. Тутъ сообщилъ онъ Кирѣеву и Иванову, въ какомъ положеніи находятся дѣла общества; ему нужно было продолжать путь и хотя трудно было выѣхать изъ Житомира, но ему удалось обмануть бдительность мѣстнаго начальства. Еще до его пріѣзда въ Житомиръ, монахини католическаго ордена сестеръ милосердія предлагали нѣкоторымъ членамъ общества скрыть ихъ отъ поисковъ правительства и вывести за границу. Андрей Борисовъ отказался отъ сего предложенія и просилъ только доставить ему случай выѣхать изъ города. Желаніе его было немедленно исполнено, и онъ отправился въ Кіевъ. Въ семъ странствованіи на каждомъ шагу встрѣчалъ новыя опасности, которыя, однакожъ, миновалъ довольно счастливо.

6 января Борисовъ 2-й узналъ о возстаніи С. Муравьева, а 7-го получилъ, черезъ еврея изъ-подъ Житомира, отъ его брата записку слѣдующаго содержанія: «Я сдѣлалъ все, что могъ; Громницкій, Лисовскій и Тютчевъ готовы на все; ожидайте ихъ. Къ вамъ будетъ скоро, если не весь Пензенскій полкъ, то, по крайней мѣрѣ, баталіонъ. Они послали при мнѣ за

патронами. Прощай. Ѣду въ конныя роты къ знакомымъ». Борисовъ 2-й и его товарищи были увѣрены въ скоромъ прибытіи Пензенскаго полка и Ахтырскихъ гусаровъ и старались приготовить все нужное къ походу. Между тѣмъ какъ они упивались надеждою и мечтами, судьба готовила имъ страшное разочарованіе; гроза носилась надъ ихъ головами, покоющимися подъ сѣнію довѣренности и ожиданія.

Оставимъ ихъ въ семъ сладкомъ заблужденіи, возвратимся назадъ и посмотримъ, что дѣлалось въ Старомъ Константиновѣ и Любарѣ. Борисовъ 1-й пріѣхалъ въ 11-мъ часу ночи, со 2 на 3 января, въ Старый Константиновъ, прямо къ Громницкому и Лисовскому, которые жили вмѣстѣ. Разсказавъ, въ короткихъ словахъ, все ему извѣстное и отдавъ имъ письмо отъ брата, онъ просилъ ихъ немедленной помощи. Будучи увѣренъ, что движеніе гусарскихъ полковъ производится въ революціонномъ смыслѣ, по планамъ членовъ Южнаго общества, Борисовъ 1-й говорилъ пензенскимъ офицерамъ утвердительно, что возстаніе уже начато въ 3-й гусарской дивизіи и, вѣроятно, въ Черниговскомъ полку, гдѣ служитъ С. Муравьевъ. Въ послѣднемъ онъ не ошибся. Громницкій и Лисовскій изъявили согласіе на всѣ мѣры, принятыя артиллеристами, попросили Борисова 1-го ѣхать къ капитану Тютчеву, квартировавшему съ своей ротою въ 10 верстахъ отъ города, въ деревнѣ Кузьминѣ, говоря, что впередъ согласны на все, что предложитъ ихъ товарищъ. Борисовъ 1-й черезъ два часа былъ уже у Тютчева, который тотчасъ согласился съ предложеніемъ артиллеристовъ и просилъ его ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Константиновъ, къ помянутымъ офицерамъ,

для совѣщанія, какимъ образомъ приступить къ дѣйствію. Выѣзжая изъ дому, въ присутствіи Борисова 1-го, Тютчевъ отдалъ приказаніе фельдфебелю собрать роту рано по утру и раздать боевые патроны. Желая скрыть пріѣздъ свой въ городъ, онъ не заѣхалъ къ Громницкому и остановился съ Борисовымъ 1-мъ въ отдаленной корчмѣ, куда послалъ пригласить Громницкаго и Лисовскаго, которые, вмѣстѣ съ Тютчевымъ, уговорили Борисова 1-го ѣхать назадъ въ 8-ю бригаду, извѣстить членовъ о готовности офицеровъ Пензенскаго полка къ возстанію и сказать, что они, въ самомъ скоромъ времени, съ ротами прибудутъ въ 8-ю бригаду. Борисовъ 1-й хотѣлъ дождаться начала дѣйствія, но сіи офицеры представили ему опасность его положенія, говоря, что онъ можетъ навлечь на себя подозрѣніе и тѣмъ самымъ повредить дѣлу. Вездѣ были разосланы повелѣнія арестовать подозрительныхъ людей; опасеніе быть схваченнымъ заставило Борисова 1-го согласиться на немедленный отъѣздъ. Отправивъ его, пензенскіе офицеры снова начали разсуждать о предложеніи артиллеристовъ 8-й бригады. Тютчевъ предложилъ взбунтовать полкъ и идти на Новградъ-Волынскъ за артиллеріей. Громницкій и Лисовскій согласились съ симъ мнѣніемъ, попросили его съѣздить къ Спиридову, отдать ему записку Горбачевскаго и потомъ уже приступить къ дѣлу всѣмъ вмѣстѣ. Тютчевъ охотно принялъ сіе порученіе и, пробывъ въ Константиновѣ цѣлый день, вечеромъ поѣхалъ къ Спиридову, отдалъ ему записку Горбачевскаго, которая была слѣдующаго содержанія: «Податель сей записки разскажетъ вамъ подробно все случившееся съ нашими знакомыми; отъ него вы

узнаете, на что мы рѣшились и чего ожидаемъ отъ васъ».

— «Гдѣ податель?—спросилъ Спиридовъ, прочитавъ записку,—и кто онъ?»

— «Онъ уже уѣхалъ обратно,—отвѣчалъ Тютчевъ:—то былъ братъ извѣстнаго вамъ Борисова 2-го». Потомъ онъ разсказалъ все, что слышалъ отъ Борисова 2-го о намѣреніи членовъ, находящихся въ 8-й бригадѣ и Житомирѣ.

— «Итакъ, надобно начинать,—сказалъ Спиридовъ,—но готовы ли у васъ роты?»

— «Я согласенъ дѣйствовать и приготовилъ 30 человѣкъ самыхъ лучшихъ солдатъ моей роты; я убѣжденъ, что они увлекутъ за собою всѣхъ, и за это я ручаюсь,—отвѣчалъ Тютчевъ,—что же касается до ротъ Громницкаго и Лисовскаго, я ничего не знаю: поѣдемъ къ нимъ».

Спиридовъ согласился, а между тѣмъ, пока приготовляли лошадей, онъ написалъ въ Саратовскій полкъ, къ Шимкову, слѣдующее: «Увѣдомьте членовъ, что возстаніе начнется немедленно, приготовьте къ сему солдатъ, но не начинайте дѣйствовать до вторичнаго моего увѣдомленія; можетъ быть, я самъ пріѣду къ вамъ»; а къ Горбачевскому, въ 8-ю бригаду:—«Если не удастся мнѣ привести къ вамъ Пензенскій полкъ, то я самъ пріѣду; будучи вмѣстѣ, мы скорѣе придумаемъ, что должно дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ». Обѣ сіи записки онъ отдалъ своему вѣрному человѣку, которому приказалъ непремѣнно доставить ихъ по адресамъ какъ можно скорѣе и надежнѣе. Послѣ Спиридовъ поѣхалъ съ Тютчевымъ въ Константиновъ, къ Громницкому и Лисовскому. Онъ предло-

жилъ начать возстаніе, спрашивая предварительно, полагаются ли они на своихъ солдатъ, готовы ли роты?

— «Нѣтъ,—отвѣчали единогласно Громницкій и Лисовскій,—мы не успѣли приготовить ни одного солдата».

Спиридовъ далъ замѣтить, что почитаетъ это неисполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей, на что Лисовскій съ жаромъ вскричалъ:

— «С. Муравьевъ требовалъ, чтобы мы дѣйствовали на солдатъ медленно; Бестужевъ-Рюминъ говорилъ мнѣ лично, равно какъ и всѣмъ, что возстаніе начнется не ранѣе августа 1826 г.; поэтому я дѣйствовалъ сообразно съ принятыми на себя обязанностями; клянусь всѣмъ, что для меня свято, что къ назначенному времени вся рота пойдетъ за мною въ огонь и въ воду». Громницкій оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ же условіемъ медленно дѣйствовать и, кромѣ того, сказалъ:

— «Намъ предлагаетъ начать бунтъ простой членъ общества, Борисовъ 2-й; приглашеніе сіе привезъ его братъ, но мы не имѣемъ никакого увѣдомленія ни отъ С. Муравьева, ни отъ Бестужева, которымъ мы дали слово содѣйствовать. Я не обязывался сломить себѣ шею для каждаго; пускай пріѣдетъ самъ Муравьевъ, или пускай покажутъ мнѣ приглашеніе къ возстанію, написанное его рукою,—я тотчасъ взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовленіемъ солдатъ».

Тютчевъ не отказывался отъ сказаннаго имъ прежде Борисову 1-му и Спиридову: онъ опять подтвердилъ при всѣхъ, что готовъ ту же минуту начать дѣйствовать, что онъ ручается за свою роту, и прибавилъ къ сему: «Если мы начнемъ возстаніе и ежели пол-

ковой командиръ будетъ намъ препятствовать, я беру на себя убить его».

Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, Спиридовъ и Тютчевъ, видя, что невозможно никого уговорить, уѣхали.

Капитанъ Тютчевъ выступилъ съ ротою, 7 января, въ походъ слѣдуя съ батальономъ Пензенскаго полка въ Житомиръ, для занятія карауловъ при корпусной квартирѣ. Майоръ же Спиридовъ возвратился въ Красиловъ, куда, на другой день, прибылъ посланный имъ человѣкъ, который не могъ исполнить въ точности его порученія; ибо, оставивъ Шимкову записку и взявъ отъ него отвѣтъ, онъ, на дорогѣ къ Новградъ-Волынску, былъ схваченъ земскою полиціею, какъ шпіонъ злоумышленнаго общества. Его обыскивали, но такъ какъ, по приказанію Спиридова, записки были зашиты въ складкахъ шинели около воротника, то и не были найдены, несмотря на то, что полицейскіе служители отпарывали даже воротникъ. Изъ-подъ ареста, ночью, онъ бѣжалъ съ помощью еврея, въ корчмѣ коего содержался подъ стражею. Еврей за полтину серебра отважился спасти арестанта, который возвратился къ Спиридову и вручилъ ему записку отъ Шимкова, въ коей заключалось слѣдующее: «Саратовскій полкъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала возстанія. Я ѣздилъ въ Тамбовскій полкъ и принялъ тамъ пять ротныхъ командировъ, которые поклялись, при первомъ случаѣ, соединиться съ нашимъ полкомъ и готовы содѣйствовать намъ съ своими подчиненными». При запискѣ Шимкова была другая, отъ капитана того же полка, Ефимьева, который, между прочимъ, говорилъ:

«Къ сожалѣнію моему,—писалъ онъ къ Спиридову,—«я такъ несчастливъ, что не заслужилъ вашей довѣренности и не былъ членомъ общества; это моя вина. Но теперь будьте увѣрены и знайте, что при первомъ извѣстіи начинать я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, и надѣюсь на помощь своихъ товарищей; осмѣливаюсь ручаться не только за нѣсколько ротъ, но и за весь полкъ». Спиридовъ однако не могъ воспользоваться симъ предложеніемъ. Получивъ отказъ двухъ ротныхъ командировъ Пензенскаго полка и узнавъ 7 января о совершенномъ разбитіи С. Муравьева, онъ неминуемо долженъ былъ удержаться отъ дальнѣйшаго дѣйствія.

Описывая сіи разнообразныя дѣйствія, мы не можемъ не замѣтить, сколь много вредилъ дѣлу неопредѣленный и двусмысленный языкъ членовъ Южнаго общества. Слова, безпрестанно повторяемыя С. Муравьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и прочими, м е д л е н н о, п о с т е п е н н о, и с п о д в о л ь, заставили многихъ членовъ вовсе не дѣйствовать. Безпечность нѣкоторыхъ находила въ нихъ благовидный предлогъ къ извиненію; другіе оправдывали ими свою нерѣшимость или, лучше сказать, трусость, и краснѣя смотрѣли въ глаза тѣмъ, которые требовали точнаго соблюденія обязательствъ. Не менѣе сего вредно было явное желаніе Муравьева и Бестужева сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ: они хотѣли одни двигать членами, разбросанными въ разныхъ полкахъ, и запрещали имъ имѣть между собою сношенія. Такимъ образомъ, не имѣя возможности увѣдомить о началѣ возстанія, они доставили случай многимъ членамъ искренно или только наружно сомнѣваться въ необходимости мѣстныхъ возмущеній, направленныхъ къ одной цѣли.

Мы желали показать общее усиліе Славянъ возстать противъ правительства, съ цѣлью дополнить картину описываемаго нами событія. Сіе отвлекло насъ отъ Черниговскаго полка; мы полагаемъ, что такого рода отступленіе не только не лишнее въ нашемъ повѣствованіи, но даже необходимо: оно даетъ понять о расположеніи умовъ и о ходѣ дѣла.

3.

С. Муравьевъ въ Житомирѣ узнаетъ о возстаніи 14 декабря и спѣшитъ въ Трояновъ и въ Любаръ.—Отказъ Артамона Муравьева отъ содѣйствія.—Бр. Муравьевы отправляются въ Васильковъ и по пути останавливаются въ Трилѣсахъ.

Теперь возвратимся къ С. Муравьеву, котораго мы оставили въ Житомирѣ. Пріѣхавъ въ Житомиръ рано утромъ 25 декабря, онъ явился къ корпусному командиру, который пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Во время стола генералъ Ротъ разсказалъ ему подробно о происшествіи 14-го декабря, получивъ сіе извѣстіе черезъ экстра-почту. Изъ сего разговора С. Муравьевъ ясно видѣлъ, что общество открыто правительствомъ, и что мѣры къ арестованію членовъ уже приняты. Послѣ обѣда, ни мало не медля, онъ проѣхалъ въ Трояновъ, гдѣ квартировалъ Александрійскій гусарскій полкъ, коимъ командовалъ Александръ Муравьевъ, братъ Артамона Муравьева. Сергѣй Муравьевъ, пробывъ въ Трояновѣ не болѣе часу, успѣлъ переговорить съ офицерами сего полка, принадлежавшими къ обществу, и, безъ сомнѣнія, увѣдомилъ ихъ о случившемся въ столицѣ происшествіи. Потомъ поѣхалъ онъ съ братомъ своимъ Матвѣемъ

въ Любаръ къ Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырскимъ полкомъ. Должно полагать, что С. Муравьевъ въ это время не думалъ о возмущеніи, ибо по пріѣздѣ къ Артамону Муравьеву, онъ не дѣлалъ никакихъ предложеній, но старался узнать о готовности нижнихъ чиновъ и даже, разсказывая о 14 декабрѣ, онъ не одобрялъ сего дѣла. Потомъ разговоръ обратился на предметы вовсе посторонніе, какъ вдругъ вошелъ въ комнату Бестужевъ-Рюминъ.

«Тебя приказано арестовать,—сказалъ онъ, задыхаясь, С. Муравьеву:—всѣ твои бумаги взяты Гебелемъ, который мчится съ жандармами по моимъ слѣдамъ».

Эти слова были громовымъ ударомъ для обоихъ братьевъ и Артамона Муравьева.

— «Все кончено!—вскричалъ Матвѣй Муравьевъ.— Мы погибли, насъ ожидаетъ страшная участь; не лучше ли намъ умереть? Прикажите подать ужинъ и шампанскаго, — продолжалъ онъ, оборотясь къ Артамону Муравьеву:—выпьемъ и застрѣлимся весело».

— «Не будетъ ли это слишкомъ рано?—сказалъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ С. Муравьевъ.

— «Мы умремъ въ самую пору,—возразилъ Матвѣй:—подумай, братъ, что мы четверо главные члены и что своею смертію можемъ скрыть отъ поисковъ правительства менѣе извѣстныхъ».

— «Это отчасти правда,—отвѣчалъ С. Муравьевъ,— но, однакожъ, еще не мы одни главные члены Общества. Я рѣшился на другое. Артамонъ Захаровичъ можетъ перемѣнить видъ дѣла».

И обратясь къ Артамону Муравьеву, онъ предложилъ ему немедленно собрать Ахтырскій полкъ, итти

на Трояновъ, увлечь за собою Александрійскій гусарскій полкъ (такъ, какъ прежде и обѣщалъ Артамонъ Муравьевъ), явиться нечаянно въ Житомиръ и арестовать всю корпусную квартиру. Не ожидая отвѣта отъ Артамона, С. Муравьевъ вслѣдъ за симъ написалъ двѣ записки: одну—къ Горбачевскому, другую—къ Спиридову и Тютчеву, въ коихъ увѣдомлялъ ихъ о началѣ возстанія и приглашалъ къ содѣйствію, назначивъ Житомиръ сборнымъ пунктомъ. Отдавая сіи записки Артамону Муравьеву, онъ просилъ его убѣдительно отправить ихъ тотчасъ съ нарочными. Артамонъ, взявъ отъ него сіи записки, послѣ нѣкотораго молчанія, началъ говорить о невозможности возстанія и, между прочими отговорками, сказалъ:

— «Я недавно принялъ полкъ и потому еще не знаю хорошо ни офицеровъ, ни солдатъ; мой полкъ не приготовленъ еще къ такому важному предпріятію; пуститься на оное значитъ заранѣе приготовить неудачу».

Ротмистръ Семичевъ, который пришелъ къ Артамону Муравьеву за нѣсколько минутъ до пріѣзда Бестужева, при такомъ отвѣтѣ своего командира о расположеніи полка, не могъ удержаться отъ возраженія.

— «Я думаю совершенно противное, г. полковникъ, —сказалъ онъ: «въ этомъ случаѣ нужна рѣшимость и сильная воля; если вы не хотите сами говорить съ офицерами и солдатами, то соберите полкъ въ штабъ-квартиру; остальное намъ предоставьте». Замѣчаніе Семичева пробудило надежду въ сердцѣ Муравьева, его просьба приняла видъ требованія; представляя будущность, ожидающую членовъ общества, отъ требованія онъ перешелъ къ упрекамъ. Но Артамонъ Муравьевъ не хотѣлъ и слышать о возмущеніи.

— «Я сейчасъ ѣду,—сказалъ онъ съ жаромъ,—въ С.-Петербургъ къ государю, разскажу ему все подробно объ обществѣ, представлю, съ какою цѣлью оно было составлено, что намѣревалось сдѣлать и чего желало. Я увѣренъ,—продолжалъ онъ,—что государь, узнавъ наши добрыя и патріотическія намѣренія, оставитъ насъ всѣхъ при своихъ мѣстахъ, и вѣрно найдутся люди, окружающіе его, которые примутъ нашу сторону». При сихъ словахъ онъ сжегъ на свѣчкѣ записки, писанныя Сергѣемъ Муравьевымъ къ Славянамъ. С. Муравьевъ потерялъ терпѣніе.

— «Я жестоко обманулся въ тебѣ,—сказалъ онъ съ величайшею досадою:—поступки твои относительно нашего общества заслуживаютъ всевозможные упреки. Когда я хотѣлъ принять въ общество твоего брата, онъ, какъ прямодушный человѣкъ, объявилъ мнѣ откровенно, что образъ его мыслей противенъ всякаго рода революціямъ и что онъ не хочетъ принадлежать ни къ какому обществу; ты же, напротивъ, принялъ предложеніе съ необыкновеннымъ жаромъ, осыпалъ насъ обѣщаніями, клялся сдѣлать то, чего мы даже не требовали; а теперь, въ критическія минуты, когда дѣло идетъ о жизни и смерти всѣхъ насъ, ты отказываешься и даже не хочешь увѣдомить нашихъ членовъ объ угрожающей мнѣ и всѣмъ опасности. Послѣ сего я прекращаю съ тобою знакомство, дружбу, и съ сей минуты всѣ мои сношенія съ тобою прерваны». Послѣ минутнаго молчанія, С. Муравьевъ еще разъ попытался уговорить Артамона Муравьева, написалъ новую записку въ 8-ю бригаду и, отдавая ее Артамону, сказалъ съ выраженіемъ горести:

— «Доставь эту записку въ 8-ю бригаду; это

послѣдняя моя къ тебѣ просьба, одна услуга, которую я смѣю отъ тебя ожидать».

Артамонъ Муравьевъ взялъ записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить оную Славянамъ; но лишь только С. Муравьевъ уѣхалъ, онъ ее уничтожилъ, какъ и прежнія. Славяне послѣ сѣтовали на С. Муравьева, и именно за то, что онъ изъ Любара не далъ имъ никакого извѣстія, и впослѣдствіи только узнали причину непонятнаго молчанія.

Сергѣй Муравьевъ рѣшился тотчасъ оставить мѣст. Любаръ, не имѣя болѣе надежды на Ахтырскихъ гусаръ. Онъ просилъ Артамона Муравьева дать ему своихъ лошадей, чтобы скорѣе доѣхать въ свой полкъ, но и сія маловажная просьба осталась безъ удовлетвореній: командиръ Ахтырскаго полка извинялся и клялся, что у него нѣтъ ни одной лошади годной къ упряжи. Между тѣмъ Бестужевъ-Рюминъ рѣшился ѣхать къ артиллеристамъ и лично увѣдомить Славянъ о началѣ возстанія. «Я самъ ѣду въ 8-ю бригаду,— сказалъ онъ:—дайте мнѣ, Артамонъ Захаровичъ, верховую лошадь; 20 верстъ не далекій путь». Просьба Бестужева имѣла одну участь съ просьбою Муравьева: Артамонъ засыпалъ его словами, но не далъ верховой лошади, оправдываясь тѣмъ, что такой поступокъ покажется подозрительнымъ мѣстному начальству. Онъ совѣтовалъ Бестужеву выѣхать изъ Любара вмѣстѣ съ Муравьевымъ, отпрячь за городомъ отъ его тройки пристяжную лошадь и, объѣхавъ кругомъ Любаръ, скакать куда ему угодно.

Огорченный столь неожиданнымъ поведеніемъ командира Ахтырскаго полка, Сергѣй Муравьевъ, вмѣ-

стѣ съ братомъ Матвѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, спѣшили оставить Любаръ и должны были тащиться на измученныхъ уже лошадяхъ. Желая скорѣе пріѣхать въ свой полкъ, С. Муравьевъ далъ еврею, своему извозчику, по три рубля серебромъ на милю. Разными проселочными дорогами, наконецъ, 29 декабря, подъ вечеръ, они достигли деревни Трилѣсы, отстоящей отъ Василькова въ 45 верстахъ, и остановились на квартирѣ поручика Кузмина, квартировавшаго въ сей деревнѣ съ своею ротою. Бестужевъ-Рюминъ тотчасъ опять уѣхалъ, неизвѣстно куда.

Вскорѣ послѣ отъѣзда С. Муравьева изъ Любара, пріѣхалъ къ Артамону Муравьеву подполковникъ Гебель съ жандармскимъ поручикомъ Лангомъ, котораго онъ взялъ съ собою изъ Житомира, вмѣсто двухъ жандармскихъ офицеровъ, Несмѣянова и Скокова, бывшихъ у него въ Васильковѣ. Командиръ Ахтырскаго полка, подъ разными предлогами, задержалъ Гебеля нѣсколько часовъ и чрезъ то далъ возможность С. Муравьеву и его товарищамъ доѣхать до деревни Трилѣсы (одна услуга, оказанная имъ тайному обществу и С. Муравьеву). Не позволяя себѣ обвинять поведеніе кого-либо изъ членовъ въ сіи критическія минуты, можно, однако, замѣтить, что если бы Артамонъ Муравьевъ имѣлъ болѣе смѣлости и рѣшительности въ характерѣ и принялъ немедленно предложеніе С. Муравьева поднять знамя бунта, то мѣстечко Любаръ сдѣлалось бы важнымъ сборнымъ пунктомъ возставшихъ войскъ. Стоитъ только знать мѣсторасположеніе полковъ 6-й дивизіи съ артиллеріею и второй гусарской бригады и взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что Любаръ былъ почти въ самой сре-

динѣ сихъ войскъ, куда, при возстаніи, они сошлись бы въ самое короткое время, какъ радіусы къ своему центру.

4.

Попытка Андреевича уговорить къ дѣйствію Повало-Швейковскаго въ Радомыслѣ.—Андреевичъ ѣдетъ въ Житомиръ и отсюда по слѣдамъ С. Муравьева въ Траяновъ и Любаръ.—Изъ Любара возвращается въ Васильковъ и, не найдя тутъ С. Муравьева, ѣдетъ въ Кіевъ.

Въ то самое время, какъ С. Муравьевъ старался уговорить къ дѣйствію командира Ахтырскаго полка, Андреевичъ 2-й, посланный изъ Василькова, какъ мы выше сказали, черниговскими офицерами съ подобнымъ предложеніемъ къ другимъ членамъ общества, пріѣхалъ въ городъ Радомысль къ бывшему командиру Алексопольскаго полка, полковнику Повало-Швейковскому. Хотя, со времени Лещинскаго лагеря, Швейковскій лишился полка, но какъ онъ неоднократно утверждалъ, что это не помѣшаетъ ему поднять прежній свой полкъ, то Славяне положительно считали на его помощь. Андреевичъ узналъ отъ юнкера Энгельгарда, жившаго у Швейковскаго, что полковника дома нѣтъ. Сгорая отъ нетерпѣнія приступить скорѣе къ объясненію, Андреевичъ былъ въ ужасной досадѣ.

— «Давно ли уѣхалъ полковникъ?»—спросилъ онъ юнкера.

— «Онъ уѣхалъ рано поутру»,—отвѣчалъ Энгельгардъ съ замѣшательствомъ.

— «Не знаете ли вы, скоро ли онъ воротится назадъ?»

— «Не знаю, но, вѣроятно, около полуночи; ибо онъ всегда возвращается въ это время».

— «Скажите, по крайней мѣрѣ, далеко ли онъ уѣхалъ?»

— «Не очень далеко, за нѣсколько верстъ, въ гости къ одному помѣщику».

Андреевичъ спросилъ бумаги и написалъ къ Швейковскому записку, прося его поспѣшить домой.—«Я долженъ переговорить съ вами,—писалъ онъ,—о важномъ дѣлѣ; время мнѣ дорого». Потомъ, отдавая записку Энгельгарду, сказалъ:

— «Потрудитесь послать съ симъ письмомъ нарочнаго къ полковнику, а между тѣмъ прикажите дать мнѣ чаю; дорога чрезвычайно дурная, я жестоко прозябъ; къ тому же чай сократитъ время ожиданія, которое мнѣ кажется весьма долгимъ».

Юнкеръ взялъ письмо и, ни слова не говоря, вышелъ вонъ. Подали чай. Андреевичъ расположился покойно за чайнымъ столикомъ, съ твердою рѣшимостью дождаться возвращенія Швейковскаго, полагая, что онъ видѣлся съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, знаетъ о приказѣ арестовать перваго изъ нихъ и можетъ сказать ему, куда они оба поѣхали. Ему необходимо было свиданіе съ бывшимъ командиромъ Алексопольскаго полка: онъ долженъ былъ извѣстить его о началѣ возстанія, уговорить его, чтобы онъ немедленно возбудилъ алексопольцевъ къ мятежу и, принявъ надъ ними команду, шелъ на Кіевъ или Житомиръ, для соединенія съ Черниговскимъ полкомъ или съ 8-ю дивизіею. Между тѣмъ время летѣло, и отъ Швейковскаго не было отвѣта. Андреевичъ терялъ терпѣніе. Безпрестанно возрастающее замѣшательство Энгельгарда подало Андреевичу мысль, что отсутствіе Швейковскаго не что иное, какъ ложь,

вымышленная единственно для того, чтобы избавиться отъ непріятнаго гостя. Сіе подозрѣніе скоро показалось ему несомнѣнною истиною. Въ боковыхъ комнатахъ были слышны шопотъ и тихій стукъ шаговъ; всѣ двери, ведущія въ комнаты изъ залы, въ которой находился Андреевичъ, были заперты. «Вѣроятно онъ дома,—думалъ Андреевичъ про себя:—догадываясь о цѣли моего пріѣзда, безъ сомнѣнія онъ хочетъ уклониться отъ объясненій. Но это напрасно: я долженъ говорить съ нимъ». Въ сихъ мысляхъ онъ подошелъ къ одной изъ боковыхъ дверей и попробовалъ отворить оную, но внутренній замокъ сопротивлялся его силѣ. Съ досадою онъ пошелъ прочь и началъ снова ходить по залѣ, ожидая развязки. Наконецъ, его терпѣніе истощилось совершенно. Не видя юнкера, Андреевичъ не могъ болѣе владѣть собою: подошедши къ запертой двери, онъ ударилъ ее изъ всей силы ногою; замокъ не могъ устоять противъ удара, дверь отворилась съ шумомъ и къ удивленію онъ увидѣлъ передъ собою Швейковскаго, который въ замѣшательствѣ отступилъ назадъ и не зналъ, съ чего начать разговоръ съ неотвязчивымъ гостемъ...

— «Г. полковникъ,—сказалъ Андреевичъ, принявъ важный видъ,—я другъ Бестужева-Рюмина, вѣроятно вы догадываетесь, о чемъ дѣло идетъ; но напередъ позвольте васъ спросить, былъ ли онъ у васъ и, если былъ, то куда онъ поѣхалъ?»

— «Бестужевъ у меня былъ, но куда онъ поѣхалъ, я не знаю».

— «Наше общество открыто правительствомъ,—сказалъ Андреевичъ,—и мы рѣшились поднять знамя мятежа». Потомъ, въ короткихъ словахъ разсказавъ

Швейковскому о всемъ случившемся въ Васильковѣ, онъ просилъ принять участіе въ общей опасности и, взбунтовавъ свой полкъ, итти на Кіевъ или Житомиръ».

— «Оставьте скорѣе мой домъ,—былъ отвѣтъ полковника,—я ничего не могу для васъ сдѣлать».

— «Я думаю совершенно противное,—возразилъ съ притворнымъ хладнокровіемъ Андреевичъ:—товарищи мои надѣются на васъ, и ихъ надежды основываются на вашихъ собственныхъ словахъ; вы не разъ говорили о преданности и любви къ вамъ своихъ подчиненныхъ, о готовности офицеровъ и солдатъ слѣдовать за вами повсюду; итакъ вамъ легко возбудить ихъ къ мятежу».

— «Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ Швейковскій:—меня ненавидятъ и офицеры, и солдаты».

Андреевичъ, пораженный симъ отвѣтомъ, не зналъ, что говорить и, наконецъ, видя, что уговаривать полковника значитъ понапрасну терять слова и время, послѣ долгаго молчанія, сказалъ:

— «Вы видите, что я пріѣхалъ къ вамъ безо всего, въ одной шинели; вы знаете, куда и зачѣмъ я ѣду; на каждомъ шагу я долженъ подвергаться опасности быть арестовану... Итакъ, дайте мнѣ пару пистолетовъ или солдатское ружье; въ моемъ положеніи необходимо имѣть, что-нибудь для обороны».

Швейковскій ему и въ этомъ рѣшительно отказалъ, говоря: «Не ожидайте отъ меня ничего».

Андреевичъ, раздраженный такимъ поведеніемъ, сказалъ съ негодованіемъ: «Успокойтесь, г. полковникъ, я вижу, вы блѣдны, какъ смерть; успокойтесь, я васъ оставлю»—и съ этими словами удалился.

Изъ Радомысля Андреевичъ спѣшилъ въ Житомиръ: тамъ онъ надѣялся увидѣться съ Славянами и рѣшиться на какія-нибудь мѣры. Пріѣздъ Андреевича обрадовалъ житомирскихъ членовъ. Они ему сказали, что Муравьевъ 25 декабря уѣхалъ въ Траяновъ, и требовали отъ него, чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ по слѣдамъ и старался бы его догнать, между тѣмъ, какъ они будутъ стараться дать знать во всѣ полки о началѣ возстанія.—Въ Траяновѣ Андреевичъ узналъ, что С. Муравьевъ поѣхалъ въ Любаръ, почему, не останавливаясь ни на минуту, онъ пустился въ дорогу. За нѣсколько верстъ отъ Любара лошади его выбились изъ силъ; къ счастью, какой-то польскій извозчикъ ѣхалъ тою же дорогою и, видя затруднительное положеніе незнакомаго ему офицера, предложилъ Андреевичу мѣсто въ своей повозкѣ и довезъ его очень скоро до Любара. Пріѣхавши туда, онъ тотчасъ пошелъ къ командиру Ахтырскаго полка, думая, что, если онъ и не застанетъ у него С. Муравьева, то, по крайней мѣрѣ, получитъ отъ него прикрытіе для артиллеріи, которая квартировала отъ Любара очень близко, и что Артамонъ Муравьевъ, вѣроятно, начнетъ возстаніе. Пришедши къ нему, Андреевичъ узналъ, что С. Муравьевъ и Бестужевъ уѣхали. Тогда онъ объявилъ Артамону Муравьеву, что должно начать возстаніе; что въ 9-й дивизіи непремѣнно будутъ дѣйствовать, и что онъ, съ своей стороны, обязанъ вывести свой полкъ. Артамонъ Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать, приводя тѣ же причины, которыя онъ представлялъ лично С. Муравьеву. Андреевичъ, видя, что онъ отказывается, возразилъ съ жаромъ:

— «По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ, полковникъ, одинъ эскадронъ гусаръ; я пойду съ нимъ въ артиллерійскія роты и тамъ начнемъ дѣйствіе». Муравьевъ рѣшительно отказался дать ему какое-либо пособіе, говоря: «Поѣзжайте куда хотите». Андреевичъ представлялъ ему, что онъ не можетъ никуда ѣхать; что изъ 25 рублей серебромъ, данныхъ ему Черниговскими офицерами на наемъ лошадей, остался у него одинъ рубль; что у него нѣтъ паспорта, ни вида, кромѣ одной подорожной, и то на имя Сухинова, что онъ вездѣ затрудняется лошадьми, и что даже не только не имѣетъ способа догнать С. Муравьева, но даже выѣхать изъ Любара.

— «У меня нѣтъ денегъ: я десять тысячъ далъ С. Муравьеву, когда онъ отъ меня уѣзжалъ, и мнѣ нечѣмъ вамъ пособить».

— «Дайте мнѣ гусаръ, мнѣ не надо вашихъ денегъ, — сказалъ съ досадой Андреевичъ, — я пріѣхалъ къ вамъ не за деньгами, а за гусарами. Дайте мнѣ гусаръ, мнѣ нужны ваши солдаты и офицеры!» —повторилъ онъ нѣсколько разъ въ совершенномъ отчаяніи.

— «Въ послѣдній разъ говорю вамъ, что ваше требованіе не можетъ быть исполнено: мой полкъ не готовъ, — возразилъ полковникъ и вышелъ въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и, подавая Андреевичу 400 руб., сказалъ: «Я знаю, что у ротмистра Малявина продается лошадь; купите ее за эти деньги и поѣзжайте верхомъ скорѣе, вслѣдъ за Муравьевымъ и Бестужевымъ. Прощайте, я ничего не могу для васъ сдѣлать».

Замѣшательство Андреевича увеличивалось болѣе;

онъ не зналъ что дѣлать: скакать верхомъ зимою до Василькова, почти 200 верстъ, ему казалось невозможнымъ; но видя, что Артамонъ Муравьевъ рѣшительно отказывается поддержать Славянъ возстаніемъ, рѣшился ѣхать, взялъ деньги и спѣшилъ къ ротмистру Малявину. Пришедши туда, онъ засталъ у Малявина многихъ офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые были члены Южнаго общества, принятые Бестужевымъ-Рюминымъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій Андреевичъ обратился къ хозяину. «Я слышалъ отъ вашего полковника, — сказалъ онъ, — что вы продаете лошадь, которую цѣните въ 400 руб.; я даю вамъ сію сумму безъ торга, не видавши лошади». Громкій смѣхъ всѣхъ присутствовавшихъ былъ отвѣтомъ на сіе предложеніе. Андреевичъ удивился... «Полковникъ давно знаетъ, что я мою лошадь иначе не продаю, какъ за 800 р.,—отвѣчалъ Малявинъ:—вы напрасно ему повѣрили». Андреевичъ, огорченный неудачею, объяснилъ офицерамъ, принадлежавшимъ къ обществу, цѣль своей поѣздки, разсказалъ имъ свое свиданіе съ Швейковскимъ, съ Арт. Муравьевымъ и ихъ отговорки. Гусары слушали Андреевича съ величайшимъ чувствомъ негодованія; когда же онъ кончилъ, то ругательства и проклятія посыпались на малодушныхъ, но гнѣвъ ихъ кончился одними словами. Они не могли приступить тотчасъ къ дѣйствію; полкъ ихъ былъ разбросанъ по деревнямъ. «Солдаты наши не приготовлены,—гооврили они,—и большая часть офицеровъ ничего не знаютъ; полковой командиръ никогда не говорилъ намъ о намѣреніяхъ общества и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нами; поэтому мы сами оставались въ такомъ бездѣйствіи и не думали пригото-

влять своихъ подчиненныхъ». Андреевичъ, видя, что всѣ надежды его исчезли, убѣдясь, что нѣтъ надобности ѣхать въ артиллерійскія роты безъ требуемаго его товарищами прикрытія, рѣшилъ ѣхать по слѣдамъ С. Муравьева, стараться догнать его и, пріѣхавъ съ нимъ въ какой-нибудь полкъ, начать тамъ возстаніе. Ротмистръ Семичевъ и другіе члены Южнаго общества были согласны съ симъ мнѣніемъ Андреевича и совѣтовали ему немедленно ѣхать въ Васильковъ. Семичевъ просилъ сказать С. Муравьеву, если онъ начнетъ возстаніе и если Ахтырскій полкъ будетъ посланъ для усмиренія мятежа, то всѣ офицеры за долгъ почитаютъ соединиться съ нимъ и станутъ дѣйствовать за общее дѣло. Поручикъ Никифораки самъ побѣжалъ искать лошадей и въ скорости возвратился съ нанятымъ имъ евреемъ, который взялся доставить Андреевича до Василькова за неимовѣрно-высокую плату. Дѣлать было нечего: Андреевичъ тотчасъ согласился и снова пустился въ дорогу.

Отъѣхавъ верстъ 40 отъ Любара, подъ самымъ селеніемъ Пятками, извозчикъ его сбился съ дороги. Ночь была темная; порывистый вѣтеръ, начавшій дуть съ вечера, поднялъ сильную мятель. Андреевичъ не имѣлъ на себѣ никакой теплой одежды; одна офицерская шинель сверхъ мундира не могла его защитить отъ пронзительнаго, холоднаго вѣтра. Поле было ровное и не представляло никакой защиты. Къ счастію, лошади сами собою набрели на крестьянскую избу, гдѣ жили майданщики (дѣлающіе селитру). Эта нечаянность спасла ему жизнь. Обогрѣвшись и давъ отдохнуть измученнымъ лошадямъ, Андреевичъ поскакалъ проселочными дорогами прямо

въ Васильковъ; но, пріѣхавъ въ сей городъ 31 декабря, онъ не засталъ уже Черниговскаго полка, который выступилъ въ походъ. Городъ былъ въ величайшемъ страхѣ, и никто не принималъ пріѣзжающихъ къ себѣ на квартиру: мѣстное начальство замѣчало за всѣми подозрительными людьми. Угрожаемый каждую минуту попасться въ руки правительства, Андреевичъ спрятался къ одному еврею, который согласился его принять въ домъ за нѣсколько рублей серебромъ. Потомъ просилъ онъ его достать ему лошадей, чтобы догнать Черниговскій полкъ. Еврей старался сыскать, но не могъ, хотя Андреевичъ обѣщался ему точасъ заплатить вдесятеро. Видя невозможность оставаться въ Васильковѣ, онъ рѣшился выйти изъ города пѣшкомъ, въ дальней деревнѣ, въ сторонѣ отъ большей дороги, нанялъ у крестьянина пару лошадей и поѣхалъ въ Кіевъ. Онъ старался доѣхать туда какъ можно скорѣе, поспѣшая объявить всѣмъ кіевскимъ членамъ о дѣйствіяхъ С. Муравьева.

5.

Происшествія въ Трилѣсахъ.—Арестъ и освобожденіе бр. Муравьевыхъ.—Нападеніе на Гебеля и возстаніе роты Черниговскаго полка.

Оставимъ Андреевича въ Кіевѣ и обратимся, наконецъ, къ описанію возстанія Черниговскаго полка, которое началось въ деревнѣ Трилѣсахъ, вскорѣ по пріѣздѣ туда С. Муравьева и Бестужева-Рюмина.

Черниговскіе офицеры, которыхъ мы оставили въ Васильковѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали знака къ возстанію. Хотя они не сомнѣвались въ готовности дру-

гихъ членовъ тайнаго общества содѣйствовать имъ въ достиженіи общей цѣли и были увѣрены, что поѣздка Андреевича и Бестужева увѣнчается счастливымъ успѣхомъ, но неизвѣстность становилась для нихъ часъ отъ часу тягостнѣе: они не могли дѣйствовать и не умѣли оставаться праздными. Для начала дѣйствія имъ необходимо было узнать, гдѣ С. Муравьевъ и на что онъ рѣшился? Наконецъ, сіе желаніе ихъ исполнилось. Около 11 часовъ ночи, съ 28 на 29 декабря 1825 года, Кузминъ получилъ черезъ рядового ввѣренной ему роты записку слѣдующаго содержанія: «Анастасій Дмитріевичъ! Я пріѣхалъ въ Трилѣсы и остановился на вашей квартирѣ. Пріѣзжайте и скажите барону Соловьеву, Щепилѣ и Сухинову, чтобы они тоже пріѣхали какъ можно поскорѣе въ Трилѣсы. Вашъ Сергѣй Муравьевъ». Кузминъ немедленно сообщилъ своимъ товарищамъ желаніе Муравьева съ ними увидѣться. «Ѣдемъ,—вскричали они въ одинъ голосъ,—ѣдемъ въ сію же ночь». Черезъ нѣсколько минутъ лошади были готовы. Но мысль, что, можетъ быть, С. Муравьевъ уже арестованъ Гебелемъ, по пріѣздѣ его въ Трилѣсы, остановила ихъ стремленіе и заставила ихъ подумать.

— «Что мы будемъ дѣлать, если Гебель арестовалъ Муравьева?»—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— «Освободить его и начать дѣйствовать, освободить его!»—былъ единодушный отвѣтъ.

Рѣшившись на столь смѣлое предпріятіе и не зная, какою дорогою поѣдетъ Гебель съ арестованнымъ Муравьевымъ изъ Трилѣсъ въ Васильковъ, черниговскіе офицеры рѣшились раздѣлиться и ѣхать двумя дорогами, чтобы непремѣнно его встрѣтить. Соловьевъ

и Щепила поѣхали большою дорогою, а Кузминъ и Сухиновъ—проселочною.

Между тѣмъ, какъ они спѣшили въ Трилѣсы, ихъ опасеніе исполнилось. Въ полночь того же числа прибылъ туда Гебель съ жандармскимъ офицеромъ Лангомъ и, узнавъ, что С. Муравьевъ и братъ его Матвѣй остановились на квартирѣ Кузмина, онъ собралъ часть квартировавшей тамъ роты, окружилъ домъ, вошелъ тихонько въ комнату, въ которой оба Муравьева спокойно спали, взялъ пистолеты, лежавшіе на столѣ, и потомъ, разбудивши ихъ, объявилъ имъ повелѣніе объ арестѣ [1]).

Въ 8 часовъ утра, 29 декабря, Кузминъ и Сухиновъ прискакали первые въ Трилѣсы. Увидя домъ свой, окруженный часовыми, Кузминъ сказалъ своему товарищу: «Сбылось наше предположеніе, Муравьевъ арестованъ; къ счастію мы его здѣсь застали». И съ этими словами они оба вошли прямо въ комнату. Гебель встрѣтилъ Кузмина выговоромъ за отлучку отъ роты, а Сухинова—за неявку къ новому своему назначенію. Кузминъ и Сухиновъ, пораженные таковыми привѣтствіями, старались однакожъ сохранить хладнокровіе и не отвѣчать ни слова на дерзости Гебеля. Мысли ихъ были заняты другимъ пред-

---

[1]) Муравьевъ сдѣлалъ ошибку, пріѣхавъ въ Трилѣсы и, зная, что по слѣдамъ его скачетъ Гебель, не взявъ никакихъ предосторожностей, даже не приказавъ фельдфебелю роты Кузмина дать ему тотчасъ знать, когда Гебель пріѣдетъ. Онъ легъ спать спокойно; но Гебель, съ своей стороны, арестовавъ Муравьевыхъ, былъ тоже неосторожень, не отправивши тотчасъ ихъ дальше, но сталъ дожидаться разсвѣта и, удовольствовавшись тѣмъ, что они уже арестованы, расположился преспокойно отдыхать и готовился поутру пить чай. Бѣдный Гебель не зналъ, что роковая записка была послана въ Васильковъ.

метомъ. Они съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда Соловьева и Щепилы, которые съ такимъ же чувствомъ летѣли къ нимъ на помощь и скоро достигли Трилѣсъ. Сухиновъ выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу. «Муравьевъ арестованъ, Гебель здѣсь»,—сказалъ онъ съ досадою. Услышавъ сіе, Щепила тотчасъ соскочилъ съ повозки и въ сильномъ движеніи сказалъ: «Убить его!» Сдѣлавъ два шага впередъ: «убить его непремѣнно»—повторилъ нѣсколько разъ рѣшительнымъ голосомъ пылкій товарищъ Соловьева. «Пойдемъ къ нимъ скорѣе», продолжалъ онъ, запыхаясь отъ гнѣва и идя скорыми шагами къ квартирѣ Кузмина. Соловьевъ и Сухиновъ за нимъ слѣдовали.

Командиръ Черниговскаго полка, увидя еще двухъ новопріѣзжихъ и, можетъ быть, подозрѣвая ихъ въ какомъ-нибудь замыслѣ, началъ также имъ дѣлать выговоры и упреки за отлучку отъ своихъ мѣстъ и требовалъ, чтобы они немедленно отправились въ свои роты. Баронъ Соловьевъ отвѣчалъ ему, что онъ первый рѣшительно не будетъ повиноваться его приказанію. Щепила повторилъ то же. Не взирая на положительность отказа и на рѣшительный тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, Гебель требовалъ повиновенія еще съ большею настойчивостью. Это произвело ужасный споръ, во время котораго Муравьевъ далъ знакъ офицерамъ, чтобъ они приступили къ дѣйствію, и къ сему знаку прибавилъ онъ тихимъ, но внятнымъ для нихъ голосомъ: «Убить его». Гебель, разгоряченный споромъ, хотя не замѣтилъ знака и не слыхалъ рокового приговора, но видя невозможность восторжествовать надъ упорствомъ своихъ офицеровъ, а, можетъ быть, опасаясь непріятныхъ слѣд-

ствій, смягчилъ строгій голосъ командира и хотѣлъ возстановить дисциплину ласковыми словами. Однако, его усилія были тщетны; все было кончено, и намѣреніе начать дѣйствовать твердо было принято.

Черезъ нѣсколько минутъ Кузминъ вышелъ въ другую комнату, отдѣленную отъ первой большими проходными сѣнями, съ тѣмъ, чтобы все приготовить къ возстанію и объявить солдатамъ своей роты о предпринимаемомъ дѣйствіи. Щепила, Соловьевъ и Сухиновъ вышли вслѣдъ за нимъ съ тою же цѣлью. Успѣхъ былъ неимовѣрный: солдаты изъявили готовность во всемъ повиноваться своимъ офицерамъ. Ободренные столь счастливымъ началомъ, офицеры Черниговскаго полка немедленно хотѣли приступить къ освобожденію Муравьева. Щепила и Соловьевъ вышли изъ кухни, гдѣ была временная караульня, въ сѣни, чтобы свободнѣе тамъ переговорить о мѣрахъ, необходимыхъ къ исполненію сего намѣренія. Въ это самое время поручикъ Лангъ, хлопотавшій объ отъѣздѣ, вышелъ изъ противолежащей комнаты. Щепила, увидя Ланга и думая, что онъ подслушалъ ихъ разговоръ, схватилъ ружье, стоявшее въ углу сѣней, и хотѣлъ его смертію начать предполагаемое дѣйствіе. Но Соловьевъ, махнувъ рукою, отвелъ смертельный ударъ. «Оставимъ его въ живыхъ,—сказалъ онъ Щепилѣ,—лучше мы его арестуемъ; для насъ достаточно этого». Испуганный жандармъ, видя опасность, выбѣжалъ безъ всякаго шума изъ сѣней и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Черниговскіе офицеры замѣтили его удаленіе и, опасаясь, чтобы онъ не извѣстилъ кого-либо о началѣ возмущенія и не остановилъ бы тѣмъ успѣха, послали тотчасъ Сухинова схватить Ланга и при-

вести его. Сухиновъ поймалъ жандармскаго поручика недалеко отъ дома, но, изъ человѣколюбія не рѣшившись вести ненавистнаго жандарма къ своимъ товарищамъ, онъ оставилъ его въ домѣ священника и посадилъ въ погребъ, намѣреваясь его взять оттуда, когда умы успокоятся и когда можно будетъ содержать его подъ арестомъ, не подвергая опасности его жизнь. Возвратившись, онъ объявилъ своимъ товарищамъ, что жандарма не нашелъ; въ пылу негодованія Щепила и Кузминъ настоятельно требовали отъ Сухинова, чтобы онъ привелъ бѣглеца. Сухиновъ послушался и поспѣшилъ въ домъ священника, но, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ своего узника, который, во время его отсутствія, въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ и почти первый донесъ въ дивизіонную квартиру о началѣ возмущенія.

Между тѣмъ подполковникъ Гебель, разговаривая съ Муравьевымъ, ничего не зналъ, что происходило въ сѣняхъ. Не видя долгое время поручика Ланга и скучая долгимъ приготовленіемъ лошадей, онъ началъ звать его громкимъ голосомъ. Не имѣя никакого отвѣта, онъ съ досадою выбѣжалъ изъ комнаты и бросился прямо въ караульню, чтобы послать вѣстового отыскивать Ланга, но, встрѣтивъ тамъ Щепилу и Кузмина, который отдавалъ приказанія своему фельдфебелю, онъ забылъ свое намѣреніе, пришелъ снова въ бѣшенство и началъ осыпать выговорами и укоризнами офицеровъ, которые, на этотъ разъ, [illegible] были такъ снисходительны, какъ прежде: Щепила отвѣчалъ Гебелю на его выговоры сильнымъ ударомъ штыка въ брюхо. Почувствовавъ тяжелую рану, командиръ Черниговскаго полка хотѣлъ выскочить вонъ изъ

комнаты, но въ дверяхъ его встрѣтилъ Соловьевъ и, ухвативъ обѣими руками за волосы, повалилъ на землю. Кузминъ и Щепила бросились на упавшаго Гебеля и начали его колоть и бить. Соловьевъ, оставя Гебеля въ рукахъ своихъ товарищей, спѣшилъ освободить арестованныхъ Муравьевыхъ, которые, пользуясь отсутствіемъ полкового командира и жандарма и замѣтя движеніе офицеровъ и шумъ, происходившій въ сѣняхъ, выбили окошко и выскочили изъ комнаты. Часовой, не зная ничего, хотѣлъ было воспрепятствовать мнимому побѣгу, но прибѣжавшій на его крикъ ефрейторъ заставилъ его молчать пощечиною [1]). Соловьевъ вбѣжалъ въ комнату и, не нашедъ въ оной Муравьевыхъ (Сергѣя и брата его Матвѣя), бросился къ выбитому окошку, изъ коего къ крайнему удивленію увидалъ С. Муравьева на дворѣ, наносившаго тяжелые удары ружейнымъ прикладомъ по головѣ Гебелю, который, послѣ побоевъ Щепилы и Кузмина, собралъ послѣднія силы и, поднявшись на ноги, вынесъ ихъ, такъ сказать, на своихъ плечахъ изъ сѣней и былъ остановленъ въ дверяхъ С. Муравьевымъ.

Видъ окровавленнаго Гебеля, прислонившагося къ стѣнѣ и закрывающаго голову руками, въ надеждѣ тѣмъ защитить себя отъ наносимыхъ ему ударовъ, заставилъ Соловьева содрогнуться: онъ немедленно выскочилъ въ окно и, желая какъ можно скорѣе кончить сію отвратительную сцену, схватилъ ружье и сильнымъ ударомъ штыка въ животъ повергнулъ Ге-

---

[1]) Этотъ самый часовой былъ въ походѣ съ Муравьевымъ и былъ одинъ изъ лучшихъ солдатъ во время онаго.

беля на землю. Обратясь потомъ къ С. Муравьеву, началъ онъ его просить, чтобы онъ прекратилъ безполезныя жестокости надъ человѣкомъ, лишеннымъ возможности не только имъ вредить, но даже защищать свою собственную жизнь. Сіи просьбы имѣли свое дѣйствіе: С. Муравьевъ оставилъ Гебеля и только въ это время почувствовалъ, что ознобилъ себѣ пальцы отъ прикосновенія ружейнаго ствола.

Едва С. Муравьевъ оставилъ полумертваго Гебеля, какъ сей несчастный пришелъ въ себя, приподнялся на ноги и въ безпамятствѣ пошелъ, шатаясь, самъ не зная куда. Къ несчастію, онъ попался на глаза Кузмину, который подбѣжалъ къ нему, ударомъ по шеѣ сшибъ его съ ногъ и, въ изступленіи, нанесъ ему еще восемь тяжелыхъ ранъ; удары были такъ сильны, что за каждымъ разомъ Кузминъ долженъ былъ употреблять силу, чтобы выдернуть свою шпагу изъ костей Гебеля. Можетъ быть, Кузминъ прекратилъ бы страданія Гебеля, если бы не подбѣжалъ къ нему Соловьевъ и не уговорилъ оставить изувѣченнаго человѣка, представляя его совершенно имъ безвреднымъ и едва дышащимъ. Кузминъ удалился, но жизнь не оставила Гебеля. Ослабленный истеченіемъ крови, съ разбитою головою, покрытый ранами, онъ снова собралъ силы, поднялся на ноги и, шатаясь, вышелъ за ворота, сдѣлалъ тамъ нѣсколько шаговъ и упалъ безъ чувствъ посреди улицы. Одинъ рядовой роты Кузмина остановилъ ѣхавшаго по улицѣ крестьянина, положилъ Гебеля на сани и повезъ его въ домъ управителя.

С. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, впалъ въ нѣкоторый родъ неистовства: требовалъ, чтобы офицеры

отыскали Гебеля и непремѣнно лишили его жизни, а самъ побѣжалъ по переулку, съ намѣреніемъ перехватить сани, на которыхъ солдатъ везъ своего полкового командира. Не догнавъ его, С. Муравьевъ поручилъ Сухинову непремѣнно остановить Гебеля, вывезти его за деревню и бросить въ снѣгъ. Видя ярость и бѣшенство С. Муравьева, Сухиновъ притворился согласнымъ исполнить его приказаніе и побѣжалъ вслѣдъ за санями, но, возвратившись, объявилъ Муравьеву, что солдатъ отдалъ уже Гебеля управителю и что сей послѣдній собралъ къ себѣ множество вооруженныхъ крестьянъ [1]). Между тѣмъ С. Муравьевъ приказалъ Кузмину собрать роту и итти въ Ковалевку, а самъ, взявъ съ собою Соловьева и Щепилу, поѣхалъ впередъ въ сію деревню. Когда они подъѣхали къ управительскому дому, Щепила, находясь еще въ сильномъ раздраженіи, предложилъ С. Муравьеву заѣхать къ управителю и убить тамъ Гебеля. С. Муравьевъ тотчасъ согласился и приказалъ кучеру прямо туда ѣхать; но Соловьевъ всѣми силами воспротивился сему, какъ безполезному, такъ и ничтожному покушенію, просилъ Муравьева оставить его намѣреніе и, не ожидая его согласія, крикнулъ грозно на кучера: «Пошелъ прямо!» Кучеръ послушался Соловьева, ударилъ по лошадямъ и про-

---

[1]) Покажется страннымъ, что послѣ столькихъ полученныхъ ранъ Гебель могъ еще остаться въ живыхъ. Но вѣроятно сему способствовало его крѣпкое и здоровое сложеніе, скорая помощь лекаря, а можетъ быть, отъ изступленія и ярости офицеровъ невѣрно наносимые удары. Однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, онъ былъ четыре мѣсяца въ постели, лишился нѣсколькихъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ, которые ему отбилъ С. Муравьевъ ружейнымъ прикладомъ, и получилъ тринадцать тяжкихъ ранъ острымъ оружіемъ.

несся мимо дома. Муравьевъ и Щепила противились. Соловьевъ ихъ не слушалъ и тѣмъ отвратилъ ихъ отъ сего безполезнаго дѣйствія. Щепила и Соловьевъ, оставивъ С. Муравьева въ деревнѣ Ковалевкѣ, гдѣ квартировала 2-я гренадерская рота, подъ командою поручика Петина, поѣхали къ своимъ ротамъ чрезъ Васильковъ.

6.

Въ Васильковѣ.—Смятеніе обывателей.—Мѣры замѣстителя Гебеля майора Трухина.—С. Муравьевъ съ повстанцами занимаетъ Васильковъ.—Возстаніе частей, расположенныхъ въ этомъ городѣ.—Приготовленія къ походу.—Молебенъ и чтеніе катихизиса.

Все случившееся въ Трилѣсахъ было уже извѣстно въ городѣ. Ужасъ распространился между жителями, а мѣстное начальство старалось взять мѣры, могущія остановить успѣхъ Муравьева. Трухинъ, старшій майоръ послѣ С. Муравьева, удвоилъ городской караулъ и отправилъ приказаніе во всѣ роты непремѣнно собраться въ городъ. Узнавъ, что Соловьевъ и Щепила пріѣхали въ Васильковъ и остановились у полкового квартирмейстера, поручика Войниловича, майоръ Трухинъ тотчасъ взялъ роту внутренней стражи, городничаго и дежурнаго по карауламъ, поручика Быстрицкаго, пошелъ на квартиру помянутаго офицера и тамъ арестовалъ Соловьева и его товарища въ то время, какъ они отдыхали, ожидая свѣжихъ лошадей. Потомъ онъ приказалъ поручику Быстрицкому ѣхать въ деревню, принять роту Соловьева и привести ее въ Васильковъ. На глазной гауптвахтѣ, гдѣ содержались арестованные офицеры, было отдано

строжайшее приказаніе отъ майора никого къ нимъ не впускать, не говорить ни слова съ мятежниками, и, если они вздумаютъ подговорить караульныхъ, то стрѣлять по нимъ безъ всякаго сожалѣнія. Однако, несмотря на сей строгій приказъ, Щепила и Соловьевъ не только принимали посѣщенія другихъ офицеровъ, говорили съ солдатами, но даже разсказали имъ подробно о всемъ случившемся въ Трилѣсахъ и просили ихъ не оставлять своихъ товарищей въ столь трудныхъ обстоятельствахъ. Какъ караульные солдаты, такъ и офицеры, посѣщавшіе арестантовъ, обѣщали непремѣнно присоединиться къ возставшимъ ротамъ.

Въ скоромъ времени майоръ Трухинъ, вѣроятно изъ предосторожности, разлучилъ Соловьева и Щепилу, приказавъ перевезти сего послѣдняго на квартиру и содержать тамъ подъ такимъ же строгимъ присмотромъ, какъ и на гауптвахтѣ. Бѣдный майоръ не замѣчалъ, что надъ его приказаніями явно смѣялись не только офицеры, но и солдаты, хотя, повидимому, приводили ихъ въ исполненіе.

С. Муравьевъ въ деревнѣ Ковалевкѣ позвалъ тотчасъ къ себѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ 2-й гренадерской роты, чтобы узнать ихъ мнѣніе относительно замышляемаго возмущенія.

Видя, что они готовы раздѣлить съ нимъ всѣ опасности предпріятія, онъ приказалъ фельдфебелю собрать роту. Гренадеры собрались противъ квартиры своего ротнаго командира, съ которымъ Муравьевъ вышелъ къ нимъ и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, объявилъ о дѣлѣ въ короткихъ словахъ. Потомъ спросилъ ихъ, чувствуютъ ли они довольно му-

жества, чтобы отважиться на столь смѣлый и великій подвигъ. Гренадеры единодушно изъявили свое согласіе и отвѣчали положительно. Распустивъ ихъ по квартирамъ, С. Муравьевъ приказалъ имъ готовиться къ походу.

Для успѣха возстанія, начатаго безъ всякаго предварительнаго плана, необходимо было скорое и единодушное содѣйствіе всѣхъ членовъ тайнаго общества. С. Муравьевъ былъ увѣренъ въ преданности къ общему дѣлу членовъ славянской управы и потому спѣшилъ ихъ увѣдомить о возстаніи Черниговскаго полка. Съ симъ намѣреніемъ онъ послалъ Башмакова извѣстить членовъ 8-й артиллерійской бригады и пригласить ихъ къ поднятію оружія. Кромѣ сего, Башмаковъ долженъ былъ заѣхать къ капитану Черниговскаго полка Фурману и отправить его съ такимъ же порученіемъ къ членамъ 8-й пѣхотной дивизіи. Вслѣдъ за Башмаковымъ Муравьевъ послалъ въ 17-й егерскій полкъ, къ подпоручикамъ Вадковскому и Молчанову, унтеръ-офицера Какаурова, съ запискою, въ которой просилъ одного изъ нихъ пріѣхать въ Васильковъ для совѣщанія [1]). Отъ скораго исполненія подобныхъ приказаній, можетъ быть, зависѣлъ жребій С. Муравьева и его товарищей; но, къ несчастію, сіи приказанія не были исполнены съ надлежащею скоростью и точностью. Унтеръ-офицеръ

---

[1]) Вмѣсто того, чтобы послать Какаурова въ 17-й полкъ съ приказаніемъ, дабы члены, тамъ находящіеся, взбунтовали тотчасъ полкъ и шли бы къ черниговцамъ на помощь, С. Муравьевъ приказалъ пріѣхать въ Васильковъ одному члену и тогда далъ ему оное порученіе. Отъ сего произошла неудача и потеря времени, которая такъ дорога въ сихъ случаяхъ.

Какауровъ выполнилъ возложенную на него обязанность, какъ слѣдовало умному и расторопному солдату, но поведеніе Башмакова и Фурмана заслуживаетъ самое строгое порицаніе; вмѣсто того, чтобы спѣшить въ назначенныя имъ мѣста, они теряли время за картами и виномъ. Въ 25 верстахъ отъ Василькова, они были арестованы земскимъ исправникомъ, который взялъ ихъ за карточнымъ столомъ весьма не въ трезвомъ видѣ.

Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ въ Ковалевку и тутъ узналъ о происшествіяхъ, случившихся во время его поѣздки. Положительно неизвѣстно, гдѣ онъ былъ; но, вѣроятно, сколько можно догадываться по обстоятельствамъ, онъ ѣздилъ въ ближайшіе полки и приглашалъ къ дѣйствію командировъ оныхъ [1]). Почти вслѣдъ за нимъ пришелъ Кузминъ съ частью своей роты. Опасаясь оставить С. Муравьева безъ прикрытія, онъ дожидался, пока соберется вся рота, разбросанная по деревнямъ, и предпоручилъ своему фельдфебелю Шутову привести остальную команду въ городъ Васильковъ. На другой день (30 декабря), рано поутру, С. Муравьевъ съ 1-ю гренадерскою ротой и большею частью 5-й мушкатерской, выступилъ изъ

---

[1]) Положительно извѣстно, что Бестужевъ пріѣзжалъ въ Радомысль къ Швейковскому и тотъ отъ него спрятался. Съ огорченіемъ онъ уѣхалъ оттуда; но неизвѣстно, гдѣ онъ еще былъ. Станціонный писарь города Радомысля, послѣ разбитія С. Муравьева, доставилъ начальству записку его, писанную на французскомъ языкѣ къ Швейковскому, гдѣ онъ приглашалъ его къ возстанію; изъ сего видно намѣреніе Бестужева и его неудача; вѣроятно, онъ былъ и у другихъ полковыхъ командировъ. По возвращеніи своемъ, онъ очень скрывалъ отъ черниговскихъ офицеровъ, куда онъ ѣздилъ, гдѣ былъ и зачѣмъ.

Ковалевки, намѣреваясь въ одинъ переходъ сдѣлать 35 верстъ и притти въ Васильковъ. Майоръ Трухинъ, узнавъ о семъ движеніи, приказалъ въ городѣ бить тревогу, а 4-й мушкатерской ротѣ, занимавшей караулы, приготовиться къ бою. Сіи приготовленія навели на городскихъ жителей ужасъ: всѣ думали, что чрезъ нѣсколько минутъ Васильковъ будетъ театромъ кровавой битвы; но вышло совершенно противное. Въ 3 часа пополудни авангардъ С. Муравьева, подъ командою Сухинова, спокойно вошелъ въ городъ, достигъ городской площади, безъ всякаго сопротивленія, и не обнаружилъ никакихъ непріязненныхъ расположеній противъ жителей. Миролюбивый видъ мятежниковъ ободрилъ майора Трухина; надѣясь обезоружить ихъ одними словами, онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ и барабанщика, подошелъ къ авангарду и началъ еще издалека приводить его въ повиновеніе угрозами и обѣщаніями; но, когда онъ подошелъ поближе, его схватили Бестужевъ и Сухиновъ, которые, смѣясь надъ его витійствомъ, толкнули его въ средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбіе солдатъ: они бросились съ бѣшенствомъ на ненавистнаго для нихъ майора, сорвали съ него эполеты, разорвали на немъ въ куски мундиръ, осыпали его ругательствами, насмѣшками и, наконецъ, побоями. Въ сіе время С. Муравьевъ, подошедши съ своею колонною на площадь, избавилъ Трухина отъ дальнѣйшихъ непріятностей, приказавъ солдатамъ не трогать его и отправить на гауптвахту подъ арестъ. Почти въ то же самое время, 4-я мушкатерская рота, стоявшая на караулѣ, и 6-я, пришедшая къ ней на смѣну, подъ предводительствомъ арестованнаго Со-

ловьева, при радостныхъ восклицаніяхъ, присоединилась къ С. Муравьеву. Вскорѣ потомъ пришелъ на помощь Щепила, командуя карауломъ, содержащимъ его подъ арестомъ.

Столь счастливое начало оживило новою надеждою сердца черниговскихъ офицеровъ. Они не сомнѣвались въ будущихъ успѣхахъ своего оружія и уже мечтали объ окончаніи труднаго подвига. Пріѣздъ подпоручика Вадковскаго 17-го егерскаго полка усилилъ еще болѣе ихъ надежды. Онъ обѣщалъ С. Муравьеву, съ помощью товарища Молчанова, взбунтовать, если не весь егерскій полкъ, то, по крайней мѣрѣ, батальонъ; и ту же минуту отправился съ площади въ Бѣлую Церковь, для приведенія въ дѣйствіе своего намѣренія. Но, по пріѣздѣ туда, на заставѣ былъ арестованъ, закованъ въ кандалы и тотчасъ отправленъ въ главную квартиру 1-й арміи. Когда всѣ роты собрались на площадь, и Муравьевъ увидѣлъ, что городъ въ его власти, онъ приказалъ Сухинову и Мозалевскому итти на квартиру Гебеля (котораго уже привезли изъ Трилѣсовъ) за знаменами и полковымъ ящикомъ. При семъ случаѣ произошелъ безпорядокъ, о которомъ нельзя не упомянуть. При входѣ въ домъ, занимаемый Гебелемъ, Мозалевскій замѣтилъ, что на лѣвомъ флангѣ взвода, назначеннаго подъ знамена, недостаетъ нѣсколькихъ рядовъ; тутъ же услышалъ онъ въ комнатахъ шумъ и крикъ. Онъ тотчасъ догадался, что солдаты, оставивъ ряды, ворвались во внутренность дома и предаются безчинству. Догадки свои онъ сообщилъ Сухинову, который, обнаживъ саблю, бросился въ комнаты и увидѣлъ предъ собою толпу разъяренныхъ солдатъ,

готовыхъ принести Гебеля въ жертву ихъ мщенію. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а нѣкоторые даже предлагали убить ее вмѣстѣ съ малолѣтними ея дѣтьми. Просьбы и ласковыя слова были въ семъ случаѣ безполезны. Одна твердость характера, смѣлость и рѣшительность могли укротить буйство солдатъ. Сначала Сухиновъ угрожалъ наказать смертью тѣхъ, которые, забывъ военную дисциплину, оставили ряды безъ приказанія офицера, осмѣлились нарушить спокойствіе бѣдной женщины, оскорбляютъ ее и даже замышляютъ гнусное убійство. Но видя, что его слова не производятъ никакого дѣйствія, онъ рѣшился подтвердить оное дѣломъ и наказать немедленно перваго виновнаго. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары, и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимаго офицера. Сухиновъ, не теряя духа, бросился на штыки, осыпалъ сабельными ударами угрожавшихъ ему убійцъ и выгналъ ихъ изъ дому. Остальные солдаты, стоявшіе въ это самое время на дворѣ, подъ командою Мозалевскаго, хотѣли было итти на помощь къ своимъ товарищамъ, но Мозалевскій, вставъ впереди и съ саблею въ рукахъ, сказалъ имъ, что кто первый осмѣлится пошевелиться, тотъ ляжетъ на мѣстѣ. Мужествомъ и твердостью сихъ двухъ офицеровъ спасена жизнь Гебелю, его женѣ и дѣтямъ, и домъ избавился отъ конечнаго разграбленія.

По возвращеніи на площадь со знаменами, Мозалевскій получилъ отъ С. Муравьева приказаніе отыскать непремѣнно скрывшагося полкового адъютанта Павлова, отобрать отъ него архивъ, полковую печать и поса-

дить его самого подъ арестъ. Щепилѣ дано было такое же повелѣніе, и, взявши солдатъ, они отправились вмѣстѣ съ Мозалевскимъ отыскивать Павлова, который, какъ извѣстно было, скрывался въ городѣ. Поиски были безполезны. Павловъ былъ спрятанъ въ постелѣ между перинами у жены городничаго, гдѣ онъ пробылъ до самаго выступленія С. Муравьева изъ Василькова, и тогда только оставилъ свою роскошную темницу и поспѣшилъ увѣдомить кіевское начальство о возмущеніи въ Черниговскомъ полку. Сіи поиски, коихъ цѣль была извѣстна всѣмъ въ городѣ, послужили, однакожъ, къ сплетенію гнусной клеветы, которою недоброжелатели всякаго нововведенія старались очернить С. Муравьева и его сподвижниковъ и выдумали, что будто бы, по приказанію его, уголовные преступники были выпущены изъ тюрьмы, а уѣздное казначейство разграблено. Но, по произведенному самимъ правительствомъ слѣдствію, эти обвиненія оказались ложными, къ стыду самихъ клеветниковъ [1]).

---

[1]) Офицеры, посланные Муравьевымъ для отысканія адъютанта Павлова и утомленные долгими и безуспѣшными поисками, начали разспрашивать городскихъ жителей о бѣглецѣ. Мозалевскому какой-то канцеляристъ сказалъ, что Павловъ скрывается въ уѣздномъ казначействѣ. Онъ прямо туда пошелъ съ находящимися при немъ рядовыми, которыхъ, однакожъ, оставилъ на дворѣ присутственнаго мѣста, вошелъ въ оное одинъ и, узнавъ отъ служащихъ приказныхъ, что никого другого изъ постороннихъ не находилось и не находится въ томъ мѣстѣ, онъ вышелъ обратно и спѣшилъ продолжать свои розыски въ другихъ мѣстахъ города. При семъ должно замѣтить, что на этомъ же дворѣ находилась городская тюрьма, въ коей содержались разнаго рода уголовные преступники. Сіи два обстоятельства подали поводъ выдумать, будто бы Муравьевъ посылалъ солдатъ съ офицеромъ въ уѣздное казначейство, съ прика-

С. Муравьевъ оставался на городской площади и еще не дѣлалъ послѣднихъ распоряженій. Замѣтя безпокойство городскихъ властей и желая уничтожить ихъ опасенія, онъ призвалъ къ себѣ почетныхъ гражданъ, объявилъ имъ цѣль возмущенія, которое нимало не угрожало личной и вещественной ихъ безопасности, просилъ ихъ не предаваться напрасному страху и увѣрилъ, что порядокъ и тишина будутъ строжайше наблюдены. Потомъ просилъ онъ доставить подъ квитанцію нижнимъ чинамъ съѣстные припасы и водку. Ласковое и благородное обращеніе Муравьева не осталось безъ дѣйствія. Успокоенные жители доставили всѣ припасы, удовольствованные солдаты были помѣщены на тѣсныхъ квартирахъ, городъ окруженъ военною цѣпью, а Богуславская и Кіевская заставы были заняты сильнымъ карауломъ. На первую былъ назначенъ Мозалевскій, на вторую—Рыбаковскій.

Въ 8 часовъ вечера пришелъ въ Васильковъ 5-й мушкатерской роты фельдфебель Шутовъ съ рядовыми, оставленными поручикомъ Кузминымъ. Не доходя 7 верстъ до Василькова, около корчмы называемой Мытницы, встрѣтилъ его командиръ 9-й дивизіи, генералъ Тихановскій, и на его вопросъ, куда онъ идетъ съ командою, Шутовъ отвѣчалъ: «Къ своей ротѣ, въ Васильковъ».—«Знаешь ли ты, что дѣлается въ полку?»—спросилъ генералъ.—«Знаю, и затѣмъ именно туда иду»,—отвѣчалъ смѣло Шутовъ. Гене-

---

заніемъ завладѣть государственной казною и, кромѣ того, разбить тюрьму и освободить оттуда всѣхъ преступниковъ. Кто первый выдумалъ столь унизительную ложь, неизвѣстно.

ралъ Тихановскій, услышавъ сіе, приказывалъ ему итти съ командою въ дивизіонную квартиру, или обратно на ротный дворъ. Шутовъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ему повиноваться и нарушить обѣщанія, даннаго ротному командиру, поручику Кузмину, и батальонному командиру, С. И. Муравьеву, что ежели его команда оставитъ, то онъ одинъ пойдетъ въ Васильковъ. Генералъ Тихановскій, видя твердость Шутова, оставилъ его и, подошедши къ солдатамъ, сталъ ихъ уговаривать отстать отъ своего фельдфебеля и итти не въ Васильковъ, а въ Бѣлую Церковь; грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за непослушаніе, а въ противномъ случаѣ обѣщалъ имъ большія награды. Но слова и убѣжденія его не дѣйствовали: солдаты остались такъ же вѣрны, какъ и ихъ фельдфебель; всѣ до одного пришли, подъ командою Шутова, въ Васильковъ и явились къ своему ротному командиру. Шутовъ, донося, при вечернемъ рапортѣ сказалъ ему: «Я хотѣлъ было, ваше высокоблагородіе, арестовать его, но не смѣлъ этого сдѣлать, не имѣя на сіе никакого приказанія [1])». Полагая, что Тихановскій, можетъ быть, пріѣдетъ въ Васильковъ, С. Муравьевъ приказалъ Мозалевскому арестовать его на заставѣ и привести тотчасъ къ нему. Сего, однако, не случилось; но вмѣсто Тихановскаго, въ 9 часовъ вечера, на Богуславскую заставу прискакалъ жандармскій поручикъ Несмѣяновъ. Часовые остановили по-

---

[1]) Такая вѣрность и преданность солдатъ достойна всякаго замѣчанія. Шутовъ зналъ, что онъ произведенъ въ офицеры, что приказъ объ ономъ находится въ дивизіонной квартирѣ; также зналъ, какая его ожидаетъ награда и какое наказаніе. Онъ прогнанъ сквозь строй и сосланъ въ Сибирь на каторгу.

возку и вызвали офицера. Мозалевскій потребовалъ отъ жандарма его бумаги и объявилъ ему, что онъ арестованъ. Жандармъ не хотѣлъ ничего слушать и показывалъ видъ, что онъ намѣренъ защищаться, вынимая пистолеты. Мозалевскій приказалъ карауль-нымъ окружить повозку и скомандовалъ «на-руку». Нечего было дѣлать; жандармъ выдалъ свои бумаги и былъ отвезенъ на главную гауптвахту. Въ скоромъ времени другой жандармскій офицеръ—Соковъ, пріѣхавшій съ повелѣніемъ арестовать Матвѣя Муравьева, подвергся той же участи, какъ и первый, который долженъ былъ арестовать Сергѣя Муравьева.

Между тѣмъ, офицеры Черниговскаго полка не теряли времени. Ночь съ 30 на 31 декабря проведена въ приготовленіяхъ къ походу. Каждый занимался своимъ дѣломъ, забывая опасность; дѣятельность и усердіе членовъ общества были безпримѣрны: они старались одушевить солдатъ новымъ мужествомъ и поддержать бодрость ихъ духа. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на нихъ, они всѣми силами старались обезпечить ихъ продовольствіе. Сами солдаты въ приготовленіи къ походу показывали не менѣе ревности: ружья, патроны и вся амуниція были осмотрѣны съ величайшимъ тщаніемъ, и всѣ недостатки были исправлены. Посреди общей дѣятельности одинъ С. Муравьевъ не принималъ участія въ приготовленіяхъ: онъ оставался уединеннымъ, писалъ цѣлую ночь, но куда и къ кому—никто даже изъ близкихъ ему не могъ узнать.

Въ вечернемъ приказѣ С. Муравьева было сказано, что всѣ роты, находящіяся на лицо, должны собраться на площадь, на другой день (31 декабря) въ 9 часовъ

утра. Въ назначенное время пять ротъ, а именно: 1-го батальона 3-я мушкатерская, 2-го батальона—2-я гренадерская, 4-я, 5-я и 6-я мушкатерскія роты пришли на сборное мѣсто въ полной походной амуниціи. Музыканты безъ всякаго приказанія явились сами, и 60 человѣкъ, оставя инструменты, взяли оружіе изъ полкового цейхауза и стали въ ряды своихъ товарищей. 1-й гренадерской и 1-й мушкатерской ротъ не было на площади, потому что, по приходѣ въ Васильковъ, С. Муравьевъ тотчасъ послалъ приказаніе въ сіи роты собраться имъ въ деревню Мотовиловку и тамъ ожидать его прихода. 2-я мушкатерская рота, за которой былъ отправленъ поручикъ Быстрицкій майоромъ Трухинымъ, не успѣла еще притти. При собравшихся ротахъ находились слѣдующіе офицеры. Командиры ротъ: 3-й мушкатерской—поручикъ Щепила; 2-й гренадерской—поручикъ Петинъ; 4-й мушкатерской—поручикъ Маевскій; 5-й—поручикъ Кузминъ; 6-й—поручикъ Сухиновъ вмѣсто откомандированнаго Фурмана. Командиръ 2-й мушкатерской роты шт.-капитанъ баронъ Соловьевъ тутъ же находился, хотя рота его еще въ то время не пришла. Въ сихъ ротахъ—офицеры: Апостолъ-Кегичъ, Рыбаковскій, князь Мещерскій, Мозалевскій, Белелюбскій, Кондыревъ, Жизневскій, Войниловичъ. Сверхъ того находились тутъ и Полтавскаго полка поручикъ Бестужевъ-Рюминъ, отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и пріѣхавшій во время сбора полка на площадь, свиты Е. В. подпоручикъ Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ. Ротные командиры и офицеры повѣрили людей, осмотрѣли амуницію и съ нетерпѣніемъ ожидали С. Муравьева, который долго не выходилъ изъ своего кабинета, проведши тамъ около

часу времени съ Мозалевскимъ. Никто не зналъ, зачѣмъ Мозалевскій былъ у Муравьева и какое получилъ порученіе.

Вышедши въ залу, онъ приказалъ позвать полкового священника и, объяснивъ ему цѣль возстанія и свои намѣренія, просилъ его содѣйствовать въ семъ благомъ дѣлѣ молитвою и крестомъ. «Русское духовенство,—сказалъ ему, наконецъ, С. Муравьевъ,—всегда было на сторонѣ народа; оно всегда, во времена бѣдствій нашего отечества, являлось смѣлымъ и безкорыстнымъ защитникомъ правъ народныхъ». Священникъ, человѣкъ молодой и довольно просвѣщенный, постигнулъ возвышенныя и благородныя чувства С. Муравьева. «Я согласенъ на ваше предложеніе,—сказалъ онъ ему,—и готовъ умереть съ вами для общей пользы; но... я имѣю жену, дѣтей,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—если ваше предпріятіе не удастся, что будетъ съ ними? Бѣдность, нищета и даже позоръ ожидаютъ мою жену и моихъ сиротъ». Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали въ немъ первый порывъ любви къ отечеству; онъ готовъ былъ отказаться отъ прежнихъ словъ своихъ. Но Муравьевъ снова успѣлъ возбудить въ душѣ его благородное самоотверженіе. Желая успокоить справедливое опасеніе священника насчетъ его семейства, онъ далъ ему 200 руб. «Вручите сіи деньги вашему семейству,—сказалъ С. Муравьевъ,—они будутъ необходимы для него во время вашего отсутствія; между тѣмъ будьте увѣрены, что ни Россія, ни я никогда не забудемъ вашихъ услугъ». Священникъ, не возражая болѣе, пошелъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ на площадь.

Собравшіяся роты были построены въ густую ко-

лонну. Подошедъ къ ней, С. Муравьевъ привѣтствовалъ солдатъ дружелюбно и потомъ въ короткихъ словахъ изложилъ имъ цѣль возстанія и представилъ, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторгъ былъ всеобщій: офицеры и солдаты изъявили готовность слѣдовать всюду, куда поведетъ ихъ любимый и уважаемый начальникъ. Тогда С. Муравьевъ, обратясь къ священнику, просилъ его прочитать Политическій Катехизисъ, который состоялъ изъ чистыхъ республиканскихъ правилъ, приноровленныхъ къ понятіямъ каждаго. Священникъ читалъ громкимъ и внятнымъ голосомъ правила и обязанности свободныхъ гражданъ. «Наше дѣло,—сказалъ Муравьевъ по окончаніи чтенія, обратясь снова къ солдатамъ,—наше дѣло такъ велико и благородно, что не должно быть запятнано никакимъ принужденіемъ; и потому, кто изъ васъ, гг. офицеры и рядовые, чувствуетъ себя неспособнымъ къ такому предпріятію, тотъ пускай немедленно оставитъ ряды; онъ можетъ безъ страха остаться въ городѣ, если только совѣсть его позволитъ ему быть спокойнымъ и не будетъ его упрекать за то, что онъ оставилъ своихъ товарищей на столь трудномъ и славномъ поприщѣ и въ то время, какъ отечество требуетъ помощи каждаго изъ сыновъ своихъ». Громкія восклицанія заглушили послѣднія слова С. Муравьева. Никто не оставилъ рядовъ, и каждый ожидалъ съ нетерпѣніемъ минуты летѣть за славою или смертью.

Между тѣмъ священникъ приступилъ къ совершенію молебна. Сей религіозный обрядъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Души, возвышенныя опасностью предпріятія, были готовы принять священныя и таинственныя чувства религіи, которыя проникли даже въ

самыя нечувствительныя сердца. Дѣйствіе сей драматической сцены было усугублено неожиданнымъ пріѣздомъ свитскаго офицера, который съ восторгомъ бросился въ объятія С. Муравьева. Это былъ младшій братъ его—Ипполитъ. Надежда получить отъ него благопріятныя извѣстія о готовности другихъ членовъ заблистала на всѣхъ лицахъ. Каждый думалъ видѣть въ его пріѣздѣ неоспоримое доказательство всеобщаго возстанія, и всѣ заранѣе радовались счастливому окончанію предпринятаго подвига. Среди сихъ надеждъ колонна, получивъ благословеніе священника, съ крикомъ: «ура!» двинулась по дорогѣ въ деревню Мотовиловку. Городскіе жители, тѣснившіеся вокругъ, провожали воиновъ, желая имъ успѣха. «Да поможетъ вамъ Богъ!» — раздавалось повсюду. Солдаты были бодры, мужество блистало въ ихъ взорахъ, веселыя пѣсни выражали спокойствіе ихъ душъ. Для удержанія порядка и отвращенія внезапнаго нападенія войско шло въ боевомъ порядкѣ. Авангардомъ командовалъ Войниловичъ; аріергардомъ—Сухиновъ. Дѣятельность и бдительность сего послѣдняго оправдали вполнѣ довѣренность Муравьева и его товарищей. Несмотря на благородное чувство, одушевлявшее большую часть солдатъ, въ столь значительномъ числѣ оныхъ неминуемо находились такіе, которые думали, что при подобныхъ случаяхъ можно позволить себѣ, безъ упрека совѣсти, разнаго рода шалости и безчинства и безнаказанно нарушать дисциплину. Сухиновъ благоразумною осторожностью и строгимъ соблюденіемъ военныхъ правилъ укрощалъ ихъ буйство и поддерживалъ порядокъ. Нѣкоторые изъ нихъ притворялись пьяными съ намѣреніемъ отстать отъ полка и предаться безпорядкамъ. Подобныя хитрости

не ушли отъ бдительности Сухинова: онъ уничтожалъ всѣ ихъ замыслы. При самомъ началѣ, одинъ рядовой, сорвавшій платокъ съ женщины, провожавшей его, какъ добраго постояльца, былъ немедленно строго наказанъ при всѣхъ его товарищахъ. Войниловичъ, по распоряженію С. Муравьева, приближаясь къ каждой корчмѣ, посылалъ туда унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ съ строгимъ приказаніемъ ставить у дверей корчмы часовыхъ и никого не впускать въ оную. Такимъ образомъ прекращались всѣ безпорядки, почти неизбѣжные при движеніи полка.

Во время дороги къ Мотовиловкѣ, Ипполитъ Муравьевъ разсказалъ офицерамъ Черниговскаго полка, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга, 13-го декабря, съ порученіемъ отъ членовъ Сѣвернаго общества увѣдомить членовъ Южнаго о намѣреніи начать возмущеніе въ столицѣ и пригласить ихъ къ содѣйствію. Тутъ же онъ сказалъ, что московскіе члены раздѣляютъ мнѣніе петербургскихъ и обѣщаютъ помогать успѣхамъ возстанія, гдѣ бы оно ни началось. И, наконецъ, онъ прибавилъ, что дорогою узналъ о печальномъ событіи 14-го декабря. «Мой пріѣздъ къ вамъ въ торжественную минуту молебна,—говорилъ онъ,—заставилъ меня забыть все происшедшее. Можетъ быть, ваше предпріятіе удастся; но если я обманулся въ своихъ надеждахъ, то не переживу второй неудачи, и клянусь честью пасть мертвымъ на роковомъ мѣстѣ». Сіи слова тронули всѣхъ. «Клянусь, что меня живого не возьмутъ!»—вскричалъ съ жаромъ поручикъ Кузминъ.—Я давно сказалъ: «Свобода или смерть!» Ипполитъ Муравьевъ бросился къ нему на шею. Они обнялись, помѣнялись пистолетами и оба исполнили клятву.

7.

Поѣздка Мозалевскаго въ Кіевъ за помощью.

Прервемъ разсказъ о Черниговскомъ полку, который уже выступилъ изъ Василькова, и займемся отправленіемъ и поѣздкою Мозалевскаго въ Кіевъ. Сіе отступленіе отчасти объяснитъ намъ намѣренія, дѣйствія и надежды С. Муравьева. 31-го декабря, въ день выступленія полка изъ Василькова, въ 8 часовъ утра, Мозалевскій былъ съ рапортомъ у С. Муравьева, который, послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о приготовленіи полка къ походу, сказалъ ему, что намѣренъ откомандировать его съ важными порученіями, и потому просилъ его приготовиться скорѣе къ дорогѣ и запастись партикулярнымъ платьемъ. «О времени вашего отправленія, — прибавилъ онъ, — вы узнаете, когда все къ тому нужное будетъ готово». Въ 10 часовъ Мозалевскій узналъ отъ Щепилы, что Муравьевъ желаетъ съ нимъ видѣться. Онъ сейчасъ пошелъ къ нему и нашелъ тамъ Бестужева-Рюмина и Матвѣя Муравьева, которые, впрочемъ, кажется, ничего не знали о намѣреніи С. Муравьева. Едва Мозалевскій успѣлъ войти въ комнату, какъ С. Муравьевъ взялъ его за руку, повелъ въ свой кабинетъ и заперъ за собою дверь. Потомъ сказалъ ему, что онъ долженъ ѣхать въ Кіевъ съ письмами къ тамошнимъ членамъ тайнаго общества. «Вы должны,—говорилъ онъ,—спѣшить въ сей городъ; постарайтесь какъ можно скорѣе кончить порученное вамъ дѣло и немедленно возвратиться ко мнѣ. Будьте осторожны, старайтесь всѣми средствами скрыть вашъ пріѣздъ, какъ отъ кіевскихъ жителей,

такъ и отъ тамошняго мѣстнаго начальства». По порученію Муравьева, Мозалевскій долженъ былъ вручить письма тремъ членамъ тайнаго общества и распустить въ народѣ нѣсколько списковъ Политическаго Катехизиса. Содержаніе сихъ писемъ неизвѣстно; но изъ наставленій, данныхъ Муравьевымъ Мозалевскому, можно догадываться, чего онъ желалъ и чего надѣялся. Вручая ему письмо на имя одного генерала (котораго фамилія неизвѣстна), Муравьевъ просилъ Мозалевскаго пересказать ему о всемъ случившемся въ Черниговскомъ полку, узнать отъ него, что думаютъ другіе члены о происшествіи 14 декабря и о возстаніи Черниговскаго полка, и разспросить его о мѣрахъ, какія они съ своей стороны думаютъ принять; объявить ему о надеждахъ С. Муравьева на Кіевъ, гдѣ находится такъ много членовъ русскаго и польскаго обществъ и, наконецъ, просить на все письменнаго или словеснаго отвѣта. Отдавая другое письмо къ подполковнику Крупенникову, Муравьевъ сказалъ: «Объявите ему, что представляется удобный случай присоединиться ему съ своимъ полкомъ къ нашему; скажите, что я надѣюсь на его патріотизмъ и усердіе къ общему дѣлу и ожидаю отъ него положительнаго отвѣта. Сверхъ того, не забудьте узнать отъ сихъ членовъ о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ противъ насъ, и какіе именно полки назначены воспрепятствовать нашимъ успѣхамъ, и кто ими будетъ командовать. Но болѣе всего требуйте отъ нихъ отвѣтовъ»,—повторилъ онъ Мозалевскому нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ отдалъ ему третье письмо, адресованное на имя одного поляка. Тутъ же вручилъ онъ Мозалевскому большой пакетъ, заключавшій въ

себѣ нѣсколько списковъ Политическаго Катехизиса, приказалъ выбрать изъ своего полка надежныхъ и расторопныхъ двухъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера, одѣть ихъ въ простое платье, или, по крайней мѣрѣ, срѣзать съ шинелей погоны, взять ихъ съ собою въ Кіевъ и по пріѣздѣ туда поручить имъ пустить въ народъ сіи катехизисы, снабдивъ для сего необходимыми наставленіями. На вопросъ Мозалевскаго когда онъ долженъ ѣхать и гдѣ, по исполненіи порученія, догнать полкъ, Муравьевъ отвѣчалъ: «Чтобы отвлечь всякое подозрѣніе о вашей поѣздкѣ, вы должны быть, во время молебна, на площади и выйти изъ города вмѣстѣ съ полкомъ, пройти съ нимъ до первой корчмы, Малой Мытницы, а оттуда вы можете уже ѣхать проселочными дорогами, миновавъ Васильковъ. Когда же кончите всѣ ваши дѣла въ Кіевѣ, то пріѣзжайте въ Брусиловъ и дожидайтесь меня тамъ у командира Кременчугскаго полка, полковника Набокова, ежели не застанете меня тамъ, то, узнавши гдѣ я, немедленно пріѣзжайте ко мнѣ»[1]).

По окончаніи разговора, С. Муравьевъ, вмѣстѣ съ Мозалевскимъ, пошелъ на площадь, гдѣ были собраны возставшія роты Черниговскаго полка. Намъ уже извѣстно, что тамъ происходило. Мозалевскій съ большимъ затрудненіемъ могъ нанять лошадей. Узнавъ о времени своего отправленія, незадолго до выступленія полка, и не имѣя возможности отлучиться въ

---

[1]) Не выходя еще изъ Василькова, С. Муравьевъ хотѣлъ итти черезъ Фастовъ въ Брусиловъ, взявши тамъ Кременчугскій полкъ, слѣдовать въ Радомысль, соединиться тамъ съ Александрійскимъ полкомъ и оттуда итти на Житомиръ.

продолженіе молебна и чтенія катехизиса, онъ двинулся вмѣстѣ съ полкомъ и тогда только забѣжалъ на свою квартиру, когда полкъ проходилъ мимо ея. Онъ приказалъ своимъ людямъ отыскать непремѣнно двѣ тройки лошадей, дать за наемъ все, что хозяева потребуютъ, и стараться какъ можно скорѣе догнать его. Лошади были отысканы и наняты. Они догнали полкъ за ½ версты отъ Малой Мытницы. Муравьевъ, узнавъ о семъ, тотчасъ приказалъ Мозалевскому взять съ собою означенныхъ солдатъ и отправиться куда слѣдуетъ. Мозалевскій воротился, проѣхалъ глухими переулками Васильковъ, поворотилъ вправо, на деревню Бугаевку, лежащую въ сторонѣ отъ большой дороги и проселками доѣхалъ до деревни, находящейся близъ Кіева. Тутъ онъ долженъ былъ взять свѣжихъ лошадей, встрѣтилъ новыя затрудненія, однакожъ, послѣ нѣкоторой остановки, нашелъ извозчика и выѣхалъ на большую Васильковскую дорогу подъ самымъ Кіевомъ. Здѣсь, отдавъ унтеръ-офицеру Николаеву и одному изъ рядовыхъ по равному числу списковъ Политическаго Катехизиса, онъ приказалъ имъ, по пріѣздѣ въ городъ, оставить лошадей въ какомъ-нибудь скрытомъ мѣстѣ, разойтись въ разныя стороны по Подолу и Печерску и тамъ раздавать сіи списки встрѣчающимся людямъ, подбрасывать ихъ въ дома или оставлять въ мѣстахъ болѣе посѣщаемыхъ; когда же всѣ списки такимъ образомъ будутъ сбыты съ рукъ, то немедленно сойтись и ожидать его близъ заставы, на Подолѣ.

Въ полночь, съ 31 декабря на 1 января, Мозалевскій пріѣхалъ въ Кіевъ, миновавъ заставу на Печерскѣ позади госпиталей. Въ городѣ все было ти-

хо; кажется, никто не зналъ еще о возстаніи Черниговскаго полка и никто не думалъ, что спокойствіе города скоро будетъ нарушено. Зная квартиру того генерала, къ которому имѣлъ письмо, Мозалевскій прямо поѣхалъ къ нему (онъ жилъ на Печерскѣ). Оставивъ въ недальнемъ разстояніи своихъ лошадей и при нихъ бывшаго съ нимъ солдата, онъ вошелъ въ домъ и просилъ доложить о себѣ, не упоминая, однако, ни своего званія, ни своей фамиліи. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, его попросили войти. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Мозалевскій вручилъ генералу письмо, объявивъ, что онъ офицеръ возставшаго Черниговскаго полка, присланный съ порученіемъ отъ С. Муравьева. Замѣшательство генерала было чрезвычайно. Прочитавъ письмо, онъ сказалъ Мозалевскому дрожащимъ голосомъ: «Я не буду отвѣчать; скоро самъ съ нимъ увижусь». Потомъ онъ началъ просить Мозалевскаго оставить скорѣе его домъ и спѣшить выѣхать изъ Кіева. Когда же Мозалевскій спросилъ его: что сказать Муравьеву на словесныя его порученія, генералъ отвѣчалъ ему еще съ большимъ замѣшательствомъ: «Я ничего не знаю». Мозалевскій, несмотря на это, повторилъ нѣсколько разъ вопросы, которые поручилъ ему сдѣлать С. Муравьевъ, и на которые, вмѣсто всякаго отвѣта, генералъ повторялъ: «Ничего не знаю; прошу оставить меня». Мозалевскій, видя его страхъ и опасеніе и не получая отъ него никакого отвѣта рѣшился, наконецъ, удалиться. Отъ него онъ не могъ уже ѣхать, а пошелъ пѣшкомъ, потому что долженъ былъ отыскать квартиру подполковника Крупенникова, которую нашелъ шедши съ Печерска на Подолъ. Мозалевскій вошелъ

къ нему и, отдавая письмо, началъ разсказывать о возстаніи Черниговскаго полка. «Знаю, знаю,—сказалъ Крупенниковъ съ радостью,—и желаю вамъ успѣха отъ всего сердца». Потомъ, прочитавъ письмо и узнавъ отъ Мозалевскаго нѣкоторыя подробности, спросилъ: «Куда намѣренъ итти С. Муравьевъ и надѣется ли на помощь другихъ членовъ?»—Мозалевскій отвѣчалъ,—что Муравьевъ идетъ на Брусиловъ, хотя сего не знаетъ онъ навѣрное; что все зависитъ отъ обстоятельствъ, но что С. Муравьевъ положительно болѣе всего надѣется на Кіевъ». «Я увѣренъ,—возразилъ Крупенниковъ,—что братья Александръ и Артамонъ Муравьевы, первые пристанутъ къ нему съ своими гусарскими полками. За четверть часа до вашего прихода здѣшнее начальство,—продолжалъ онъ,—получило извѣстіе о вашемъ возстаніи и приказало бить тревогу: всѣ войска, находящіяся здѣсь, будутъ собраны и пойдутъ въ Васильковъ для усмиренія вспыхнувшаго мятежа. Посему, если вы имѣете еще какое-либо порученіе, то исполняйте его какъ можно скорѣе и спѣшите выѣхать изъ Кіева. Я думаю, впрочемъ, вы не успѣете увѣдомить Сергѣя Муравьева; правительство вездѣ беретъ противъ него сильныя мѣры. Чтобы не задерживать васъ,—продолжалъ Крупенниковъ,—я не стану отвѣчать письменно, но скажите С. Муравьеву, что изъ Кіева идутъ противъ него три баталіона. Я иду съ ними и буду имѣть случай соединиться съ вами, исполнить данное обѣщаніе и раздѣлить общую опасность». При выходѣ Мозалевскаго отъ него, Крупенниковъ прибавилъ: «Я не могу увѣдомить С. Муравьева что думаютъ другіе члены, находящіеся въ Кіевѣ, насчетъ возстанія

на что они рѣшились и что намѣрены дѣлать; но, вѣроятно, Воронежскому и Витебскому полкамъ также дано повелѣніе итти противъ Муравьева, и, конечно, члены, находящіеся въ сихъ полкахъ, воспользуются случаемъ исполнить принятую ими обязанность и соединиться съ Черниговскимъ полкомъ для общаго дѣла».

Едва Мозалевскій вышелъ отъ Крупенникова, какъ уже во всѣхъ частяхъ города били тревогу. Это былъ второй часъ ночи. Смятеніе безпрестанно увеличивалось; испуганные жители выбѣгали изъ домовъ, толпились на улицахъ или бѣжали, сами не зная, куда и зачѣмъ. Солдаты въ полной походной амуниціи пробѣгали улицы, не зная также, что означаетъ всеобщая тревога. Темнота, вопли жителей, крики солдатъ, барабанный бой и звукъ оружія увеличивали ужасъ сей ночи. Мозалевскій, видя предстоящую для него опасность, спѣшилъ оставить Кіевъ и, не видавши третьяго члена тайнаго общества, рѣшился какъ можно скорѣе увѣдомить обо всемъ С. Муравьева. Для сего онъ старался отыскать пріѣхавшихъ съ нимъ унтеръ-офицера Николаева (Харитонова?) и рядового, которые исполнивши въ точности данное имъ порученіе, ожидали своего офицера въ назначенномъ мѣстѣ [1]). Не имѣя возможности достигнуть Радомысльской заставы большими улицами, въ которыхъ толпился народъ и войско, Мозалевскій, чтобы избѣжать задержки, хотѣлъ выѣхать въ ближайшую отъ Подола заставу и предмѣстіемъ Кореневкою пробраться на

---

[1]) Они нѣсколько списковъ подбросили въ публичныя мѣста, много роздали въ трактирахъ, прочіе по рукамъ на улицахъ, большею частію во время тревоги.

большую дорогу въ Брусиловъ. Но, не доѣзжая до заставы, онъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ и смѣшанные голоса; вскорѣ громкіе крики: «Стой, стой!» убѣдили его, что за нимъ гонятся. Надежда миновать опасность не оставила его и въ сію критическую минуту. Онъ приказалъ ямщику не жалѣть лошадей, обѣщая большія деньги; но всѣ усилія усерднаго извозчика были тщетны: толпы народа стремились имъ навстрѣчу и безпрестанно останавливали повозку. Тогда Мозалевскій, видя невозможность спастись отъ рукъ правительства, разорвалъ письмо, котораго не успѣлъ вручить по адресу, и началъ глотать куски бумаги. Между тѣмъ извозчикъ съ усиліями пробирался сквозь толпу народа, и едва Мозалевскій успѣлъ проглотить изорванное письмо, какъ обѣ повозки были окружены взводомъ жандармовъ, при которыхъ находились начальникъ штаба 4 корпуса генералъ Красовскій, старшій адъютантъ Малецкій и кіевскій полиціймейстеръ полковникъ Дуровъ. Мозалевскій былъ отвезенъ въ дежурство 4-го корпуса, откуда, не снимая съ него допроса, отправили его на главную гауптвахту. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ его повели къ командиру 4-го корпуса князю Щербатову, гдѣ, къ удивленію, онъ увидѣлъ Черниговскаго полка майора Трухина, полкового адъютанта Павлова и двухъ жандармскихъ офицеровъ Несмѣянова и Скокова. Князь Щербатовъ позвалъ Мозалевскаго въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ наединѣ, съ душевнымъ прискорбіемъ сказалъ ему: «Вы начали дѣйствовать слишкомъ рано; я знаю лично С. И. Муравьева, уважаю его и жалѣю отъ искренняго сердца, что такой человѣкъ долженъ погибнуть вмѣ-

стѣ съ тѣми, которые участвовали въ его безполезномъ предпріятіи. Очень жалѣю васъ: вы—молодой человѣкъ и должны также погибнуть». Слезы катились у добраго генерала. Потомъ князь Щербатовъ вмѣстѣ съ Мозалевскимъ вышелъ въ ту комнату, гдѣ находились помянутыя лица и съ ними начальникъ штаба. Тутъ началъ онъ спрашивать Мозалевскаго, къ кому онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ и съ какими именно порученіями. Мозалевскій отвѣчалъ:

— «Я убѣжалъ изъ возставшаго полка съ намѣреніемъ явиться къ вашему сіятельству».

— «Это несправедливо, — возразилъ майоръ Трухинъ, обращаясь къ князю.—Онъ пріѣхалъ сюда съ порученіемъ отъ С. Муравьева, но къ кому и зачѣмъ, я не знаю. Онъ участвовалъ въ бунтѣ и вмѣстѣ съ Сухиновымъ хотѣлъ убить меня, когда я содержался на гауптвахтѣ» [1]).

---

[1]) Мозалевскій арестованнаго послѣдняго жандарма самъ отводилъ къ С. Муравьеву, который приказалъ ему отвести его на главную гауптвахту. Идя туда, онъ встрѣтился на улицѣ съ Сухиновымъ, который съ нимъ тоже пошелъ на гауптвахту за какимъ-то дѣломъ. Тамъ содержался подъ арестомъ майоръ Трухинъ. При входѣ въ комнату Трухинъ при всѣхъ солдатахъ упалъ на колѣни передъ ними и началъ просить помилованія, говоря, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Мозалевскій и Сухиновъ удивились, видя въ семъ положеніи майора, начали увѣрять, что они не за тѣмъ пришли на гауптвахту, чтобы что-нибудь съ нимъ сдѣлать, но за своимъ дѣломъ, и просили его встать, говоря, что неприлично для майора это положеніе, и съ сими словами они его подняли на ноги. Трухинъ не переставалъ просить помилованія. Сухиновъ, видя его подлость, началъ ему говорить о развратномъ его поведеніи, укорялъ въ низости предъ начальствомъ, въ тиранствѣ съ солдатами, и потомъ совѣтовалъ ему оставить военную службу, чтобы пересталъ онъ носить мундиръ, который маралъ своимъ поведеніемъ. Трухинъ во всемъ согласился съ Сухиновымъ, признавалъ во всемъ себя виновнымъ и клялся ему, что

Адъютантъ Павловъ, съ своей стороны увѣрялъ князя, что Мозалевскій искалъ его въ Васильковѣ съ намѣреніемъ лишить его жизни. Жандармскіе офицеры говорили, что они были арестованы Мозалевскимъ, стоявшимъ тогда съ мятежниками въ караулѣ, на въѣздѣ. Князь Щербатовъ приказалъ обыскать Мозалевскаго; майоръ Трухинъ взялъ на себя исполнить сію обязанность, но ничего не нашелъ. Не взирая на то, что Мозалевскій отрицалъ всѣ сдѣланныя на него показанія, онъ былъ отправленъ въ главную квартиру первой арміи, въ 3 часа утра, съ жандармскимъ офицеромъ Скоковымъ.

Такимъ образомъ кончилась неудачная поѣздка Мозалевскаго, которая, конечно, была бы успѣшнѣе, если бы С. Муравьевъ послалъ его тотчасъ по возстаніи полка. Мозалевскій, съ своей стороны, сдѣлалъ

онъ оставитъ службу, въ которой недостоинъ служить; но вдругъ упалъ на колѣни и началъ жалобнымъ тономъ просить, повторяя: «Батюшка, Иванъ Ивановичъ (имя Сухинова), сдѣлайте милость!»—Сухиновъ и Мозалевскій бросились къ нему съ поспѣшностью и начали ему опять повторять, чтобы онъ ничего не боялся, чтобы онъ былъ покоенъ, и что скоро выпустятъ его на волю. Трухинъ, не вставая, продолжалъ просить. Сухиновъ долго не могъ понять, чего онъ проситъ, и, наконецъ, какъ-то нечаянно спросилъ, чего онъ хочетъ? «Батюшка, Иванъ Ивановичъ, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ бутылку рому,»—отвѣчалъ Трухинъ. При сихъ словахъ, хохотъ раздался, какъ громъ, во всей гауптвахтѣ. Сухиновъ закричалъ: «Унтеръ-офицеръ, пошли ко мнѣ на квартиру за бутылкою рому для майора, и ежели онъ впередъ захочетъ хоть цѣлую бочку водки привезти къ себѣ на гауптвахту, то позволить ему это, для утѣшенія его». Караульные солдаты, арестованные жандармы громко смѣялись, а Мозалевскій и Сухиновъ тотчасъ оставили этого майора. Кузминъ изъ жалости послалъ ему на гауптвахту 100 рублей на водку и на ромъ. Послѣ этого майоръ донесъ въ Кіевъ на Сухинова и Мозалевскаго, что они приходили на гауптвахту убить его.

все, что могъ: доказательство,—что онъ пріѣхалъ въ Кіевъ получасомъ раньше майора Трухина и жандармскихъ офицеровъ, которые, будучи освобождены изъ-подъ ареста Муравьевымъ въ корчмѣ Мытницѣ, тотчасъ возвратились въ Васильковъ, взяли съ собою адъютанта Павлова и поскакали прямо въ Кіевъ на почтовыхъ лошадяхъ. Они первые извѣстили мѣстное начальство обо всемъ, что могли узнать или слышать.

8.

Походъ С. Муравьева.—Присоединеніе Быстрицкаго.—Переходъ изъ Ковалевки къ Трилѣсамъ.—Силы Муравьева.—Столкновеніе съ отрядомъ Гейсмара.—Пораженіе.—Потери на полѣ сраженія.—Смерть Кузмина.—Кіевскія попытки.

Возвратимся опять къ Черниговскому полку, который мы оставили на пути къ Мотовиловкѣ, и посмотримъ, что происходило въ сей деревнѣ по прибытіи туда возставшихъ черниговцевъ. 31 декабря 1825 г., въ 2 часа пополудни, роты Черниговскаго полка, подъ командою С. Муравьева, вступили въ Мотовиловку, гдѣ уже были собраны 1-я гренадерская рота и часть 1-й мушкатерской, и ожидали его прибытія. Какъ скоро Муравьевъ увидѣлъ солдатъ помянутыхъ ротъ, подошелъ къ нимъ [1]) и началъ говорить о цѣли возстанія и дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ. «Я на-

---

[1]) Носились слухи, будто бы 1-й гренадерской роты капитанъ Козловъ скрылся отъ С. Муравьева, переодѣтый въ солдатское платье. Это совершенная ложь. Когда С. Муравьевъ подходилъ къ сей ротѣ, то капитанъ Козловъ былъ тутъ же и даже рапортовалъ С. Муравьеву о благополучіи своей команды. И когда С. Муравьевъ увидѣлъ, что гренадеры молчатъ и не хотятъ за нимъ итти, то онъ, обратясь къ капитану Козлову, приказалъ ихъ вести по квартирамъ.

дѣюсь,—сказалъ онъ,—что вы не оставите своихъ товарищей и готовы или умереть или побѣдить съ ними; однакожъ, если вы чувствуете себя неспособными раздѣлить наши труды, я не принуждаю васъ слѣдовать за полкомъ; это зависитъ отъ вашей воли». Солдаты молчали, и ни одинъ изъ нихъ не изъявилъ готовности повиноваться своему подполковнику. «Я отгадываю ваши мысли,—воскликнулъ С. Муравьевъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Вы не можете быть нашими товарищами. И такъ, возвратитесь на свои квартиры». Гренадеры немедленно пошли обратно въ деревню Снетинку; взводъ же мушкатеровъ 1-й роты, квартировавшій въ Мотовиловкѣ, хотя разошелся по квартирамъ, однакожъ послѣ соединился съ полкомъ.

С. Муравьевъ, не распустивъ еще полкъ, отдалъ приказъ, что 1-го января будетъ дневка, поручилъ ротнымъ командирамъ имѣть попеченіе о продовольствіи нижнихъ чиновъ, такъ и о снабженіи ихъ теплою одеждою, и стараться болѣе всего поддерживать бодрость духа солдатъ. Роты, по его приказанію, были размѣщены по тѣснымъ квартирамъ; на всѣхъ входахъ и выходахъ изъ деревни и въ деревню были поставлены посты, всѣмъ отдано было приказаніе быть въ готовности во всякое время къ защитѣ, и были назначены дежурные по полку и ротамъ. На дневкѣ С. Муравьевъ осматривалъ всѣ караулы, былъ во всѣхъ ротахъ, разговаривалъ съ солдатами, ободрялъ ихъ и болѣе всего заботился о ихъ нуждахъ. Объѣзжая караулы, Муравьевъ былъ окруженъ народомъ, возвращавшимся изъ церкви. Добрые крестьяне радостно привѣтствовали его съ новымъ годомъ, желали ему счастья, повторяли безпрестанно: «Да поможетъ

тебѣ Богъ, добрый нашъ полковникъ, избавитель нашъ!» С. Муравьевъ тронутъ былъ до слезъ, благодарилъ крестьянъ, говорилъ имъ, что онъ радостно умретъ за малѣйшее для нихъ облегченіе, что солдаты и офицеры готовы за нихъ жертвовать собою и не требуютъ отъ нихъ никакой награды, кромѣ ихъ любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне при всей ихъ необразованности понимали, какія выгоды могутъ имѣть отъ успѣховъ Муравьева; они радушно принимали его солдатъ, заботились о нихъ и снабжали ихъ всѣмъ въ избыткѣ, видя въ нихъ не постояльцевъ, а защитниковъ. Чувства сихъ грубыхъ людей, искаженныхъ рабствомъ, утѣшали С. Муравьева. Впослѣдствіи, онъ нѣсколько разъ говорилъ, что на новый годъ онъ имѣлъ счастливѣйшія минуты въ жизни, которыя одна смерть можетъ изгладить изъ его памяти.

Въ тотъ же день прибылъ въ Мотовиловку, со 2-ю мушкатерскою ротою, подпоручикъ Быстрицкій. Получивъ приказаніе отъ майора Трухина принять означенную роту, онъ немедленно отправился въ деревню Германовку, гдѣ, собравъ оную, выступилъ съ нею въ Васильковъ. Въ Васильковѣ узналъ онъ, что С. Муравьевъ съ полкомъ уже вышелъ въ походъ и тотчасъ рѣшился догнать его, но передъ тѣмъ хотѣлъ убѣдиться въ расположеніи солдатъ. Для сего спросилъ ихъ, хотятъ ли они слѣдовать за товарищами и намѣрены ли дѣйствовать съ ними заодно? Они всѣ объявили готовность, однако, Быстрицкій симъ еще не удовольствовался. Взявъ въ сторону фельдфебеля, всѣмъ полкомъ любимаго и уважаемаго унтеръ-офицера Аврамова, онъ спросилъ его, какъ онъ думаетъ,

можно ли рѣшиться на сіе дѣло?—«Не только можно, но должно,—отвѣчалъ храбрый и честный Авраамовъ;—намъ будетъ стыдно отстать отъ своихъ товарищей. Какъ я, такъ и вся рота, знаемъ цѣль Сергѣя Ивановича Муравьева; я ручаюсь за солдатъ». Увѣряясь такимъ образомъ въ единодушіи всей роты, Быстрицкій тотчасъ выступилъ изъ Василькова и на другой день, въ 12 часу, прибылъ въ Мотовиловку, переночевавши въ деревнѣ Салтановкѣ. Быстрицкій построилъ роту на небольшой площадкѣ сей деревни, поблагодарилъ солдатъ за ихъ усердіе, за сохраненіе порядка и тишины во время похода, и въ заключеніе сказалъ: «Я уже не вашъ командиръ, вы здѣсь найдете любимаго вашего капитана»—и, простившись съ ними, пошелъ къ Муравьеву. Отдадимъ должную похвалу обдуманному и рѣшительному дѣйствію подпоручика Быстрицкаго, который до самаго конца не измѣнилъ своему характеру. Когда послѣ разбитія онъ и товарищи его были привезены въ Могилевъ къ начальнику штаба и когда генералъ Толь сказалъ ему: «Вы могли бы удержать роту и тѣмъ заслужить награду»,—онъ отвѣчалъ ему: «Ваше превосходительство, я, можетъ быть, сдѣлалъ глупость, но подлости никогда»...

Между тѣмъ Соловьевъ, узнавъ о прибытіи своей роты, спѣшилъ къ своимъ мушкатерамъ. Солдаты бросились навстрѣчу къ своему командиру, обнимали, цѣловали его; искренняя радость изливалась изъ сердецъ непринужденно. Тутъ унтеръ-офицеръ Кучковъ при всей ротѣ спросилъ Соловьева, куда Муравьевъ хочетъ итти и въ какомъ мѣстѣ соединятся они съ другими полками? Услышавъ отъ Соловьева, что Му-

равьевъ идетъ на Житомиръ и соединится на пути къ сему городу съ другими полками, Кучковъ возразилъ съ радостью, которая выражала нѣкоторое нетерпѣніе: «Что намъ медлить, зачѣмъ еще дневка, лучше бы безъ отдыха итти до Житомира!» Солдаты одобряли слова Кучкова. Проницательность и опытность стараго служиваго внушили ему сіе здравое размышленіе. Слова его смутили Соловьева; онъ чувствовалъ всю справедливость сего замѣчанія, но, желая успокоить солдатъ, хладнокровно сказалъ: «[Под]-полковникъ лучше васъ знаетъ, что дѣлать. Надобно подождать, а тѣмъ временемъ провѣдать, какіе полки идутъ противъ насъ». Отдавъ нѣкоторыя приказанія фельдфебелю, Соловьевъ велѣлъ размѣстить роту по квартирамъ.

Наблюдая дѣйствія 2-й мушкатерской роты и другихъ возставшихъ ротъ Черниговскаго полка, съ невольнымъ удивленіемъ спрашиваетъ себя, откуда Шутовъ, Николаевъ (Харитоновъ?), Аврамовъ и другіе взяли сію твердость и рѣшимость? Какимъ образомъ во всѣхъ нижнихъ чинахъ явилось столь постоянное усердіе и столь высокое самоотверженіе? Преданность къ ротнымъ командирамъ и любовь къ С. Муравьеву однѣ не могли сего произвести. Къ симъ побужденіямъ присоединялись другіе двигатели. Кузминъ, Щепила, Соловьевъ и другіе офицеры часто бесѣдовали между собою о дѣлахъ Общества въ присутствіи своихъ фельдфебелей и, такимъ образомъ, знакомили ихъ съ своимъ образомъ мыслей, который заставлялъ сихъ простодушныхъ, но благородныхъ людей обдумывать свое поведеніе и готовиться оправдать довѣренность своихъ начальниковъ. Фельдфебеля, съ своей стороны,

были откровенны съ солдатами, и сіи послѣдніе невольнымъ образомъ, сколько могли, привыкли раздѣлять ихъ желанія и цѣль. Присоединимъ къ сему дѣйствію благородное поведеніе офицеровъ, кроткое обращеніе съ подчиненными, безкорыстную заботливость о ихъ нуждахъ; тогда это вмѣстѣ намъ покажетъ, какимъ образомъ они умѣли найти вѣрное и неизмѣнное содѣйствіе людей, рѣшившихся съ ними погибнуть.

Вечеромъ, 1-го января, былъ отданъ приказъ о выступленіи въ походъ, и на другой день, въ 8 часовъ утра, роты были уже на сборномъ мѣстѣ. Уныніе и какая-то боязнь изображалась на всѣхъ лицахъ. Щепила, Кузминъ, Соловьевъ и Быстрицкій, замѣтя въ солдатахъ сію внезапную перемѣну и полагая, что на ихъ нравственное состояніе имѣло вліяніе бѣгство многихъ офицеровъ, которые ночью уѣхали въ Васильковъ, тотчасъ пошли увѣдомить о семъ С. Муравьева и просили его взять противъ сего мѣры [1]). При семъ извѣстіи С. Муравьевъ не могъ скрыть своего замѣшательства, но успокоивъ вѣрныхъ ему офицеровъ, пошелъ съ ними къ собравшимся ротамъ. «Не страшитесь ничего,—сказалъ онъ солдатамъ,—можетъ ли васъ опечалить бѣгство подлыхъ людей, которые не въ силахъ сдержать своего обѣщанія и которые чувствуютъ себя не только неспособными, но даже недостойными раздѣлить съ нами труды и участвовать въ нашихъ благородныхъ предпріятіяхъ? Если кто-нибудь изъ васъ столь малодушенъ, что изъ бѣгства ничтожныхъ людей дѣлаетъ невыгодныя заключенія о нашемъ

---

[1]) Бѣжавшіе офицеры въ первый разъ были: Рыбаковскій, Белелюбскій, Кондыревъ, князь Мещерскій, Войниловичъ Кегичъ-Апостолъ.

дѣлѣ и желаетъ покинуть своихъ товарищей, пусть тотъ сейчасъ оставить ряды и покрытый негодованіемъ, идетъ куда хочетъ: его никто не будетъ удерживать, ни уговаривать».

Важность, внушающая уваженіе смѣлость, громкій и твердый голосъ С. Муравьева, возвратили ему прежнюю довѣренность его подчиненныхъ. Его слова видимо ободрили солдатъ, слушавшихъ со вниманіемъ; прежнее спокойствіе опять заблистало на всѣхъ лицахъ, и никто не думалъ воспользоваться позволеніемъ удалиться.

Въ 9 часовъ полкъ выступилъ изъ Мотовиловки и двинулся по дорогѣ, которая черезъ деревню Марьяновку ведетъ къ деревнѣ Пологамъ, лежащей въ 12 верстахъ отъ Бѣлой Церкви. Симъ движеніемъ Муравьевъ надѣялся соединиться съ 17-мъ егерскимъ полкомъ, квартировавшимъ тогда въ семъ мѣстечкѣ. Въ 4 часа пополудни (2 января) С. Муравьевъ занялъ деревню Пологи. Не получая никакого извѣстія о 17-мъ егерскомъ полку, на который онъ имѣлъ большую надежду, С. Муравьевъ препоручилъ Сухинову развѣдать, гдѣ находится сей полкъ и чего можно ожидать отъ находящихся въ семъ полку членовъ. При наступленіи вечера Сухиновъ взялъ нѣсколько надежныхъ солдатъ и, составивъ изъ нихъ конный отрядъ, отправился къ Бѣлой Церкви. За 1½ версты отъ сего мѣстечка онъ встрѣтилъ казаковъ графини Браницкой, посланныхъ для развѣдыванія и охраненія ея имѣнія отъ такъ называемыхъ бунтовщиковъ. Сухиновъ воспользовался встрѣчею. Подъѣхавъ на довольно близкое разстояніе къ казачьему отряду, онъ обнажилъ саблю и бросился на нихъ съ громкимъ крикомъ «впе-

редъ!» Испуганные нечаяннымъ и смѣлымъ нападеніемъ казаки разсѣялись; одинъ изъ нихъ, пойманный самимъ Сухиновымъ, хотѣлъ было сопротивляться, но Сухиновъ ударомъ сабли сшибъ его съ лошади и началъ разспрашивать. Хотя, повидимому, казакъ чистосердечно говорилъ, что 17-й егерскій полкъ уже другой день какъ вышелъ изъ Бѣлой Церкви неизвѣстно куда, но Сухиновъ, желая удостовѣриться въ истинѣ сего показанія, самъ подъѣхалъ къ мѣстечку и старался узнать отъ нѣкоторыхъ жителей все касающееся до выхода сего полка. Отвѣты жителей, съ которыми говорилъ Сухиновъ, подтвердили сказанное казакомъ. Въ самомъ дѣлѣ, полковой командиръ, арестовавъ Вадковскаго, въ ту же ночь выступилъ съ полкомъ изъ Бѣлой Церкви въ противоположную сторону отъ Василькова, не сказавъ никому, куда идетъ.

Развѣдываніе Сухинова о 17-мъ егерскомъ полку послужило поводомъ къ сплетенію гнусной лжи, будто бы С. Муравьевъ, возмутивъ Черниговскій полкъ, пошелъ къ Бѣлой Церкви съ намѣреніемъ завладѣть несмѣтными сокровищами, хранившимися у богатой и скупой графини Браницкой. Конечно, никто изъ благоразумныхъ людей не вѣрилъ и не повѣритъ сей клеветѣ; но, можетъ быть, нашлись люди, которые почитали возможнымъ столь безчестное дѣйствіе. Привязанность ихъ къ старому порядку вещей, выгоды, получаемыя отъ злоупотребленій, внушаютъ имъ ненависть ко всякой перемѣнѣ и заставляютъ думать, что каждое нововведеніе есть уже начало анархіи, что желающій улучшенія есть болѣе, нежели анархистъ, и потому способенъ быть убійцею, грабителемъ, однимъ словомъ—противообщественнымъ человѣкомъ.

Извѣстіе о выходѣ 17-го егерскаго полка заставило С. Муравьева перемѣнить планъ дѣйствія. На другой день, т.-е. 3 января, онъ оставилъ Пологи и вознамѣрился итти черезъ Ковалевку и Трилѣсы на Паволочь, а оттуда въ Житомиръ для соединенія съ Славянами. Въ Паволочѣ квартировала 5-я конная рота. С. Муравьевъ думалъ, что командиръ сей роты и офицеры, принадлежа къ Обществу, тотчасъ соединятся съ Черниговскимъ полкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ артиллеріею дѣло Муравьева приняло бы иной видъ, тѣмъ болѣе, что пѣхотные солдаты смотрятъ на орудія съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ и ожидаютъ отъ нихъ почти сверхъестественной помощи; къ тому же присоединеніе конной роты придало бы новыя силы солдатамъ и обновило бы ихъ надежду на другіе полки.

Въ деревнѣ Пологахъ, ночью со 2-го на 3-е января, нѣсколько гусаръ подъѣхали къ самымъ часовымъ. Часовые хотѣли стрѣлять, и потому гусары, не отваживаясь на дальнѣйшія покушенія, скрывались немедленно. Замѣчательно, что въ это время гусарскій офицеръ, высокаго роста и довольно плотный, подъѣхалъ на близкое разстояніе къ одному изъ постовъ, началъ разговаривать съ солдатами, хвалить ихъ рѣшительность, одобрялъ возстаніе, удивляясь ихъ пожертвованіямъ, и обѣщалъ скорой помощи. На другой день офицеры Черниговскаго полка, услышавъ о семъ обстоятельствѣ отъ солдатъ, занимавшихъ сей постъ, полагали, что пріѣзжавшій офицеръ былъ командиръ Ахтырскаго полка, и радовались нечаянной помощи отъ человѣка, на котораго перестали разсчитывать. Но, вѣроятно, это было не что иное, какъ хитрость: гусарамъ нужно было только узнать расположеніе и духъ

черниговскихъ солдатъ, ибо прежде разсвѣта они всѣ скрылись и до самаго разбитія С. Муравьева ни одинъ солдатъ не видалъ ни одного гусара.

3-го января, когда полкъ собрался для выступленія изъ Пологъ, Муравьевъ увидѣлъ, что и въ сію ночь много офицеровъ оставили свои мѣста и скрылись неизвѣстно куда, между тѣмъ, какъ ни одинъ солдатъ, въ продолженіе всего сего несчастнаго возстанія, даже и не думалъ покинуть своихъ товарищей [1]).

Сергѣй Муравьевъ, какъ и всѣ оставшіеся съ нимъ офицеры, скрыли свое неудовольствіе и, по возможности, старались поддерживать бодрость солдатъ, обѣщая скорую помощь и несомнѣнный успѣхъ въ предпріятіи. Въ 4 часа утра Черниговскій полкъ выступилъ изъ Пологъ и въ исходѣ 11-го часа вступилъ въ деревню Ковалевку, гдѣ Муравьевъ далъ солдатамъ роздыхъ, остановясь на площади противъ управительскаго дома. Онъ потребовалъ подъ квитанцію хлѣба и водки для нижнихъ чиновъ. Управитель доставилъ солдатамъ всего въ изобиліи, во время привала пригласилъ С. Муравьева и офицеровъ къ себѣ на обѣдъ и угощалъ ихъ радушно. Тотчасъ послѣ обѣда С. Муравьевъ вмѣстѣ съ офицерами пересматривалъ бумаги, взятыя у него Гебелемъ въ Васильковѣ и опять отнятыя въ Трилѣсахъ; какъ бы предчувствуя ожидавшее его пораженіе, онъ сжегъ всѣ письма, полученныя отъ членовъ тайныхъ обществъ, и нѣкоторыя изъ бумагъ, относящіяся къ симъ дѣламъ. Тѣ же, которыя онъ, неизвѣстно почему, оставилъ, были впослѣдствіи захвачены правительствомъ.

---

[1]) Бѣжавщіе во второй разъ изъ деревни Пологъ, были: Петинъ, Маевскій и Жизневскій; большая часть изъ нихъ были увлечены Муравьевымъ во время возстанія.

Въ полдень Муравьевъ вышелъ изъ Ковалевки къ Трилѣсамъ. Прежде нежели разскажемъ встрѣчу его съ отрядами Гейсмара, необходимо показать (сколько намъ извѣстно), въ какихъ силахъ онъ сошелся съ непріятелемъ. Полагая круглымъ счетомъ въ ротѣ по 140 человѣкъ съ унтеръ-офицерами, въ 6 ротахъ было 840 человѣкъ. Къ сему должно прибавить взводъ мушкатеровъ 1-й роты, которые, въ числѣ 70 человѣкъ соединились въ Мотовиловкѣ съ полкомъ, и 60 музыкантовъ, ставшихъ въ ряды своихъ товарищей по собственному желанію; слѣдовательно, вся сила С. Муравьева состояла изъ 970 человѣкъ нижнихъ чиновъ и пяти офицеровъ, а именно барона Соловьева, Щепилы, Кузмина, Сухинова, и Быстрицкаго. Кромѣ сихъ офицеровъ находились при немъ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй и Ипполитъ Муравьевы-Апостолы. С. Муравьевъ съ своимъ отрядомъ, оставивъ вправо и влѣво дороги, идущія изъ Ковалевки въ Трилѣсы черезъ деревни, для сокращенія пути избралъ дорогу, проложенную прямо черезъ степь [1]). Полкъ, сомкнутый въ полувзводную колонну, медленно двигался впередъ, не выходя изъ околицы [2]), и прошедши отъ Ковалевки не болѣе 6 верстъ, между солдатами распространился слухъ, будто бы пушечное ядро убило въ обозѣ кре-

---

[1]) Дорога, лежащая вправо изъ Ковалевки въ Трилѣсы, идетъ черезъ деревню Пилиповку, Фаменовку (?) и Королевку, онѣ соединяются между собою и составляютъ какъ бы одно селеніе до самыхъ Трилѣсъ; влѣво дорога лежитъ черезъ деревню Устиновку.

[2]) Въ Кіевской губерніи загороженныя около деревни на большое пространство пастбищныя мѣста называются «околицами».

стьянина съ лошадью. Никто не слышалъ выстрѣла; нигдѣ не было видно не только орудій, но даже ни одного непріятельскаго солдата; между тѣмъ, въ колоннѣ произошло волненіе, и солдаты начали толковать, спорить, теряясь въ догадкахъ. Офицеры старались ихъ успокоить увѣряя, что сія новость не что иное, какъ выдумка какого-нибудь труса или лгуна. Однакожъ, С. Муравьевъ построилъ взводы, сомкнувъ полкъ въ густую колонну справа, вызвалъ стрѣлковъ по мѣстамъ взводовъ и продолжалъ итти.

Едва колонна вышла изъ околицы и сдѣлала не болѣе ¼ версты, какъ пушечный выстрѣлъ поразилъ слухъ изумленныхъ солдатъ, которые увидѣли въ довольно значительномъ разстояніи орудія, прикрытыя гусарами. За симъ выстрѣломъ послѣдовало нѣсколько другихъ, но ни одинъ изъ оныхъ не причинилъ ни малѣйшаго вреда колоннѣ: можетъ-быть, стрѣляли холостыми зарядами. Полкъ шелъ впередъ. Муравьевъ приказалъ осмотрѣть ружья и приготовиться къ бою. Приказаніе сіе ободрило солдатъ, но сей порывъ оживленнаго мужества былъ остановленъ дѣйствительными пушечными выстрѣлами. Первый картечный выстрѣлъ ранилъ и убилъ нѣсколько человѣкъ. С. Муравьевъ хотѣлъ вызвать стрѣлковъ: новый выстрѣлъ ранилъ его въ голову; поручикъ Щепила и нѣсколько рядовыхъ пали на землю мертвыми. С. Муравьевъ стоялъ какъ бы оглушенный: кровь текла по его лицу. Онъ собралъ всѣ свои силы и хотѣлъ сдѣлать нужныя распоряженія, но солдаты, видя его окровавленнымъ, поколебались: первый взводъ бросилъ ружья и разсыпался по полю; второй слѣдовалъ его примѣру; прочіе, остановясь сами собою, кажется, готовились

дорого продать свою жизнь. Нѣсколько мѣткихъ картечныхъ выстрѣловъ перемѣнили сіе намѣреніе. Дѣйствіе ихъ было убійственно: множество солдатъ умерло въ рядахъ своихъ товарищей. Кузминъ, Ипполитъ Муравьевъ были ранены; Быстрицкій получилъ сильную контузію, отъ которой едва могъ держаться на ногахъ. Мужество солдатъ колебалось: Сухиновъ, Кузминъ и Соловьевъ употребили всѣ усилія къ возбужденію въ нихъ прежнихъ надеждъ и бодрости. Послѣдній, желая подать собою примѣръ и одушевить ихъ своею храбростью, показывалъ явное презрѣніе къ жизни, становился подъ сымые картечные выстрѣлы и звалъ ихъ впередъ; но все было тщетно. Видъ убитыхъ и раненыхъ, отсутсвіе С. Муравьева нанесли рѣшительный ударъ мужеству возставшихъ Черниговцевъ: они, бросивъ ружья, побѣжали въ разныя стороны. Одинъ эскадронъ гусаръ преслѣдовалъ разсыпавшихся по полю бѣглецовъ; другой окружилъ офицеровъ, оставшихся на мѣстѣ, занимаемомъ прежде колонною, между ранеными и убитыми. Въ это самое время Соловьевъ, увидя недалеко отъ себя С. Муравьева идущаго тихими шагами къ обозу, подбѣжалъ къ нему, чтобы подать ему помощь. С. Муравьевъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ помѣшательства; онъ не узналъ Соловьева и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «Гдѣ мой братъ, гдѣ мой братъ?» Взявъ его за руку, Соловьевъ хотѣлъ его вести къ офицерамъ, оставшимся на прежнемъ мѣстѣ. Но едва онъ сдѣлалъ это движеніе, какъ Бестужевъ-Рюминъ подошелъ къ нимъ и, бросясь на шею къ С. Муравьеву, началъ осыпать его поцѣлуями и утѣшеніями. Вмѣстѣ съ Бестужевымъ приблизился къ нимъ одинъ рядовой первой мушка-

терской роты. Отчаяніе изображалось на его лицѣ; видъ Муравьева привелъ его въ изступленіе; ругательныя слова полились изъ дрожащихъ отъ ярости устъ его. «Обманщикъ!»—вскричалъ онъ, наконецъ, и съ этимъ словомъ хотѣлъ заколоть С. Муравьева штыкомъ. Изумленный таковымъ покушеніемъ, Соловьевъ закрылъ собою Муравьева.—«Оставь насъ, спасайся!—закричалъ онъ мушкатеру,—или ты дорого заплатишь за свою дерзость». Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, солдатъ прицѣлился въ Соловьева, грозя застрѣлить его, если онъ не откроетъ С. Муравьева. Соловьевъ схватилъ на землѣ лежавшее ружье и сдѣлалъ наступательное движеніе, которое заставило опомниться бѣшенаго солдата; онъ удалился, не сказавъ ни слова [1]). Когда надежды успѣха исчезли, Ипполитъ Муравьевъ, раненый, истекая кровью, отошелъ нѣсколько шаговъ отъ рокового мѣста и почти въ то же самое время, когда гусаръ наскочилъ на него и пострѣлилъ ему черепъ, упалъ мертвый къ ногамъ лошади гусара. По приказанію генерала Гейсмара, гусары окружили офицеровъ и раненыхъ солдатъ и отобрали отъ нихъ оружіе [2]).

---

[1]) При допросѣ сей солдатъ показалъ, будто бы С. Муравьевъ бѣжалъ, будто онъ его удержалъ, грозя ему за сіе смертью. Эта презрительная ложь недостойна никакого опроверженія. Состояніе Муравьева само за себя говоритъ. Говорили, что сего солдата произвели въ унтеръ-офицеры въ Полтавскій полкъ.

[2]) Въ Annuaire Historique за 1826 годъ напечатано показаніе самого С. Муравьева, который объяснилъ сіе дѣло такимъ образомъ: „Je fis ranger mes compagnies en bataille; je leur commandai de se porter sur les canons etc“. Неизвѣстно почему такъ написалъ С. Муравьевъ. Двоякимъ образомъ можно объяснить сіе: или—онъ не хорошо помнилъ всѣ подробности, происходившія вокругъ его, или—желаніе облегчить

Такимъ образомъ кончилось пагубное для многихъ возстаніе Черниговскаго полка. Около 60 человѣкъ и 12 крестьянъ, находившихся въ обозѣ, были убиты или тяжело ранены. Поручикъ Щепила умеръ въ рядахъ; С. Муравьевъ былъ раненъ въ голову; Ипполитъ Муравьевъ въ лѣвую руку; Кузминъ—въ плечо навылетъ: всѣ трое картечами. Быстрицкій получилъ сильную контузію въ правую ногу; шинель Бестужева была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Это служитъ доказательствомъ, подъ какимъ убійственнымъ огнемъ стоялъ Черниговскій полкъ и сколь мало думали офицеры о своей жизни. Носились слухи, будто бы гусары сдѣлали атаку на безоружныхъ черниговцевъ и рубили ихъ безъ пощады. Долгъ истины заставляетъ сказать, что сіе вовсе несправдливо. Они, догнавши нѣкоторыхъ окружили; другихъ, разсѣявшихся, собирали въ одно мѣсто. Одинъ только вахмистръ началъ ругать черниговскихъ офицеровъ. Соловьевъ, обратясь къ гусарскому поручику, сказалъ: «Г. офицеръ, прикажите этому глупцу молчать». Офицеръ полновѣсною пощечиною заставилъ вахмистра быть учтивѣе.

Въ 5 часовъ вечера (3 января) плѣнные офицеры и солдаты были привезены подъ сильнымъ конвоемъ въ дер. Трилѣсы. С. Муравьевъ, братъ его Матвѣй, Соловьевъ, Кузминъ, Быстрицкій, Бестужевъ-Рюминъ и солдаты, разжалованные изъ офицеровъ,—Грохольскій и Ракуза,—были всѣ вмѣстѣ помѣщены въ корчмѣ,

---

наказаніе солдатъ, которыхъ онъ увлекъ за собою, заставило его объяснить сіе дѣло, оправдывая болѣе солдатъ и обвиняя себя. Быстрицкій, Сухиновъ и Соловьевъ говорятъ, что ничего подобнаго не происходило, и они не слыхали сихъ распоряженій отъ С. Муравьева.

въ одной большой комнатѣ, а за перегородкою находилась караульня. Внутри и около корчмы были разставлены часовые. Нижніе чины были размѣщены по разнымъ крестьянскимъ избамъ подъ строгимъ карауломъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Трилѣсы умеръ Кузминъ истинно-геройскою смертію. При самомъ началѣ дѣла онъ былъ раненъ картечною пулею въ правое плечо навылетъ, но рана сія не помѣшала ему ободрять солдатъ словами и личнымъ своимъ примѣромъ. Будучи прежде всѣхъ окруженъ гусарами, онъ сдался безъ сопротивленія. Тутъ же въ душѣ его возродилась мысль кончить добровольно безполезныя страданія, избѣгнуть позора и наказанія. Когда съ мѣста сраженія отправили ихъ въ Трилѣсы, Кузминъ сѣлъ въ одни сани съ Соловьевымъ. Въ продолженіе дороги онъ былъ спокоенъ, веселъ, даже шутилъ и смѣялся. Недалеко отъ Трилѣсъ Соловьевъ, почувствовавъ холодъ, всталъ изъ саней и прошелъ около версты пѣшкомъ; садившись опять въ сани, онъ нечаянно облокотился на плечо Кузмина. При семъ движеніи болѣзненное выраженіе изобразилось на лицѣ его товарища. Соловьевъ, замѣтя сіе и не подозрѣвая вовсе, что онъ раненъ, спросилъ его:

— «Что съ тобою? Вѣроятно, я крѣпко придавилъ тебѣ плечо: извини меня».

Кузминъ ему отвѣчалъ: «Я раненъ, но сдѣлай милость, не сказывай о семъ никому».

— «По крайней мѣрѣ,—возразилъ Соловьевъ,— пріѣхавъ въ Трилѣсы, позволь мнѣ перевязать твою рану».

— «Это лишнія хлопоты: рана моя легкая,—сказалъ улыбаясь Кузминъ,—я вылѣчусь безъ перевязки и пластыря».

Веселость Кузмина дѣйствительно заставила Соловьева думать, что рана не опасна: онъ замолчалъ, ожидая пріѣзда на мѣсто. Въ корчмѣ раненаго С. Муравьева положили въ углу комнаты, въ которой было ужасно холодно. Онъ лежалъ тамъ около часу, но, почувствовавъ сильную знобь, всталъ и пошелъ отогрѣться къ камину. Кузминъ съ самаго пріѣзда все ходилъ тихими, но твердыми шагами по комнатѣ, но, вѣроятно, ослабѣвши отъ истеченія крови и чувствуя маленькую лихорадку, присѣлъ на лавку, подозвалъ къ себѣ Соловьева, котораго просилъ придвинуть его поближе къ стѣнѣ. Въ ту самую минуту, какъ Соловьевъ, взявъ его подъ руки, потихоньку приподнималъ, чтобы хорошенько посадить, С. Муравьевъ, отъ теплоты ли огня, горѣвшаго въ каминѣ, или отъ другой какой-либо причины, упалъ безъ чувствъ. Нечаянность его паденія встревожила всѣхъ; всѣ, исключая Кузмина, бросились къ нему на помощь, какъ вдругъ пистолетный выстрѣлъ привлекъ общее вниманіе въ другую сторону комнаты. Часовые выбѣжали вонъ, крича: «Стрѣляютъ, стрѣляютъ!»—и домъ почти остался безъ караула. Удивленіе и горесть поразили сердца плѣнниковъ. На скамьѣ лежалъ окровавленный Кузминъ безъ черепа; большой, еще дымящійся пистолетъ былъ крѣпко сжатъ лѣвою омертвѣвшею его рукою. Когда же съ Кузмина сняли шинель и мундиръ, то увидѣли, что правое плечо раздроблено картечною пулею, которая вышла ниже лопатки; все нижнее платье было въ крови. Тутъ товарищи его увидѣли явно, что онъ, получивши рану во время сраженія, несмотря на жестокую боль, скрывалъ ее съ намѣреніемъ лишить себя жизни пистолетомъ, спрятаннымъ въ рукавѣ его

шинели, и выжидалъ удобную минуту прибѣгнуть къ роковой его помощи. Такимъ образомъ кончилъ жизнь одинъ изъ злополучныхъ и отважнѣйшихъ сподвижниковъ С. Муравьева. Сила воли, твердость души были отличительными чертами его характера. Будучи столь же пылокъ и рѣшителенъ, какъ Ипполитъ Муравьевъ, Кузминъ присовокуплялъ къ сему постоянство въ стремленіи къ цѣли: ни время, ни препятствія не могли отвратить его отъ предпринятаго имъ однажды намѣренія. «Свобода или смерть»—часто говаривалъ онъ съ душевнымъ движеніемъ, и смертію своею доказалъ, что чувствовалъ и говорилъ одно. Ипполитъ Муравьевъ и Кузминъ покоятся въ одной могилѣ съ Щепилою близъ деревни Трилѣсы [1]).

На другой день, 22 января (1826), въ 9 часовъ утра, всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ и рядовыхъ отправили въ городъ Бѣлую Церковь. Дорогою въ 15-ти верстахъ отъ Трилѣсъ, по распоряженію эскадроннаго командира, приготовленъ былъ для всѣхъ арестантовъ обѣдъ. Тутъ гусары, находившіеся въ конвоѣ, старались развѣдать, тайно отъ плѣнныхъ офицеровъ, что было причиною возстанія С. Муравьева, и когда узнали его цѣль и намѣренія, тотчасъ начали лучше обращаться съ арестантами и жалѣли, что не знали сего прежде, говоря, что ихъ увѣряли, будто бы Черниговскій полкъ взбунтовался для того, чтобы грабить безнаказанно. Изъ ихъ разсказовъ стало извѣстно, что при выступленіи гусаръ противъ Черниговскаго полка, всѣ эскадронные командиры были перемѣнены, и всѣ

---

[1]) Ипполитъ Муравьевъ, Кузминъ и Щепила брошены 4 января 1826 года въ одну могилу, вырытую въ полѣ близъ Трилѣсъ.

русскіе офицеры замѣнены нѣмцами. Нечаянный сей походъ чрезвычайно былъ изнурительный для гусаръ, и они увѣряли простодушно, что при малѣйшемъ сопротивленіи Муравьева, при первомъ ружейномъ залпѣ, обратились бы назадъ и не стали бы дѣйствовать противъ него.

Въ 4 часа пополудни плѣнные пришли въ Бѣлую Церковь и были сданы 18 егерскому полку, который къ тому времени прищелъ въ сіе мѣстечко изъ города Богуславля. С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ были арестованы порознь, а Матвѣй Муравьевъ и другіе офицеры остались вмѣстѣ. Нижніе чины содержались въ крестьянскихъ избахъ и были тутъ закованы въ кандалы, сдѣланныя изъ 100 пудъ желѣза, пожертвованнаго графинею Браницкою, которая на сей разъ забыла свою скупость. 5-го января началось слѣдствіе, порученное ген.-майору Курносову, въ продолженіе коего, въ ночь съ 11 на 12 января, Муравьевъ и прочіе офицеры въ кандалахъ были отправлены въ г. Могилевъ.

Между тѣмъ члены Общества, находившіеся въ Кіевѣ, по пріѣздѣ къ нимъ Андреевича и Борисова 1-го, намѣревались тамъ произвести возстаніе, надѣясь на содѣйствіе 8-й пѣхотной дивизіи. Среди сихъ начинаній они узнали о разбитіи С. Муравьева, тотчасъ же рѣшились освободить его и Бестужева и нашли еврея, который за 2,000 руб. брался доставить арестованныхъ изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ. Не найдя сей суммы, офицеры начали закладывать вещи, но прежде нежели они успѣли собрать нужныя деньги, неожиданно Андреевичъ и Борисовъ были арестованы, и тѣмъ самымъ осталось безъ исполненія покушеніе возвратить свободу С. Муравьеву, котораго, впрочемъ по словамъ

Соловьева, легко было увезти чрезъ заднее окошко того дома, гдѣ онъ содержался: оно примыкало къ жидовской корчмѣ, и близко онаго не было поставлено часового.

9.

Общій взглядъ на дѣйствія Муравьева.—Мѣры правительства.

Мы описали возстаніе Черниговскаго полка, видѣли плачевный конецъ этого подвига на Югѣ, который при другихъ обстоятельствахъ, могъ имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу Россіи.

Взглянемъ теперь на совокупность происшествій и разсмотримъ внимательно, безпристрастно дѣйствія С. Муравьева. Медленность и какая-то неопредѣленность въ движеніяхъ поражаютъ при первомъ взглядѣ. Спрашиваемъ, что заставляло его, послѣ столь смѣлаго начала, ограничиться движеніями около Василькова, дѣлать небольшіе переходы и дневать въ Мотовиловкѣ, между тѣмъ какъ солдаты, такъ и офицеры только того и желали, чтобы дѣйствовать наступательно. Сіи жалобы не могли скрыться отъ начальника. Если бы Муравьевъ, не дожидая помощи, самъ искалъ оную; если бы движенія Черниговскаго полка были быстры, внезапны, то кромѣ существенной выгоды сіи движенія укрѣпляли бы духъ подчиненныхъ и поддерживали ихъ надеждою успѣха. С. Муравьеву должно было собрать полкъ какъ можно скорѣе, избрать какой-либо одинъ или два пункта и дѣйствовать съ быстротою молніи. Кіевъ, Брусиловъ, Бѣлая Церковь, Паволочь, потомъ Житомиръ,—вотъ мѣста, куда долженъ

былъ броситься и увлечь за собою находившіеся тамъ полки, въ коихъ или командиры или офицеры, будучи членами тайнаго общества вѣрно бы соединились съ нимъ, тѣмъ болѣе, что одинъ усиленный переходъ достаточенъ былъ для занятія котораго-нибудь изъ этихъ мѣстъ [1]). Въ Кіевѣ онъ могъ бы надѣяться на присоединеніе Курскаго пѣхотнаго полка и даже другихъ полковъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ города. Кромѣ того, артиллерійскіе офицеры, находившіеся при арсеналѣ, вѣроятно сдержали бы слово, данное ими Андреевичу и занятіе такого города, какъ Кіевъ, имѣло бы большое вліяніе на умы. Въ Паволочѣ командиры конной роты артиллерійской и офицеры, принадлежа къ Обществу, конечно не упустили бы случая оправдать, при появленіи С. Муравьева, дѣломъ все, что говорилось ими при другихъ членахъ. Брусиловъ и Бѣлая Церковь представляли ему болѣе или менѣе подобныхъ выгодъ. Если же онъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться сими выгодами и надѣялся болѣе на 8-ю, нежели на 9-ю дивизію, то и въ такомъ случаѣ ему должно было устремиться къ квартирамъ и занять Житомиръ быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ. Во время самаго похода изъ Василькова до деревни Пологъ и далѣе, С. Муравьевъ на каждомъ шагу дѣлалъ ошибки и непростительныя упущенія; кромѣ того онъ не принималъ никакихъ предосторожностей. Когда онъ находился въ Пологахъ и его увѣдомили, что ночью гусары подъѣхали къ самымъ постамъ, онъ оставилъ сіе донесеніе безъ вниманія. Совѣтъ Сухинова сдѣлать

---

[1]) Отъ Василькова до Кіева—35 верстъ; прочія мѣста болѣе или менѣе на такое же разстояніе отстоятъ отъ Василькова.

сильную рекогносцировку также былъ отвергнутъ. Вмѣсто того, чтобы, по предложенію Сухинова, итти изъ Ковалевки въ Трилѣсы которою-нибудь изъ дорогъ, лежащихъ чрезъ деревни, онъ пошелъ степью, незащищенною ничѣмъ и весьма удобною какъ для кавалерійской атаки, такъ и для дѣйствія артиллеріи. Идя же въ Трилѣсы чрезъ деревни Поленичинцы, Пилиповку и Королевку, которыя, соединяясь между собою составляютъ какъ бы одно селеніе, при нападеніи на него отряда Гейсмара онъ могъ бы защищаться противъ гусаръ стрѣлками; тѣмъ болѣе, что тогда артиллерія не вредила бы ему картечью и, можетъ быть, Гейсмаръ не рѣшился бы сжечь селенія. Даже при выстрѣлахъ въ него, сдѣланныхъ конной артиллеріей, онъ могъ бы перемѣнить направленіе и послать одну или двѣ роты въ деревню Королевку, которыя, обойдя гусарскій полкъ, могли бы ударить его во флангъ или грозить ему симъ движеніемъ [1]). Конечно, гусары не стали бы оспаривать поле сраженія, ибо повидимому, они были посланы только для наблюденія за движеніемъ Черниговскаго полка въ ожиданіи войскъ, шедшихъ противъ онаго. Кромѣ сего, гусары неохотно дѣйствовали и, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ присоединились бы если бъ сіи послѣдніе одержали верхъ въ семъ дѣлѣ. С. Муравьевъ долженъ былъ употребить всю дѣятельность и расторопность, чтобы непремѣнно въ первомъ дѣлѣ имѣть хоть малый успѣхъ надъ непріятелемъ: это придало бы болѣе нравственной силы его подчиненнымъ и, мо-

---

[1]) Онъ могъ держатся въ деревняхъ и ночью продолжать путь, какъ солдаты сами желали того.

жетъ быть, слухи о его успѣхѣ привлекли бы къ нему людей нерѣшительныхъ, но готовыхъ дѣйствовать. При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть и о нравственномъ состояніи самого С. Муравьева. Кажется, онъ вовсе не приготовлялся къ возстанію и не думалъ объ ономъ: оно было произведено обстоятельствами. Рѣшительное дѣйствіе четырехъ офицеровъ, когда онъ былъ арестованъ поставило его въ необходимость принять команду. Насильственное начало, ужасная и жестокая сцена съ Гебелемъ сильно поразили его душу: во все время похода онъ былъ задумчивъ и мраченъ, дѣйствовалъ безъ обдуманнаго плана и какъ будто предавая себя и своихъ подчиненныхъ на произволъ судьбы. Веселость появлялась на его лицѣ только въ кругу офицеровъ, которые всегда были одушевлены надеждами: тутъ онъ опять находилъ въ себѣ твердость и рѣшительность и, когда выходилъ съ ними къ фронту, всегда являлся съ свойственною ему привлекательностью и важностью,—одушевлять солдатъ сильнымъ, краткимъ краснорѣчіемъ, которое овладѣвало всѣми умами. Но сіе дѣйствіе было непродолжительно. Его братъ Матвѣй много вредилъ ему. Не имѣя ни твердости въ характерѣ, ни желанія жертвовать всѣмъ для достиженія цѣли, этотъ человѣкъ съ своею дѣтскою боязнью, своими опасеніями смущалъ С. Муравьева и отнималъ у него твердость духа. Послѣ каждаго разговора съ братомъ С. Муравьевъ впадалъ въ глубокую задумчивость и даже терялся совершенно Офицеры, замѣтя сіе, старались не оставлять Матвѣя наединѣ съ братомъ и даже хотѣли просить С. Муравьева, чтобы онъ удалилъ его отъ полка. Онъ дорогою упрекалъ С. Муравьева въ неумѣренной жесто-

кости съ Гебелемъ до того, что С. Муравьевъ хотѣлъ въ Васильковѣ итти просить у него прощенія, но офицеры его не допустили. По его же совѣту, С. Муравьевъ выпустилъ изъ-подъ ареста майора Трухина и жандармскихъ офицеровъ. При первыхъ выстрѣлахъ онъ спрятался въ обозѣ. Вообще, поведеніе его было таково, что офицеры раскаивались, что изъ уваженія къ С. Муравьеву не настояли на томъ, чтобы удалить его отъ отряда. Тягостно иногда говорить прямую истину, но уваженіе къ памяти погибшихъ людей и уваженіе къ самому себѣ требуетъ исполненія сихъ обязанностей.

Мы сказали, въ чемъ можно упрекнуть С. Муравьева; скажемъ теперь и то, что можетъ служить къ его оправданію. Можетъ быть онъ держался близъ Василькова съ какимъ-либо намѣреніемъ: вѣроятно, надежда, что посланные противъ него полки соединятся съ нимъ, была причиною медленности его движеній (это подтверждается наставленіями, данными Мозалевскому при отправленіи его въ Кіевъ, а именно—узнать, какіе полки будутъ посланы противъ него, кто ими будетъ командовать и пр.). Высокія чувства и благородная душа С. Муравьева не позволяли ему сомнѣваться въ обѣщаніи другихъ членовъ; онъ надѣялся, что тѣ, которые ручались честію за свои полки и роты, не оставятъ его въ трудныя минуты возстанія. Онъ вѣрилъ всѣмъ, не воображая, что въ этомъ случаѣ люди, извѣстные своею храбростью и честностью, сыграютъ роль трусовъ и обманщиковъ. Обѣщанія ихъ набросили на его шею веревочную петлю; за увѣренность въ ихъ мужествѣ и правдивости онъ заплатилъ жизнью. Пріуготовительныя дѣйствія членовъ Южнаго

общества не имѣли никакой опредѣленной цѣли. Раздоры членовъ, обманчивыя надежды на помощь людей (солдатъ), съ коими они не имѣли никакихъ сношеній, преувеличиваніе силъ своихъ, слабость характеровъ, боязнь междоусобія, желаніе достигнуть своей цѣли безъ трудовъ и опасностей заранѣе уничтожали всякую увѣреность въ успѣхѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ борьба горсти людей съ исполинскими силами правительства была верхъ безразсудства; чтобы выйти побѣдителемъ, нужно было чудо. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ обвинять С. Муравьева въ легковѣріи. Можно ли было полагать, что средствомъ къ разбитію Черниговскаго полка будетъ употреблена конная артиллерійская рота, въ которой не только командиръ, но всѣ, безъ исключенія, офицеры принадлежали къ Южному тайному обществу? [1]).

Если медленность Муравьева и робость нѣкоторыхъ членовъ Общества вредили успѣхамъ переворота, то, съ другой стороны, и рѣшительныя мѣры, принятыя мѣстнымъ начальствомъ для усмиренія мятежа, дѣлали оные невозможными. Командиры 3 и 4 корпусовъ дѣйствовали съ необычайною скоростію. Положительно извѣстно, что всѣ повелѣнія въ полки о выступленіи въ походъ были посланы отъ нихъ; неизвѣстно, имѣли ли они прежде какія-либо предписанія отъ высшаго начальства, или сами собою дѣйствовали. Не станемъ теряться въ догадкахъ: сближая время возстанія Черниговскаго полка и дви-

---

[1]) Генералъ Ротъ, узнавъ о возстаніи Черниговскаго полка, поѣхалъ въ расположеніе квартиръ гусарской бригады и конной артиллеріи. Пыхачевъ могъ бы его тамъ арестовать, но онъ потерялъ въ семъ случаѣ, какъ говорятъ, голову.

женія войскъ противъ него со временемъ разбитія С. Муравьева, можно предполагать, что корпусные командиры лично отъ себя распоряжались.

Какъ скоро слухъ о возстаніи Черниговскаго полка дошелъ до командировъ 3 и 4 корпусовъ, то всѣ квартировавшіе недалеко отъ Василькова пѣхотные и кавалерійскіе полки поднялись съ быстротою молніи и шли для укрощенія возникшаго мятежа. Жандармскій офицеръ Лангъ, бѣжавшій изъ Трилѣсъ, далъ первый знать въ дивизіонную квартиру 9-й дивизіи (въ Бѣлую Церковь) о случившемся тамъ происшествіи 29 декабря (1825). Курьеры ту же минуту были отправлены къ высшему начальству. По полученіи извѣстія генералъ Ротъ тотчасъ поѣхалъ въ Бердичевъ и Паволочь за гусарскими полками и артиллеріей. Должно думать, что мѣстныя начальства не имѣли настоящаго понятія о силѣ Общества. Боязнь и подозрительность увеличивали въ ихъ глазахъ опасность. Изъ распоряженій генерала Рота можно видѣть, что Маріупольскій полкъ и конная № 5 рота были посланы только для наблюденія за движеніемъ Черниговскаго полка, а не для усмиренія онаго. Ибо, раздѣливъ помянутый полкъ на три отряда, онъ приказалъ имъ занять тѣ дороги, по которымъ могъ слѣдовать С. Муравьевъ, единственно съ тѣмъ, чтобы сіи конные отряды дѣйствовали по обстоятельствамъ въ ожиданіи другихъ войскъ. Сіи отряды были расположены слѣдующимъ образомъ: первый, подъ командою самого генерала Рота, находился между Бѣлою Церковью и Паволочемъ; второй—въ деревнѣ Пологахъ, подъ командою генерала Гейсмара, который отыскалъ С. Муравьева и потомъ разбилъ его;

третій неизвѣстно гдѣ стоялъ: по всей вѣроятности, онъ занималъ такой пунктъ, изъ котораго могъ въ случаѣ надежды подать скорую помощь, какъ первому, такъ и второму отряду.

Кромѣ того, генералъ Ротъ приказалъ двинуться въ Паволочь гусарскимъ полкамъ, а именно: Принца Оранскаго, Александрійскому и Ахтырскому. Еще съ большею скоростью дѣйствовало военное начальство города Кіева. Узнавъ отъ майора Трухина и жандармскихъ офицеровъ о возстаніи Черниговскаго полка, тамъ все пришло въ движеніе. Въ ту же ночь высланы были противъ С. Муравьева стоявшіе въ караулѣ: 8 дивизіи—Курскій пѣхотный полкъ, и 7 дивизіи—батальонъ Муромскаго полка. Кромѣ того, въ 1½ не болѣе часа, было отправлено множество курьеровъ въ полки съ повелѣніями выступить немедленно къ г. Василькову [1]), а къ разнымъ начальствамъ—съ увѣдомленіемъ о происшествіи [2]). Вслѣдствіе сихъ повелѣній полки 10 дивизіи: Витебской, Полоцкой, 19 и 20 егерскіе полки; вся 11 дивизія; полки 12 дивизіи Воронежской, Рыльской, Старооскольской,—выступили изъ своихъ квартиръ еще до разбитія С. Муравьева и двинулись противъ Черниговскаго полка.

---

[1]) Мозалевскій былъ въ ту же ночь отправленъ съ курьеромъ въ г. Могилевъ, и уже на первой станціи ни одной тройки не нашли лошадей. Курьеры разосланные изъ Кіева съ извѣстіями о возстаніи Черниговскаго полка, забрали всѣхъ лошадей.

[2]) Между прочими курьерами, княземъ Щербатовымъ были посланы два курьера въ Полтавскую губернію: одинъ—прямо въ имѣніе С. Муравьева, село Хомутецъ, неизвѣстно зачѣмъ; другой—къ Полтавскому генералъ-губернатору съ сообщеніемъ наложить запрещеніе на имѣніе С. Муравьева.

4-я драгунская дивизія слѣдовала къ Василькову, а нѣкоторые полки оной дивизіи 3 января уже дошли до города Козельца. Кромѣ сего, 2-й арміи драгунская дивизія была на походѣ и находилась уже близъ Василькова. 25-я пѣхотная дивизія Литовскаго корпуса была собрана въ городѣ Дубнахъ и ожидала только вторичнаго повелѣнія выступить въ походъ. Утверждаютъ, будто границы Галиціи занялъ 30-титысячный корпусъ австрійцевъ. Генералъ Ротъ, подозрѣвая, что офицеры 3-го корпуса должны быть въ связяхъ съ С. Муравьевымъ, не послалъ противъ него ни одного пѣхотнаго полка ввѣреннаго ему корпуса и отрядилъ только 3-ю гренадерскую дивизію и конную артиллерію [1]). Вѣроятно, онъ предоставилъ дѣйствовать пѣхотою противъ С. Муравьева командиру 3-го корпуса князю Щербатову, который двинулъ почти всѣ полки своего корпуса [2]). Но и здѣсь генералъ Ротъ и князь Щербатовъ могли жестоко обмануться: полки Курской, Витебской, Воронежской, Старооскольской, гдѣ были члены Общества подполк. Крупенниковъ, Хотяинцевъ, Капнистъ и, вѣроятно, много другихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, могли соединиться съ Черниговскимъ полкомъ и подать помощь С. Муравьеву. Можно было также надѣяться на часть 4-й драгунской дивизіи. Кромѣ сего, къ С. Муравьеву могло присоединиться множество членовъ

---

[1]) С. Муравьевъ не принялъ въ соображеніе сего обстоятельства и для того ему должно было не дожидать помощи, но самому стремиться въ тѣ полки, гдѣ находятся члены.

[2]) 3-го корпуса 7-й дивизіи батальонъ Муромскаго полка, стоявшій въ городѣ Кіевѣ, одинъ изъ цѣлаго корпуса, былъ посланъ противъ С. Муравьева и то княземъ Щербатовымъ.

тайнаго общества, разсѣянныхъ въ разныхъ полкахъ, которые, при малѣйшемъ успѣхѣ, лично или съ своею частію войскъ пристали бы къ нему и тѣмъ увеличили его силу. Если бы С. Муравьевъ былъ подкрѣпленъ артиллеріей и нѣсколькими пѣхотными или конными полками и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; если бы поляки и жители западныхъ губерній приняли участіе въ семъ дѣлѣ, то правительство встрѣтило бы большія затрудненія въ усмиреніи мятежа. Неизвѣстно чѣмъ бы все это кончилось; можетъ быть ничтожное возстаніе С. Муравьева съ Черниговскимъ полкомъ было бы новою эпохою жизни русскаго народа.

10.

Бѣгство Сухинова.

Оставимъ догадки и предположенія и возвратимся къ печальной существенности, — къ нашему повѣствованію. Мы оставили поручика Сухинова на мѣстѣ сраженія. Скажемъ теперь какимъ образомъ онъ избѣгъ на нѣкоторое время преслѣдованія правительства и по какому случаю подвергся потомъ одной участи съ своими товарищами. Сухиновъ видя невозможность остановить и собрать разсѣянныхъ солдатъ, рѣшился самъ искать спасенія въ бѣгствѣ и пустился вслѣдъ за ними къ деревнѣ Пилиничинцамъ, отдѣленной отъ поля сраженія глубокимъ оврагомъ. Преслѣдуемый гусарами, онъ добѣжалъ до сего оврага и прямо бросился въ оный; снѣгъ былъ глубокъ и вязокъ; Сухиновъ никакъ не могъ выйти и уже думалъ, что тутъ кончилось его предпріятіе при самомъ

началѣ. Но солдаты Черниговскаго полка, увидя любимаго ими офицера, съ опасностію жизни бросились къ нему на помощь и, вытащивъ его изъ снѣга, перенесли на другую сторону оврага. Тщетно гусары, стоя на краю пропасти, приказывали имъ схватить офицера и привести назадъ: солдаты не повиновались сему приказанію; переправивъ Сухинова, они воротились и сдались гусарамъ. Часть преслѣдовавшихъ гусаръ окружила сдавшихся солдатъ и повела ихъ къ сборному мѣсту: другая поскакала кругомъ съ намѣреніемъ перехватить Сухинова, который, между тѣмъ перебѣжалъ поле, отдѣляющее оврагъ отъ деревни и достигъ безопасно одной крестьянской избы. Увидя хозяина, онъ просилъ убѣжища; добрый крестьянинъ спряталъ его въ погребъ. Положеніе Сухинова было ужасно: вообразите человѣка въ глубокомъ, холодномъ погребу, терзаемаго горестными мыслями о несчастіи своихъ товарищей и лишеннаго всѣхъ надеждъ и ожиданій. Крики гусаръ, обыскивающихъ ближніе домы, безпрестанно напоминали ему объ угрожающей опасности и ожидающей его участи. Въ такомъ положеніи Сухиновъ пробылъ до наступленія ночи; жизнь казалась ему тяжкимъ бременемъ, отъ коего онъ желалъ освободиться какъ можно скорѣе. При свиданіи съ товарищами, разсказывая имъ свои приключенія, онъ чистосердечно признавался, что въ эти тягостныя минуты онъ дорого бы заплатилъ за вѣчный, безпробудный сонъ. «Сидя въ холодномъ погребѣ,—говорилъ онъ,—слыша лошадинный топотъ и крики гусаръ, я рѣшился умереть. Со мною былъ заряженный пистолетъ: два раза клалъ оный къ себѣ въ ротъ, и два раза кремень осѣкался. Бросивъ, на-

конецъ, убійственное оружіе, я подумалъ, что мнѣ должно жить и ожидать другой участи». Вскорѣ послѣ сего пришелъ къ нему крестьянинъ и простымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ сказалъ: «Идыте, пане, до хаты; нечутко никого; москали побіглі дале». Пришедъ въ избу, Сухиновъ подкрѣпилъ истощенныя свои силы ужиномъ, надѣлъ крестьянскую одежду хозяина и собрался въ дорогу. Прощаясь съ добрымъ крестьяниномъ, который, провожая, благословилъ нечаяннаго своего гостя, он ъотдалъ ему послѣдніе шесть рублей серебромъ. Простодушный малороссіянинъ долго не хотѣлъ принять сихъ денегъ, но усильныя просьбы Сухинова побѣдили, наконецъ, его безкорыстіе.

Уже было около 10 часовъ ночи, какъ Сухиновъ пошелъ прямо въ Гребенки, гдѣ жилъ знакомый ему полякъ. Онъ постучалъ въ окно и просилъ пріюта. Полякъ, узнавъ Сухинова по голосу, вышелъ къ нему навстрѣчу, повелъ въ комнату и, разспроса о всемъ случившемся, благословлялъ небо за спасеніе его пріятеля. Какъ онъ, такъ и его жена осыпали Сухинова ласками, стараясь помочь ему во всемъ, чѣмъ только могли. Они приняли всѣ предосторожности для отвращенія всякаго подозрѣнія; старались даже, чтобы дворовые люди не знали о приходѣ Сухинова. Хозяйка сама согрѣвала воды и приготовила чай, между тѣмъ какъ хозяинъ пошелъ тихонько въ конюшню, запрягъ лошадь въ сани и, одѣвъ Сухинова въ свое платье, снабдилъ его 10 рублями на дорогу и отправилъ въ путь съ истиннымъ желаніемъ счастья. Благородный поступокъ поляка и его жены выше всякихъ похвалъ: онъ самъ за себя говоритъ; за достовѣрность онаго ручается каждое благородное сердце. Прискорбно, что

имя и фамилія сего великодушнаго человѣка останутся неизвѣстными, но онъ щедро награжденъ своею совѣстію.

Оставивъ деревню Гребенки, нашъ странникъ выѣхалъ на Богуславскую дорогу и въ первый ровъ бросилъ свое военное платье. Чрезъ нѣсколько дней онъ добрался до селенія Каменки, принадлежавшаго полковнику Василію Львовичу Давыдову. У Давыдова былъ штабъ-лекарь Зинкевичъ, прежде служившій въ Черниговскомъ полку и потому знакомый Сухинову. Зинкевичъ, увидя его, тотчасъ догадался, что онъ участвовалъ въ возмущеніи и ищетъ убѣжища. Сухиновъ съ откровенностію разсказывалъ Зинкевичу все случившееся. «Я надѣюсь,—сказалъ онъ, кончивъ свой разсказъ,—что вы будете великодушны... и дадите мнѣ способъ скрыться отъ поисковъ правительства». Зинкевичъ отвѣчалъ почти положительно, но былъ прерванъ приходомъ Давыдова, который, поговоривъ съ Зинкевичемъ, вывелъ его тотчасъ въ другую комнату. Черезъ нѣсколько минутъ Зинкевичъ возвратился одинъ и объявилъ Сухинову, что правительство ищетъ его повсюду и что онъ долженъ, не теряя времени, уѣхать туда, гдѣ думаетъ обмануть дѣятельность полиціи. «Я вамъ совѣтую,—говорилъ онъ,—прошу васъ, требую, чтобы вы не оставались ни секунды не только здѣсь, но даже и въ имѣніи Давыдова; поѣзжайте скорѣе и куда хотите: я не хочу отвѣчать за васъ, Богъ съ вами!» Пораженный, какъ громовымъ ударомъ, Сухиновъ не могъ произнести ни одного слова. Онъ никакъ не думалъ найти такого пріема въ деревнѣ, принадлежавшей одному изъ главныхъ членовъ Южнаго Общества; никогда не полагалъ,

чтобы прежній товарищъ, Зинкевичъ, такимъ образомъ его принялъ. Штабъ-лекарь, замѣтя смущеніе Сухинова, смѣшался и началъ извиняться. «Я неволенъ ни въ одномъ изъ своихъ поступковъ,—сказалъ онъ между прочими извиненіями —я служу у помѣщика и потому нахожусь въ зависимости, не могу ничего сдѣлать для васъ безъ его согласія, но радъ вамъ пособить всѣмъ, чѣмъ могу и что принадлежитъ собственно мнѣ. Я еще повторяю вамъ, что вы не найдете у меня убѣжища; скрывайтесь, если можете, въ другомъ мѣстѣ и поѣзжайте поскорѣе». Можетъ быть, опасеніе навлечь на себя подозрѣніе правительства заставило Зинкевича принять такимъ образомъ несчастнаго своего товарища, но Сухиновъ всегда думалъ и впослѣдствіи говорилъ своимъ товарищамъ, что Зинкевичъ, можетъ быть, и не сдѣлалъ бы сего безъ особеннаго внушенія со стороны Давыдова.

Огорченный Сухиновъ запрягъ свою лошадь и, простившись съ Зинкевичемъ, собрался въ дорогу. Когда онъ уже сѣлъ въ сани, Зинкевичъ подошелъ къ нему, далъ ему нѣсколько рублей сер. и, прощаясь, просилъ Сухинова убѣдительно не открывать правительству своего пребыванія въ Каменкѣ, если по несчастію онъ не успѣетъ уѣхать за-границу. Сухиновъ, поблагодаривъ своего товарища за денежное вспоможеніе, сказалъ: «Относительно моей скромности, я васъ увѣряю, что никогда не вспомню ни о Каменкѣ, ни о ея владѣльцѣ». Такимъ образомъ онъ выѣхалъ изъ деревни днемъ, пробывъ въ ней не болѣе часа. Между тѣмъ правительство разослало повсюду объявленіе о бѣжавшемъ Сухиновѣ съ описаніемъ его примѣтъ и съ строгимъ повелѣніемъ доставить его въ руки на-

чальства; вездѣ производились розыски. Пріѣхавъ въ Александрію, Херсонской губерніи, Сухиновъ отыскалъ своего родного брата, служившаго тамъ въ гражданской службѣ, и былъ принятъ имъ съ братскимъ участіемъ; но, какъ человѣкъ недостаточный, онъ ничѣмъ не могъ ему помочь и, живя въ наемномъ домѣ, не рѣшался долго скрывать его у себя. Посему Сухиновъ, пробывъ въ Александріи нѣсколько дней, написалъ себѣ паспортъ отставного офицера и поѣхалъ въ Кишиневъ съ цѣлью пробраться въ турецкія владѣнія. Путь его къ Кишиневу былъ весьма труденъ и опасенъ; очень часто онъ думалъ, что его узнаютъ, часто онъ читалъ объявленія правительства о бѣжавшемъ мятежникѣ Сухиновѣ. Иногда ему случалось ночевать вмѣстѣ съ отыскивавшими его чиновниками; нѣсколько разъ спрашивали его: «не случалось ли ему встрѣтить гдѣ-нибудь человѣка съ такими-то примѣтами, прозываемаго Сухиновъ?»

Наконецъ, послѣ долгаго и труднаго странствованія онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ 6 февраля 1826 года и остановился у одного мѣщанина. Разспросивъ въ городѣ у разныхъ людей дорогу и мѣсто переправы черезъ Прутъ и узнавши, что очень легко сіе исполнить онъ рѣшился, наконецъ, оставить Кишиневъ и вмѣстѣ съ нимъ отечество. «Горестно было разставаться съ родиною,—говорилъ онъ послѣ съ сильнымъ чувствомъ своимъ товарищамъ:—я прощался съ Россіею, какъ съ родною матерью, плакалъ и безпрестанно бросалъ взоры свои назадъ, чтобы взглянуть еще разъ на русскую землю. Когда я подошелъ къ границѣ, мнѣ было очень легко переправиться черезъ Прутъ и быть внѣ опасности; но , увидя предъ собою

рѣку, я остановился... Товарищи, обремененные цѣпями и брошенные въ темницы, представились моему воображенію... Какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ: ты будешь свободенъ, когда ихъ жизнь пройдетъ среди бѣдствій и позора. Я почувствовалъ, что румянецъ покрылъ мои щеки; лицо мое горѣло, я стыдился намѣренія спасти себя, я упрекалъ себя за то, что хочу быть свободнымъ... и возвратился назадъ въ Кишиневъ!.. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ у прежняго своего хозяина, я снова вознамѣрился бѣжать, опять на берегу Прута—та же тяжесть разстаться съ родиною, и опять тотъ же упрекъ совѣсти, и я опять возвратился снова въ Кишиневъ». Когда онъ возвратился въ второй разъ въ Кишиневъ, онъ былъ уже безъ денегъ. Тутъ онъ продалъ лошадь, подаренную ему въ Гребенкахъ полякомъ, рѣшился остаться въ Россіи и не укрываться отъ поисковъ правительства. Безъ всякой предосторожности написалъ онъ къ своему отцу, гдѣ подробно изобразилъ свое положеніе, мѣсто своего пребыванія, и отослалъ сіе письмо на почту. Между тѣмъ хозяинъ дома началъ подозрѣвать своего постояльца. 15 февраля Сухиновъ сидѣлъ одинъ въ дальней комнатѣ, преданный самымъ мрачнымъ мыслямъ, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою полицеймейстера, который, посмотрѣвъ на него пристально, вышелъ вонъ, не сказавъ ни слова. Нельзя было не догадаться, что его узнали; но Сухиновъ спокойно ожидалъ своей участи. Вскорѣ послѣ сего пріѣхалъ генералъ Желтухинъ съ помянутымъ полицеймейстеромъ. На вопросъ генерала, кто онъ таковъ, Сухиновъ отвѣчалъ смѣло: «офицеръ Черниговскаго полка; послѣ разбитія С. Муравьева, я бѣжалъ, скрывался до

сихъ поръ въ Кишиневѣ и другихъ мѣстахъ; я съ радостію отдаюсь въ руки правительства, мнѣ тягостно мое положеніе». По приказанію Желтухина его тотчасъ повели на гауптвахту, гдѣ заковали ему руки и ноги. На другой день онъ былъ отправленъ въ Одессу. Дорога изъ Кишинева въ Одессу была весьма тягостна для Сухинова: цѣпи, обременявшія его руки и ноги, были столь тѣсны, что желѣзо впилось въ тѣло. Холодная и сырая погода, трудный путь, боль, производимая цѣпями, разстроили его здоровье; раны, полученныя имъ въ Отечественную войну, открылись, и онъ чувствовалъ лихорадку. (Сухиновъ служилъ въ Отечественную войну въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, получилъ въ разныхъ сраженіяхъ противъ французовъ семь ранъ, лѣвая рука была сильно разрублена и въ другой разъ прострѣлена пулей).

Въ Одессѣ онъ былъ представленъ немедленно графу Воронцову, который принялъ его очень ласково и оказалъ величайшее соболѣзнованіе. Цѣпи съ Сухинова были сняты, по приказанію графа. Ему была отведена особенная комната въ домѣ генералъ-губернатора, дано новое бѣлье, предложенъ обѣдъ и ужинъ. На другой день по-утру на Сухинова набили тѣ же самыя желѣза и, подъ присмотромъ частнаго пристава, отправили въ главную квартиру, въ городъ Могилевъ. Обхожденіе полицейскаго чиновника было грубо и даже жестоко. Сухиновъ переносилъ оное съ терпѣніемъ. Пріѣхавъ въ Житомиръ, частный приставъ остановился въ трактирѣ обѣдать. Сухиновъ, пользуясь симъ, просилъ позволенія отдохнуть нѣсколько времени, предсталвяя ему, что открывшіяся раны и разстройство здоровья лишаютъ его возможности продол-

жать попрежнему дорогу. Грубости были отвѣтомъ на его просьбу. Сухиновъ, выведенный изъ терпѣнія и раздраженный жестокостями частнаго пристава, схватилъ ножъ, лежавшій на столѣ, и, бросившись на него, вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Я тебя, каналья, положу съ одного удара; мнѣ одинъ разъ отвѣчать; но твоя смерть послужитъ примѣромъ другимъ мошенникамъ, подобнымъ тебѣ». Испуганный полицейскій чиновникъ упалъ на колѣни и, дрожа весь отъ страха, просилъ прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ имъ Сухинову, обѣщалъ впередъ быть вѣжливымъ и дѣлать все, что отъ него будетъ зависѣть. Частный приставъ сдержалъ свое слово: отъ Житомира до Могилева заботился о Сухиновѣ, какъ о своемъ родномъ, позволялъ ему отдыхать, самъ перевязывалъ ему раны, былъ учтивъ и вѣжливъ. Угрозы сдѣлали его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Поступокъ Сухинова, во всякомъ случаѣ достойный порицанія, который могъ даже усугубить его положеніе, былъ ему на этотъ разъ полезенъ. Страхъ заставилъ испорченное и грубое сердце вспомнить о томъ, что требуетъ отъ насъ несчастный, изнемогающій подъ бременемъ судьбы. Въ концѣ февраля Сухиновъ прибылъ въ главную квартиру 1-й арміи, гдѣ уже по высочайшему повелѣнію производилось слѣдствіе.

11.

Дѣйствіе славянъ въ Полтавскомъ полку.

Для полноты разсказа упомянемъ о дѣйствіи Славянъ, служившихъ въ Полтавскомъ пѣхотномъ полку: оно—въ тѣсной связи съ возстаніемъ С. Муравьева. Мы

уже видѣли, что оно случилось неожиданно для большей части членовъ тайныхъ обществъ; что нѣкоторые узнали о семъ происшествіи вмѣстѣ съ разбитіемъ, а иные, хотя узнали прежде, но не хотѣли или не могли содѣйствовать оному. Другіе же, напротивъ, полагая, что Черниговскій полкъ возсталъ по предварительному намѣренію, и будучи увѣрены, что сіе возстаніе и есть исполненіе заранѣе обдуманнаго плана,—только что услышавъ о происшествіи 29 и 30 декабря, рѣшились сами дѣйствовать. Такимъ образомъ, члены Славянскаго Общества, служившіе въ Полтавскомъ полку, почитая священною обязанностію исполнить слово, данное во время присоединенія къ Южному Обществу, и думая, что возмущеніе Черниговскаго полка есть знакъ ко всеобщему возстанію, хотѣли немедленно слѣдовать влеченію сихъ чувствъ, но встрѣтили препятствіе въ своемъ полковомъ командирѣ Тизенгаузенѣ, членѣ Южнаго Общества. Разскажемъ подробно сіе происшествіе: оно рѣзко обозначиваетъ характеръ лицъ, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ, и представляетъ полезныя наблюденія изучающему человѣческое сердце.

Въ 1824 году былъ принятъ въ Славянское Общество юнкеръ Драгомановъ, молодой человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе. Природныя его дарованія были развиты занятіями, дѣятельною жизнію и желаніемъ образовать себя еще болѣе. Вступивъ въ общество, онъ былъ ревностнѣйшимъ членомъ онаго, участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ въ лагерѣ подъ Лещинымъ и зналъ условія, на коихъ соединились два общества. Хотя онъ былъ недовѣрчивъ и не полагалъ, что можно такъ скоро освободить Россію, однакожъ, вѣрилъ силѣ Южнаго Общества и надѣялся на успѣхъ

замышляемаго переворота. Будучи убѣжденъ, что для возмущенія полка необходимо принять въ Общество ротныхъ командировъ, способныхъ дѣйствовать на солдатъ, и, зная, что въ Полтавскомъ полку, кромѣ полкового командира Тизенгаузена, поручика Усовскаго и Бестужева-Рюмина, нѣтъ ни одного члена,— онъ рѣшился тотчасъ послѣ Лещинскаго лагеря увеличить число оныхъ. Вслѣдствіе сего намѣренія онъ принялъ въ Общество двухъ ротныхъ командировъ: поручика Троцкаго и подпоручика Трусова, пылкихъ и рѣшительныхъ молодыхъ людей; сообщилъ имъ все извѣстное о дѣлахъ и намѣреніяхъ тайнаго общества, взялъ обѣщаніе дѣйствовать по общему плану и поднять знамя свободы при первомъ знакѣ къ возстанію. За три мѣсяца до возстанія Черниговскаго полка Тизенгаузенъ съ своимъ полкомъ занялъ крѣпость Бобруйскъ для содержанія въ оной караула. Драгомановъ, Усовскій, Троцкій и Трусовъ, будучи отдалены отъ своей дивизіи, не знали, что происходитъ въ оной. Отъ Бестужева-Рюмина, который никогда не жилъ въ полку, они не имѣли никакого извѣстія; онъ ихъ не увѣдомлялъ даже, что намѣрены предпринять члены тайнаго общества послѣ смерти государя. По сему они слѣдовали правиламъ, положеннымъ въ Лещинѣ: «дѣйствовать медленно на солдатъ и офицеровъ, но быть въ готовности на все». С. Муравьевъ не заботился о нихъ и, вѣроятно, забылъ, что они существуютъ: онъ видѣлъ одного Тизенгаузена и всю надежду полагалъ на него; Тизенгаузенъ же, съ своей стороны, не имѣя въ душѣ намѣренія способствовать къ возстанію и показывая себя свободолюбивымъ изъ какихъ-то личныхъ по службѣ неудовольствій, никогда не заботился

объ офицерахъ и солдатахъ и съ первыми не имѣлъ никакого сношенія по дѣламъ Общества. Обхожденіе Тизенгаузена съ офицерами было, въ полномъ смыслѣ, предосудительно. При каждомъ случаѣ, онъ обнаруживалъ деспотическій и мстительный характеръ, лучшіе офицеры вышли изъ его полка, другіе намѣревались оставить оный; обращеніе его съ солдатами было еще хуже: на него жаловались, какъ на грабителя и притѣснителя подчиненныхъ [1]).

Въ началѣ января 1826 года въ Бобруйскѣ Полтавскій полкъ вступилъ въ свою очередь въ караулъ. За нѣсколько часовъ до развода разнесся слухъ о возстаніи Черниговскаго полка. Трусовъ и Троцкій, думая воспользоваться случайнымъ сборомъ полка, немедля нимало, положили взбунтовать полкъ и завладѣть крѣпостью Бобруйскомъ. Пылая рвеніемъ подражать черниговцамъ и полагаясь на содѣйствіе Тизенгаузена, какъ ревностнаго члена Южнаго Общества, сіи офицеры при вступленіи полка въ разводъ обнажили шпаги и, выбѣжавъ впередъ, закричали: «Товарищи солдаты, за нами! Черниговцы возстали. Стыдно намъ отъ нихъ отстать; они сражаются за нашу свободу, за свободу Россіи; они надѣются на нашу помощь; пособимъ имъ,—впередъ, ура!» Всѣ офицеры были поражены поступкомъ Троцкаго и Трусова. Нечаянность сего поступка навела на всѣхъ какую-то неподвижность и оцѣпенѣніе; солдаты поколебались,

---

[1]) Сіе мнѣніе было общимъ въ 3-мъ корпусѣ, а особливо въ 9-й дивизіи. Положительно можно сказать, что Тизенгаузена офицеры и солдаты ненавидѣли. Насчетъ его характера, деспотическаго и мстительнаго, можно было бы множество примѣровъ привести. Кто служилъ въ 3-мъ корпусѣ, то всѣ знаютъ ихъ.

въ рядахъ раздался гулъ, и если бъ хотя одинъ изъ нихъ выбѣжалъ впередъ, безъ сомнѣнія онъ увлекъ бы многихъ. Можетъ быть, нужно было одного человѣка, одной минуты, и Бобруйскъ былъ бы въ рукахъ Общества; но какая-то невидимая сила держала солдатъ и офицеровъ, какъ прикованныхъ къ одному мѣсту. Троцкій и Трусовъ, пробѣгая ряды, продолжали убѣждать солдатъ; но Тизенгаузенъ, стоявшій съ начала сего дѣйствія въ отдаленіи, тотчасъ догадался, о чемъ идетъ дѣло. Подбѣжавъ къ Троцкому и Трусову, онъ приказалъ ихъ схватить и связать, какъ негодныхъ бунтовщиковъ. Ему повиновались немедленно: ихъ схватили и тутъ же передъ полкомъ связали. Троцкаго и Трусова сейчасъ отвели на гауптвахту, гдѣ Тизенгаузенъ приказалъ имъ набить кандалы на руки и ноги. Потомъ написалъ рапортъ о семъ происшествіи къ главнокомандующему 1-й арміей и при семъ рапортѣ отправилъ Троцкаго и Трусова черезъ часъ въ городъ Могилевъ.

Тѣ, которые читали сей рапортъ, говорятъ, что полковникъ Тизенгаузенъ не позабылъ ничего, могущаго очернить сихъ офицеровъ; онъ былъ, такъ сказать, наполненъ словами: пьяницы, разбойники, бунтовщики, развратники, грабители и проч. По пріѣздѣ въ Могилевъ, Троцкій и Трусовъ въ тотъ же день были отправлены въ Петербургъ, изъ коего, по прошествіи сутокъ, были снова отосланы въ главную квартиру съ повелѣніемъ кончить дѣло въ 24 часа. По прошествіи сего времени имъ была прочтена военно-судною комиссіею сентенція, коей они приговорены къ смерти; но конфирмаціею главнокомандующаго сіе наказаніе смягчено и перемѣнено въ вѣчно-крѣпостную работу.

Они подверглись своему наказанію на мѣстѣ преступленія; черезъ два дня ихъ отправили въ крѣпость Бобруйскъ. Когда Троцкаго и Трусова представили коменданту сей крѣпости генералу Безаку, который ихъ лично зналъ, онъ имъ сказалъ: «Вы меня простите, я нисколько не могу смягчить вашей участи; вы по такому дѣлу сосланы сюда, что я ничего не въ состоянiи для васъ сдѣлать». Имъ тутъ же выбрили головы, надѣли каторжное платье и отослали тотчасъ въ работу.

III.

Судьба участниковъ.

1.

Производство дѣла о возстаніи Сухинова, Соловьева, Мозалевскаго и др.—Приговоръ надъ нижними чинами.

Описавъ возстаніе Черниговскаго полка и горестный конецъ сего предпріятія, мы почитаемъ необходимымъ сказать, какой жребій постигъ всѣхъ участниковъ въ оном. Всѣ офицеры Черниговскаго полка были перевезены въ Могилевъ и тамъ преданы военному суду при главной квартирѣ, исключая капитана Фурмана и С. Муравьева, которые судились въ Петербургѣ. Мы не будемъ говорить, какимъ образомъ производилось дѣло, о чемъ подсудимыхъ спрашивали и что они показывали. Мы только скажемъ, что въ Могилевѣ было двѣ комиссіи военнаго суда, изъ коихъ одна разбирала дѣло о 40 человѣкахъ, служившихъ въ разныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ и взятыхъ по подозрѣніямъ и показаніямъ, а во второй судились 13 человѣкъ офицеровъ Черниговскаго полка и еще 17-го егерскаго полка подпоручикъ Дмитрій Молчановъ. Каждый изъ офицеровъ Черниговскаго полка содержался въ особой комнатѣ, Соловьевъ, Сухиновъ, Быстрицкій и Мозалевскій были закованы, во время суда, въ желѣза. Монастырь, принадлежавшій прежде іезуитамъ, служилъ темницею симъ офицерамъ. Судъ былъ

конченъ въ концѣ мая мѣсяца, и 13 іюля въ Могилевѣ были прочтены сентенціи офицерамъ, бѣжавшимъ изъ полка во время возстанія, а именно: Рыбаковскому, Кондыреву, князю Мещерскому, Апостолъ-Кегичу и Бѣлелюбскому, кои были приговорены къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и, по истеченіи сего срока, къ зачисленію въ полки тѣми же чинами. Петинъ, Войниловичъ, Жизневскій и Маевскій были лишены чиновъ и дворянскаго достоинства и сосланы рядовыми въ дальніе сибирскіе гарнизоны. Соловьеву, Сухинову, Мозалевскому и Быстрицкому въ Могилевѣ не читали конфирмованныхъ сентенцій; они 18 іюля были отправлены въ городъ Острогъ, гдѣ квартировалъ новосформированный Черниговскій полкъ. 22 или 23 іюля, на другой день ихъ пріѣзда въ помянутый городъ, новый Черниговскій полкъ былъ собранъ на городской площади подъ командою излѣчившагося отъ ранъ полковника Гебеля [1]). Для исполненія сентенденціи назначенъ былъ начальникъ штаба 3-го корпуса князь Горчаковъ.

Первые были выведены передъ полкъ Соловьевъ и Быстрицкій, которымъ на квартирѣ сняли желѣза [2]). Соловьеву прочли сентенцію, въ коей, между прочимъ сказано было: «переломить шпагу предъ полкомъ; съ имѣнія взыскать деньги за растраченныя казенныя

---

[1]) Гебель въ сіе время назначенъ уже былъ комендантомъ въ городъ Кіевъ, но за неприбытіемъ новаго полкового командира продолжалъ командовать Черниговскимъ полкомъ.

[2]) Соловьевъ былъ въ одной рубашкѣ и халатѣ. Генералъ прислалъ ему сюртукъ и рейтузы, чтобы одѣться для церемоніи. Соловьевъ не принялъ сего и пошелъ къ слушанію сентенціи въ томъ, въ чемъ былъ прежде, и въ этомъ же самомъ платьѣ дошелъ съ партіей до Москвы.

вещи во время бунта; подвесть на мѣстѣ преступленія, въ городѣ Васильковѣ, подъ висѣлицу», и пр.; Быстрицкаго же, «разжаловавъ и переломивъ шпагу предъ полкомъ, сослать на вѣчно въ каторжную работу». По исполненіи сего, ихъ тутъ же, на площади, заковали въ желѣза. Быстрицкаго прямо отвезли въ городскую тюрьму для отсылки въ Сибирь, а Соловьева посадили въ приготовленную кибитку и отправили въ Житомиръ. Потомъ привели предъ полкомъ Сухинова и Мозалевскаго: имъ была прочтена сентенція та же самая, что и Соловьеву. Когда Сухиновъ услышалъ слова: «сослать въ вѣчно-каторжную работу въ Сибирь», то громко сказалъ: «И въ Сибири есть солнце»... Но князь Горчаковъ не далъ ему докончить, закричалъ съ бѣшенствомъ, чтобы онъ молчалъ, грозя, что будетъ за это непремѣнно во второй разъ отданъ подъ судъ. Говорятъ даже, что начальникъ штаба хотѣлъ привести въ исполненіе сію угрозу, но генералъ Ротъ не согласился. Соловьевъ, Сухиновъ и Мозалевскій, привезенные изъ города Острога, содержались въ Житомирѣ цѣлый мѣсяцъ и потомъ отправлены были въ городъ Васильковъ. 23 августа, на другой день ихъ пріѣзда въ сей городъ, они были выведены на городскую площадь, на которой собранъ былъ Тамбовскій пѣхотный полкъ, занимавшій въ сіе время прежнія квартиры стараго Черниговскаго полка, и батальонъ, составленный изъ солдатъ, собранныхъ изъ всѣхъ ротъ каждаго полка 9-й дивизіи. На площади стояла огромная висѣлица; народъ тѣснился кругомъ площади, какъ бы въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища. Помѣщики, не только кіевскіе, но изъ Полтавской и Черниговской губерній,

пріѣхали въ Васильковъ съ своими семействами единственно для того, чтобы увидѣть, какимъ образомъ повѣсятъ бунтовщиковъ. Кровли домовъ и заборы все было унизано зрителями. По вторичномъ прочтеніи читанной уже сентенціи палачъ каждаго изъ нихъ обводилъ кругомъ висѣлицы и оставилъ всѣхъ трехъ нѣкоторое время подъ оною. Тутъ же къ висѣлицѣ прибили доску съ именами Щепилы, Кузмина и Ип. Муравьева. По окончаніи сей церемоніи, Соловьевъ и его товарищи были сданы офицеру инвалидной команды, который ихъ отвелъ въ городскую тюрьму.

Изъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ возстаніи Черниговскаго полка и бывшихъ въ походѣ съ С. Муравьевымъ, военнымъ судомъ приговорено было къ наказанію 120 человѣкъ, изъ коихъ нѣсколько были присуждены къ прогнанію сквозь строй черезъ 12 тысячъ и къ сосланію въ Сибирь въ каторжную работу; прочіе черезъ 8, 6, 5, 2 и 1 тысячу человѣкъ; нѣкоторые только къ 500 или 200 ударовъ палками предъ полкомъ, и съ сосланіемъ въ Грузію на службу. Тѣ изъ солдатъ, которые не были наказаны, отправились въ Грузію всѣ вмѣстѣ; наказанные же отправлены туда, по 12 человѣкъ въ партіи, подъ конвоемъ. Сіи приговоры приведены были въ исполненіе въ Бѣлой-Церкви генералъ-майоромъ Вреде. Тамбовскій и Саратовскій полки назначены были для экзекуціи. Человѣколюбіе генералъ-майора Вреде заслуживаетъ особенной похвалы. Онъ просилъ солдатъ щадить своихъ товарищей, говоря, что ихъ поступокъ есть слѣдствіе заблужденія, а не злого умысла. Его просьбы не остались тщетными: всѣ нижніе чины были наказываемы весьма легко; но въ числѣ сихъ не-

счастныхъ находились разжалованные прежде изъ офицеровъ Грохольскій и Ракуза и были приговорены къ наказанію шпицрутеномъ черезъ шесть тысячъ человѣкъ. Незадолго до экзекуціи между солдатами пронесся слухъ, что Грохольскій и Ракуза, лишены офицерскаго званія за возстаніе Черниговскаго полка и, не взирая на сіе, приговорены судомъ къ тѣлесному наказанію. Мщеніе и негодованіе возродилось въ сердцахъ солдатъ: они радовались случаю отомстить своими руками за притѣсненія и несправедливости, испытанныя болѣе или менѣе каждымъ изъ нихъ отъ дворянъ. Не разбирая, на кого падетъ ихъ мщеніе, они ожидали минуты съ нетерпѣніемъ: ни просьбы генерала Вреде, ни его угрозы, ни просьбы офицеровъ,—ничто не могло остановить ярости бѣшеныхъ солдатъ; удары сыпались градомъ: они не били сихъ несчастныхъ, но рвали кусками мясо съ какимъ-то наслажденіемъ. Грохольскаго и Ракузу вынесли изъ линіи почти мертвыми.

Отецъ Грохольскаго, богатый помѣщикъ Смоленской губерніи, далъ своему сыну весьма хорошее воспитаніе и опредѣлилъ его въ Полтавскій полкъ, гдѣ въ скоромъ времени онъ дослужился до капитанскаго чина; но, не взирая на то, что кротость и благородство души составляли отличительныя черты его характера и внушали любовь и уваженіе каждому, Грохольскій, оскорбленный батальоннымъ командиромъ, имѣлъ несчастіе ударить его въ щеку. За сей поступокъ онъ былъ лишенъ всего и записанъ въ рядовые въ Черниговскій полкъ. Мы не знаемъ, гдѣ и когда онъ познакомился съ одною благородною дѣвицею, полюбилъ ее, былъ любимъ взаимно. Родители

сей дѣвицы согласились на ихъ бракъ; Грохольскій былъ уже обрученъ и ожидалъ только перемѣны своей участи, чтобы назвать ее своею; но возстаніе С. Муравьева разрушило счастье двухъ любовниковъ. Услыша объ арестѣ Грохольскаго, его невѣста пріѣхала въ Бѣлую-Церковь и просила тамошнее начальство о дозволеніи видѣться съ Грохольскимъ; ей было дозволено, и она, воспользовавшись этимъ, каждый день по нѣскольку часовъ проводила въ тюрьмѣ съ злополучнымъ женихомъ своимъ. Ея родители и самъ Грохольскій просилъ ее оставить Бѣлую Церковь и возвратиться домой, но всѣ просьбы были напрасны. Въ роковой день экзекуціи невѣста Грохольскаго прибѣжала на лобное мѣсто; видъ ея жениха, терзаемаго безчеловѣчными палачами, его невольные стоны смутили ея разсудокъ: въ безпамятствѣ, она бросилась на солдатъ, желая исторгнуть изъ ихъ рукъ несчастнаго страдальца; ее остановили отъ сего безполезнаго предпріятія и отнесли домой. Сильная нервическая горячка была слѣдствіемъ сего послѣдняго свиданія. Во все продолженіе краткой свой болѣзни она слышала стонъ своего друга, видѣла кровь его и старалась остановить свирѣпыхъ его мучителей. Искусство врачей было безполезно, и въ тотъ же самый вечеръ смерть прекратила ея страданія.

Ракуза былъ изъ польскихъ дворянъ, служилъ въ Пензенскомъ полку поручикомъ и за такую же вину, какъ Грохольскій, былъ разжалованъ въ солдаты въ Черниговскій полкъ. Во время суда онъ помѣшался въ умѣ, но сіе помѣшательство не спасло его отъ жестокаго тѣлеснаго наказанія.—Бывшій командиръ 17 артиллерійской бригады полковникъ Башмаковъ, извѣст-

ный въ арміи своею храбростью и разжалованный въ 1820 году въ солдаты, съ зачисленіемъ въ Черниговскій полкъ, за растрату артельныхъ суммъ, по участію его въ дѣлахъ тайнаго общества, былъ приговоренъ къ наказанію шпицрутеномъ черезъ 12 тысячъ человѣкъ и къ сосланію въ Сибирь въ каторжную работу. Неизвѣстно, былъ ли онъ наказанъ или нѣтъ; но только извѣстно, что впослѣдствіи онъ былъ сосланъ на поселеніе Тобольской губерніи въ городъ Тару.

2.

Препровожденіе въ Сибирь осужденныхъ въ каторгу.—Въ Московскомъ тюремномъ замкѣ.—Этапъ въ Сибирь.

Участь, постигшая С. Муравьева, какъ начальника возстанія, и Бестужева-Рюмина, какъ ревностнѣйшаго члена Общества, всѣмъ извѣстна. Петербургъ видѣлъ позорную и между тѣмъ высокую смерть сихъ мучениковъ свободы. Итакъ возвратимся къ Соловьеву, Сухинову, Мозалевскому и Быстрицкому, которыхъ мы—трехъ первыхъ — оставили въ городѣ Васильковѣ, а послѣдняго—въ городѣ Острогѣ, и для которыхъ съ сего времени началась новая эпоха жизни и бѣдствій. Въ тотъ же день, когда они стояли подъ висѣлицею, они были отправлены чрезъ внутреннюю стражу въ Кіевъ. Въ семъ городѣ они нашли больного горячкою Быстрицкаго; его болѣзнь помѣшала немедленному ихъ отправленію въ Сибирь, и они пробыли въ Кіевѣ съ 23 августа по 5 сентября въ ожиданіи выздоровленія ихъ товарища. Во все это время съ нихъ не снимали желѣзъ. Однажды полковникъ Дуровъ, кіевскій полицеймейстеръ, пріѣхалъ въ

тюрьму, въ которой содержались бывшіе черниговскіе офицеры, и объявилъ имъ, что нѣкоторые жители Кіева, зная ихъ бѣдность и нужду, прислали чрезъ него нѣкоторую сумму денегъ и просятъ ихъ принять оныя, не какъ подаяніе, но какъ пособіе изъ человѣколюбія и участія соотечественниковъ. Соловьевъ и его товарищи благодарили добрыхъ кіевлянъ, но не приняли предложенныхъ имъ денегъ, хотя нуждались какъ въ деньгахъ, такъ и въ платьѣ. При переводѣ въ гусарскій полкъ Сухиновъ заказалъ кіевскому портному полную офицерскую обмундировку, но не успѣлъ взять сшитаго платья до несчастнаго возстанія Черниговскаго полка. По прибытіи своемъ въ Кіевъ онъ вознамѣрился продать оное и употребить вырученныя деньги на содержаніе свое и своихъ товарищей во время дороги въ Сибирь, почему и просилъ полицеймейстера взять сіе платье у портного и продать оное хоть за 1.000 рублей. Охотно на сіе согласился Дуровъ, но на другой день началъ отговариваться отъ взятаго на себя обязательства. Предлоги сего отказа были самые ничтожные: между прочимъ онъ говорилъ, что невозможно продать платье до ихъ отправленія, и совѣтовалъ Сухинову для избѣжанія безполезныхъ хлопотъ, отдать свои вещи на церковь. Услышавъ такой совѣтъ, Сухиновъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Ваше предложеніе кажется мнѣ страннымъ,—сказалъ онъ полицеймейстеру,—ужели вы не знаете, что я и трое моихъ товарищей должны идти 7.000 верстъ безъ платья и денегъ?» Дуровъ не противорѣчилъ, но съ сего времени до самаго отправленія Сухиновъ не видалъ въ глаза ни полицеймейстера, ни платья, ни денегъ.

Легко представить себѣ положеніе черниговскихъ офицеровъ безъ всякаго пособія, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, оставленныхъ и забытыхъ всѣми. Они отправились въ Москву, полуодѣтые, имѣя при себѣ два рубля серебромъ. Наготу барона Соловьева прикрывали рубашка и старый халатъ. При отправленіи своемъ изъ Кіева они видѣлись въ канцеляріи съ 12 человѣками своего полка солдатъ и съ 14-лѣтнимъ разжалованнымъ юнкеромъ, назначеннымъ въ Грузію; ихъ свиданіе было трогательно; нечаянная встрѣча заставила ихъ на минуту забыть свое несчастіе. Слезы катились изъ глазъ добрыхъ солдатъ, видя бѣдственное положеніе своихъ офицеровъ; они хотѣли утѣшать ихъ, но ихъ утѣшенія обращались въ простыя, но сильныя выраженія горести. Соловьевъ и его товарищи отдали своимъ сослуживцамъ послѣдніе два рубля серебромъ и не иначе могли ихъ заставить принять оные, какъ обманомъ, увѣряя, что они имѣютъ деньги и ожидаютъ еще скорой помощи отъ родныхъ; сами же пошли на кормовыхъ, которыхъ полагается по 12 коп. въ сутки.

5 сентября 1826 года съ партіею арестантовъ они отправились въ Москву черезъ города Козелецъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Орелъ и Калугу. Не станемъ описывать трудностей сей дороги: никакое перо не можетъ изобразить оныхъ и, можетъ быть, самое пламенное и самое мрачное воображеніе не въ состояніи представить себѣ страданій, испытанныхъ нашими изгнанниками. Безъ одежды, безъ денегъ, оставленные на произволъ судьбы, преданные самовластію каждаго командира инвалидной команды, они испытывали всѣ физическія и нравственныя мученія. Днемъ они подверга-

лись всѣмъ перемѣнамъ осенней погоды и не имѣли средствъ защитить себя отъ холода и дождя; ночью смрадная и тѣсная тюрьма вмѣсто отдыха была для нихъ новымъ истязаніемъ. Сообщество воровъ, разбойниковъ, бродягъ и распутныхъ женщинъ внушало отвращеніе къ жизни и презрѣніе къ человѣчеству. Въ городѣ Кромахъ, Орловской губерніи тюрьма, въ коей они провели ночь, была настоящею пыткою и сдѣлалась почти губительною для нихъ. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ набито было полно арестантовъ, между коими находилось нѣсколько больныхъ женщинъ, которыя изъ религіознаго фанатизма отрѣзали себѣ груди и были оставлены безъ всякаго пособія; тѣла ихъ были почти полусгнившія: смрадъ былъ такой, что къ нимъ близко никто не подступалъ. Кромѣ сего, тѣснота, жаръ и дурной запахъ дѣлали сію тюрьму нестерпимою. Соловьевъ провелъ всю ночь у маленькаго тюремнаго окошка; его товарищи спали подъ нарами, на сыромъ и нечистомъ полу, но и въ семъ успокоеніи они должны были чередоваться по причинѣ чрезмѣрной тѣсноты: когда одинъ лежалъ, другіе двое стояли. На другой день послѣ сего ночлега баронъ Соловьевъ и Мозалевскій заболѣли; смрадныя и тѣсныя тюрьмы совершенно разстроили ихъ здоровье; съ желѣзами на рукахъ и на ногахъ, они не могли даже перемѣнить рубашку (у нихъ были на рукахъ такъ называемые наручники, т.-е. желѣзная палка, не имѣющая посрединѣ ни одного кольца). Съ ними сдѣлалась сильная горячка, такъ что они ничего не помнятъ о случившемся съ ними во время дороги отъ Калуги до Москвы. Когда въ Москву входила партія, они до того были слабы, что, лежавши на подводахъ своихъ аре-

стантскихъ вещей, были привязаны веревками къ повозкѣ. Сухиновъ и Быстрицкій кое-какъ еще держались на ногахъ, но по пришествіи въ Москву также заболѣли горячкою и были, всѣ четверо, помѣщены въ госпиталь, въ Московскомъ замкѣ находящійся.

По прошествіи нѣкотораго времени здоровье ихъ начало поправляться. Съ ними вмѣстѣ въ тюремномъ замкѣ содержались подъ арестомъ: прапорщикъ конно-піонернаго эскадрона Молчановъ и гвардейскаго конно-егерскаго полка капитанъ Алексѣевъ за стихи, написанные ими на смерть С. Муравьева, Рылѣева, Пестеля, Бестужева (-Рюмина) и Каховскаго. Соловьевъ и его товарищи познакомились съ сими офицерами и проводили съ ними время, какъ обыкновенно проводятъ время въ тюрьмахъ. Одна твердость характера спасла ихъ: хладнокровное терпѣніе, презрѣніе ко всѣмъ неніямъ рока, безпечность и беззаботливость о будущемъ были единственными средствами спасенія ихъ отъ унынія, самой ужасной изъ нравственныхъ болѣзней въ семъ положеніи. Однажды однообразная ихъ жизнь была прервана приходомъ въ Московскій замокъ бывшихъ Черниговскаго полка фельдфебеля Шутова, унтеръ-офицера Николаева и рядового Никитина, прежнихъ ихъ сослуживцевъ. Это нечаянное свиданіе было величайшею радостію для всѣхъ; дѣло, за которое они погибли, уничтожило между ними различіе чиновъ и сословій; общее несчастіе сдѣлало ихъ искренними друзьями. Ни одинъ упрекъ не сорвался съ языка благородныхъ солдатъ; напротивъ, утѣшенія и заботы о прежнихъ ихъ офицерахъ, казалось, заставляли ихъ забывать свои собственныя бѣдствія и были источникомъ чистыхъ удовольствій. Вскорѣ ихъ раз-

лучили: Шутовъ и его товарищи были отправлены въ Сибирь.

Соловьевъ видѣлся въ замкѣ съ роднымъ своимъ братомъ, который, узнавъ о его прибытіи въ Москву, тотчасъ къ нему пріѣхалъ и потомъ часто у него бывалъ; онъ помогалъ несчастному брату всѣмъ, чѣмъ только могъ. Положеніе Соловьева и его товарищей поправилось, но это продолжалось недолго, ибо деньги, полученныя ими, частію были розданы несчастнымъ, находившимся въ совершенной нищетѣ; 200 руб. изъподъ подушки больного Соловьева украли; прочія они издержали на пищу и на покупку самыхъ необходимыхъ вещей. Московское начальство имѣло намѣреніе отправлять Соловьева и его товарищей по мѣрѣ ихъ выздоровленія, но снисходя къ убѣдительнымъ ихъ просьбамъ все откладывало ихъ отправленіе. Къ несчастію, Быстрицкій снова заболѣлъ горячкою; его товарищи снова прибѣгнули къ новымъ просьбамъ, но на сей разъ ихъ просьбы были безполезны, и 1 января 1827 года Соловьевъ, Сухиновъ и Мозалевскій, закованные въ кандалы, отправились изъ Москвы, оставя въ оной бѣднаго Быстрицкаго. Вьюги, метели и жестокіе морозы встрѣчали и провожали ихъ на пути. Тѣ же бѣдствія начались снова и не разъ заставляли ихъ вспомнить тюремное заключеніе въ Московскомъ замкѣ. Однако, по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ границъ Европейской Россіи, ихъ положеніе видимо улучшалось, несмотря на то, что они нуждались во всемъ попрежнему. Извѣстно, что до границы Азіатской Россіи нѣтъ этаповъ; тюрьмы, наполненныя всегда арестантами, тѣсны, нечисты, и смрадны; въ Сибири же, напротивъ, построены довольно просторные этапы, въ которыхъ

можно провести ночь утомленному трудною дорогою арестанту съ нѣкоторымъ удобствомъ. Разумѣется, это улучшеніе есть относительное къ тому состоянію, въ которомъ они находились; но такая дальняя и медленная дорога, сообщество развратныхъ и порочныхъ людей, нужда, холодъ, лишеніе всякаго пособія, неизвѣстность о родныхъ и друзьяхъ, мысль никогда не видѣть родины и мрачная, страшная будущность, все это можетъ поколебать человѣка съ самою твердою душою, и все это было предоставлено испытать нашимъ игнанникамъ.

Сенаторъ, князь Куракинъ, бывшій въ Западной Сибири ревизоромъ, при проѣздѣ чрезъ Тобольскъ видѣлся тамъ съ Соловьевымъ и его товарищами. Онъ спросилъ, не можетъ ли имъ быть чѣмъ-нибудь полезнымъ? Но, когда Соловьевъ, Мозалевскій и Сухиновъ представили страшную картину ихъ жизни и просили, чтобы онъ приказалъ или отправить ихъ поскорѣе къ мѣсту назначенія, или снять съ рукъ и ногъ обременяющія ихъ желѣза, то князь, тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, соболѣзновалъ и въ заключеніе всѣхъ утѣшеній и состраданій объявилъ, что въ семъ отношеніи не можетъ имъ ни въ чемъ помочь и не имѣетъ права удовлетворить ихъ просьбамъ. Но судьба бываетъ столь же непостижима въ своихъ гоненіяхъ, какъ и въ своихъ дарахъ, и человѣкъ, преслѣдуемый ею, нерѣдко, когда менѣе всего ожидаетъ, встрѣчаетъ минуты утѣшенія. Наши путешественники-страдальцы не одинъ разъ забывали свои несчастія; не разъ слезы радости текли изъ впадшихъ ихъ глазъ. Двѣ станціи за Тобольскомъ догнала ихъ Елисавета Петровна Нарышкина, которая ѣхала къ своему мужу, сосланному

въ каторжную работу за участіе въ дѣлахъ тайнаго общества; но на почтовомъ дворѣ она узнала, что Черниговскаго полка офицеры слѣдуютъ въ Нерчинскъ въ партіи арестантовъ, и остановилась нарочно для ночлега. Не медля ни мало, она пришла въ острогъ и провела съ ними болѣе двухъ часовъ. Не нужно говорить, что ощущала сія добродѣтельная женщина при семъ свиданіи: ея мужъ страдалъ подобно тѣмъ, которыхъ она видѣла передъ своими глазами; она разсказала имъ объ участи ихъ товарищей, сосланныхъ въ Сибирь и содержащихся въ Читѣ, также и другихъ знакомыхъ нашимъ странникамъ; она простилась съ ними и просила ихъ принять на дорогу 300 рублей денегъ, обѣщая увидѣться съ ними въ помянутомъ селеніи и доставить имъ все нужное. Недалеко отъ Томска они видѣли Сутгофа, Щепина-Ростовскаго и Панова; въ одномъ селеніи Иркутской губерніи ихъ догнали двое Бестужевыхъ, Горбачевскій и Барятинскій, которыхъ тогда везли въ Читу. Они хотѣли видѣться съ ними, но офицеръ позволилъ размѣняться только нѣсколькими словами черезъ окошко. Сіи свиданія были кратки, но въ ихъ положеніи приносили чистое удовольствіе и въ скучной и долгой дорогѣ доставляли имъ минуты, несказанно-пріятныя и утѣшительныя. Послѣ свиданія съ Нарышкиной имъ оставалось еще пройти 4000 вер. Истративши деньги, которыми она ихъ надѣлила, они подвергнулись снова всѣмъ бѣдствіямъ нищеты; они всегда нуждались въ одеждѣ и здоровой пищѣ, но въ семъ трудномъ положеніи имъ какъ-будто было назначено, среди долгихъ страданій, чувствовать всю цѣну добродѣтельныхъ сердецъ и получать внезапно утѣшенія въ своихъ бѣдствіяхъ. Неисповѣдимое Прови-

дѣніе посылало имъ по временамъ ангеловъ-хранителей какъ бы для поддержанія въ семъ суровомъ испытаніи.

12 февраля 1828 года Соловьевъ и его товарищи пришли въ Читу. Княгиня Трубецкая, княгиня Волконская, Ентальцова и Александра Григорьевна Муравьева не замедлили увидѣться съ ними (въ сіе время Нарышкина была сильно больна и не могла съ ними видѣться). Невозможно себѣ представить участія, которое принимали сіи добродѣтельныя женщины въ нашихъ страдальцахъ: каждая изъ нихъ какъ бы хотѣла превзойти другихъ въ великодушіи, между тѣмъ, какъ онѣ всѣ съ искреннимъ сердцемъ и безпримѣрною попечительностію заботились о несчастныхъ жертвахъ. Своею внимательностью онѣ старались удалить отъ нихъ мысль, что они забыты и оставлены своими родными; ихъ утѣшенія и заботливость о состояніи несчастныхъ были цѣлительнымъ бальзамомъ для растерзанныхъ сердецъ Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, и видя живое участіе, принимаемое сими женщинами въ ихъ положеніи, они въ сіе время забыли прошедшія свои бѣдствія и не думали о будущихъ. Партія, въ которой они шли, имѣла дневку въ Читѣ. Дамы старались сколь возможно болѣе облегчить ихъ участь, проводили съ ними цѣлые часы; сильный морозъ не могъ воспрепятствовать имъ оставаться внѣ или внутри тюремной ограды. Княгиня Волконская и княгиня Трубецкая посѣщали ихъ чаще и оставались съ ними долѣе другихъ. Замѣтя въ Сухиновѣ озлобленіе противъ правительства и желаніе отомстить ему какимъ бы то ни было образомъ, онѣ употребляли всѣ средства, могущія успокоить его и отвратить отъ всякихъ намѣреній; говорили ему о терпѣніи и надеждахъ, и пр. Потомъ просили

Соловьева и Мозалевскаго беречь своего товарища и имѣть о немъ попеченіе; наконецъ, снабдивъ ихъ деньгами и платьемъ, онѣ разстались съ ними, оставивъ въ признательныхъ сердцахъ Соловьева, Мозалевскаго и Сухинова вѣчную благодарность и утѣшительныя воспоминанія.

3.

Сухиновъ въ Читѣ.—Заговоръ Сухинова, судъ надъ нимъ и его смерть.

14 февраля партія вышла изъ Читы и 16 марта 1828 года наши странники прибыли въ Большой Нерчинскій заводъ, лежащій между Нерчинскими рудниками, въ 270 верстахъ за Нерчинскомъ и въ 20 верстахъ отъ китайской границы. По прошествіи двухъ дней ихъ отправили въ Горную контору, находящуюся отъ Большого завода въ 15 верстахъ и отъ границы въ 9 верстахъ, и по прибытіи въ оную они были на другой день посланы въ глубокіе рудники на работу.

Такъ кончилось ихъ долгое путешествіе до китайской границы, продолжавшееся 1 годъ 6 мѣсяцевъ и 11 дней. Сіе время казалось имъ вѣчностью; однообразіе, порождающее нестерпимую скуку, было уже адскимъ мученіемъ; но присоединивъ къ сему бѣдность и крайнюю нищету, желѣза, обременяющія руки и ноги, сообщество людей, оподленныхъ преступленіями и развратомъ,—вы будете имѣть понятіе о бѣдствіяхъ, испытанныхъ нашими изгнанниками. Но симъ не кончились ихъ страданія. Имъ было суждено еще разъ испытать всѣ ужасы ихъ беззащитнаго положенія и оплакать смерть своего товарища, который по своему сердцу и качествамъ заслуживалъ лучшей участи.

Нельзя не упомянуть о семъ происшествіи. Характеръ лицъ участвовавшихъ въ ономъ и трагическая ихъ смерть не только любопытны, но даже наставительны. Сухиновъ, человѣкъ пылкаго и рѣшительнаго характера, раздраженный неудачею возстанія и своими несчастіями, поклялся всѣми средствами вредить правительству.

— «Наше правительство,—говорилъ онъ часто,— не наказываетъ насъ, но мститъ намъ; цѣль всѣхъ его гоненій не есть наше исправленіе, не примѣръ другимъ, но личное мщеніе робкой души».

Сія мысль укрѣпляла и увеличивала его озлобленіе: вредить правительству, чѣмъ бы то ни было, сдѣлалось для него потребностью; освободить себя и всѣхъ было его любимой мыслію. Онъ жилъ только для того, чтобы, до послѣдней минуты своей жизни, быть вреднымъ правительству. Любовь къ отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасла; но, по словамъ самого Сухинова, она какъ бы превратилась въ ненависть къ торжествующему правительству.

Сухиновъ и его товарищи жили въ Горной конторѣ въ домѣ, принадлежавшемъ одному солдату Семеновскаго полка, сосланному по извѣстному дѣлу полковника Шварца. Зная, что Соловьевъ и Мозалевскій не согласятся участвовать въ какомъ-нибудь предпріятіи, Сухиновъ таилъ отъ нихъ свои намѣренія, но не скрывалъ своей злобы противъ правительства. Рѣшившись на что-либо однажды для исполненія предпринятаго имъ дѣла, онъ не видѣлъ уже никакихъ препятствій, его дѣятельности не было границъ; онъ шелъ прямо къ цѣли, не думая ни о чемъ болѣе, кромѣ того, чтобы скорѣе достигнуть оной. Его характеръ, твердый и на-

стойчивый, не терпѣлъ отлагательства; предаться на произволъ судьбы и ожидать спокойно отъ нея одной было для него величайшимъ несчастіемъ. Въ бѣдствіи и въ неволѣ онъ считалъ не только правомъ, но долгомъ искать собственными силами свободы и счастія; къ тому же его душа всегда искала сильныхъ потрясеній; посреди опасностей только онъ находился въ своей сферѣ. Намѣреніе Сухинова было освободить всѣхъ членовъ тайнаго общества, содержавшихся въ Читинскомъ острогѣ, и бѣжать съ ними за-границу. Онъ замыслилъ составить заговоръ и посредствомъ довѣренныхъ людей взбунтовать всѣхъ ссыльныхъ, находившихся въ семи Нерчинскихъ заводахъ и въ 20 рудникахъ, вооружить ихъ по возможности, итти съ ними на Читу и привести въ исполненіе свое намѣреніе. Освободивъ же государственныхъ преступниковъ, или тотчасъ бѣжать за-границу, или дѣйствовать по ихъ согласію для достиженія какой-либо цѣли. Чтобы исполнить сіе предпріятіе, Сухиновъ ввѣрился двумъ ссыльнымъ, которые ему казались способными ко всему, и сдѣлалъ ихъ главными своими агентами. Голиковъ, разжалованный и наказанный кнутомъ фельдфебель какого-то карабинернаго полка, и Бочаровъ, сынъ одного богатаго астраханскаго (кажется) купца, подвергнувшійся тому же наказанію, были люди, имъ избранные. Они дѣйствовали на другихъ по наставленію Сухинова и открыли свои замыслы Михаилу Васильеву, также бывшему фельдфебелемъ въ одномъ гвардейскомъ полку, и еще двумъ другимъ ссыльнымъ, которыхъ имена намъ неизвѣстны. Голиковъ, Бочаровъ и трое ихъ товарищей были, каждый въ своемъ родѣ, весьма замѣчательные люди и отличались отъ презрѣн-

ной толпы обыкновенныхъ воровъ и разбойниковъ. Ни страхъ наказанія, ни видимая опасность не могли удержать ихъ ни въ какихъ замыслахъ; будучи доведены до крайней нищеты и униженія, не имѣя никакой надежды къ избавленію, испытывая безпрерывно несправедливости, они были ожесточены противъ всякихъ начальствъ. Ненависть, злоба и мщеніе наполняли ихъ сердца; развратъ погасилъ въ ихъ сердцахъ чувствованіе своего достоинства; однакожъ, при всемъ своемъ униженіи они отличались отъ всѣхъ другихъ ссыльныхъ какимъ-то особеннымъ надъ ними вліяніемъ и, видимо, брали вездѣ надъ своими товарищами поверхность. Голиковъ поражалъ всѣхъ дикимъ и независимымъ своимъ нравомъ; какая-то душевная сила возвышала его надъ всѣми другими и приводила въ трепетъ самыхъ закоснѣлыхъ, отчаянныхъ воровъ и разбойниковъ. Тонкій и хитрый умъ Бочарова и нѣкоторая степень образованности покоряли ему развращенную и необдуманную толпу его товарищей. Михайло Васильевъ и двое другихъ сообщниковъ болѣе или менѣе походили на Голикова и Бочарова.

Составивъ между собою родъ нѣкотораго совѣта, во главѣ коего былъ Сухиновъ, Голиковъ и его сообщники приступили къ дѣйствію. Они сообщили свои замыслы еще нѣкоторымъ изъ ссыльныхъ и начали распространять оные съ удивительною скоростію между менѣе значительными по своимъ качествамъ негодяями. Удрученные бѣдствіями, безъ цѣли въ жизни, безъ надежды лучшаго жребія, развращенные и ожесточенные долговременными страданіями, ссыльные принимали съ радостью предложенія Бочарова и Голикова. Они не думали ни о какихъ важныхъ пред-

пріятіяхъ, не думали объ улучшеніи своей участи: для нихъ довольно было и того, чтобы освободиться на нѣкоторое время отъ работъ и тягостной подчиненности, грабить и провести нѣсколько веселыхъ дней въ пьянствѣ и разнаго рода буйствахъ: вотъ ихъ цѣль. Сначала Соловьевъ и Мозалевскій ни въ чемъ не подозрѣвали Сухинова и не обращали никакого вниманія на его сношенія съ ссыльными. Они часто разговаривали съ нимъ о своемъ положеніи, и когда Сухиновъ начиналъ говорить о возможности освобожденія, они старались доказать ему нелѣпость такого предпріятія. Несогласіе ихъ мнѣнія происходило особенно отъ того, что Соловьевъ и Мозалевскій смотрѣли на ссыльныхъ безъ всякаго пристрастія; напротивъ того, Сухиновъ видѣлъ въ нихъ качества, коихъ они никогда не имѣли. Въ его глазахъ сіи люди были способны ко всякимъ предпріятіямъ, были храбры, отчаянны, тверды и настойчивы въ своихъ намѣреніяхъ, и потому нечужды благородныхъ чувствованій, развратъ же ихъ происходилъ только отъ униженія и бѣдности. Это заблужденіе погубило Сухинова и внушило ему недовѣрчивость къ совѣтамъ его товарищей, которые употребляли всѣ средства, могущія отвратить его отъ обманчивыхъ надеждъ и разрушить ложное мнѣніе о качествахъ ссыльныхъ.

Нельзя сказать, чтобы между ссыльными не было людей, незаслуживающихъ имени человѣка. Если бы начальство обратило вниманіе на сихъ несчастныхъ и если бъ оно обезпечило ихъ нужды, занялось исправленіемъ пороковъ, удалило молодыхъ, еще неопытныхъ отъ старыхъ закоснѣлыхъ мошенниковъ и дало имъ надежду на измѣненіе ихъ состоянія, то нѣтъ никакого

сомнѣнія, что многіе изъ нихъ возвратились бы снова на путь добра и честности и, узнавъ гнусность и тягость порока, имѣли бы болѣе возможности оцѣнить добродѣтель. Но состояніе сосланныхъ въ каторжную работу, обращеніе съ ними препятствуетъ всякой спасительной перемѣнѣ ихъ нравовъ. Кажется, что тѣ, которые избрали сей родъ наказанія, имѣли цѣлію оподлить и развратить преступниковъ, а не исправить ихъ. Дальній походъ въ партіи, составленной изъ людей разнаго возраста и пола; содержаніе ихъ въ одной тюрьмѣ, въ однихъ казармахъ, нужды, жестокія и несправедливыя наказанія, однимъ словомъ, все служитъ къ тому, чтобы низвести ихъ на самую послѣднюю степень нравственнаго существованія. Если бы предметъ сего сочиненія позволилъ намъ подробно изложить всѣ причины развращенія ссыльныхъ, показать всѣ пагубныя слѣдствія наказанія подобной ссылки, то каждое сердце, нечуждое человѣколюбія, облилось бы кровью при чтеніи сего описанія. Но какъ нашъ трудъ имѣетъ вовсе иную цѣль, то мы скажемъ только, что сосланные въ Сибирь преступники нисколько не походятъ ни на испанскихъ, ни на германскихъ разбойниковъ. Между русскими разбойниками нѣтъ никакого сообщества; ихъ выгоды одинаковы, но они не понимаютъ сего и никогда не дѣйствуютъ согласно; на каждомъ шагу обманъ, измѣна и предательство; часто составляютъ заговоры и сами доносятъ на тѣхъ, которымъ предлагали раздѣлить свои замыслы. Штофъ водки есть такая цѣна, за которую почти каждый ссыльный продастъ подъ кнутъ себя и своихъ товарищей, не колеблясь ни минуты. Воровство у своихъ товарищей, картежная игра, пьянство и развратъ суть

главныя и единственныя ихъ занятія. Если ссыльные предпринимаютъ частые побѣги, то цѣлію ихъ побѣговъ бываетъ только одна надежда уклониться на нѣкоторое время отъ работъ и на волѣ предаться пьянству, грабительству и убійствамъ. Сколько есть примѣровъ (и это всѣ знаютъ, которые жили въ заводахъ), что за штофъ водки, за рубль, два или пять, ссыльные берутъ на себя преступленія; а за сіи деньги, которыя бываютъ прожиты на водку, или проиграны въ карты, выдерживаютъ по 100, 150 и болѣе ударовъ кнутомъ. Кто между ними подвергается часто сему наказанію, тотъ почитается героемъ. Вотъ съ какими людьми Сухиновъ думалъ освободить всѣхъ государственныхъ преступниковъ и, можетъ быть, что-нибудь болѣе! Неудивительно, что его товарищи не приняли въ этомъ никакого участія.

По прошествіи нѣкотораго времени частыя посѣщенія Голикова и Бочарова, тайные ихъ переговоры съ Сухиновымъ начали безпокоить Соловьева и Мозалевскаго. Справедливое подозрѣніе побудило ихъ къ рѣшительному поступку. Они вознамѣрились узнать отъ самого Сухинова о его предпріятіяхъ и употребить всѣ силы къ уничтоженію вредныхъ замысловъ и къ спасенію своего ослѣпленнаго товарища. При первомъ удобномъ случаѣ они спросили Сухинова, въ чемъ состоятъ его сношенія съ Голиковымъ, и что значатъ частыя посѣщенія сего ссыльнаго и его товарища Бочарова? Отвѣтъ Сухинова былъ холоденъ и двусмысленъ: «Я имѣю свои цѣли, — сказалъ онъ,—вы напрасно безпокоитесь; будьте увѣрены, что мои поступки не причинятъ зла ни вамъ, ни мнѣ». Эти слова не успокоили Соловьева и Мозалевскаго; напротивъ того

увеличили ихъ подозрѣніе. Они старались удержать своего товарища отъ сношеній съ ссыльными и употребили все, что могли, для отвращенія отъ предпріятія, въ коемъ начали его подозрѣвать. Но ни дружба, ни любовь къ нему Соловьева и Мозалевскаго, ничто не могло поколебать Сухинова въ замышляемомъ планѣ. На всѣ ихъ увѣщанія, совѣты и просьбы былъ одинъ отвѣтъ: «ничего не бойтесь; будьте спокойны». Видя упорство своего товарища, Соловьевъ и Мозалевскій запретили Голикову и другимъ ссыльнымъ ходить въ свой домъ безъ надобности. Сухиновъ сердился, негодовалъ; а Голиковъ и другіе его товарищи продолжали видѣться съ Сухиновымъ попрежнему.

Несчастіе соединило черниговскихъ офицеровъ еще тѣснѣйшими узами дружбы, нежели совмѣстная служба. Различіе между твоимъ и моимъ сдѣлалось имъ неизвѣстно, вещи и деньги все было общее; но каждый изъ нихъ сообщалъ своимъ товарищамъ, куда онъ истратилъ деньги и кому отдалъ какую вещь. Поэтому, Соловьевъ и Мозалевскій, видя недостатокъ въ нѣкоторыхъ вещахъ и зная, что Сухиновъ издерживаетъ много денегъ, не говоря имъ для чего, еще болѣе утвердились въ своихъ подозрѣніяхъ относительно его сношеній и замысловъ съ Голиковымъ и Бочаровымъ и старались узнать о семъ, чтобы принять противъ оныхъ какія-нибудь мѣры... Упрекать Сухинова въ расточительности не позволяла имъ деликатность, а угрожавшая бѣдность и, можетъ быть, ужасное наказаніе рождали въ нихъ сильное безпокойство. Положеніе было тягостное: они предвидѣли гибель Сухинова и не имѣли средства спасти его. 17 мая они купили домъ съ огородомъ и другими хозяйственными

заведеніями, а 24 числа перешли съ нанимаемой ими квартиры и думали вполнѣ заняться хозяйствомъ.

Между тѣмъ, какъ Соловьевъ и Мозалевскій тщетно искали средства отвратить своего товарища отъ сношеній съ Голиковымъ и Бочаровымъ, шайка заговорщиковъ часъ отъ часу увеличивалась. Тутъ же находился одинъ негодяй, по прозванію Козаковъ; большая часть дурныхъ его качествъ, кажется, не была извѣстна его соумышленникамъ, ибо они слѣпо ввѣрили ему свои предпріятія и наименовали ему, Сухинова, въ тотъ же самый день, какъ онъ съ своими товарищами перешелъ въ купленный ими домъ. Въ тотъ же самый день (24 мая) Голиковъ и Бочаровъ со многими изъ своихъ соумышленниковъ пьянствовали въ кабакѣ, и когда, прогулявъ назначенныя для сего деньги, начали расходиться по домамъ, то пьяный Козаковъ, проходя мимо управляющаго рудниками, маркштейгера г. Черниговцева и увидя его близъ окна, вздумалъ сдѣлать доносъ на своихъ товарищей. Не колеблясь ни мало, онъ тотчасъ подошелъ къ нему и объявилъ, что ссыльные составили заговоръ для освобожденія своего и что главные участники онаго суть «секретные» (такъ называли всѣхъ государственныхъ преступниковъ). Управляющій, видя Козакова пьянымъ, отослалъ его въ казарму, сказавъ, что онъ потребуетъ его къ себѣ черезъ нѣсколько времени. Сообщники Голикова, жившіе въ домѣ управляющаго, тотчасъ узнали о доносѣ Козакова и увѣдомили о семъ его и Бочарова. Свѣдавъ объ угрожающей имъ опасности, сіи отчаянные разбойники бросились въ казарму и предложили Козакову распить штофъ вина вмѣстѣ съ другими товарищами, на свободѣ, въ маленькомъ лѣску, недалеко отъ

завода. Развратный Козаковъ, несмотря на то, что едва держался на ногахъ, принялъ съ радостію предложеніе новой попойки и, шатаясь, пошелъ вслѣдъ за Голиковымъ. Достигнувъ назначеннаго мѣста, Бочаровъ и его товарищи бросились на пьянаго Козакова и, не давъ ему придти въ себя отъ нечаяннаго нападенія, убили его. Тѣло сего жалкаго негодяя было разрублено ими на части и закопано въ разныхъ мѣстахъ. Но роковой часъ ударилъ для сихъ злодѣевъ. Кажется, что какая-то невидимая сила старалась разрушить ихъ замыслы и ускорить трагическую развязку. Между тѣмъ, какъ они думали избѣгнуть преслѣдованія, спасти себя и своихъ соумышленниковъ убійствомъ измѣнника, другой изъ сообщниковъ явился къ Черниговцеву съ доносомъ и подтвердилъ сказанное Козаковымъ. Сей вторичный доносъ обратилъ вниманіе управляющаго заводомъ и породилъ въ немъ справедливое подозрѣніе. Не медля ни мало, онъ приказалъ схватить заговорщиковъ и заковать ихъ въ кандалы. Голиковъ былъ въ числѣ схваченныхъ; Бочарову удалось бѣжать.

Подозрѣваемые въ заговорѣ тотчасъ были приведены къ допросу. Извѣстно, какимъ образомъ въ Сибири производятся допросы: плети, палки и розги почитаются въ семъ случаѣ лучшими путеводителями къ истинѣ. Тѣлесныя истязанія заставили Голикова признаться, и, по его показанію, ввечеру 26-го мая, Сухиновъ и его товарищи были взяты подъ стражу. Голиковъ не сказалъ ни слова объ участи Козакова, почему и думали, что сей негодяй бѣжалъ вмѣстѣ съ Бочаровымъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль голодная собака, вырывъ изъ земли руку убитаго человѣка, принесла въ заводъ: этотъ случай заставилъ

сдѣлать розыски, и открыто было разрубленное на части тѣло Козакова. Однакожъ, его смерть оставалась загадкою до тѣхъ поръ, пока пойманный Бочаровъ не сознался въ своемъ преступленіи. Вскорѣ послѣ сего началось формальное слѣдствіе: ссыльные нѣсколько разъ показывали на Сухинова и нѣсколько разъ отрицали свои показанія. Но удары плетьми снова заставляли ихъ именовать Сухинова главнымъ заговорщикомъ. Сухиновъ отрицалъ все рѣшительно и не признавался ни въ чемъ.

Между тѣмъ какъ Горная Экспедиція разбирала сіе дѣло, управляющій г. Черниговцевъ рапортовалъ объ открытомъ заговорѣ въ С.-Петербургъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Горная Экспедиція и комендантъ Горныхъ Заводовъ, генералъ Лепарскій, получили повелѣніе изъ Петербурга отдать всѣхъ замѣшанныхъ по дѣлу Голикова и Бочарова подъ военный судъ. Въ концѣ сего же мѣсяца Сухиновъ и всѣ участвовавшіе въ семъ дѣлѣ были перевезены изъ Горной Конторы въ Большой Нерчинскій Заводъ и преданы военному суду. Всѣхъ подсудимыхъ было 22 человѣка. Мозалевскій и Соловьевъ оставались въ Горной Конторѣ, но во время производства дѣла ихъ требовали предъ военный судъ для снятія допросовъ. Они отвѣчали на всѣ вопросы отрицательно, но не могли отклонить отъ себя подозрѣнія судей, которые знали, что Соловьевъ и Мозалевскій жили вмѣстѣ съ Сухиновымъ и были соединены узами дружбы, укрѣпленной еще болѣе несчастіями. Невозможно себѣ представить положенія Соловьева и Мозалевскаго: кромѣ явной гибели ихъ товарища, къ которому они питали искреннюю любовь, ужасное наказаніе носилось надъ ихъ несчастными головами. Невинные,

подозрѣваемые,—они ожидали каждую минуту несправедливаго рѣшенія судей-невѣждъ, развращенныхъ и безчувственныхъ. Не было никакого средства доказать свою невинность: они молчали и покорились своей судьбѣ, уже рѣшаясь погибнуть съ Сухиновымъ, какъ одно показаніе при допросѣ Голикова и Бочарова перемѣнило видъ ихъ дѣла и спасло ихъ отъ явной погибели. Голиковъ и Бочаровъ показали предъ военнымъ судомъ, что они однажды спрашивали у Сухинова, знаютъ ли о его намѣреніи Соловьевъ и Мозалевскій можно ли о семъ говорить съ ними и пойдутъ ли они? «Мои товарищи,—отвѣчалъ Сухиновъ,—не знаютъ ничего и не должны вовсе знать: вы должны таить отъ нихъ все, что я говорю». Когда же Голиковъ и Бочаровъ, удивленные симъ отвѣтомъ, старались узнать, по какой причинѣ онъ скрываетъ свои замыслы отъ своихъ товарищей, съ которыми живетъ дружно и раздѣляетъ все, что имѣетъ, то Сухиновъ сказалъ имъ: «Если Соловьевъ и Мозалевскій узнаютъ о нашемъ предпріятія, то они помѣшаютъ намъ; когда все будетъ готово къ исполненію нашего намѣренія, то откроемъ имъ оное, и если они не захотятъ слѣдовать за нами, то мы заставимъ ихъ итти за собою; если же они станутъ противиться и захотятъ намъ препятствовать, то наше мщеніе упадетъ на нихъ, и они сдѣлаются первыми жертвами нашего праведнаго гнѣва».

Сухиновъ, закованный въ желѣзо, содержался особенно отъ другихъ подъ строгимъ карауломъ. Упорствуя въ прежнихъ своихъ показаніяхъ, онъ отвергалъ всѣ улики ссыльныхъ, оправдывалъ Соловьева и Мозалевскаго и совершенно отрицалъ существованіе заговора. Но не взирая на это, онъ узналъ, что по сивдѣ-

тельству другихъ онъ подвергнется позорному наказанію, и, дабы предупредить оное, онъ вознамѣрился лишить себя жизни, которая давно уже сдѣлалась для него тяжкимъ бременемъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ онъ досталъ мышьяку и, при первомъ удобномъ случаѣ, принялъ часть онаго; вѣроятно, пріемъ былъ очень слабъ относительно физическаго его сложенія, ибо ядъ произвелъ только рвоту. Сухиновъ скрылъ это отъ часовыхъ и на другой день, усиливъ пріемъ, проглотилъ вторично; и тутъ ядъ не имѣлъ надлежащаго дѣйствія. Сильная рвота, которою Сухиновъ страдалъ отъ сего пріема, обратила вниманіе часовыхъ: они спрашивали у него причину болѣзни и предлагали ему разныя средства прекратить оную; Сухиновъ старался отклонить отъ себя всѣ подозрѣнія и успѣлъ въ этомъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько времени, выпилъ третій пріемъ и черезъ нѣсколько минутъ ужасныя конвульсіи обнаружили дѣйствіе яда. Сначала онъ скрывалъ боль, но вскорѣ природа восторжествовала надъ твердостію его души, и онъ упалъ безъ памяти на землю въ сильныхъ конвульсіяхъ и невольнымъ стономъ обнаружилъ свои страданія. Испуганные часовые дали тотчасъ о семъ знать; прибѣжалъ лекарь, котораго искусство, сверхъ всякаго чаянія, спасло жизнь несчастному страдальцу,—и слѣдствіемъ покушенія на свою жизнь была одна долговременная тяжкая болѣзнь. Сухиновъ былъ сильно огорченъ, когда узналъ отъ лекаря, что дѣйствіе яда уничтожено. Смерть составляла для него единственное благо; онъ жаждалъ ея пламенно, какъ вѣчнаго спокойствія, въ коемъ онъ надѣялся найти конецъ всѣмъ своимъ страданіямъ; но всякій разъ какъ онъ думалъ достигнуть сей счастливой для себя при-

стани, враждебныя силы снова бросали его въ бурный океанъ жизни.

Комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, находившійся въ Читѣ при государственныхъ преступникахъ, торопилъ военно-судную комиссію кончить дѣло Сухинова, какъ можно поскорѣе. Онъ предписалъ сей комиссіи рѣшить оное непремѣнно въ послѣднихъ числахъ ноября, объявляя при семъ, что въ исходѣ сего мѣсяца онъ самъ пріѣдетъ въ Большой заводъ для конфирмованія и приведенія въ исполненіе приговора. Повелѣніе, полученное изъ С.-Петербурга въ самомъ началѣ ноября мѣсяца, побудило коменданта сдѣлать сіе предписаніе. Ему было повелѣно конфирмовать военно-судное дѣло, главныхъ участниковъ въ открытомъ заговорѣ разстрѣлять, а ихъ соумышленниковъ наказать кнутомъ и плетьми, по собственному усмотрѣнію. Въ послѣднихъ числахъ ноября военно-судная комиссія кончила дѣло. Сухиновъ, не по собственному признанію, а по свидѣтельствамъ другихъ, и главные его сообщники—были приговорены къ позорному и тяжкому наказанію 400 ударами кнутомъ. Сей приговоръ не былъ имъ объявленъ, вѣроятно потому, что для подтвержденія онаго нужно было прибытіе генерала Лепарскаго.

Въ концѣ ноября мѣсяца пріѣхалъ комендантъ въ Большой заводъ. Тотъ же день, неизвѣстно кто увѣдомилъ Сухинова, что онъ приговоренъ къ 400 ударамъ кнута, и что генералъ Лепарскій пріѣхалъ въ заводъ. Повелѣніе правительства наказать главныхъ виновниковъ смертною казнію было для всѣхъ глубокою тайною, и даже никто не полагалъ возможности такого наказанія, вышедшаго изъ употребленія съ давняго

времени и почти никогда не существовавшаго для ссыльныхъ. Сухиновъ, будучи увѣренъ, что комендантъ утвердитъ приговоръ военно-судной комиссіи, рѣшился во что бы то ни стало избавиться отъ позора: самоубійство было единственнымъ средствомъ. За нѣсколько дней до пріѣзда Лепарскаго Сухинова перевели изъ особенной тюрьмы, гдѣ онъ одинъ содержался. Намѣреніе лишить себя жизни гнѣздилось въ его душѣ; онъ тщательно осматривалъ всѣ углы и стѣны тюремныя и, увидя большой гвоздь, вбитый въ стѣну недалеко отъ печки, надъ нарами, рѣшился привести свою мысль въ исполненіе. Въ роковую ночь, по пробитіи зари, когда въ тюрьмѣ погасли огни, и когда беззаботные преступники, не думая, что ожидаетъ ихъ завтра, предались сну, Сухиновъ отвязалъ ремень, на которомъ поддерживалъ свои желѣза, прикрѣпилъ оный къ помянутому гвоздю, набросилъ на свою шею петлю и, спустивъ ноги съ наръ, повѣсился. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ арестантовъ, проснувшись, пошелъ зачѣмъ-то къ дверямъ и задѣлъ за ноги Сухинова, ему показалось это страннымъ. Онъ хотѣлъ узнать, что это такое; сталъ искать около себя ощупью и дотронулся до тѣла Сухинова. Испуганный арестантъ началъ кричать: «Спасайте, кто-то изъ нашихъ повѣсился»! Сей неожиданный крикъ поднялъ всѣхъ на ноги, принесли тотчасъ огонь и первый предметъ, который представился—это было бездушное тѣло Сухинова. Ремень былъ снятъ съ его шеи: привели лекаря, который тотчасъ замѣтилъ въ тѣлѣ признаки жизни. Можно думать, что для возвращенія оной не нужно было употребить большихъ усилій искусства, ибо гвоздь былъ вбитъ довольно низко, и Сухиновъ, желая затянуть какъ

можно крѣпче петлю, спустивши ноги съ наръ, еще колѣнами касался оныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лекарь сообразилъ всѣ сіи обстоятельства, но, вѣроятно, не зная приговора правительства и не рѣшаясь изъ состраданія предать бѣднаго Сухинова позорному наказанію кнутомъ, онъ не старался возвратить къ жизни несчастнаго страдальца, но приказалъ тѣло его положить на телѣгу и отвезти въ лазаретъ шагомъ, какъ можно тише, какъ будто бы для того, чтобы не произвести въ немъ ни малѣйшаго сотрясенія, могущаго возбудить кругообращеніе остановившейся крови. Тотчасъ по привозѣ въ лазаретъ, тѣло было спущено въ погребъ и положено на ледъ. Если сіи причины, а не невѣжество и равнодушіе побудили лекаря оставить безъ вниманія всѣ средства, которыя могли возвратить жизнь Сухинову, то поступокъ его достоинъ уваженія, и самое безчеловѣчіе было великодушно. Такимъ образомъ, несчастный Сухиновъ кончилъ свою бѣдственную жизнь. Заговоръ не дѣлаетъ пятна его чести; желаніе получить утраченную свободу и возвратить ее своимъ товарищамъ ослѣпило пылкій умъ его и заставило унизиться предосудительною связью съ презрительными людьми. Ошибка сія смыта его страданіями и его кровію.

На другой день послѣ смерти Сухинова, начались приготовленія къ наказанію Голикова, Бочарова и его сообщниковъ. Рыли глубокую яму, ставили столбы, шили саваны, дѣлали новые и поправляли старые кнуты и плети. Соловьевъ и Мозалевскій были привезены изъ Горной конторы, закованные въ желѣзо, и содержались въ полиціи. 2-го или 3-го декабря, на другой день послѣ пріѣзда Лепарскаго и смерти Сухинова, приступили къ исполненію приговора. Генералъ при-

ɇутствовалъ самъ и распоряжался экзекуціею. Онъ приказалъ производить вдругъ всѣ роды наказаній, вѣроятно для сокращенія времени. Всѣ преступники были приведены на лобное мѣсто, и охладѣвшее тѣло Сухинова между ними видимо было, которое тотчасъ бросили въ приготовленную яму. На приговоренныхъ къ смерти надѣли бѣлые саваны, и первый Голиковъ былъ привязанъ къ столбу, у самаго края вырытой ямы. Онъ былъ весьма спокоенъ и просилъ убѣдительно оставить его глаза незавязанными, но его просьбы не были уважены. Незадолго до выстрѣловъ, онъ началъ что-то говорить... «Я не́ виноватъ»—были послѣднія слова, какъ ружейный залпъ вырвалъ у него жизнь съ быстротою молніи. Бездушное тѣло спустилось внизъ по столбу, сейчасъ было отвязано и брошено въ яму.

Потомъ разстрѣливали Бочарова. Должно думать, что сія необыкновенная сцена подѣйствовала на самихъ исполнителей приговора, ибо солдаты потеряли мѣткость. Бочаровъ былъ только раненъ; унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему, вонзилъ штыкъ въ грудь и симъ кончилъ мученія бѣднаго страдальца. Михайло Васильевъ выдержалъ залпъ и остался невредимъ. Солдаты укоротили дистанцію и начали поодиночкѣ стрѣлять. Генералъ Лепарскій сердился, кричалъ, бранилъ офицера и батальоннаго командира за то, что подчиненные ихъ не умѣютъ стрѣлять и приказалъ скорѣе, какъ-нибудь сію трагическую сцену кончить. Солдаты ранили Васильева нѣсколькими пулями, но не убили; наконецъ, подскочили къ нему и приkололи его штыками. Съ двумя послѣдними сообщниками Голикова и Бочарова почти то же самое случилось, что и съ Михайломъ Васильевымъ.

Въ одно и то же время, когда однихъ разстрѣливали, три палача наказывали кнутомъ и плетьми другихъ, приговоренныхъ къ симъ наказаніямъ. Невозможно представить себѣ всѣхъ ужасовъ сей кровавой сцены. Вопли трехъ жертвъ терзаемыхъ палачами, командныя слова, неправильная пальба, стонъ умирающихъ и раненыхъ,—все это дѣлало какое-то адское представленіе, которое никто не въ силахъ передать и которое приводило въ содраганіе самаго безчувственнаго человѣка.

Всякій можетъ вообразить себѣ, какое дѣйствіе произвело сіе наказаніе на зрителей, но никто не станетъ утверждать, что оно улучшило ихъ нравственность и перестали производиться злодѣйства въ заводахъ.

Изъ судившихся военнымъ судомъ, пятеро было разстрѣляно; шестой, Сухиновъ, избѣгнулъ сей участи самоубійствомъ. Изъ остальныхъ многіе получили отъ 400 до 150 ударовъ кнутомъ; прочіе были наказаны жестоко плетьми. По окончаніи сей кровавой сцены, Соловьеву и Мозалевскому, въ полиціи, прочитали приговоръ, конфирмованный комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ. Рѣшеніе ихъ участи заключалось въ слѣдующемъ: Соловьевъ и Мозалевскій, найденные военно-судною комиссіею непричастными къ дѣлу Голикова, Бочарова и другихъ, освобождаются отъ суда, но горному начальству предписывается (сія мѣра вѣроятно взята Лепарскимъ) удалить ихъ изъ Горной Конторы и сослать въ отдаленные рудники порознь. Черезъ два дня они были отправлены изъ завода: Соловьевъ въ рудникъ Култуму, а Мозалевскій въ Акатуй, лежавшіе одинъ отъ другого на разстояніи 200 верстъ. Въ сей

новой ссылкѣ они провели два мѣсяца въ скукѣ и бѣдности. По прошествіи сего времени горное начальство получило повелѣніе отъ коменданта Лепарскаго прислать государственныхъ преступниковъ Соловьева и Мозалевскаго въ Читинскій острогъ. Въ началѣ февраля 1830 года они были отправлены въ Читу и скоро прибыли къ мѣсту назначенія, гдѣ нашли прежняго товарища своего Быстрицкаго, котораго комендантъ оставилъ въ Читѣ, когда онъ слѣдовалъ съ партіею черезъ сіе селеніе въ Нерчинскіе рудники. Въ 1830 году Соловьевъ, Мозалевскій и Быстрицкій, вмѣстѣ съ другими государственными преступниками, были переведены изъ Читинскаго острога въ государственную тюрьму, вновь построенную при Петровскомъ Заводѣ, находящемся въ Верхнеудинскомъ округѣ, на рѣкѣ Балягѣ.

Приложенія.

I.

И. И. Сухиновъ [1]).

Иванъ Ивановичъ Сухиновъ родился въ 1797 году, въ Херсонской губ., въ Александрійскомъ уѣздѣ. Воспитанный въ домѣ отца своего, небогатаго дворянина, обремененнаго семействомъ,—Сухиновъ съ раннихъ лѣтъ былъ записанъ въ гражданскую службу, которую продолжалъ недолго. Ни чинъ, въ короткое время полученный, ни воля родителей—не могли его удержать отъ пылкой наклонности къ ремеслу военному, и на 15-мъ году своего возраста онъ завербовался въ Лубенскій гусарскій полкъ. Отъ сего времени началась его жизнь не совсѣмъ обыкновенная. Кромѣ трудовъ, и въ мирное время неразлучныхъ съ званіемъ, онъ на зарѣ жизни совершилъ тягостную кампанію 1812, 13 и 14 годовъ. Семь ранъ—свидѣтельство, но не награда храбрости—вотъ все, что пріобрѣлъ онъ въ славной войнѣ. Труды не по лѣтамъ и раны разстроили его здоровье и заставили рядовымъ выйти въ отставку. Въ 1816 году онъ отправился на родину. На пути въ Херсонъ вошелъ онъ въ сношенія съ графомъ Тимономъ, командиромъ Изюмскаго гусарскаго полка, который убѣдилъ его выхлопотать свидѣтельство о дворянствѣ и опредѣлиться къ нему въ полкъ. Предложеніе было

---

[1]). Замѣтка о Сухиновѣ была напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1870 г. безъ подписи, съ редакціонной помѣткой: „Біографія эта составлена однимъ изъ товарищей И. И. Сухинова“. Слогъ, тонъ разсказа, его близость по существу къ запискамъ Горбачевскаго даютъ всѣ основанія считать авторомъ этой замѣтки Горбачевскаго. Ред.

принято. Получивъ отъ Тимона денегъ надорогу, Сухиновъ поспѣшилъ въ Херсонъ, досталъ нужныя бумаги и вскорѣ опредѣленъ юнкеромъ въ изюмскіе гусары.

Здѣсь служба его была счастливѣе. Въ 1819 году ему слѣдовало уже получить офицерскій чинъ. Не имѣя достатка служить въ гусарахъ, онъ просилъ о переводѣ, въ томъ же году переведенъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ и скоро произведенъ въ офицеры.

Какъ теперь смотрю на него: высокій, стройный ростъ, смуглое, выразительное лицо, глаза быстрые, проницательные; эта задумчивость, даже нѣкоторая суровость въ выраженіи лица—приковывали вниманіе при первомъ на него взглядѣ. Но кто знакомъ былъ съ Сухиновымъ, кто зналъ душу его, тотъ не охотно съ нимъ разставался. Онъ отличался особенно простотой въ обращеніи, строгою во всемъ умѣренностью, неуклоннымъ постоянствомъ въ дѣлахъ, кротостью, привѣтливостью, и смѣтливостью по службѣ. Справедливо отличенный большой довѣренностью, Сухиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался любовью и уваженіемъ товарищей, даже привязанностью солдатъ, несмотря на то, что былъ строгъ съ послѣдними.

Обладавшій такими качествами, Сухиновъ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе тайнаго общества. Въ сентябрѣ 1825 года, въ лагерѣ при мѣстечкѣ Лещинѣ, онъ былъ избранъ въ члены Южнаго Общества и присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ онаго. Возвратясь на квартиры, Сухиновъ съ ревностью началъ трудиться для предположенной обществомъ цѣли. Онъ пользовался всѣмъ: ни малѣйшее обстоятельство не ускольз-

зало отъ его вниманія; времени, средствъ, умѣнія всего доставало ему; разъ предался дѣлу, онъ предался ему вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ.

Вскорѣ, по намѣреніямъ Сергѣя Муравьева-Апостола, бывшаго важнымъ членомъ тайнаго общества и душею Черниговскаго полка, Сухиновъ долженъ былъ перейти въ Александрійскій гусарскій полкъ. Онъ не колебался; прошеніе подано, приказъ о переводѣ полученъ, подорожная въ рукахъ Сухинова; онъ готовъ былъ уже выѣхать, но обстоятельство вовсе неожиданное удержало его. Извѣстіе, полученное изъ Петербурга, о происшествіяхъ 14-го декабря, ясно убѣждало, что Сухинову скорѣе нужно было остаться въ Черниговскомъ, нежели ѣхать въ Александрійскій полкъ. Послѣдствія не замедлили подтвердить это предположеніе: 25-го декабря подполковникъ Гебель, командиръ Черниговскаго полка, пригласилъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ офицеровъ по случаю полкового праздника. Около полуночи хозяинъ и гости были встревожены пріѣздомъ двухъ жандармскихъ офицеровъ изъ Петербурга и Могилева, главной квартиры первой арміи. Тотчасъ открылась цѣль ихъ пріѣзда. Послѣ короткаго и тайнаго разговора, Гебель отправился съ ними на квартиру Муравьева-Апостола, гдѣ не засталъ его. Сухиновъ не упустилъ сдѣлать все, что отъ него зависѣло: онъ бросился на квартиру Муравьева и, заставъ тамъ Бестужева-Рюмина, спряталъ съ нимъ нѣсколько бумагъ, передалъ ему свою подорожную и черезъ то далъ способъ извѣстить Муравьева о предстоящей опасности.

28-го декабря Сухиновъ получилъ записку отъ Муравьева, который только что прибылъ въ Трилѣсы,

и тотчасъ отправилъ нарочнаго къ Сухинову, требуя его къ себѣ, какъ можно скорѣе. Сухиновъ понялъ дѣло; онъ отправился, пригласивъ съ собою ротныхъ командировъ: Кузмина, Соловьева и Щепилу. Рано по утру 29-го числа пріѣхалъ онъ въ Трилѣсы, но Сергѣй Муравьевъ и съ нимъ братъ его Матвѣй были уже арестованы Гебелемъ и начальникомъ жандармовъ при третьемъ корпусѣ поручикомъ Лангомъ, Гебель строго встрѣтилъ своихъ офицеровъ, требуя, чтобы Сухиновъ немедленно отправился въ Александрійскій полкъ, а остальные къ своимъ ротамъ. Первый рѣшительно объявилъ, что не станетъ ему повиноваться, послѣдніе отвѣчали нападеніемъ. Гебель съ ловкостью сбитъ съ ногъ; ему нанесли 13 ранъ, множество ударовъ и оставили изнеможеннаго только тогда, какъ Сергѣй Муравьевъ, выскочивъ въ окно, прибѣжалъ къ нимъ и обратилъ ихъ вниманіе на обстоятельство большой важности. Пока это происходило, Сухиновъ бросился отыскивать жандармскаго офицера, и найдя его спрятавшимся на кухнѣ, отвелъ его къ священнику, отъ котораго онъ отправился на дивизіонную квартиру. Сухиновъ видѣлъ безполезность поступка, сдѣланнаго съ Гебелемъ, и потому, вѣроятно, такъ снисходительно поступилъ съ жандармомъ, не сообразивъ, что Лангъ могъ скоро сообщить въ дивизіонную квартиру о случившемся происшествіи. Отправивъ жандарма къ священнику, Сухиновъ возвратился къ товарищамъ и не засталъ уже Гебеля, который тотчасъ, какъ былъ оставленъ, выползъ на дорогу, при помощи ѣхавшаго крестьянина втащился къ нему въ сани, и отправился къ дому тамошняго помѣщика. Сухиновъ догналъ его, посадилъ съ нимъ солдата и, приказавъ вести его куда

онъ самъ захочетъ, возвратился къ Муравьеву-Апостолу.

Послѣ этого происшествія Сергѣй Муравьевъ, братъ его Матвѣй и Сухиновъ, со взводомъ квартировавшей въ Трилѣсахъ 5-й роты, отправились въ село Ковалевку, чтобы соединиться со 2-й гренадерской ротой. Кузьминъ съ остаткомъ роты, долженъ былъ явиться туда же; Соловьеву и Щепилѣ приказано ѣхать въ свои роты и спѣшить съ оными въ Васильковъ. Когда двое послѣднихъ, не заѣзжая еще въ роты, пріѣхали въ городъ, (они) были арестованы майоромъ Трухинымъ, старшимъ послѣ Гебеля, привезеннаго уже въ свою квартиру. Трухинъ съ 4-й ротой, находившейся для караула въ Васильковѣ, дѣлалъ между тѣмъ распоряженіе къ защитѣ города. 30-го числа авангардъ Муравьева, подъ командой Сухинова, въ 3 часа пополудни, показался на стогнахъ близъ города. По приказанію Трухина барабанный бой во всѣхъ концахъ города встревожилъ всѣхъ жителей и шумомъ только окончились всѣ распоряженія къ защитѣ. Сухиновъ безпрепятственно вступилъ въ городъ, освободилъ изъ-подъ стражи Соловьева и Щепилу, арестовалъ Трухина, занялъ караульные посты по назначенію Муравьева, взялъ знамена, полковой ящикъ и заключилъ происшествіе этого дня безполезнымъ отыскиваніемъ полкового адъютанта и дѣятельной заботливостью о размѣщеніи и продовольствіи прибывшихъ съ Муравьевымъ солдатъ и тѣхъ, которые подходили послѣ. Всю ночь провелъ онъ въ этихъ заботахъ. 31-го числа Муравьевъ поручилъ ему присоединить къ возстанію 4-ю мушкатерскую роту, въ которой ни капитанъ, ни солдаты ничего не знали до послѣдней ми-

нуты. Съ помощью Кузьмина, Соловьева и Щепилы вполнѣ исполнивъ это порученіе, Сухиновъ, по приказанію Муравьева, принялъ въ команду 6-ю мушкатерскую роту, отъ капитана Фурмана, которому приказано ѣхать въ 8-ю пѣхотную дивизію и сообщить о возстаніи находившимся въ оной членамъ Общества.

Въ тотъ же день полкъ выступилъ на ночлегъ въ селеніе Мотовиловку. Сухинову приказано командовать арьергардомъ. Распорядительностью и строгими мѣрами противъ солдатъ, нарушившихъ военный порядокъ, Сухиновъ достигнулъ того, что послѣдній выступилъ изъ Василькова, не оставивъ тамъ никого, кто долженъ былъ слѣдовать за Муравьевымъ. Прибывъ въ Мотовиловку, Сухиновъ въ ту же ночь отправленъ былъ по дорогѣ въ Бѣлую Церковь узнавать о дѣйствіяхъ дивизіонной квартиры семнадцатаго егерскаго полка и служившихъ въ ономъ членовъ Общества, которые ручались присоединить къ возстанію, по крайней мѣрѣ, двѣ роты. Неизвѣстно, были ли кромѣ означенныхъ другія порученія Сухинову; знаемъ только, что сряду двѣ ночи изъ села Мотовиловки онъ отправлялся къ Бѣлой Церкви, и оба раза возвращался почти безъ извѣстій; отправленный въ третій разъ ночью со 2-го на 3-е число изъ села Пологовъ, онъ узналъ, что 17-й егерскій полкъ выступилъ, но не противъ нихъ, а по направленію къ Житомиру, что кругомъ Бѣлой Церкви учреждены разъѣзды изъ казаковъ Браницкой, и что началось общее движеніе во всѣхъ окрестныхъ войскахъ.

3-го числа полкъ вышелъ изъ села Пологовъ черезъ Ковалевку на Трилѣсы и между послѣдними встрѣченъ и разбитъ отрядомъ генерала Гейсмара, со-

стоявшимъ изъ двухъ эскадроновъ гусарскаго принца Оранскаго полка и двухъ орудій конно-артиллерійской роты. Открытое мѣсто, гдѣ сошлись отряды противниковъ, устраняло всякую возможность скрыться; Сухиновъ спѣшилъ воспользоваться чѣмъ могъ: онъ бросился къ озеру, находившемуся вблизи, но оставался въ нерѣшимости на берегу его. Двое изъ солдатъ 6-й роты разсѣяли его недоумѣніе: схвативъ подъ руки, они почти насильно повели его по тонкому льду къ деревнѣ Поленичинцамъ. Только началась эта переправа, какъ нѣсколько гусаръ прискакали къ берегу и, не видя возможности преслѣдовать далѣе, просьбами и угрозами безполезно старались склонить солдатъ выдать имъ Сухинова. Послѣдній, сбросилъ съ себя лишнюю тяжесть вооруженія, съ одними пистолетами достигъ противоположнаго берега и пошелъ къ поленичинскому фольварку. Первый крестьянскій дворъ представлялъ уже убѣжище, и Сухиновъ отнесся къ хозяину. Онъ тотчасъ отвелъ его въ контору, заперъ и обѣщалъ, по просьбѣ Сухинова, развѣдывать, что будетъ происходить. Возвратясь черезъ два часа, онъ сказывалъ, что ихъ собирали на панскій дворъ, разспрашивали о Сухиновѣ и обѣщали награду тому, кто приведетъ его, что отрядъ гусаръ обыскиваетъ уже деревню, и что поэтому онъ долженъ перевести Сухинова въ другое мѣсто. Онъ перевелъ его въ погребъ, заперъ и скрылся. Оставшись одинъ, долго размышлялъ Сухиновъ о своемъ положеніи: будущее казалось ему ужаснымъ, ни одной свѣтлой мысли, никакого утѣшительнаго чувства не пробудилось въ немъ въ это время. Все потемнялось какою-то мрачною безнадежностью, и страшная мысль самоубійства показалась

ему отрадною. Онъ схватилъ пистолетъ — осѣчка; взвелъ еще курокъ—то же. Бросивъ съ негодованіемъ пистолетъ онъ взялъ другой, тщательно осмотрѣлъ его, уперъ въ грудь конецъ дула, спустилъ курокъ—вспышка... «Мнѣ суждено еще жить»,—подумалъ Сухиновъ, и эта простая мысль разсѣяла его мрачность. Онъ бросилъ пистолеты съ твердымъ намѣреніемъ не только не употреблять ихъ противъ себя, но и не брать ихъ съ собою изъ погреба. Въ сумерки пришелъ къ нему хозяинъ, ввелъ въ избу, покормилъ, далъ свою свитку. Пять рублей серебряныхъ, послѣднія деньги Сухинова, были предложены хозяину; онъ отказывался, Сухиновъ настаивалъ, и борьба ихъ кончилась тѣмъ, что, бросивъ деньги на столъ, Сухиновъ поспѣшно вышелъ изъ дому.

Пройдя 15 верстъ, около полуночи пришелъ онъ въ село Гребенки, къ дому бывшаго эконома Брацкой, у котораго прежде крестилъ дѣтей. Свѣтъ сквозь щели затворенныхъ ставней доказывалъ, что въ домѣ еще не спали. Сухиновъ постучался; хозяйка, узнавъ голосъ своего кума, поспѣшно отворила дверь и впустила его, обливаясь слезами. Съ трудомъ успокоилъ ее Сухиновъ. Два часа провелъ съ ними Сухиновъ; наконецъ, экономъ самъ запрягъ лошадь въ сани, далъ Сухинову свое платье, 10 рублей серебряною монетой, и выпроводилъ на дорогу. Сухиновъ отправился на Богуславль и въ первой полевой канавѣ бросилъ все, что оставалось у него отъ гусарскаго костюма.

Въ Каменкѣ заѣхалъ Сухиновъ къ Зинкевичу, который служилъ прежде штабъ-лѣкаремъ въ Черниговскомъ полку и принадлежалъ къ тайному обществу;

но въ 1823 году вышелъ въ отставку и жилъ въ Каменкѣ домашнимъ лѣкаремъ у Давыдова, также члена тайнаго общества. Зная уже о черниговскомъ происшествіи, Зинкевичъ радушно принялъ Сухинова, далъ ему на дорогу денегъ, но не совѣтывалъ долго у него оставаться.

Безъ письменнаго вида, и несмотря на то, что было уже разослано предостерегательное объявленіе о Сухиновѣ, онъ нигдѣ не былъ остановленъ и спокойно пріѣхалъ въ г. Александрію. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ отецъ его, но онъ не хотѣлъ заѣхать къ нему, зная хорошо характеръ старика и опасаясь мачихи, на которую совсѣмъ не могъ полагаться, и потому рѣшился заѣхать къ брату, бывшему въ Александріи чиновникомъ гражданской службы. Братъ Сухинова до того перепугался, что не зналъ на что рѣшиться, но успокоенный братомъ принялъ въ немъ живѣйшее участіе. Переночевавъ у брата, Сухиновъ не даромъ провелъ время: онъ вырѣзалъ изъ мѣла печать, написалъ паспортъ на имя отставного Александрійскаго полка поручика Сухинова и рано поутру, взявъ у брата небольшое количество денегъ, простился съ нимъ и отправился къ Кишиневу.

Предъявивъ свой паспортъ, онъ жилъ въ этомъ городѣ безопасно, квартируя у мѣщанина-раскольника. Въ продолженіи своего пребыванія въ Кишиневѣ, Сухиновъ нѣсколько разъ подходилъ къ рѣкѣ Быку съ намѣреніемъ перейти черезъ оную въ Молдавію, но всегда удерживался одною мыслію: какъ оставить отечество и спастись бѣгствомъ въ то время, когда бѣдствуютъ возставшіе вмѣстѣ съ нимъ товарищи! Пока жилъ онъ въ такой нерѣшительности, денежныя сред-

ства его страшно оскудѣли: доходило до того, что скоро нечѣмъ будетъ заплатить за квартиру. Затрудненный крайностью, удрученный бездѣйствіемъ и ежеминутнымъ опасеніемъ, Сухиновъ рѣшился писать къ своему отцу съ двоякою цѣлью: получить отъ него денежное пособіе, а съ нимъ и способъ къ такому или другому предпріятію, или же черезъ умышленную неосторожность обнаружить правительству свое убѣжище. Какъ ни тягостно было послѣднее намѣреніе, но оно казалось ему лучше неопредѣленнаго его положенія, которое совершенно утомило его.

Въ тотъ же день, какъ письмо отнесено на почту, явился полицеймейстеръ. Пристально взглянувъ на Сухинова, онъ поговорилъ что-то съ хозяиномъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился снова съ дивизіоннымъ командиромъ Желтухинымъ. Послѣдній спросилъ его: «Вы Сухиновъ?»—«Я»,—отвѣчалъ онъ. Едва успѣлъ отвѣтить Сухиновъ, какъ его уже схватили, тотчасъ заковали ему руки и ноги и отправили въ Одессу къ гр. Воронцову. Воронцовъ видѣлъ его, но ничего съ нимъ не говорилъ, однакожъ велѣлъ расковать его и перемѣнить бѣлье; прислалъ ему обѣдъ и снова закованнаго отправилъ въ Могилевъ къ Сакену, главнокомандующему 1-ю арміей.

Сухиновъ былъ привезенъ въ Могилевъ 15-го февраля. Ему расковали руки, но вообще содержали строже другихъ. Генералъ Набоковъ былъ президомъ комиссіи, продолжавшейся слишкомъ два мѣсяца. Съ начала и до конца суда Сухиновъ отвергалъ всѣ показанія, которыя могли повредить другимъ. Что касается до обвиненій, падавшихъ собственно на него, онъ принималъ ихъ, нисколько не заботясь о послѣд-

ствіяхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ по приговору комиссіи Сухинову объявлено, что онъ долженъ быть четвертованъ. Дѣло отправлено въ Петербургъ. Въ первыхъ же числахъ іюля полученъ отвѣтъ: повелѣно вмѣсто смертной казни, лишить чиновъ, дворянства, переломить шпагу передъ полкомъ, подвести подъ висѣлицу и отправить въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу. Сухинова вывезли изъ Могилева 17-го іюля, а 22-го привезли въ городъ Острогъ, гдѣ квартировалъ тогда новосформированный Черниговскій пѣхотный полкъ. На другой день исполнена конфирмація, подъ личнымъ распоряженіемъ начальника штаба 3-го корпуса князя Горчакова. Въ 9 час. вечера Сухиновъ вывезенъ былъ въ Житомиръ, гдѣ содержался на гауптвахтѣ. 21-го августа отвезенъ въ Васильковъ, а 22-го подведенъ подъ висѣлицу, построенную на площади за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Происходила слѣдующая церемонія: на площади были построены Тамбовскій пѣхотный полкъ и прибывшіе изъ разныхъ полковъ 9-й дивизіи по сто человѣкъ рядовыхъ, съ нѣсколькими штабъ- и оберъ-офицерами; возлѣ самой висѣлицы помѣщенъ былъ отрядъ внутренней стражи. Сухиновъ, Соловьевъ и Мозалевскій приведены закованные и поставлены впереди войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда приговоръ прочли войску, тогда палачъ, подойдя къ Сухинову, взялъ его за руку, повелъ черезъ площадь къ висѣлицѣ и, обойдя вокругъ оной три раза, передалъ въ команду внутренней стражи. Такъ поступлено поочереди съ другими. Какъ скоро это было кончено, палачъ тотчасъ прибилъ къ висѣлицѣ приготовленную прежде черную доску съ крупною бѣлой надписью. Вверху было написано: повѣ-

шены, а въ другой строкѣ—Кузминъ, Щепила и Ипполитъ Муравьевъ. (Всѣ трое застрѣлились до сентенціи; Ипполитъ Муравьевъ, вступая въ дѣло, далъ слово не сдаться живымъ). Зрители были не только въ тѣсныхъ толпахъ на площади, но занимали крыши домовъ. Послѣ церемоніи тотчасъ отправлены всѣ трое по пересылкѣ въ Сибирь. Это путешествіе продолжалось годъ и 7 мѣсяцевъ. Всю дорогу Сухиновъ былъ чрезвычайно равнодушенъ и не хотѣлъ сѣсть на подводу. Въ Тобольскѣ видѣлъ ихъ князь Куракинъ, изъявляя, какъ водится, безплодное сожалѣніе.

Въ маѣ 1827 года догнали ихъ Нарышкина и Ентальцова. 10 го февраля 1828 года пришли они на дневку въ Читу. У тюрьмы уже ожидали партію княгиня Трубецкая и княгиня Волконская; при встрѣчѣ съ ними дамы были взволнованы до высочайшей степени; онѣ называли ихъ не иначе какъ братьями. Зная высказанныя имъ его намѣренія, онѣ умоляли, убѣждали его не приводить ихъ въ исполненіе. 12 марта пришли они въ Большой Нерчинскій заводъ и назначены въ рудники онаго за 15 верстъ, гдѣ находится горная контора; они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ семеновцевъ. Съ самаго прихода Сухиновъ принялся работать; въ короткое время узналъ онъ многихъ и пріобрѣлъ ихъ довѣренность. То тотъ, то другой начали ходить къ Сухинову, который съ своей стороны ежедневно выходилъ на охоту и не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Голиковъ, казарменный староста, бывшій нѣкогда фельдфебелемъ въ учебномъ карабинерскомъ полку; Бочаровъ, сынъ Астраханскаго купца; Бондаревъ, бывшій фельдфебель какого-то полка; Птицынъ цѣловальникъ, бывшій юнкеръ гусар-

скаго полка, и нѣсколько другихъ, уже весьма съ нимъ сблизились. Всѣ названные были изъ важнѣйшихъ соучастниковъ; между ними первенствовалъ Голиковъ. Съ помощію ихъ Сухиновъ досталъ себѣ вооруженіе, доставалъ порохъ и свинецъ. Лили пули, дѣлали патроны, которыхъ болѣе 1,000 было сдѣлано. Совѣтъ и убѣжденія Соловьева и Мозалевскаго не помогали; не рѣдко пренія доходили даже до ссоры, и во всѣхъ случаяхъ Сухиновъ твердилъ одно: «оставьте меня дѣйствовать по моей волѣ, я васъ не замѣшаю». Пока дѣла шли такимъ порядкомъ, часто хаживалъ къ нимъ сосланный изъ Виленскихъ студентовъ Тиръ. Сухиновъ всегда не терпѣлъ его, и за какую-то выходку разъ объявилъ ему, чтобъ къ нимъ болѣе никогда не ходилъ. Вскорѣ послѣ Вознесенія, въ какой-то праздничный день, нѣсколько пьяныхъ, принадлежавшихъ къ заговору, написали на могильныхъ памятникахъ разныя угрозы насчетъ рудниковъ и начальства. Тиръ объявилъ управляющему рудникомъ Черниговцеву, что это должно быть дѣло государственныхъ преступниковъ и изъяснилъ ему нѣкоторыя свои подозрѣнія. Поэтому отправленъ былъ къ государственнымъ преступникамъ помощникъ управляющаго Милехинъ; но его убѣдили, что это дѣло не ихъ. 21-го мая 1828 года, Соловьевъ, Мозалевскій и Сухиновъ купили свой домъ (что было противъ желанія послѣдняго) и на другой день перешли въ него.

За нѣсколько дней до этого времени, команда Сухинова начала пить непомѣрно. Десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстныя выраженія; съ 22 на 23 число пьяныя толпы эти безпрестанно ходили мимо квартиры Мозалевскаго, Со-

ловьева и Сухинова; первые должны были это замѣтить Сухинову, онъ переговорилъ что-то съ ними и ходьба прекратилась. Во время переноски вещей съ квартиры въ собственный домъ 23 числа, пьяный Голиковъ сильно хлопоталъ помогать Сухинову и его товарищамъ. Мозалевскій желалъ удалить Голикова и просилъ Сухинова его отослать, но тотъ не обратилъ вниманія на его просьбу; тогда Мозалевскій самъ выгналъ Голикова. Съ утра этого дня Сухиновъ былъ необыкновенно мраченъ, но ни слова не говорилъ своимъ товарищамъ. Около обѣда они узнали, что Голиковъ, Бондаревъ, Непомнящій и нѣсколько другихъ взяты и закованы. Тотчасъ начались допросы, сопровождаемые жесточайшими побоями. Сухиновъ, между тѣмъ, припряталъ нѣкоторыя вещи. Въ 5 часовъ вечера, полицейскій унцеръ-офицеръ пришелъ за нимъ и объявилъ, что управляющій Черниговцевъ требуетъ его въ контору. Долго товарищи ожидали возвращенія Сухинова; наконецъ узнали, что онъ арестованъ и посаженъ отдѣльно въ одномъ изъ казенныхъ домовъ.

Мозалевскій тотчасъ же отправился къ нему, но его не пустили; однако же на другой день свиданіе дозволено, и сношенія товарищей съ арестантомъ продолжались до конца дѣла. Сухиновъ сказывалъ, что на него показалъ Голиковъ и другіе, будто онъ имѣлъ намѣреніе напасть на солдатъ, завладѣть ихъ оружіемъ и куда-то итти; Сухиновъ не сознался. Черниговцевъ, снявъ показаніе, тотчасъ рапортовалъ Нерчинской горной экспедиціи. Экспедиція съ нарочнымъ донесла Лепарскому (коменданту Читинскаго острога, гдѣ содержались государственные преступники, замѣшанные въ 1825 г.). Лепарскій далъ знать въ Петер-

бургъ. Въ то же время экспедиція нарядила слѣдственную комиссію, состоявшую изъ двухъ членовъ, берггауптмана Кириллова и какого-то подпрапорщика горнаго батальона. Они прибыли въ горную контору и начали слѣдствіе пьянствами и жестокостями. Сухинова тотчасъ заковали и, несмотря на угрозы, ничего отъ него не узнали.

Впослѣдствіи оказалось: нѣкто Козаковъ, проходя пьяный 22-го мая мимо квартиры Черниговцева, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту, и что въ этомъ участвуютъ секретные (такъ называли они государственныхъ преступниковъ). Черниговцевъ велѣлъ ему итти проспаться, объявляя ему однакожъ, что на другой день потребуютъ его въ контору. Жившій въ денщикахъ у Черниговцева Непомнящій, Бондаревъ и кто-то третій дали знать Голикову и Бочарову о доносѣ Козакова. Непомнящій самъ о томъ же разсказалъ вечеромъ Черниговцеву. Между тѣмъ, Голиковъ и Бочаровъ взяли водки, пригласили въ лѣсъ Козакова, напоили его и убили, а Бочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ Черниговцевъ сдѣлалъ слѣдствіе; присланная потомъ комиссія открыла не болѣе. Сухиновъ ни въ чемъ не сознался, другіе что показывали сегодня, то отвергали завтра.

Самое главное дѣйствіе комиссіи состояло во взятіи подъ стражу 22-хъ человѣкъ, менѣе или болѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, по сдѣланнымъ на нихъ показаніямъ. Случилось, между тѣмъ, что собака принесла человѣчью руку; въ то же время пойманъ бѣжавшій Бочаровъ; эти два обстоятельства способствовали къ открытію убійства Козакова. Доходилъ уже второй мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ члены комиссіи начали

свои изслѣдованія, но дѣло не подвигалось. Горная экспедиція, недовольная медленностью, отозвала членовъ, перевела Сухинова и другихъ арестантовъ въ Большой Нерчинскій заводъ и поручила изслѣдованія членамъ своимъ, горнымъ штабъ-офицерамъ Рику и Чебаевскому; первый назначенъ презусомъ. Они открыли, что прежде всего хотѣли напасть на казармы, завладѣть оружіемъ, итти на Благодатскій рудникъ (1½ версты), на Большой заводъ и по другимъ сосѣднимъ заводамъ, какъ для обезоруживанія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія ссыльныхъ; прекратить почтовыя сношенія, послать отрядъ, обобрать оружіе по всѣмъ казачьимъ карауламъ, потомъ итти въ г. Нерчинскъ и завладѣть артиллеріей, оттуда слѣдовать въ Читу, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Въ случаѣ возстанія, цѣловальникъ Птицынъ обѣщалъ нѣсколько бочекъ водки. Мозалевскій и Соловьевъ были также требованы къ допросамъ по сдѣланнымъ на нихъ показаніямъ; но отвѣты Голикова и Бочарова сильно говорили въ ихъ пользу.

Послѣдніе утверждали, что они нѣсколько разъ спрашивали у Сухинова, почему его товарищи не дѣйствовали съ нимъ заодно; на что онъ всегда отвѣчалъ имъ, что Соловьевъ и Мозалевскій ничего не должны знать до послѣдней минуты и просилъ ихъ быть осторожными въ ихъ присутствіи; что во время возстанія онъ самъ ихъ увѣдомитъ обо всемъ, и если они будутъ согласны, то присоединитъ ихъ къ возстанію; если же нѣтъ, то они первые будутъ убиты. Во время слѣдствія Соловьеву и Мозалевскому не запрещалось видѣться съ Сухиновымъ, и если бы они имѣли день-

ги, то могли бы дать совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи. Хотя Волконскій присылалъ къ нимъ нарочнаго съ предложеніемъ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ, по ихъ извѣщенію, хотя писали они въ Читу и просили денегъ, но отвѣта никакого не получили; вѣроятно письма ихъ не достигли своего назначенія.

По окончаніи слѣдственной комиссіи арестованные преданы военному суду, въ послѣднихъ числахъ октября, по повелѣнію Лепарскаго. Презусъ слѣдственной комиссіи Рикъ назначенъ и президентомъ суда. При немъ члены: горные штабъ-офицеры Чебаевскій, Фитингофъ и еще одинъ. Въ судѣ—только, что подтверждались прежнія показанія безъ перемѣны въ пользу или во вредъ подсудимыхъ. Сухиновъ между тѣмъ отправился въ гошпиталь, подъ предлогомъ болѣзни, тамъ два раза принималъ онъ яду, но не достигъ желаемой цѣли, а только сильно разстроилъ свое здоровье. Въ половинѣ ноября судъ приговорилъ: Сухинову 400 ударовъ кнутомъ, 9-ти человѣкамъ также кнутъ, остальнымъ плети. Послѣ этого Сухинова тотчасъ перевели въ общую тюрьму, вмѣстѣ съ приговоренными къ кнуту; тѣхъ же, которые были приговорены къ плетямъ, отправили въ контору. Дѣло было представлено Лепарскому, который отвѣчалъ, что онъ будетъ самъ 2-го декабря и исполнитъ. Сухинову дали знать, онъ казался веселымъ и ночью со 2-го на 3-е число упросилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ цѣпей, привязалъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ нихъ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то

изъ арестантовъ наткнулся на него впотьмахъ; зажгли огня и тотчасъ послали за ключами къ баталіонному командиру и за лѣкаремъ Владимирскимъ. Между тѣмъ Сухиновъ оставался въ петлѣ. Лѣкарь, замѣтивъ въ немъ, какъ послѣ оказалось, признаки жизни, не подалъ на мѣстѣ никакой помощи, а велѣлъ нести за 1½ версты въ лазаретъ, гдѣ его положили на ледникъ. 3-го числа дѣлались приготовленія къ исполненію экзекуціи. Въ тотъ же день заковали Мозалевскаго, Соловьева и цѣловальника Птицына, привезли въ Нерчинскій заводъ и посадили въ казарму, вмѣстѣ съ осужденными къ плетямъ, а ночью всѣхъ троихъ перевели въ полицію. 4-го числа въ 9 часовъ утра они увидѣли проходящій въ фуражкахъ съ ружьями горный батальонъ на мѣсто казни, назначенной внѣ завода, съ правой стороны дороги къ г. Нерчинску. Вытребованные съ разныхъ заводовъ палачи, были уже на мѣстѣ, куда съ утра еще было привезено тѣло Сухинова, и брошено въ яму, въ которую опредѣлено было сложить тѣла всѣхъ тѣхъ, которые должны быть разстрѣляны. Горный штабъ-офицеръ Чебаевскій назначенъ былъ экзекуторомъ, но дѣйствіе происходило подъ личнымъ наблюденіемъ Лепарскаго.

Расхаживая отъ одной кобылы къ другой, онъ громко требовалъ отъ палачей, чтобы они били, какъ можно сильнѣе. Устройство на мѣстѣ казни: въ срединѣ мѣста столбы для разстрѣливанія, рядомъ справа били кнутомъ, далѣе плетьми. Разстрѣляны: Голиковъ, Бондаревъ, Непомнящій, Михайловъ и Бочаровъ. Послѣдній, по словамъ очевидца, почтмейстера Климантова, полуживой брошенъ въ яму. Послѣ экзекуціи прочли Мозалевскому, Соловьеву и Птицыну (они

не присутствовали на церемоніи) опредѣленіе Лепарскаго освободить ихъ, какъ непричастныхъ къ дѣлу, но разослать по разнымъ заводамъ. Поручикъ Рикъ и полицеймейстеръ завода говорили послѣ, что на обѣдѣ у начальника Нерчинскихъ заводовъ Фриша, Лепарскій спокойно разсказывалъ, что это уже не первая экзекуція, что въ подобныхъ дѣлахъ онъ участвовалъ въ Чугуевскомъ возмущеніи. Выѣхавъ изъ Нерчинска, Лепарскій остановился у мѣста казни, пошелъ поклонился на могилы казненыхъ и отправился въ Читу.

II.

Одиннадцать писемъ И. И. Горбачевскаго князю Е. П. Оболенскому [1]).

1.

Петровскій заводъ 1860 г., ноября 17-го дня.

Если бы что-нибудь на меня упало и сильно придавило, я бы, кажется, меньше былъ встревоженъ, оглушенъ, меньше бы былъ удивленъ, нежели получивши твое письмо, мой дорогой, любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Вообрази, что, взявши письмо изъ рукъ почтальона, я по надписи на конвертѣ узналъ твой почеркъ послѣ двадцатилѣтней разлуки, и пробѣжавши глазами письмо, я тогда только отдохнулъ. Если бы ты зналъ и всѣ тамъ живущіе, что значитъ для меня теперь получить письмо изъ Россіи, ты писалъ бы ко мнѣ по своему участію цѣлыя кипы писемъ. Я до сихъ поръ какъ будто въ сомнѣніи,—тамъ-ли вы живете, и можетъ-ли это быть? Часто глядя здѣсь на наше прежнее жилище, вы всѣ для меня теперь какіе-то миѳы; грусть приходитъ не отъ мрачнаго этого свидѣтеля, доселѣ существующаго, но, думая,—жившіе когда-то здѣсь,—гдѣ они? Гдѣ ихъ искать? Когда ихъ увидишь? Вотъ вопросы, безпрестанно роящіеся въ моей головѣ. И рѣдко кто изъ васъ подастъ мнѣ голосъ. Этотъ отголосокъ и составляетъ теперь единственное утѣшеніе въ моей тревожной, грустной и одинокой жизни.

Благодарю тебя душевно, сердечно, мой Евгеній Петровичъ, за твое письмо; не могу выразить словами

---

[1]) Письма Горбачевскаго къ кн. Оболенскому были опубликованы въ Русской Старинѣ за 1903 г., №№ IX, X. Ред.

чувство благодарности за твою память обо мнѣ; будь увѣренъ въ искренности моихъ словъ, и я увѣренъ, что ты повѣришь моей радости слышать о тебѣ и о твоемъ семействѣ,—радуюсь, что ты живъ, здоровъ и существуешь. Думаю, что мнѣ къ тебѣ писать? и какъ отвѣчать на твои вопросы? Много придется писать, но возможно ли это въ письмѣ, тѣмъ болѣе—вспомни—сколько времени прошло со дня нашей разлуки.

Ты спрашиваешь, женатъ-ли я? Во всѣхъ отношеніяхъ нѣтъ и нѣтъ, и говорю тебѣ правду,—очень сожалѣю, что такъ пришлось жить; холостая старость ужасна,—скучно и будущаго нѣтъ; можетъ быть, я избавился этимъ многихъ тревогъ, но за то, что за жизнь настоящая и будущая; теперь ни кому не совѣтую быть въ старости не женатымъ. Что же касается до моей жизни собственно, то скажу тебѣ, что живу или сижу на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ гвоздь забитъ въ дерево,—не могу двинуться съ мѣста,—такія мои обстоятельства и такое полженіе. Куда ѣхать? и на какія деньги это возможно сдѣлать,—трудно выдумать, да еще при такой дороговизнѣ; искать же оказіи, просить я не могу,—для меня это тяжко, даже отвратительно. Сестра моя [1]) живетъ въ Петербургѣ при дѣтяхъ, въ Малороссіи всѣ умерли; конечно, будь способы, поѣхалъ бы туда хоть подышать тамошнимъ воздухомъ, но это «не наша ѣда лимоны», какъ нѣкогда писалъ ко мнѣ В. Лв. Давыдовъ. Твой привѣтъ отдалъ отцу Поликарпу [2]); онъ твое письмо читалъ и перечитывалъ. Онъ любитъ тебя и очень часто вспоминаетъ, просилъ

---

1) Анна Ив. Квистъ. Ред.

2) Поликарпъ Павловичъ Сычевъ—священникъ въ Петровскомъ заводѣ. Ред.

меня убѣдительно тебѣ кланяться и свидѣтельствовать свое почтеніе, просилъ тебѣ написать, что въ семействѣ у него всѣ живы, здоровы; что второй его сынъ Александръ на Амурѣ, въ Благовѣщенскѣ, старшимъ священникомъ и миссіонеромъ, и твой крестникъ Евгеній тамъ же. От. Поликарпъ хранитъ твои вещи—кресло, столъ, шкапъ, и это составляетъ его драгоцѣнность. Ты спрашиваешь тоже о нашемъ заводѣ,—послѣ тебѣ опишу, теперь ни времени, ни мѣста въ письмѣ нѣтъ. Читалъ я тоже въ твоемъ письмѣ о вашихъ надеждахъ на улучшеніе крестьянскаго быта и начало гражданской жизни, о которой когда-то мы мечтали. Прости меня великодушно, мой Евгеній Петровичъ, за мое невѣріе: рѣшительно не только сомнѣваюсь, но даже рѣшительно не вѣрю ни вашей гласности, ни вашему прогрессу, ни даже свободѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ; все это, мнѣ кажется, болтовня праздныхъ людей, у которыхъ нѣтъ ни желанія, ни воли сдѣлать другимъ добро; и что можетъ быть изъ такого порядка вещей, гдѣ люди въ своемъ дѣлѣ сами и судьи.

Прощай, Евгеній Петровичъ, желаю тебѣ здоровья и всего лучшаго; пиши ко мнѣ, я буду съ удовольствіемъ тебѣ отвѣчать. Тебѣ преданный

Иванъ Горбачевскій.

(Приписка). На-дняхъ я получилъ письмо отъ Наталіи Дмитріевны [1]); какъ я благодаренъ; на слѣдующей почтѣ буду и къ ней писать. Буду и къ тебѣ писать,—будетъ о чемъ поговорить.

Твоей супругѣ—мое глубочайшее почтеніе и мой усердный поклонъ; я надѣюсь, что ты меня съ ней познакомилъ, дѣтямъ твоимъ мой сердечный привѣтъ.

---

[1]) Пущиной. Ред.

2.

Петровскій заводъ, Забайкальской области, 1861 г., іюля 17-го дня.

Не умѣю, какъ тебѣ выразить мою искреннюю и душевную благодарность, мой Евгеній Петровичъ, за твое письмо отъ 7-го февраля и мною полученное 3-го іюня. Какъ ни былъ обрадованъ твоимъ письмомъ, но меня тоже удивило, что твое письмо такъ долго путешествовало. Да здравствуетъ почтовое вѣдомство! Напримѣръ, я живу отъ Мих. Бестужева всего 178 верстъ и получаю письма черезъ двѣ недѣли! Если ты не будешь свои письма надписывать въ Петровскомъ заводѣ въ Забайкальскую область, и то большими буквами, то твои письма пойдутъ въ Петровскъ, Саратовской губ., или въ Петрозаводскъ, Олонецкой губерніи, или даже въ Петропавловскій портъ, въ Камчатку; это я говорю по собственному опыту,—изъ всѣхъ такихъ мѣстъ получаются здѣсь письма, но надписаны изъ Россіи въ Петровскій заводъ. Вотъ аккуратность и забота объ исполненіи своихъ обязанностей русскихъ почтмейстеровъ.

У васъ, говорятъ, идетъ въ Россіи какой-то прогрессъ, чему я плохо вѣрю, но почему же этотъ прогрессъ не сдѣлаетъ, чтобы вмѣсто нынѣшнихъ почтмейстеровъ сидѣли бы на ихъ мѣстахъ люди? Ты пишешь, если бы мы встрѣтились и проч. Если бы мы встрѣтились и ночью, я бы, кажется, тебя узналъ, такъ я помню всѣхъ, и мнѣ все кажется, что вы всѣ тамъ въ Россіи ничуть не перемѣнились, хотя знаю, что въ этомъ ошибаюсь. Ты тоже пишешь, что по временамъ мы будемъ повѣщать другъ друга: я готовъ къ тебѣ писать цѣлые томы,—лишь бы тебѣ этимъ не наскучить, и прошу тебя, спрашивай о чемъ хочешь. Вѣроятно,

ты и держишь свое слово, пишешь ко мнѣ, но только не такъ выходитъ: мои письма, тобою ко мнѣ писанныя, получаетъ ихъ какой-то Андрей Петровичъ, а я получаю Андрея Петровича письма, т.-е. къ нему тобою написанныя; а жаль мнѣ, что такъ случилось,—время потеряно. Посылаю къ тебѣ обратно и письмо и конвертъ—въ удостовѣреніе.

Мое здѣсь единственное утѣшеніе—получать и писать письма къ старымъ моимъ товарищамъ по тюрьмѣ и по мыслямъ. Многихъ уже нѣтъ; и теперь меня безпокоить положеніе Ал. Викт. Поджіо,—онъ ко мнѣ писалъ, что у него водяная болѣзнь, и до сихъ поръ не имѣю объ немъ никакого извѣстія. Напиши мнѣ, что съ нимъ дѣлается? Я не помню, чтобы я писалъ, что будто бы я отказываюсь къ тебѣ писать о Петровскомъ заводѣ: я, можетъ быть, отложилъ это до другого времени. Если тебѣ интересно знать, то теперь скажу тебѣ кое-что. Не думай, чтобы были какія-либо перемѣны, перемѣны существенныя и радикальныя,—нѣтъ подобнаго ничего, все по-старому; не знаю, что будетъ впередъ. И вотъ съ 11-го апрѣля здѣсь объявлена свобода труда, обязательная работа уничтожена, но все еще продолжается старая съ малыми перемѣнами, въ ожиданіи новыхъ правилъ и узаконеній; вообще народъ принялъ такую перемѣну очень хладнокровно, даже съ какимъ-то сомнѣніемъ, говоря: «много намъ было и прежде читано, а все мы работали день и ночь; что будетъ, посмотримъ». Жилище наше въ заводѣ существуетъ; получивши твое письмо, я нарочно сходилъ на другой день его посмотрѣть и посмотрѣть твой № каземата. Долго я стоялъ въ твоемъ № и около того мѣста, гдѣ стоялъ твой столъ и твое кресло; многое тутъ я вспомнилъ; взялъ изъ стѣны

гвоздикъ, на которомъ висѣлъ портретъ твоей сестры, принесъ домой и его сохраняю; прикажешь, я тебѣ его пришлю. Но вообрази, выходя изъ твоей комнаты, мнѣ бросился въ глаза твой столикъ въ корридорѣ, на которомъ ты всегда обѣдалъ: онъ до сихъ поръ стоитъ. Насоновъ, Дм. Ив. [1]) тутъ же со мною былъ, сказалъ:

— Вотъ столикъ Евг. Петровича; я бывало ему принесу обѣдать, а вы съ Ив. Ив. Пущинымъ у него все съѣдите.

Я чуть не лопнулъ отъ смѣха, когда онъ мнѣ это сказалъ.

— Отчего же мы у него ѣли, когда ты и намъ приносилъ обѣдать? спросилъ я нарочно.

— А вотъ видите (его поговорка), вамъ принесу скоромное, и вамъ уже мясо и супъ надоѣли; а ему принесу рыбу; вамъ съ Пущинымъ въ охотку—вы у него все и съѣдите; вотъ видите—да.

— А онъ, Евг. Петр., сердился на насъ за это, что мы его голоднымъ оставляли?

— Можетъ-ли быть, чтобы Евг. Петр. сердился? Можетъ-ли это быть? Да бывало я напьюсь пьянымъ, да и совсѣмъ ему не принесу обѣдать, онъ и за то никогда не сердился... Евг. Петр. сердился,—продолжалъ онъ ворчать про себя—никогда.

Тутъ я вынулъ твое письмо изъ кармана и показалъ ему. Онъ взялъ его въ руки, долго смотрѣлъ на него, и все его переворачивалъ, задумавшись.

---

[1]) На Петровскомъ заводѣ всѣмъ декабристамъ были даны слуги изъ ссыльныхъ; жалованіе имъ платилъ заводъ. Кн. Оболенскій очень хорошо обходился со своимъ служителемъ: «Не я ухаживаю за бариномъ, а онъ за мной»,—говаривалъ его слуга. См. Першина. Воспоминанія старожила. Газета «Забайкалье» 1902 г., № 42. Ред.

— Да вы будете писать къ нему?

— Непремѣнно,—сказалъ я.

— Такъ напишите ему отъ меня: вотъ видите, онъ меня благословилъ, когда я женился, онъ мой отецъ; напишите, что у меня три сына и одна дочь дѣвочка; живу бѣдно и сталъ старикъ, однимъ глазомъ не вижу, и не могу на охоту ходить и стрѣлять; вотъ видите, все это ему напишите.

Я ему далъ слово все исполнить. Тутъ же просилъ меня написать о немъ и къ Петр. Ник. Свистунову, у котораго онъ прежде служилъ; но я оставляю это до удобнаго случая. Послѣ съ нимъ зашли мы въ казематъ Пущина, мой № и, наконецъ, въ крайній, въ которомъ жилъ Штейнгель, а потомъ онъ, Насоновъ, и онъ тутъ многое вспоминалъ. Тѣ два отдѣленія, которыя вправо отъ входа воротъ, теперь заняты арестантами, прочія всѣ пусты, и все, что осталось отъ насъ изъ мебели казенной, все до сихъ поръ такъ и стоитъ. Деревья, посаженныя Мухановымъ во второмъ отдѣленіи, сдѣлались уже большія; все заросло травой; мракъ и пустота, холодъ и развалина; все покривилось, а особливо лѣвая сторона, стойла разбиты, одни рѣшетки и толстые запоры желѣзные противятся времени. Не достаетъ тутъ одного,—нашихъ кандаловъ. Грудь у меня всегда стѣсняется, когда я тамъ бываю: сколько воспоминаній, сколько и потерь я пережилъ, а этотъ гробъ и могила нашей молодости или молодой жизни существуетъ. Какъ это было построено для насъ, за что? И кому мы всѣ желали зла? Вы всѣ давно отсюда уѣхали, у васъ всѣ впечатлѣнія изгладились, но мое положеніе совсѣмъ другое, имѣвши всегда предъ глазами этотъ памятникъ нѣжной заботливсоти о насъ. Ты скажешь, зачѣмъ я сержусь? Я знаю, что ты всегда молился Богу

и за своихъ враговъ, но это мнѣ не мѣшаетъ высказать тебѣ мои чувства.

Вѣроятно, тебѣ любопытно было бы знать о дѣтяхъ, о которыхъ ты заботился, бывши самъ въ тюрьмѣ, которыхъ ты училъ, кормилъ, одѣвалъ; всѣ они здравствуютъ и все помнятъ и твое имя произносятъ съ желаніемъ тебѣ счастья и здоровья. Викторъ Янчуковскій теперь служитъ помощникомъ начальника Нерчинскаго завода въ чинѣ подполковника. Балуганскіе одинъ секретаремъ (старшій) въ какомъ-то судѣ, дѣлаетъ большое пособіе матери своей, которая жива и живетъ до сихъ поръ на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ томъ же домѣ, гдѣ и при тебѣ жила—на Птанцѣ; другой сынъ служитъ на Амурѣ, тоже хорошо живетъ. Алексѣевъ теперь у насъ здѣсь въ заводѣ секретаремъ въ конторѣ, чиновникъ и отличный человѣкъ; о прочихъ скажу тебѣ послѣ, теперь спѣшу писать. Вообрази: тѣ люди, которые при насъ служили, всѣ живы и тебѣ усерднѣйше кланяются: отецъ Поликарпъ хотѣлъ къ тебѣ писать, а твои письма всегда беретъ домой, уноситъ отъ меня и тамъ читаетъ; потомъ тебѣ кланяется —«да-съ, да-съ»—Ив. Ив. Первоухинъ, дряхлый уже старикъ, нашъ стражъ бывшій и живая хроника о всѣхъ насъ; его конекъ—во всѣхъ разсказахъ о былomъ времени. Послѣ него, конечно, слѣдуетъ Дм. Им. Насоновъ; онъ даже знаетъ до сихъ поръ, сколько отъ кого получалъ денегъ на водку, и когда бы ни пришелъ ко мнѣ, всегда у насъ разговоръ о васъ.

Вотъ еще скажу тебѣ обстоятельство. Кто бы ни пріѣхалъ сюда въ заводъ, всѣ просятъ меня съ собой сходить въ казематъ, чтобы я показалъ, гдѣ кто жилъ, что дѣлалъ и проч. Эта работа для меня, признаюсь тебѣ, тягостна, но такое любопытство у этихъ господъ,

что говоришь имъ и разсказываешь по цѣлымъ часамъ, и все имъ мало. Какой-то джентльменъ петербургскій всѣ подобралъ перья въ твоемъ №, вѣроятно, тобою брошенныя, подобралъ потомъ всѣ бумажки и всѣ ихъ положилъ въ свой бумажникъ; какой-то генералъ, сослуживецъ Якубовича, вырвалъ всѣ гвоздики изъ стѣнъ въ его казематѣ; одинъ чиновникъ выкопалъ изъ земли столикъ, поставленный въ кустахъ на дворѣ второго отдѣленія, на которомъ пила чай жена Ивашева, и увезъ съ собою. Не могу тебѣ всего кончить, сколько было подобныхъ продѣлокъ и сценъ, которыя когда-нибудь тебѣ опишу. Послѣдняго путешественника я водилъ по нашимъ казематамъ недавно, это былъ писатель Максимовъ. Мнѣ очень жаль, что я не имѣлъ времени съ нимъ побольше потолковать, а человѣкъ серьезный и умный; онъ ѣхалъ, кажется, съ Амура. Въ домѣ Александры Григорьевны Муравьевой теперь казарма солдатъ; въ домѣ Давыдовой—казарма ссыльныхъ; въ домѣ Трубецкихъ—квартира управляющаго заводомъ. Въ домѣ Аненкова—контора; въ домѣ Волконскихъ—школа; въ домѣ Наталіи Дмитріевны фонъ-Визинъ живетъ священникъ о. Поликарпъ; домъ Ивашева занятъ квартирою для дьякона здѣшняго, который меня убѣдительно просилъ тебѣ кланяться. Когда я его спросилъ, почему онъ тебя знаетъ, онъ сказалъ, что «когда Евгеній Петровичъ ѣздилъ въ Удинскъ, то онъ всегда останавливался у моей матери на квартирѣ, а я былъ въ то время мальчикомъ и отъ Евгенія Петровича получалъ иногда гостинцы». Онъ очень хорошій человѣкъ, и, противъ обыкновенія всѣхъ дьяконовъ, трезвый человѣкъ. Домъ Нарышкиныхъ и Юшневскаго упали и развалены; въ домѣ Барятинскаго, гдѣ онъ больной лежалъ, и гдѣ мы около него по очереди дежурили, живетъ урядникъ.

Что забылъ тебѣ сказать и не успѣлъ тебѣ написать, спрашивай; на все тебѣ дамъ отвѣтъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ я былъ сильно нездоровъ своимъ всегдашнимъ недугомъ гемороемъ; докторъ мнѣ посовѣтовалъ дорогу на перекладныхъ вмѣсто всякаго лѣкарства, я взялъ подорожную, съѣздилъ въ Селенгинскъ къ Михайлу Бестужеву и выздоровѣлъ. Нельзя себѣ представить, не видѣвши глазами своими, какъ онъ постарѣлъ: сѣдой, морщины кругомъ, глаза какіе-то оловянные сдѣлались вмѣсто бывшихъ черныхъ; онъ хочетъ ѣхать въ Россію, но когда это будетъ, неизвѣстно: ожидаетъ оттуда писемъ—куда именно ѣхать. Дѣти его ростутъ, а ихъ надобно учить, вотъ причина его переселенія; я былъ у него всего четыре дня, и не умолкали—все говорили день и ночь, и еще не кончили. Завалишинъ, Дмитрій въ Читѣ; тоже желалъ бы умереть въ Россіи, но обстоятельства его худы, и не можетъ этого исполнить. Онъ бодръ, здоровъ, пишетъ, споритъ, говоритъ много и хорошо, но жаль одного,— что его доходы очень скудны.

Если уѣдутъ Бестужевъ и Завалишинъ въ Россію, я одинъ останусь въ восточной Сибири, по крайней мѣрѣ, я больше не знаю, кто живетъ здѣсь. Я останусь одинъ и буду сидѣть на развалинахъ; я и самъ развалина не лучше Карѳагена; но и со мной бываетъ слабость даже непростительная: я иногда мечтаю о своей Малороссіи, и тоскую по ней, и чѣмъ дѣлаюсь старѣе, тѣмъ болѣе дѣлается одиночество мое скучнѣе, и грусть одолѣваетъ. Одно спасеніе въ моей жизни настоящей, это чтеніе—безъ этого я давно бы пропалъ. Мнѣ странно кажется, и иногда спрашиваю самъ себя, какъ эти люди живутъ, и что имъ чудится, послѣ Читы, Петровскаго завода, Итонцы и проч. И послѣ всего

этого жить въ Москвѣ, въ Калугѣ и далѣе и далѣе. Какія должны быть впечатлѣнія, воспоминанія, а свиданье съ родными, съ старыми знакомыми. Для меня все это кажется фантазія, мечта. Я бы съѣздилъ и на Амуръ, чудный край, отлагая въ сторону тамошніе порядки, но тоже не могу, на это тоже надобны средства. Что я написалъ, читай, если время тебѣ позволяетъ.

Привѣтъ мой сердечный твоимъ дѣтямъ, мое глубочайшее почтеніе твоимъ роднымъ и ближнимъ, мой душевный поклонъ, кто съ тобою меня вспомнитъ. Ко мнѣ писалъ дважды Пав. Серг. Бобрищевъ-Пушкинъ и пересталъ писать. Что онъ дѣлаетъ? Не слыхалъ-ли что-нибудь объ Ал. Викт. Поджіо, напиши мнѣ, я отъ него давно не имѣю писемъ. Жму тебѣ руку, обнимаю тебя душевно и сердечно. Прошу тебя пиши ко мнѣ, только не ошибайся, когда печатаешь письма. Ваши письма, истинно говорю тебѣ, мое единственное здѣсь утѣшеніе. Твой навсегда

Иванъ Горбачевскій.

Вотъ въ чемъ дѣло: написалъ къ тебѣ письмо и, не довѣряя исправности почтъ, пославши простое письмо, я рѣшился послать тебѣ при письмѣ посылку,— гвоздикъ, мною вынутый изъ стѣны твоего каземата, огниво мое, произведеніе Петровскаго завода, сдѣланное изъ памятнаго тебѣ желѣза, и когда укладывалъ посылку Насоновъ, то приложилъ тебѣ въ подарокъ и своей кремень, вынувши изъ своего кармана; мы совѣтуемъ тебѣ: брось эти спички, употребляй огниво наше. Да еще прошу тебя убѣдительно, пришли мнѣ свой портретъ; у меня многихъ есть портреты, твоего только нѣтъ, нѣтъ нужды, что ты теперь старикъ.

3.

Петровскій заводъ, 1862 г., января 18-го дня.

Мой любезнѣйшій, дорогой мой Евгеній Петровичъ! Прости великодушно, что пропустилъ два мѣсяца и не отвѣчалъ тебѣ; я твое письмо получилъ 18-го ноября,—оно было съ деньгами для Д. Насонова. Отъ 28-го сентября, вмѣстѣ же съ твоимъ письмомъ, получилъ я и отъ княгини Наталіи Петровны [1]), и на которое съ прошедшей почтой отвѣчалъ. Не знаю, какъ благодарить, не нахожу словъ, какъ выразить мою благодарность за ваши письма. Вѣроятно, оцѣнишь мою радость по опыту, когда вспомнишь, гдѣ я живу, и что значитъ въ такомъ быту имѣть такое утѣшеніе. Одно меня печалитъ—это молчаніе Александра Викторовича [2])—знавши, что онъ боленъ, не знаешь, что думать; давно я отъ него не получалъ писемъ. Прошу тебя, когда будешь ко мнѣ писать, скажи мнѣ о немъ подробнѣе. Также не забудь мнѣ написать о здоровьи Павла Сергѣевича [3]); ужъ если пришлось тебя просить, то напиши мнѣ, что Кирѣевъ дѣлаетъ, нашелъ-ли онъ своихъ родныхъ и какъ онъ будетъ жить. На-дняхъ я получилъ изъ Москвы дорогую для меня посылку и вижу, что эта посылка прислана отъ Наталіи Дмитріевны. Я получилъ отъ нея книги, но ужасно жалѣю, что отъ нея нѣтъ письма; меня это мучитъ и безпокоитъ, почему нѣтъ письма. Сколько было послано книгъ и какія именно, все это мнѣ неизвѣстно, а между тѣмъ видно, что ящикъ и печать иркутскіе. Книги для меня очень интересныя, давно я подобныхъ серьезныхъ не читалъ. Журналы русскіе, газеты—все это такъ наску-

---

1) Сестра кн. Оболенскаго. Ред.
2) Поджіо. Ред.
3) Бобрищева-Пушкина. Ред.

чило, что теперь присланными книгами я упиваюсь и запиваюсь. Какъ я ей благодаренъ за это, несказанно, а все же жалѣю, что письма нѣтъ. Подожду почты двѣ, три—не буду къ ней писать, авось не получу-ли письма. Не худо, если бы ты мнѣ прислалъ ея адресъ, куда къ ней писать. Она писала ко мнѣ, что свои имѣнія она продала; гдѣ же теперь она живетъ—не знаю. Вотъ сколько я тебѣ, мой Евгеній Петровичъ, задалъ вопросовъ, теперь буду отвѣчать и на твои.

Ты ко мнѣ писалъ и спрашивалъ о состояніи памятника покойной Александры Григор. Муравьевой. Онъ стоитъ, и все сдѣлано, относительно его починки, по просьбѣ Софіи Никитичны; но вотъ въ чемъ дѣло: лампада не горитъ по недостаку масла, а масла нѣтъ, какъ мнѣ сказалъ о. Поликарпъ, оттого, что не достаетъ денегъ на покупку масла же. Не знаю, въ какомъ банкѣ лежатъ деньги, т.-е. капиталъ, и при прежнихъ процентахъ и дешевизнѣ масла, было достаточно этихъ процентовъ, чтобы лампада горѣла круглый годъ; но теперь банкъ уменьшилъ проценты,—кажется даютъ теперь два, или три только процента—слѣдовательно, денегъ не достаетъ на покупку масла, которое теперь здѣсь вздорожало до неслыханной цѣны. Я сегодня получилъ отъ здѣшняго бухгалтера записку, вотъ тебѣ копія:

Къ 1-му числу января 1862 года вступило суммы, принадлежащей умершей А. Г. Муравьевой, 56 руб. 56½ коп. серебр. Изъ этого въ 1862 году употребится:

На жалованье сторожамъ	6	р. 84	к.
Священникамъ за панихиды	7	„ 14	„
Затѣмъ остается на освѣщеніе въ 1862 году	42	„ 58½	„

Староста церковный, казначей, комиссаръ и о. Поликарпъ говорятъ, что на эти деньги нѣтъ возможности цѣлый годъ освѣщать масломъ памятникъ; да и посмотри счетъ,—бѣднымъ сторожамъ приходится очень мало.

Сегодня былъ у меня о. Поликарпъ и сказалъ: чтобы лампа(да) горѣла цѣлый годъ безпрерывно, какъ это желали завѣщатели, то непремѣнно надобно лампу устроить иначе—надобно, чтобы лампа была больше, чтобы она могла вмѣщать въ себѣ болѣе масла и чтобы она могла сама собой нагрѣваться; отъ сильной стужи и морозовъ теперешняя лампа гаснетъ безпрестанно, и не можетъ горѣть зимою; слѣдовательно, надобно будетъ покупать еще болѣе масла и затѣмъ—болѣе издержекъ. Вотъ тебѣ объясненіе на твой вопросъ, кому знаешь объ этомъ и сообщи, если это надобно. Также ты спрашиваешь о нашей церкви: бѣдная и бѣдная, ризъ порядочныхъ даже нѣтъ, паникадила нѣтъ и проч. и проч.; къ тому же ужасно холодно. Относительно вѣры и исполненія своего долга нашъ о. Поликарпъ очень даже рѣдкій священникъ, всѣ его хвалятъ, но за то—никакого понятія о благолѣпіи храма, никакого вкуса въ обстановкѣ; ему—грошевая свѣча и рублевая, гдѣ надобно, риза самая простая и золотая, лучшіе пѣвчіе и дьячекъ, который реветъ, хоть уши затыкай, ему—все равно,—удивительно! Читаетъ безпрестанно и очень любознательный и любопытствующій, но все это на него не имѣетъ никакого вліянія, и онъ тотъ же, чѣмъ былъ и тогда, когда ты здѣсь былъ. Бѣдный о. Поликарпъ! Въ ноябрѣ мѣсяцѣ выдалъ старшую свою дочь замужъ за Дмитр. Дмитр. Старцова, котораго ты зналъ:—при насъ здѣсь торговалъ—братъ родной Ильинской, Катер. Дмитр.; и что же, ѣхавши съ молодою

женою домой къ себѣ въ Селенгинскъ, простудился, сдѣлалась скоропостижная чахотка и, какъ пишутъ, умираетъ, уже пріобщали и соборовали масломъ; бѣдная Харіеса Поликарповна—черезъ три мѣсяца уже и вдова. Желательно было бы, чтобы тѣ, которые объ этомъ изъ Селенгинска пишутъ, ошиблись.

Признаюсь тебѣ, чистосердечно, что я немножко посмѣялся надъ твоими заботами съ крестьянами и съ уставными грамотами. Что такое уставныя грамоты, я не понимаю, неужто безъ нихъ нельзя жить; да и какъ же, здѣсь въ Сибири живутъ безъ всякихъ грамотъ крестьяне и живутъ не хуже вашихъ россійскихъ. Впрочемъ, мое невѣжество моему удивленію причиною; впрочемъ, я увѣренъ, что ты всевозможныя напишешь имъ грамоты, лишь бы они были довольны и счастливы. Но прошу тебя убѣдительно, пиши что-нибудь объ этомъ предметѣ ко мнѣ, вѣдь для меня это любопытнѣйшая вещь, что у васъ тамъ дѣлается. Ты спрашиваешь о Михайлѣ Бестужевѣ и Завалишинѣ. Первый живетъ въ Селенгинскѣ, женатъ, имѣетъ сына и двухъ дочерей; жена его урожденная Селиванова. Михаилъ Бестужевъ мнѣ говорилъ, что хочетъ ѣхать въ Россію, и именно потому, что дѣти ростутъ, а ихъ надобно же учить. Онъ хочетъ отправиться нынѣшнимъ годомъ, но не знаетъ, гдѣ будетъ жить. Хотѣлось бы ему куда-нибудь поближе къ учебнымъ заведеніямъ. Завалишинъ—въ Читѣ, давно уже овдовѣлъ, дѣтей нѣтъ, но живетъ въ томъ же домѣ, который помнишь-ли и при насъ былъ, когда мы тамъ были; вообрази, старуха Смолянинова [1]) еще жива, по крайней мѣрѣ я слышалъ объ этомъ лѣтомъ отъ того, кто ее видѣлъ. Онъ (Завалишинъ)

---

1) Теща Завалишина. Ред.

много нажилъ себѣ враговъ чрезъ свои статьи объ Амурѣ, чиновный людъ на него разсердился; но что замѣчательно: кому не дадутъ награды, тотъ говоритъ, что Завалишинъ говоритъ правду; смѣшно смотрѣть на всѣ подобныя дѣла.

Вопросъ твой о моей жизни оставляю до будущей почты,—ты мнѣ столько вопросовъ сдѣлалъ, что надобно десять листовъ писать. Поклонись отъ меня усердно и засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе Наталіи Петровнѣ, дѣтей твоихъ обнимаю сердечно заочно; желаю тебѣ здоровья и всѣхъ возможныхъ успѣховъ по твоимъ дѣламъ. Пиши ко мнѣ, прошу тебя объ этомъ особенно, не забывай, что я одинъ въ Сибири: скука и тоска меня одолѣваютъ, не смотря даже на привычку жить столько на одномъ мѣстѣ. Буду къ тебѣ писать, и ежели хочешь, буду писать много, о многомъ, мнѣ хотѣлось бы у тебя спросить много и къ тебѣ бы написалъ, но не знаю, что будетъ впередъ, будетъ ли время и мнѣ и тебѣ.

Прощай, мой Евгеній Петровичъ, не лѣнись, пиши ко мнѣ. Твой навсегда

Ив. Горбачевскій.

Насоновъ получилъ твои деньги, и благодаритъ такъ, какъ я не умѣю передать, только часто слышалъ повтореніе, когда онъ тутъ же другимъ говорилъ: «Вотъ-съ, да-съ, Евгеній Петровичъ меня не забылъ, видите-съ», и проч. и проч.

Забылъ тебѣ написать: 30-го и 31-го числа декабря у насъ было сильное землетрясеніе, у меня печь треснула, у многихъ двери сами собой отворились, но все это ничего въ сравненіи, что сдѣлалось около Байкала въ Иркутскѣ и въ Удинскѣ. Объ этомъ послѣ скажу.

4.

Петровскій заводъ, 1862 г., марта 22-го дня.

Мой дорогой, мой неоцѣненный, мой, мой и мой Евгеній Петровичъ, пощади. Я получилъ твой портретъ, и возможно ли быть такимъ старикомъ! Что это? на что это похоже: сѣдой, въ морщинахъ, что же дальше будетъ? но, впрочемъ, дѣло не въ томъ теперь. Получивши твое письмо и увидѣвши тебя, я не зналъ, что съ собой дѣлать: грудь стѣснилась, рядъ воспоминаній блеснулъ въ головѣ, сердце замерло; все говорю тебѣ истинно истину. Потомъ, какъ будто отдохнувъ, я началъ смѣяться; началъ въ голосъ тебя благодарить, ходить по комнатѣ, и забывши, и не видѣвши мальчика—внука о. Поликарпа, который принесъ твое письмо. Такое впечатлѣніе и такія переживанія производятъ на меня и ваши письма иногда, и ваши портреты. Благодарю тебя отъ души и сердца за твое вниманіе и твою память обо мнѣ. Не забывай моего одиночества, тогда повѣришь моимъ словамъ и чувствамъ. Я твой портретъ лучше разсмотрѣлъ, можетъ быть, нежели ты самъ Я взялъ увеличивающее стекло съ двухъ сторонъ выпуклое (лупу) и смотрѣлъ на тебя. Ты мнѣ представился живымъ, я всѣ у тебя пересчиталъ морщинки и складки на платьѣ,—необыкновенно похожъ.

Мнѣ прислали послѣ смерти И. И. Пущина его портретъ, тоже фотографія, только величиною въ четверть листа; онъ мнѣ казался очень похожимъ; но недавно доставили мнѣ лупу; когда посмотрѣлъ на Пущина, все лицо выдалось рельефно, подвинулось какъ будто впередъ; я не могъ долго смотрѣть: это совершенно онъ, живой и прямо смотритъ въ глаза.

Прости меня великодушно, что давно къ тебѣ не

писалъ; проклятая малороссійская лѣнь, нездоровье и разныя дрязги и хлопоты были тому причиною, что за перо не хотѣлось взяться; впрочемъ, я писалъ къ тебѣ и къ Натальѣ Петровнѣ, скажи мнѣ получили-ли вы эти письма. Однимъ словомъ, на каждое письмо отвѣчаю, хотя не тотчасъ по полученіи. Не говори мнѣ о вашей гласности, я не такъ понимаю ее, какъ это дѣлается; вѣроятно, я не все читаю, что пишутъ, и это очень натурально потому, что здѣсь бѣдность и на книги, и на гласность. Я даже еще хорошо не понялъ и свободу крестьянъ, что это такое: шутка или серьезная вещь. Постепенность, переходное состояніе, благоразумная медленность, все это для меня такая философія, которую я никогда не понималъ. И я тебѣ говорю истину буквальную. Мать моя—изъ фамиліи Конисскихъ и была когда-то помѣщицей, была истая малороссіянка, т.-е. ничего не понимала и не знала, кромѣ монаховъ и Кіевской лавры, куда отдавала послѣднюю копѣйку; зато была набожна и хозяйка, т.-е. много было сала и моченыхъ яблокъ. Она, не знаю уже какимъ образомъ, сдѣлала такъ, что имѣніе, тоже не знаю большое или малое, передала мнѣ и моему брату тому слишкомъ 40 лѣтъ, когда я вышелъ въ офицеры въ артиллерію, а отецъ мой вышелъ въ полевые или военные инженеры.

Я пріѣхалъ домой, проѣздомъ въ бригаду, которая стояла на квартирахъ въ Малороссіи, и засталъ дома одного отца; мать умерла, сестры вышли замужъ, онъ бѣдный одинъ былъ; это было далеко отъ Малороссіи, я у него недолго гостилъ, потому что нашъ корпусъ пошелъ въ походъ въ Италію (Неаполь), и мнѣ не дали отпуска. Уѣзжая въ бригаду и уже совсѣмъ собравшись, отецъ мой вынулъ какую-то связку бумагъ и сказалъ мнѣ:

— Ты теперь получилъ званіе; вотъ тебѣ документы на владѣніе имѣніемъ послѣ твоей матери; дѣлай что хочешь.

Я не обратилъ на это вниманіе и бросилъ въ чемоданъ эту связку бумагъ, которую никогда въ жизни не развязывалъ и до сихъ поръ не знаю, что тамъ было написано. Но отецъ меня при этомъ просилъ, что если когда-либо я буду въ деревнѣ, то чтобы я непремѣнно побывалъ бы на той яблонѣ, на которую онъ, бывши мальчикомъ, туда лазилъ; она стояла на берегу ручья, особенно.

Я уѣхалъ. Пріѣхавши въ губернскій городъ, я нашелъ тамъ какого-то нашего дальняго родственника; дуракъ набитый и чиновникъ, предлагаетъ мнѣ, какъ помѣщику, съѣздить въ деревню. Я сначала отказался, и какіе резоны онъ мнѣ ни представлялъ, ничего не помогало,—мой отвѣтъ ему былъ одинъ, что всякая деревня помѣщичья для меня отвратительна. Но вспомнивши, что мнѣ надобно побывать на яблонѣ—исполнить волю и завѣщаніе отца, я согласился, тѣмъ болѣе, что это было по дорогѣ въ бригаду, которая стояла въ Полтавской губерніи. Только-что пріѣхали, я, не входя въ домъ, побѣжалъ къ яблонѣ, сбросилъ съ себя сюртукъ, полѣзъ на яблоню, чуть себѣ шею не своротилъ, посмотрѣлъ кругомъ, опять долой и прихожу къ дому; а чиновникъ уже собралъ тамъ народъ—посмотрѣть на новаго барина. Увидѣвши толпу хохловъ, не знаю кому, я приказалъ лошадей запрягать дальше ѣхать; чиновникъ вытаращилъ глаза.

— Куда такъ скоро?

— А мнѣ что тутъ дѣлать?—сказалъ ему.

— Вотъ ваши крестьяне.

Я, чтобы кончить развязку, подошелъ къ толпѣ и

сказалъ имъ рѣчь, конечно, она не Цицерона и Демосѳена, но по-своему, потому что меня вся эта глупость взбѣсила.

— Я васъ не зналъ и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте, убирайтесь къ чорту.

Сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ ту же минуту, даже не поклонившись родственнику-чиновнику, который за это послѣ жаловался на меня отцу, а тотъ хохоталъ до упаду. Долгое время спустя вспомнилъ объ имѣніи, вынулъ изъ чемодана бумаги и при письмѣ послалъ ихъ въ Грузію къ своему брату, предлагая ему эти бумаги взять и владѣть имѣніемъ, говоря въ письмѣ, что я не хочу быть помѣщикомъ, что я не хозяинъ, что я не знаю въ этомъ толку, и что я также отказываюсь отъ всего этого, какъ и отецъ, который не любилъ ничего подобнаго. Братъ присылаетъ мнѣ обратно бумаги изъ Грузіи и пишетъ, что онъ такихъ мерзостей не чтецъ и что ты, братъ Иванъ (извини)— глупецъ.

Вотъ тебѣ, Евгеній Петровичъ, наша, съ крестьянами уставная грамота... Отецъ мой, больной, едва доѣхалъ до этой деревни и положилъ тамъ свои кости. Не помню хорошо, но кажется въ 1835 году, будучи въ отставкѣ, написалъ свои записки; преоригинальная и любопытная вещь. И знаешь ли, какая съ ними исторія? Сестра мнѣ ихъ прислала сюда, въ Петровскій заводъ, у меня ихъ отобрали и отослали въ канцелярію III-го отдѣленія; у меня онѣ были не болѣе трехъ дней; едва я успѣлъ прочитать.

Покойница сестра моя ѣздила на его могилу и писала ко мнѣ, что крестьяне поставили въ своей церкви образа Іоанна Богослова и Николая Чудотворца (имя мое и брата моего) и молятся имъ. Сестра моя объ

этомъ писала съ восхищеніемъ и умиленіемъ, а я ей отвѣчалъ, что всегда я малороссіянъ считалъ глупцами и всегда буду ихъ таковыми почитать, и объ нихъ такъ думать; тѣмъ вся эта исторія и кончилась, и до сей минуты не знаю и никогда не спрашиваю о своей родинѣ.

Все это я тебѣ сказалъ въ краткихъ словахъ, въ подтвержденіе тѣхъ словъ и мысли, что я прежде о вашихъ крестьянскихъ дѣлахъ написалъ, т.-е., что такъ дѣлать съ ними, какъ теперь поступаютъ, значитъ, что я толку не могу дать;—не понимаю, изъ чего хлопочутъ, когда въ этомъ есть необходимость; почему себя помѣщики къ этому не пріуготовили, почему въ нихъ нѣтъ идеи и чувства любви къ ближнему, почему, почему и многое бы я могъ сказать почему,—но это оставляю,—пусть, дѣлаютъ, что хотятъ, и имъ же хуже будетъ, если что и случится.

Что пишу другой листъ, а тебѣ скучно читать, не жалуйся,—этому ты самъ причиною, жалуясь, что я мало пишу къ тебѣ; такъ терпи, и я буду продолжать и продолжаю. Помѣщикамъ сказать стоило бы только,—дѣлайте что хотите, слушайте кого хотите, берите свое, и что вамъ нужно и необходимо, идите, куда хотите,—ну самое меньше хоть къ чорту, только оставьте насъ въ покоѣ. Неужто это безпорядокъ и ковардакъ будетъ, если бы такъ сказали, прибавя управляйтесь сами какъ знаете? Неужто не нашлись бы добрые люди, въ такомъ случаѣ, имъ помочь совѣтомъ и дѣломъ, да и правительству легче было бы достичь цѣли освобожденія, безъ всякихъ положеній, уставовъ и ужасающей огромной переписки. Ты мнѣ скажешь, что я философъ, не политикъ и не администраторъ, если съ людьми такъ думаю поступать; съ ними

надобно такъ поступать, чтобы они ничего не понимали и не знали, что съ ними хотятъ дѣлать; они не умѣютъ себя сдѣлать счастливыми, а мы ихъ такими сдѣлаемъ; они не умѣютъ управлять, мы знаемъ все и можемъ управлять; мы все сдѣлаемъ, мы все знаемъ, пусть только землю пашутъ, а писать уставы мы будемъ.

Коль скоро все это правда, коль скоро такъ все надобно и необходимо, — тогда поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Мѣста мало осталось писать, почта скоро отходить будетъ, а я все болтаю. Скажу лучше тебѣ что-нибудь о себѣ: здоровье мое хорошо бы было, если бы не проклятый мой недугъ, о которомъ ты слыхивалъ когда-то; спина здорова, и мало хожу и двигаюсь, не такъ, какъ ты, поспѣваешь во всѣ концы своей Калуги... Если бы не нужно было хлопотать о своемъ поганомъ существованіи, я бы обложилъ себя книгами, перьями и тогда на свѣтъ глазъ не показалъ бы. Я бы, какъ звѣрь, погрузился бы въ летаргію и былъ бы счастливъ.

Бестужевъ Михаилъ писалъ ко мнѣ, (просилъ) пріѣхать къ нему проститься,—онъ ѣхать хочетъ въ Россію. Можетъ, послѣ, когда будетъ тепло, побываю у него. Завалишинъ здоровъ. Прошу тебя напиши мнѣ что-нибудь объ Алекс. Викт. Поджіо; почему онъ пересталъ ко мнѣ писать, что все это значитъ? Да, забылъ тебѣ сказать и отвѣтить на твои вопросы. Въ письмѣ твоемъ ты спрашиваешь, что мой парикъ, что мои бакенбарды; бодръ ли я и крѣпокъ ли на ногахъ и проч. Ты знаешь-ли, я себѣ далъ слово жить сто лѣтъ, слѣдовательно, чтобы такую программу исполнить, по-моему рано еще имѣть сѣдые волосы,—ихъ у меня нѣтъ; здоровье также большое, какъ и мои бакенбарды, если бы только не одна болѣзнь, которая

отъ сидячей жизни бываетъ. Бываю часто нездоровъ, но это проходящее, но главная у меня болѣзнь скука и тоска. Я бы ихъ отдалъ любому помѣщику, который не хочетъ разстаться съ крестьянами своими. Когда вспомню, сколько васъ тамъ осталось,—жалѣю, почему мои бывшіе товарищи не безсмертны, хотя бы на сто лѣтъ, пока я буду жить.

Твое порученіе исполнено,—старику Насонову тотчасъ же деньги были отданы. Конечно, не буду тебѣ описывать, что было при этомъ сказано, сколько благодарности тебѣ и сколько вылилось изъ устъ старика на тебя благословеній. Когда я ему показалъ твой портретъ, онъ очень радовался, дѣлалъ свои замѣчанія, и когда я ему далъ стекло еще на тебя посмотрѣть хорошенько, онъ замѣтилъ, что у тебя сапоги ваксой вычищены, что сюртукъ у тебя сѣраго цвѣта.

Поклонись отъ меня усерднѣйше, искренно, отъ все души и теплыхъ чувствъ Петру Николаевичу [1]); желаю ему здоровья и всего лучшаго, я помню очень хорошо, какъ мы прежде жили вмѣстѣ въ трущобѣ и тамъ хохотали, смѣялись, не смотря ни на какіе замки, дежурныхъ и часовыхъ. Попроси его прислать мнѣ свою карточку съ портретомъ, увѣрь его, что это для меня будетъ утѣшеніе и знакъ его памяти обо мнѣ.

Но, однако жъ, Евгеній Петровичъ, пора же мнѣ съ тобой пересатть говорить. Я бы желалъ—и могу это сдѣлать—говорить съ тобой три дня, три года, пожалуй, безпрестанно и безъ конца, но боюсь тебѣ наскучить. Прошу покорнѣйше тебя, засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и отдай мой усерднѣйшій поклонъ Наталіи Петровнѣ, и пусть меня проститъ, что

---

[1]) Свистунову. Ред.

адресую къ тебѣ письма на ея имя. Боюсь посылать на твое имя, пожалуй, при твоей движимости, тебя не будетъ и въ Калугѣ. Я бы и не прочь отъ того, что желалъ бы и радовался бы получить и отъ нея когда-нибудь письмо, но боюсь объ этомъ не только просить, но и думать; безпокоить другихъ не могу; но прошу тебя еще разъ пожелать отъ меня здоровья и всякаго благополучія.

Писалъ бы еще къ тебѣ, и много мнѣ бы надобно еще тебѣ сказать,—но теперь я усталъ, и тебѣ надобно дать покой, и избавить тебя отъ своей болтовни дикой и безпорядочной. Прощай, жму тебѣ крѣпко руку, мало мнѣ,—обнимаю мысленно и душевно тебя,—желаю тебѣ всего спокойнаго, лучшаго и утѣшительнаго. Пиши ко мнѣ; и одинъ—мнѣ грустно и скучно. Прощай, твой навсегда

Иванъ Горбачевскій.

Такъ спѣшу на почту, что не успѣваю прочитать, что я къ тебѣ написалъ, не вставая съ мѣста; извини за поспѣшность.

5.

Петровскій заводъ, Забайкал. обл. 1862 г., іюля 12-го дня.

Любезнѣйшій Евгеній Петровичъ! Получилъ твое письмо отъ 22-го апрѣля въ концѣ прошлаго мѣсяца и благодарю отъ всей души тебя за твою обо мнѣ память; но не жалуйся, что такъ долго не отвѣчалъ; да и возможно ли имѣть часто переписку между собою, если такъ всегда твои письма будутъ ходить по всѣмъ угламъ Россіи. Прилагаю, и посмотри на свой конвертъ и адресъ ко мнѣ—все вѣрно написано, а между тѣмъ твое письмо изъ Калуги было послано въ Петрозаводскъ въ Олонецкую губ., потомъ въ какой-то Петропа-

вловскъ, и потомъ уже въ Петровскій заводъ. Что скажешь, если у васъ тамъ въ Россіи такой же прогрессъ и успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Я однажды получилъ письмо, на конвертѣ адресъ былъ сдѣланъ очень правильно, но почтовое вѣдомство зачеркнуло слово Забайк. обл., а написало въ Амурскую область, и письмо туда и оттуда было пересылаемо. Очень часто здѣсь получаются письма изъ Россіи, чрезъ Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ, туда посланныя почтовымъ вѣдомствомъ вмѣсто Петровскаго завода. Не говори, что со временемъ все улучшится: эту поговорку я слышу, кажется, 60 лѣтъ; скажи только, какое надобно имѣть терпѣніе, жить здѣсь, всего быть лишену, съ прибавкою, что отнимаютъ и послѣднее утѣшеніе и самое дорогое,—это письма, которыя должны получать по милости почтоваго вѣдомства чрезъ цѣлые мѣсяца, и ожидать мѣсяцы.

Благодарю душевно за твое письмо и за всѣ для меня пріятныя извѣстія; радуюсь за Кирѣева, за Бѣляева и Павла Сергѣевича; кланяйся всѣмъ отъ меня. Я писалъ къ тебѣ нѣсколько писемъ,—прошу, упоминай въ своихъ отвѣтахъ, отъ котораго числа получены тобою мои письма, можетъ быть, почтовое вѣдомство выдумаетъ другую Калугу и туда посылать будетъ письма. Я писалъ къ Поджіо, писалъ къ Наталіи Дмитріевнѣ, и все до сихъ поръ нѣтъ отвѣта,—не знаю, живы ли они; что значитъ, что не пишутъ? Отъ Наталіи Дмитріевны было ко мнѣ письмо еще зимою, съ тѣхъ поръ ни слова не получаю. Писалъ къ нимъ, но пересталъ; теперь жду отъ нихъ писемъ, и ничего не получаю.

Не удивляйся, что я не женатъ и не имѣю семьи;—не такая моя жизнь была, чтобы объ этомъ было время думать, не такія были мои обстоятельства, чтобы объ

этомъ позаботиться; характеръ у меня такой, что мало думаю о себѣ; всегда я воображалъ и думалъ, что живу на мѣстѣ только временно; заботы о себѣ и пріобрѣтеніе на будущее чего-нибудь—всегда у меня на второмъ планѣ жизни моей; всегда у меня мысли и чувства были обращены на другое дѣло, давно прошедшее; всегда я жалѣлъ о проигранномъ, и этого никогда не могъ забыть. Ни женщина, ни семья, никогда бы не могли меня заставить забыть, о чемъ я прежде помышлялъ, что намѣревался сдѣлать и за что пожертвовалъ собой. Конечно, теперь вижу и самъ, какъ ужасна жизнь стараго холостяка; скучно, грустно и будущаго нѣтъ, но одно еще меня поддерживаетъ,—это вѣра въ какое-то будущее, хорошее, въ идею, которую тогда только покину, когда перестану дышать. И истину тебѣ скажу, несмотря на чистое нездоровье, несмотря на всѣ разстройства по дѣламъ моимъ и на всѣ неудачи; несмотря на дороговизну неслыханную здѣсь, а съ нею и лишенія всевозможныя, которыя испытываю и терплю,—я все еще держусь, крѣплюсь,—чего-то надѣюсь; все еще люблю людей, дѣлюсь съ ними послѣднимъ, желаю имъ добра и всего лучшаго. И все это происходитъ отъ идеи, очень хорошо тебѣ знакомой, которой я живу, и не допускаетъ меня покуда еще придти въ отчаяніе. Но я почти одичалъ; напримѣръ, меня удивляетъ, какъ это такъ сдѣлалось, какъ у васъ у всѣхъ достало умѣнья устроить себя такъ, что живете спокойно, умѣли завестись семьями, разсуждаете хладнокровно, смотрите на дѣла людскія спокойно, чего-то отъ нихъ ожидаете хорошаго и проч. Какое спокойствіе можно имѣть при такомъ порядкѣ вещей, чего можно надѣяться отъ людей, что можно пріобрѣсти для себя безъ хитрости и эгоизма,

ожидая на каждомъ шагу обманъ и всякаго рода затрудненія? Услышавши отъ меня все это, я не думаю, чтобы ты подумалъ, что я боюсь труда, и что у меня голова не на своемъ мѣстѣ. Нѣтъ, сердце у меня поганое и для меня вредное,—оно всегда у меня беретъ верхъ надъ разсудкомъ,—вотъ и вся причина. Но полно объ этомъ. Съ любопытствомъ читалъ въ твоемъ письмѣ о крестьянахъ; одному удивляюсь: чтобы сдѣлать людямъ добро, надобно для этого время и формалистика какая-то. Конечно, говорятъ, это нужно для порядка и устройства, пускай такъ; но за что же имъ-то навязывать, что имъ не нравится? Я вижу, что ты надѣешься на будущее гражданское устройство по обѣщаніямъ; завидую тебѣ въ этомъ, если оно тебѣ доставляетъ утѣшеніе.—Я пересталъ вѣрить и обѣщаніямъ людскимъ, и въ хорошую будущность;—опекунство и благодѣянія тяжелая вещь.

Поликарпъ Павловичъ тебѣ усерднѣйше кланяется, былъ вчера у меня, и мы, глядя на твой портретъ, много говорили о васъ всѣхъ, близкихъ къ нашему сердцу. Получаю иногда письма отъ Дмитрія Завалишина; бѣдный не на розахъ отдыхаетъ; отъ Мих. Бестужева давно не получалъ писемъ, но знаю, что здоровъ и спокоенъ; занятъ своей семьей, все и всѣхъ забылъ; пишетъ, что ѣздилъ въ Кяхту, увидѣлъ тамъ новые мостовыя и троттуары, и въ восхищеніи отъ такого прогресса. У насъ все еще продолжаются землетрясенія, а особливо около Байкала, но на это никто уже вниманіе не обращаетъ.

Прошу покорнѣйше тебя зисвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе твоей семьѣ и мой сердечный привѣтъ твоимъ дѣтямъ; Наталіи Петровнѣ тоже мой усерднѣйшій поклонъ и мое почтеніе; желаю всѣмъ здо-

ровья и всего лучшаго; жму тебѣ руку,—всякій день гляжу на тебя, и съ тобой мысленно бесѣдую.

Прошу тебя, умоляю, пиши ко мнѣ; кланяйся отъ меня усерднѣйше Петру Николаевичу, пусть пришлетъ мнѣ свой портретъ. Прощай, мой Евгеній Петровичъ, обнимаю тебя. Твой навсегда

Иванъ Горбачевскій.

Увѣдомь меня, что Поджіо дѣлаетъ, гдѣ Наталія Дмитріевна, почему не пишутъ, скажи мнѣ.

6.

1862 г., августа 27-го дня. Петровскій заводъ.

Если бы ты могъ видѣть мою радость, мой Евгеній Петровичъ, когда я получилъ твое письмо; если бы ты могъ въ то время взглянуть на меня, и я могъ бы пересказать все то, что въ это время чувствую,—тогда бы я только былъ доволенъ тѣмъ, что могъ передать на письмѣ, если бы это возможно было. Не знаю же, какъ и благодарить за твое письмо отъ 2-го іюня, полученное мною 21-го іюня, за письмо милое, любезное—утѣшительное для меня. Не пеняй за долгое молчаніе мое,—много къ тому было причинъ, особенно мое нездоровье,—двѣ недѣли не выходилъ изъ комнаты и ничего не могъ дѣлать.

Я еще былъ обрадованъ и нечаянно—получивши письмо отъ Ив. Вас. Кирѣева изъ Тулы. Вотъ, кажется, уже около 30 лѣтъ, какъ мы не говорили другъ съ другомъ, и теперь я узналъ, что онъ живъ, здоровъ и устроился. На этой почтѣ буду ему отвѣчать. Получилъ тоже два письма отъ Алекс. Виктор. Поджіо, изъ Черниговской губерніи; онъ уже тамъ, вѣроятно, тебѣ извѣстно; но что наиболѣе порадовало меня, что его

здоровье поправилось, и онъ живетъ покуда вмѣстѣ съ Серг. Григорь. (княземъ Волконскимъ). Но что меня сильно печалитъ, это то, что я не получаю писемъ отъ Наталіи Дмитріевны, несмотря, что писалъ въ этомъ году къ ней три письма; не знаю, что думать объ этомъ. Послѣднее ея письмо ко мнѣ было отъ ноября мѣсяца прошлаго года, которое я получилъ 12-го января, и съ тѣхъ поръ ни слова не получаю. Если можно объясни мнѣ, что за причина, что она ко мнѣ перестала писать. Твое послѣднее письмо было въ Читѣ и оттуда ко мнѣ прислано; и мнѣ объяснили почтовую причину, которая очень глупа, но все же для нихъ отговорка. На твоихъ конвертахъ не написано Верхне-Удинскаго округа, а прямо Забайкальская область, въ Петровскій заводъ; вотъ письмо и путешествовало въ Читу лишнихъ 500 верстъ и обратно. Надобно надписывать: Забайкальская область, Верхне-Удинскаго округа, въ Петровскій заводъ.

Съ большимъ любопытствомъ я читалъ въ твоемъ письмѣ разныя курьезныя дѣла, происходящія въ вашихъ странахъ,—признаюсь тебѣ—и радовался, и смѣялся; и что за дѣтская игра: почему бы, кажется, не кончить однимъ разомъ; чего бояться? что за страшилище такое—порядокъ, и видѣть въ другомъ не животное, а человѣка? Конечно, скажу на это,—привычка, понятія старыя и проч.—Да гдѣ же разумъ и чувство теплое къ ближнему. Ты говоришь, что со временемъ все устроится. Слово «со временемъ» я худо понимаю. Много, мнѣ кажется, происходитъ зла отъ этого слова; зачѣмъ то дѣлать завтра, что можно сдѣлать сегодня. Пиши, прошу тебя, объ этихъ дѣлахъ, они меня очень занимаютъ; мы тутъ ничего не видимъ и ничего не знаемъ, кромѣ пустыхъ газетъ,

благодаря хваленой гласности. Ты пишешь ко мнѣ о Гаврилѣ Степановичѣ [1]), но я не знаю, кто это Гавр. Степ., напиши мнѣ, что это за особа. Грѣшно можетъ быть въ этомъ случаѣ завидовать, а завидую ему, что онъ можетъ, когда ему вздумается, ѣхать и въ С.-Петербургъ, и въ Варшаву, и въ деревню. Я бы хотѣлъ съѣздить и къ Бестужеву, и къ Завалишину,—хотя бы у него отдохнуть и поговорить; это не очень далеко, да «не наша ѣда лимоны» !!!—какъ говорятъ русскіе.

Очень радъ, что ты, вздумалъ перестать пить спиртные напитки: эту всякую мерзость я до сихъ поръ не беру въ ротъ, несмотря на то, что даже иногда доктора совѣтуютъ мнѣ выпить чего-нибудь рюмку; но я не слушаю. Я бы тебѣ совѣтовалъ и квасъ бросить употреблять. Эту русскую привычку оставь, я на него глядѣть не могу, и радовался всегда вашему ворчанію въ казематѣ, когда я вамъ дѣлалъ скверный квасъ, чтобы васъ отучить отъ такой гадости; но вижу изъ твоего письма, что вы всѣ не исправились, какъ и русскіе помѣщики, отъ дурныхъ привычекъ. Я ѣмъ въ цѣлый день одного цыпленка, да пью чай, который у насъ теперь хорошъ и дешевъ; ужинъ мой всегда состоитъ изъ базарной грошевой булки и куска сахару, иногда, если деньги лишнія есть, куплю банку варенья и двѣ три ложки варенья съ булкой—вотъ и весь ужинъ. Но дѣло не въ томъ, любезнѣйшій мой Евгеній Петровичъ: часто мое воображеніе играетъ, ну, что бы если бы случилось такъ, мы бы съ тобой въ Калугѣ пошли бы къ Петру Николаевичу ужинать? Онъ бы намъ далъ макароны съ сыромъ и бульономъ, какъ мы часто съ нимъ у него въ казематѣ ужинали. О! тогда

---

[1]) Батенковѣ. Ред.

бы я не только бы выпилъ съ нимъ спиртного и вмѣстѣ, конечно, съ тобою, несмотря на то, что оно теперь тебѣ вредно,—но я готовъ, тогда бы выпить яду, что ты называешь квасомъ. А сколько бы воспоминаній, разговору, разсказовъ о былomъ—прошедшемъ, которыми я только и живу, не зная настоящаго и не имѣя никакого будущаго, и даже рѣшительно—не вѣря ему въ хорошемъ. Прошу тебя убѣдительно, пиши ко мнѣ; я буду къ тебѣ писать, не ожидая твоихъ писемъ. Писалъ бы теперь къ тебѣ больше, но несовсѣмъ здоровъ; да я и разстроенъ немножко: засуха у насъ ужасная, неслыханная, сѣна почти нѣтъ и не будетъ, а это по-заводскому—первый продуктъ для заработка; теперь уже маленькую копну сѣна продаютъ по 1 руб. сер., что же будетъ дальше? Прошу также засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе и мой усерднѣйшій поклонъ передать твоей супругѣ (и мой душевный и сердечный привѣтъ твоимъ дѣтямъ), также равно и добрѣйшей Наталіи Петровнѣ; тебя же заочно обнимаю, жму тебѣ руку и навсегда остаюсь твой

Ив. Горбачевскій.

7.

1862 г., ноября 15-го дня. Петровскій заводъ.

Два письма твоихъ у меня, любезнѣйшій мой Евгеній Петровичъ! и какъ утѣшительно благодарить тебя за память обо мнѣ, за твою готовность писать ко мнѣ и за всѣ извѣстія и подробности, самыя интересныя для меня. Вспомни мою жизнь, я одинъ въ моей казармѣ, ибо въ ней, кромѣ меня и работниковъ, никого нѣтъ; нѣтъ знакомыхъ здѣсь по мысли, ни друзей по сердцу;—тогда будешь хорошо знать, что значитъ для меня получать письма. Благодарю тебя

за все, еще болѣе за присылку портрета Петра Николаевича, отъ котораго я до сихъ поръ не могу глазъ своихъ отвести, такъ онъ хорошъ, такъ онъ мнѣ знакомъ, пожми руку ему за меня, поклонись и скажи, что память его для меня и дорога, и пріятна. Смотря на васъ обоихъ, я забылся на нѣсколько часовъ, легко мнѣ стало, и сколько возродилось воспоминаній! Поздравляю тебя съ прибылью въ твоемъ семействѣ, желаю искренно и отъ души утѣшенія тебѣ въ будущемъ отъ дѣтей твоихъ, а про себя думаю, можетъ быть, будетъ и для меня время, когда я увижусь и познакомлюсь и съ твоимъ Михаиломъ. Первое твое письмо было отъ 8-го сентября, второе отъ 23-го того же мѣсяца; читалъ и читаю ихъ со вниманіемъ. Желалъ бы имѣть твою вѣру въ прекрасную будущность Россіи; желалъ бы твоими глазами и твоими чувствами глядѣть на людей и вѣрить имъ.

Не сокрушайся отъ нашихъ сомнѣній: это въ порядкѣ вещей, всмотрѣвшись въ нашу жизнь. Что вы тамъ дѣлаете, что тамъ происходитъ, мы здѣсь ничего подобнаго не ощущаемъ, ничего новаго не видимъ, ничѣмъ новымъ не пользуемся. Ты скажешь, а 19-е февраля ничего вамъ не принесло? Ничего.—Прочитали въ церкви, разошлись въ раздумьи, потупя головы въ землю. Стариковъ отпустили съ работы въ отставку, и все опять осталось по-прежнему. Отставнымъ приказано составить общество и управленіе, а они сами не знаютъ, что съ собою дѣлать; ихъ учатъ, имъ говорятъ, они ничему не вѣрятъ,—для нихъ будущаго нѣтъ. Одни пошли нищенствовать по деревнямъ, другіе бросились съ отчаянія на золотые пріиски, т.-е. изъ огня въ воду, чтобы тамъ и утонуть навсегда; остальные работаютъ до срока, безпощадно воруютъ и пьютъ

мертвую. Вотъ тебѣ нашъ прогрессъ, вотъ народныя школы, наши права: пей сколько хочешь! Вотъ единственныя улучшенія по части искусствъ и ремеселъ! Ты пишешь, что у васъ есть общественныя дѣла;—здѣсь это слово непонятно и нигдѣ его не услышишь. Здѣсь, кто въ лѣсъ, кто по дрова—это истина въ буквальномъ смыслѣ. Все я говорю вкратцѣ; невозможно въ письмѣ все высказать. Скажу только, что сочувствую и сердцемъ и душой твоимъ мыслямъ и желаніямъ родной странѣ, но—не знаю, почему—не могу раздѣлить твоихъ надеждъ: все въ тебѣ хорошо, прекрасно, кромѣ твоей надежды.

Недавно я получилъ отъ Дмитрія Иринарховича [1]) письмо изъ Читы; жалуется на свое тяжелое положеніе; обремененъ семействомъ, хотя своихъ дѣтей нѣтъ; но у него на рукахъ старуха мать Фил. Осипов. [2]) его покойницы жены, которая до сихъ поръ жива, и еще двое сестеръ бывшей его жены. Его не печатаютъ статей, отъ которыхъ онъ надѣялся получать доходъ, и за это жалуется на Муравьева. Бестужевъ живетъ въ Селенгинскѣ, живъ и здоровъ и обезпеченъ хорошо. О нигилистахъ, о которыхъ ты пишешь и которые представлены въ романѣ Базарова,—они меня не удивляютъ, и ихъ явленіе не есть по-моему новость; мнѣ кажется, они всегда были и будутъ при такомъ порядкѣ вещей. Конечно, они являются въ разные періоды подъ разными названіями, а что они доходятъ даже до смѣшного, и это въ порядкѣ вещей, и они въ этомъ почти не виноваты: гдѣ неопытность, молодость, тамъ и крайности. Поклонись отъ меня Кирѣеву, я очень сожалѣю объ его горѣ; поклонись отъ меня Павлу Сергѣевичу, я

---

1) Завалишина. Ред.
2) Филанцета Осиповна Смолянинова. Ред.

его очень помню и до сихъ поръ люблю его сердечно. Отъ Поджіо изъ Черниговской губерніи давно не получалъ писемъ; отъ Наталіи Дмитріевны, наконецъ, получилъ письмо. Очень радъ я былъ, узнавши, что она здорова; я отъ нея и не требую частыхъ писемъ, и самъ тоже рѣдко къ ней пишу, но скучаю, когда не получаю долго писемъ,—такая уже моя доля въ Сибири. Живу я теперь хуже даже противу прежняго,—работы нѣтъ никакой и ни отъ кого; все дорого такъ, что выписываютъ желѣзо изъ Томска уральское,—гораздо дешевле продается, нежели здѣшнее; здѣсь на мѣстѣ пудъ полосового 2 р. 96 к. серебромъ,—и относительно все дорого; къ тому же сѣно, какъ главный продуктъ для здѣшнихъ работъ, уже теперь 40 и 50 к. сер. за пудъ,—неслыханная вещь; работникъ въ мѣсяцъ стоитъ, кромѣ пищи и нѣкоторой одежды, 8 руб. сер. въ мѣсяцъ, а иногда и 10 р. Что послѣ этого можно пріобрѣсти, при такомъ состояніи цѣнъ?

Всѣ меня просили тебѣ усердно кланяться, и Полик. Павл. и Дмитр. Иван., да еще прибавилъ свой поклонъ и почтеніе старикъ Добрынинъ. Прошу также отъ меня отдать твоему семейству, и старому и малому и всѣмъ мое глубокое почтеніе и мой усердный поклонъ. Чувствительнѣйше благодарю Наталію Петровну за память обо мнѣ; желаю ей здоровья и всего въ мірѣ лучшаго и добраго; свидѣтельствую ей мое глубочайшее почтеніе.

Обѣщаю къ тебѣ почаще писать, но прошу, не считайся моими письмами, пиши, потому что есть о чемъ писать тебѣ: живешь не тамъ, гдѣ мы; у насъ все одно и то же, скука, горе—безнадежность. Обнимаю тебя мысленно и сердечно. Твой навсегда

Ив. Горбачевскій.

8.

Петровскій заводъ, 1863 г. апрѣля 15-го дня.

... Ты спрашиваешь, какъ я живу, чѣмъ занимаюсь, и проч. Тяжко объ этомъ говорить; отвратительно мнѣ стало хозяйство, ни къ чему не ведущее, къ тому же я часто бываю нездоровъ, слѣдовательно, при нравственности здѣшнихъ рабочихъ, это—не хозяйство, а мученіе, убытокъ всегдашній; прежде это было еще сносно, потому что я занимался кое-гдѣ по комиссіямъ золотопромышленниковъ, но теперь, вотъ уже другой годъ, ничего они здѣсь не покупаютъ, по дороговизнѣ заводскихъ издѣлій, которыя гораздо дороже уральскихъ. Шутка сказать, у насъ здѣсь на мѣстѣ, безъ провоза, пудъ полосового желѣза 2 р. 96 к. серебр., а уральское въ Иркутскѣ 3 руб. сер. и лучшее; такое отношеніе приложи ко всѣмъ припасамъ и издѣліямъ. Кто же себѣ врагъ, и кто, слѣдовательно, будетъ здѣсь покупать. Повѣришь ли, вотъ уже второй годъ, и мнѣ не было поручено, ни на копѣйку, чего-либо здѣсь купить: или сдѣлано худо или дорого,—что-нибудь одно; будь этотъ заводъ не въ казнѣ, но въ частныхъ рукахъ, другое было бы. Теперь у меня одно занятіе, что беру иногда подрядъ возить уголь, но тутъ никакой выгоды, напротивъ, всегда убытокъ, взявши въ расчетъ содержаніе людей, лошадей и ремонтъ. Но, скажешь, зачѣмъ же брать невыгодной подрядъ?—и этотъ вопросъ очень натураленъ; но для насъ, бѣдняковъ, онъ очень натураленъ. Если денегъ нѣтъ въ карманѣ ни копѣйки, а надобно купить, заплатить, сдѣлать, приготовить, гдѣ тогда взять денегъ? Одинъ источникъ—взять подрядъ въ казнѣ, а тамъ что будетъ,—о томъ одинъ Богъ

вѣдаетъ; и это такъ убыточно, такъ безтолково, что бѣжалъ бы за тридевять земель, лишь бы избавиться подъ старость такихъ заботъ, по своему роду самыхъ тяжелыхъ для души и мысли. Если бы я былъ сколько-нибудь обезпеченъ впередъ, чего очень бы желалъ, для своего спокойствія, я взялся бы кое-что писать; тѣмъ болѣе это надобно бы сдѣлать, что я изъ южныхъ остался только одинъ, рѣшительно одинъ, который бы могъ собрать въ одно все прошедшее. Меня многіе объ этомъ просятъ, но только просятъ; между тѣмъ забываютъ, что для этого надобно спокойствіе и матеріальное, и душевное.

Очень любопытно для меня твое описаніе засѣданій по общественному дѣлу; мы здѣсь ничего подобнаго не видимъ и не слышимъ; вотъ теперь всѣ до одного отпущены служители на волю, но никакого до сихъ поръ между ними нѣтъ устройства, никому какъ будто до этого дѣла нѣтъ; кто они такіе, что значатъ, что будетъ съ ними, никто сюда не ѣдетъ, ничего не пишутъ; школы нѣтъ, пріюта нѣтъ, ничего нѣтъ въ полномъ смыслѣ слова; но зато у насъ въ заводѣ 18 кабаковъ буквально. Кажется, по всѣмъ правиламъ выдѣлка желѣза должна бы быть больше, при вольномъ трудѣ, но такъ идетъ казенное управленіе, что при обязательной работѣ выдѣлывали въ лѣто 30.000 пудовъ желѣза, а теперь составленъ разсчетъ только на 10.000 пудовъ. Это факты тебѣ самые вѣрные; разсужденія оставимъ въ сторонѣ, для нихъ здѣсь мало мѣста, ты угадаешь, въ чемъ дѣло.

Прошу покорнѣйше отдать мой усердный поклонъ Петру Николаевичу, желая ему всего лучшаго; Поликарпъ Павловичъ кланяется тебѣ усердно, часто меня посѣщаетъ, и всегда у меня съ нимъ о тебѣ разговоръ.

Поклонись отъ меня Кирѣеву, Павлу Сергѣевичу; сегодня же пишу и къ Наталіи Дмитріевнѣ; не пишетъ ли къ тебѣ Поджіо, я отъ него давно не имѣю писемъ. Прощай, мой Евгеній Петровичъ, пиши ко мнѣ, твои письма о всѣхъ васъ—одно мое здѣсь утѣшеніе; будь такъ добръ, не забывай твоего навсегда

Ивана Горбачевскаго.

Засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и мой усердный поклонъ твоей сестрицѣ Наталіи Петровнѣ, супругѣ и твоему семейству, а особенно малымъ—мой сердечный привѣтъ. Пиши мнѣ о нихъ всѣхъ въ своихъ письмахъ, также пиши, отъ какого числа мои письма получаешь. Буду къ тебѣ писать, спрашивай, о чемъ хочешь—отвѣчать буду.

9.

1863 г., іюля 4-го дня, Петровскій заводъ.

Письмо твое, мой дорогой Евгеній Петровичъ, отъ 14-го апрѣля, меня обрадовало; я ужъ не зналъ, что и думать о твоемъ молчаніи, самъ же боялся писать, полагая, что тебя нѣтъ дома, вѣроятно, куда-нибудь уѣхалъ. Письмо твое, странное дѣло, мною здѣсь получено 3-го іюня; гдѣ оно такъ долго ходило, это только одному почтовому департаменту извѣстно, а не намъ, смертнымъ; но все же спасибо, мой любезнѣйшій Евгеній Петровичъ, за твою память и теплыя чувства ко мнѣ. Не можешь себѣ представить, что значутъ для меня ваши письма изъ Россіи. Желалъ бы я, чтобы ты взглянулъ на меня, что со мною тогда дѣлается, получивши изъ Россіи письма; вѣдь это все равно, что кто бы мнѣ отворилъ окошко, сидѣвши въ темной комнатѣ нѣсколько мѣсяцевъ; я все ожидалъ и

теперь ожидаю обѣщанной тобою некрологіи Мих. Мих. [1]); что же не посылаешь, да еще лучше было, если бы ты къ этому и приложилъ бы карточку покойника.

Нѣсколько времени я былъ крѣпко боленъ,—ревматизмъ въ правой ногѣ свалилъ меня въ постель; такая жестокая боль была, что я почти кричалъ, но опіумъ съ каломелемъ утушили этотъ приступъ боли, и хотя не совсѣмъ, но все же теперь съ костылемъ по комнатѣ двигаюсь. Всѣ твои извѣстія такъ для меня любопытны, что я ихъ и чувствомъ и умомъ пожираю, такъ сказать. Это не то для меня, что въ газетахъ пишутъ: тамъ я ничему не вѣрю; мы тамъ всегда побѣдители и правы; всѣ виноваты, кромѣ насъ; народъ—шайка, начальники—разбойники. Я это приписываю бѣдности нашего русскаго языка: на немъ иначе нельзя выражаться, другія слова еще не усвоены имъ.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ несчастной этой Польши, говоришь, что это у васъ тамъ вопросъ жизненный. Я бы сказалъ тебѣ мое мнѣніе, но боюсь быть пристрастнымъ. Ты знаешь, что я малороссъ; мой отецъ покойникъ разсказывалъ мнѣ, что, онъ бывши большимъ уже мальчикомъ, помнитъ, когда наши церкви были на откупу у жидовъ; говаривалъ, что онъ бывалъ за границею въ молодыхъ лѣтахъ, т.-е. за Днѣпромъ, и былъ свидѣтелемъ, какъ иногда католическіе студенты били православныхъ священниковъ и ихъ всячески оскорбляли. При имени ляха онъ дрожалъ и эту дрожь передалъ намъ своимъ дѣтямъ, разсказывая о бѣдствіяхъ своей любезной Малороссіи. Я хотя и теперь дрожу при имени ляха, но у меня

[1]) Нарышкина. Ред.

въ головѣ уже не то, что у нашихъ было, и помню слезы моей матери, когда она намъ разсказывала, что хотя церкви и были свободны отъ опекуновъ, но все же по какому-то вліянію жида они ему платили и льстили, чтобъ онъ съ ляхомъ не ворчали; разсказывала (и при этомъ всегда плакала), какъ они прятались, чтобы тихонько отъ ляха и жида учиться русской или славянской грамотѣ и читать на славянскомъ языкѣ молитвы. Ну, сохрани Боже, объ этомъ узнаетъ ляхъ, или ксендзъ, или жидъ,—бѣда, разореніе цѣлому дому. Я могъ бы томы написать подобныхъ разсказомъ моихъ стариковъ, но время ли теперь такое, чтобы русскимъ мстить за старое; въ томъ ли теперь вопросъ? Жаль мнѣ крѣпко, что не имѣю времени все написать разсказы нашихъ стариковъ; передать ихъ дрожь отъ имени ляха, ихъ ненависть къ нимъ и описать наше поколѣніе и ихъ взглядъ на вещи.

Такъ, мой Евгеній Петровичъ, оставимъ всѣ эти вопросы: они мутятъ мои мысли и коробятъ мое сердце. Скажу тебѣ, что нечаянно для меня получилъ позволеніе жить въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Я бы этому обрадовался, если бы была возможность мнѣ ѣхать; но ѣхать на неизвѣстное, жить съ людьми, которыхъ не знаю, хотя и считаются родными, что я буду тамъ дѣлать и проч. Бросить свой уголъ, все это меня удерживаетъ; что будетъ дальше—не знаю, послѣ тебѣ скажу. Конечно, если мнѣ удалось бы поѣхать, я бы хотя на нѣсколько часовъ свернулъ бы на Калугу, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Завалишина изъ Читы, противъ его желанія, перевели въ Казань, и его туда, какъ говорятъ, везутъ. Онъ не хотѣлъ ѣхать до смерти своей тещи, которой

85 лѣтъ, но теперь долженъ ѣхать; ожидаю отъ него письма. Повѣришь ли, у насъ здѣсь все такъ по-старому, что какъ при тебѣ было, такъ и до сихъ поръ все идетъ; такъ ли это у васъ? вы этимъ не хвалитесь, какъ мы.

Мое глубочайшее почтеніе и мой искренній поклонъ всему твоему родному; обнимаю и жму руку твою.

Твой навсегда

Ив. Горбачевскій.

Прошу тебя, упоминай, какія письма, т.-е. отъ котораго числа получаешь.

Петру Николаевичу мое глубочайшее почтеніе и мой сердечный привѣтъ и поклонъ.

Прошу тебя, напиши мнѣ когда-нибудь о своихъ дѣтяхъ подробнѣе,—вѣдь по чувству они мнѣ близкія.

10.

1863 г., сентября 19-го дня. Петровскій заводъ.

Миръ мнѣ и прощеніе, мой дорогой Евгеній Петровичъ! Я получилъ давнымъ давно твое письмо и до сихъ поръ не отвѣчалъ; исторія моего молчанія всегда почти одна и та же. Грусть, тоска и нездоровье, эти вещи иногда меня такъ одолѣваютъ, что рука не подымается взять перо; теперь же особенныя были причины молчанія, но всегда помнилъ и совѣсть меня мучила за то, что не писалъ къ тебѣ. Я получилъ твое письмо 15-го іюля; оно было отъ 5-го іюня, и несмотря на то, что оно мнѣ было прислано изъ Читы, все таки скоро пришло ко мнѣ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Пишу къ тебѣ, и въ душѣ и въ сердце отзывается безпрестанно чувство моей тебѣ благодарности;—такъ мнѣ

утѣшительно читать твои письма, такъ мнѣ тогда легко и радостно думать, что меня помнишь и говоришь со мною; да сохранитъ тебя все доброе и разумное отъ сомнѣній въ правдѣ, что пишу и говорю. Еще не писалъ и потому, что дважды былъ боленъ; я купался, и вѣтеръ былъ очень сильный и холодный; получилъ отъ того горячку и сильный ревматизмъ въ правой ногѣ. Съ этимъ я возился почти мѣсяцъ; потомъ повторилось отъ нетерпѣнія и неосторожности; послѣ ѣздилъ въ Селенгинскъ по разнымъ дѣламъ, можно сказать, пустымъ, видѣлъ Бестужева, пробылъ у него сутки, воротился домой. Мих. Алекс. живетъ спокойно,—сидитъ дома и тоже окруженъ дѣтьми, которыхъ у него теперь четверо; собирался въ Россію, но теперь покуда остался, чтобы подросли дѣти. Пріѣхавши отъ Бестужева, я получилъ письмо изъ Верхне-Удинска, что тамъ проѣздомъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ. Я тотчасъ же взялъ подорожную и туда уѣхалъ. Засталъ его еще въ городѣ и узналъ отъ него, что ему вышелъ отъ высшаго начальства приказъ уѣхать изъ Читы въ Казань на жительство; его очень огорчило; бросилъ въ Читѣ безо всего свое семейство, покуда не напишетъ и не пришлетъ денегъ, чтобы его перевезти туда же, гдѣ онъ самъ будетъ жить. Все это печально,—и насъ осталось теперь только двое за Байкаломъ, я думаю, и въ цѣлой Сибири: я да Мих. Бестужевъ. Журнальныя статьи и переписка съ начальствомъ, все это, какъ кажется, заставило начальство удалить «съ сихъ прекрасныхъ мѣстъ» Дм. Иринарховича. Онъ рѣшительно убитъ, такъ его эта нечаянность поразила; ему жаль семейства, съ которымъ жилъ съ 39 года; насчетъ всего другаго онъ споко-

енъ. Бывши въ Читѣ, ты, я думаю, слышалъ отъ нашихъ дамъ о Филанцетѣ Осиповнѣ; это теща Дмит. Иринар., ей теперь 85 лѣтъ, и ей надобно ѣхать въ Казань. Завалишинъ просилъ меня, когда пришлетъ денегъ, провезти ее чрезъ Байкалъ до Иркутска; я обѣщалъ, но какъ это сдѣлать? Какимъ образомъ такую дряхлость довезти до Иркутска, не только до Казани, этого я не знаю; все осталось до будущаго. При ней еще двѣ дочери и тѣ больныя. Дмит. Ирин. съ ними простился, какъ съ мертвыми; онѣ въ это время, какъ ему ѣхать, были въ обморокѣ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ твоемъ письмѣ о вашихъ посредникахъ, о вашихъ крестьянахъ,— все это прекрасно, все это хорошо; видно движеніе во всемъ. Даже намъ здѣсь жившимъ [живущимъ] странно читать, видя здѣшній застой; мы не знаемъ никакого передвиженія, у насъ, какъ кажется, все по-старому. Правду сказать, и у насъ есть маленькое движеніе—вѣдь надобно же другому обойти въ день 23 кабака, это не шутка,—все же надобно двигаться. Но мало этого бѣдствія, у насъ съ начала весны не было ни капли дождя, а теперь въ сентябрѣ мѣсяцѣ пошли проливные дожди, потомъ снѣгъ до колѣна, и все это вдругъ обратилось въ воду, такъ что всѣ рѣки вышли изъ береговъ; хлѣбъ, сѣно—все унесло. Можешь судить о полноводіи одной Селенги,—что домъ Курбатова, который ты знаешь, рѣшительно теперь стоитъ въ водѣ, и по этой улицѣ ѣздятъ на лодкахъ; у насъ уже теперь хлѣбъ на базарѣ за пудъ платятъ 1 р. серебромъ, что же будетъ дальше, и каково бѣднымъ жить при такой дороговизнѣ; какимъ образомъ хозяйничать при такомъ состояніи цѣнъ на всѣ жизненные припасы?

Я бы съ большой охотой занялся литературными произведеніями, о которыхъ ты пишешь. Эта охота и тяжесть на душѣ у меня лежатъ; но какъ приступить къ этому, при моихъ заботахъ и хлопотахъ этого проклятаго хозяйства, которое бы, если бы я былъ обезпеченъ на годъ, на два, чтобы ни о чемъ не думать, и имѣть одно занятіе,—я бы его бросилъ за грошъ, лучше сказать, не знаю, какъ сказать,—я бы все бросилъ въ грязь и остался бы одинъ спокоенъ и дѣлалъ бы то, что необходимо нужно для многихъ и даже для пользы своей, гораздо [болѣе] выгодной этого хозяйства и разныхъ глупыхъ подрядовъ разорительныхъ. Не говори мнѣ, мой Евгеній Петровичъ, что нужно все вмѣстѣ дѣлать,—нѣтъ и нѣтъ, по крайней мѣрѣ для меня; я не люблю средины и никогда не могъ эту, какъ говорятъ, благоразумную вещь исполнить и исполнять; мой глупый характеръ—не могу ни любить хладнокровно, ни ненавидѣть благоразумной серединой; не могу дѣлать какъ-нибудь и что-нибудь,—даже ходить не могу тихо, не могу имѣть работу и чтобы быть при этомъ хладнокровну. Я спокоенъ тогда, какъ ты самъ, я думаю, у меня замѣтилъ, когда мы жили вмѣстѣ,—я спокоенъ въ казематѣ и на своей постели съ книгой въ рукахъ, и то если она по мнѣ. Занятіе занятію не должно мѣшать, такъ я думаю, а тѣмъ болѣе хозяйство, котораго я никогда не любилъ и не люблю. Я хорошъ экономъ для чужихъ денегъ, но о своихъ я не думаю. Тѣмъ болѣе мнѣ надобно перемѣнить же родъ занятій, это моя необходимость; я старъ сталъ, часто нездоровъ, я бы радъ былъ занятію, которое бы только говорило моему уму и сердцу—вотъ въ чемъ моя дума безпрестанная, которую я не

могу исполнить, потому что бѣденъ. Но я бѣденъ только относительно другихъ и моихъ намѣреній. Для спокойствія тоже душевнаго и физическаго желалъ бы имѣть нѣкоторое обезпеченіе для жизни; силъ и способовъ по мѣсту жительства на это у меня не достаетъ; однако же, я богатъ тоже относительно тѣхъ, которые мнѣ работаютъ, со мною живутъ, и которые, вертясь около меня, питаются, а ихъ много для меня. Сказать имъ всѣмъ—поди прочь, на это не достаетъ у меня силъ, отпустить человѣка безъ ничего; если ты бѣдному и нищему въ состояніи сказать—поди прочь, напиши мнѣ,—я попробую тебѣ подражать. Я съ тобою говорю откровенно, зная, что ты объ этомъ никому не скажешь; пишу единственно все тебѣ такъ подробно для того, чтобы ты зналъ мое положеніе, мое состояніе духа, и отчего я иногда бываю и раздражителенъ и пишу иногда вздоръ и глупости. Ты спросишь, почему я не ѣду въ Россію; съ чѣмъ, какъ, куда, зачѣмъ, къ кому,—разбери всѣ эти слова по одиночкѣ, тогда и оправдаешь меня.

Одно мое утѣшеніе читать; одно мое спокойствіе сидѣть дома, и я нигдѣ ни у кого не бываю, рѣдко выхожу; одно мое развлеченіе, если кто-нибудь ко мнѣ придетъ изъ старыхъ знакомыхъ—вотъ моя жизнь; прибавь къ этому дряхлаго и слѣпаго Насонова и тому подобныхъ, которые меня часто посѣщаютъ и за совѣтомъ, и за лекарствами, и зачѣмъ-нибудь другимъ. Вотъ заботы пріятныя для души, но иногда отъ нихъ сердце болитъ.

Весь этотъ вздоръ не тебя, а меня касается. Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Польшѣ и тѣхъ безпорядкахъ, которые тамъ теперь. Объ этомъ лучше пого-

ворить было бы, но я этого вопроса боюсь; боюсь сдѣлать ошибку по чувству любви къ ближнему; боюсь сдѣлать тоже ошибку по разсудку, ибо не знаю причинъ pro и contra. Судить объ этомъ справедливо по однѣмъ газетамъ, не знавши общественнаго мнѣнія и настоящаго дѣла, трудно, и для того оставляю все до будущаго; только прошу тебя, продолжай также объ этомъ писать, какъ ты писалъ, для меня это самое лучшее.

Допотопные костяки, каковы Насоновъ, Первухинъ и Поликарпъ Павловичъ, свидѣтельствуютъ тебѣ глубочайшее почтеніе и убѣдительно меня просили тебѣ кланяться. Послѣдній часто у меня бываетъ, и всегда у насъ разговоръ о тебѣ, глядя на твой портретъ; мы за одно тоже всѣхъ тутъ же и вспомнимъ. Надняхъ получилъ письмо отъ сына Евгенія, онъ гдѣ-то служитъ на кораблѣ въ Желтомъ морѣ, какъ пишетъ, по духовному вѣдомству. Поджіо ко мнѣ пересталъ писать; я слышалъ отъ кого-то, что будто бы онъ уѣхалъ за границу,—правда ли это? Мой усерднѣйшій поклонъ, мой душевный привѣтъ Петру Николаевичу и всѣмъ, съ кѣмъ ты изъ нашихъ въ перепискѣ. Письмо твое—отъ 15-го іюня, а я уже почти готовъ жаловаться, что отъ тебя такъ долго нѣтъ писемъ; но я еще благодарю тебя за неоставленіе меня своею памятью, чувствами своими близкими мнѣ, и все это для меня дорого и поддерживаетъ меня переносить бодро все, что ни есть со мною. Прощай, мой Евгеній Петровичъ, будь здоровъ, пиши ко мнѣ почаще, не смотри на меня, что рѣдко пишу; брани меня за это, но пиши, я обѣщаю тебѣ писать тоже почаще; обнимаю тебя мысленно и—навсегда твой

Ив. Горбачевскій.

Само собою разумѣется,—домашнимъ твоимъ мой усерднѣйшій поклонъ, и засвидѣтельствуй мое глубокое почтеніе; дѣтямъ твоимъ, какъ роднаго, мой поцѣлуй.

11.

1864 г., мая 1-го дня. Петровскій заводъ.

... Всѣ ваши тамошнія перемѣны, конечно, меня лично радуютъ, но для насъ, сибиряковъ, ничего онѣ не значатъ—намъ здѣсь отъ нихъ не лучше и не хуже; у насъ все по-старому: тѣ же порядки, тотъ же произволъ, та же дичь въ промышленности и во всей жизни. Можетъ быть, говорятъ здѣсь, нужны для Россіи улучшенія, но для Сибири ихъ не нужно,—все хорошо; и если бы кто изъ васъ пріѣхалъ сюда (что Боже сохрани!), то нашелъ бы все такъ, какъ было въ 1826 году. Это я говорю правду, для тебя особенно это должно быть и видимо и ясно.

Говорятъ, что отъ столицы до Иркутска уже давно проведенъ телеграфъ, но все же намъ не легче; вчера здѣсь получено письмо изъ Иркутска, въ которомъ пишутъ, что въ эту столицу Восточной Сибири не получено п я т н а д ц а т ь почтъ, по случаю скверной дороги; это пишу къ тебѣ для того, что я уже другой мѣсяцъ ни единаго слова не получаю изъ Россіи; телеграфъ, разумѣется, сдѣланъ для богатыхъ, 50 коп. серебр. за каждое слово до Петербурга положена цѣна.

Бестужевъ, Мих. пишетъ ко мнѣ, что самъ нездоровъ, и дѣти его тоже больны; все собирается ѣхать въ Москву, но когда это будетъ, не знаю; вѣроятно, ты когда-нибудь увидишься съ Дмитр. Ирин.; онъ давно уже въ Москвѣ...

Не знаю, просить ли тебя, чтобы ты писалъ ко мнѣ чаще; совѣстно мнѣ объ этомъ безпокоить, и лучше полагаюсь на твою память и доброе твое сердце; вспомни, гдѣ я живу, и что должны быть для меня письма тѣхъ, съ которыми я связанъ навсегда и душевно и мысленно; у меня нѣтъ родныхъ другихъ, кромѣ васъ всѣхъ; жму твою руку, обнимаю тебя мысленно, благодарю за письма и остаюсь твой навсегда

Ив. Горбачевскій.

Каково здоровье Павла Сергѣевича? Мой ему душевный привѣтъ, также и Ивану Васильевичу, почему бы ему когда-нибудь не написать.

III.

Три письма И. И. Горбачевскаго къ М. А. Бестужеву [1]).

1.

1861 г., іюня 7 дня. Петровскій заводъ.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

Въ 8 часовъ утра я съ тобой разстался; долго смотрѣлъ я съ берега на твою сидѣйку, и когда ты скрылся за свои ворота, я двинулся берегомъ и уже въ 7 часовъ утра сегодня былъ дома. Благодарю тебя за твоихъ лошадей; очень хорошо Никифоръ насъ доставилъ до Дороѳеича; тотъ тотчасъ далъ хорошихъ лошадей, и вечеромъ я былъ уже въ Мухоръ-Шибирѣ; а этотъ переѣздъ въ путешествіи въ Селенгинскъ есть главное дѣло,—прочій путь на почтовыхъ нипочемъ. Сегодня утромъ такой былъ морозъ, что рѣшительно въ грязи вода замерзла, поля были покрыты бѣлымъ снѣгомъ, и мы всѣ ѣхали въ шубахъ,—не забудь—это 7 іюня.

Ты меня обвиняешь часто, что я рѣдко бываю у тебя. Теперь я думаю еще рѣже буду ѣздить, потому

---

[1]) Письма печатаются съ копіи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петроградѣ. Исправлена орѳографія подлинника, и раскрыты сокращенія именъ. Второе письмо было опубликовано П. Е. Щеголевымъ въ приложеніяхъ къ газетѣ «День» за 1913 г., но безъ окончанія списка декабристовъ, составленнаго Горбачевскимъ для Бестужева. Первое и третье письмо появляются въ печати впервые. Ред.

что мнѣ тяжело и грустно было покидать твоихъ малютокъ; такое они на меня произвели впечатлѣніе, что какъ будто совѣстно ихъ огорчать разлукою; и посуди самъ,—пріѣхать на три дня, раздразнить себя воспоминаніями, равно и тебя; надѣлать безпокойства Маріи Николаевнѣ [1]), а главное дѣтей приласкать, полюбить и потомъ ихъ и себя огорчить разлукою; что жъ тутъ хорошаго? Нѣтъ, надобно ѣздить къ тебѣ въ 10 лѣтъ одинъ разъ.

Борисъ Васильевичъ [2]) завтра ѣдетъ къ вамъ; посылаю съ нимъ къ тебѣ твои книгу и тетрадь. У насъ все по старому, и Ник. Ник. [3]) еще нѣтъ. Буду послѣ почты для тебя приготовлять обѣщанное. Я сегодня получилъ письмо отъ Оболенскаго изъ Калуги; особеннаго ничего нѣтъ; письмо отъ 7-го февраля; удивительно, гдѣ оно лежало такъ долго.

Волковъ посылаетъ къ тебѣ записку. Выходитъ, что какой-то матросъ подавалъ прошеніе о возвращеніи изъ Сибири въ Россію, и черезъ это ихъ всѣхъ простили. Волкова весною требовали въ волость (въ Мухоръ-Шибиръ). Спрашивали его, желаетъ ли онъ возвратиться и прочее; и все до сихъ поръ съ прошлаго года нѣтъ толка. Онъ ходилъ и къ Жуковскому; тотъ ему все обѣщалъ и до сихъ поръ молчитъ.

Кланяйся и отдай мой сердечный привѣтъ и поклонъ и мое глубокое почтеніе Маріи Николаевнѣ; дѣтей твоихъ обнимаю и цѣлую. Саша сегодня раз-

---

[1]) Жена Бестужева, урожд. Селиванова. Ред.

[2]) Бѣлозеровъ—купецъ въ Петровскомъ заводѣ, сосѣдъ Горбачевскаго. Ред.

[3]) Дубровинъ—управляющій Петровскаго завода. Ред.

сказываетъ цѣлый день своимъ роднымъ о Колѣ и Лелѣ.

Прощай, будь здоровъ. Твой навсегда

Ив. Горбачевскій.

Вещи для Дмитрія Дмитріевича [1]), которому крѣпко поклонись, заказаны уже; также и для Ѳедосіи Дмит. [2]) и Катер. Захарьев.

2[3]).

1861 г., іюня 12 дня, Петровскій заводъ.

Ты меня просилъ, когда я былъ у тебя, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, чтобы я написалъ тебѣ списокъ нашихъ товарищей по разрядамъ; гдѣ и когда, кто изъ нихъ былъ арестованъ, и гдѣ онъ содержался и умеръ; или же кто живъ теперь, гдѣ находится—въ Сибири или въ Россіи. Сколько могу припомнить вотъ тебѣ списокъ [4]).

1. Пестель. Былъ арестованъ въ Тульчинѣ или въ штабѣ полка Вятскаго, не помню,—но только въ самый день 14 декабря 1825 года. Потомъ содержался въ Петербургской крѣпости въ Алексѣевскомъ равелинѣ; какъ извѣстно, повѣшенъ, но съ веревки не сорвался, какъ другіе его товарищи.

---

[1]) Старцева, селэнчинскаго купца, съ которымъ водили знакомство многіе декабристы. Ред.

[2]) Старцевой. Ред.

[3]) Къ этому письму Горбачевскаго Бестужевъ сдѣлалъ кое-гдѣ примѣчанія на поляхъ. Эти примѣчанія печатаются здѣсь подъ строкою съ помѣткою: М. Б.—Ред.

[4]) Изъ этого списка здѣсь печатаются только отрывки, которые содержатъ какія-либо воспоминанія и разсказы Горбачевскаго о товарищахъ и частью дополняютъ его «Записки», частью даютъ къ нимъ параллельные варіанты. Остальная (большая) часть списка представляетъ сухія даты и указанія мѣстъ ареста и заключенія того или иного декабриста. Ред.

2. Рылѣевъ. Не знаю, въ какое время арестованъ и гдѣ. Повѣшенъ, но съ веревки не сорвался. Содержался въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

3. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Арестованъ сначала былъ около Василькова, Кіевской губерніи въ деревнѣ Трилѣсы, въ квартирѣ поручика Кузмина, который со своею ротою Черниговскаго полка въ этой деревнѣ квартировалъ. Кузмина въ это время дома не было; онъ былъ въ Васильковѣ съ прочими членами Славянскаго общества, ожидая пріѣзда Муравьева-Апостола обратно изъ Житомира. Но получивши записку отъ Горбачевскаго, чрезъ посланнаго имъ въ Черниговскій полкъ подпоручика Андреевича, они уѣхали изъ Василькова тотчасъ же въ Трилѣсы по разнымъ дорогамъ съ тѣмъ, чтобы, встрѣтя на дорогѣ Муравьева, отбить его и освободить изъ подъ ареста. Кузминъ и Соловьевъ поѣхали по одной дорогѣ, Сухиновъ и Щепила—по другой; но не встрѣтя Муравьева, они пріѣхали почти въ одно время въ Трилѣсы и освободили Муравьева-Апостола съ братомъ его Матвѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ. Вслѣдствіе этого было возстаніе Черниговскаго полка. Все это происходило 29-го декабря 1825 г. 30-го декабря пришли съ ротами въ Васильковъ; 31-го декабря 1825 г. былъ отдыхъ и собирались въ походъ; 1-го генваря 1826 г. былъ молебенъ на площади,—священникъ прочиталъ передъ полкомъ краткую выписку изъ Русской Правды, и двинулись въ походъ; подъ Трилѣсами или за Трилѣсами (та же самая деревня) встрѣтились съ гусарами и съ артиллеріею конною генерала Гейсмара (войска Гейсмара были безъ офицеровъ, тоже и артиллерія), который войска Муравьева лучше сказать

разстрѣлялъ, чѣмъ разбилъ. Тутъ же былъ арестованъ раненый картечью въ голову, упавшій съ лошади Сергѣй М.—Апостолъ [1]). Числа всѣ надобно повѣрить послѣ, но кажется, какъ помню, пишу вѣрно).

Тутъ много любопытныхъ подробностей, которыя надо читать въ запискахъ, если бъ удалось ихъ написать; а это мнѣ завѣщалъ самъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, прощаясь со мной въ послѣдній разъ ночью съ 14 на 15 сентября 1825 года подъ Лещинымъ въ лагерѣ [3]).

Странная вещь,—въ это время, когда мы въ его балаганѣ разговаривали, я нечаянно держалъ въ рукахъ его головную щетку; прощаясь я ее положилъ къ нему на столъ; онъ, замѣтя, взялъ во время разговора эту щетку, началъ ею мнѣ гладить мои бакенбарды (такъ, какъ это дѣлалъ часто со мною твой братъ Николай); потомъ поцѣловавши меня горячо, сказалъ:

— Возьмите эту щеточку себѣ на память отъ меня; — потомъ прибавилъ: — Ежели кто изъ насъ двоихъ останется въ живыхъ, мы должны оставить свои воспоминанія на бумагѣ; если Вы останетесь въ живыхъ, я Вамъ и приказываю, какъ начальникъ Вашъ по обществу нашему, такъ и прошу, какъ друга, кото-

---

1) Братъ Муравьева Ипполитъ не могъ пережить пораженія и застрѣлился на полѣ битвы. Кузминъ былъ раненъ на вылетъ картечью въ лѣвый бокъ; Щепила былъ убитъ. Кузмина, Соловьева, Сухинова, Мозалевскаго [2]) и Быстрицкаго арестовали тутъ же. Когда привезли ихъ на ночлегъ въ крестьянскую холодную мазанку, они нашли тутъ же раненаго Серг. Муравьева, и Кузминъ, воспользовавшись минутою, когда упавшему въ обморокъ Муравьеву бросились помогать, застрѣлился большимъ пистолетомъ, который онъ скрылъ подъ шинелью.

2) Мозалевскій былъ арестованъ въ Кіевѣ. Ред.

3) Это пропусти въ своемъ разсказѣ; это только для тебя пишу.

раго я любилъ почти также, какъ Михайлу Бестужева-Рюмина, написать о намѣреніяхъ, цѣли нашего общества, о нашихъ тайныхъ помышленіяхъ, о нашей преданности и любви къ ближнему, о жертвѣ нашей для Россіи и русскаго народа. Смотрите, исполните мое Вамъ завѣщаніе, если это только возможно будетъ для Васъ.

Тутъ онъ обнялъ меня, долго молчали отъ грустной разлуки, наконецъ, еще обнявшись, разстались навѣки. Тутъ все я пропускаю, что мы говорили, и какія наши были тайныя намѣренія, и о чемъ я его упрашивалъ;—все это, все это должно быть въ запискахъ, если онѣ когда-либо будутъ написаны. Но вотъ еще о чемъ я тебѣ хотѣлъ сказать: не знаю по какому случаю, я эту щетку положилъ въ боковой карманъ моей шинели (въ то время, какъ я былъ у Муравьева-Апостола, я былъ въ мундирѣ, и шелъ дождь,—вотъ, я думаю, отчего она очутилась въ шинели) и она въ этомъ карманѣ оставалась до самаго моего ареста, потому, вѣроятно, что я мало на нее обращалъ вниманія, и не до того было. Такъ она со мной и пріѣхала съ арестованнымъ въ Петербургъ; вѣроятно, во время дороги и отъ долгаго времени, карманъ разодрался, и она провалилась въ самый низъ полы шинели, между сукномъ и подкладкой. Вообрази, эта щетка сохранилась, отъ всѣхъ обысковъ во дворцѣ, въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ, въ Кексгольмѣ, въ Сибири и осталась до днесь со мною и у меня и теперь. Трубецкой всѣ силы употреблялъ, чтобы у меня ее выманить какъ-нибудь, наконецъ, давалъ мнѣ за нее 500 рублей серебромъ и писалъ, что, если я вздумаю ее продать или отдать, то чтобы во всякомъ случаѣ, она ему бы досталась. Поджіо, видѣвшись со

мной въ послѣдній разъ въ Верхне-Удинскѣ въ 1859 году, предлагалъ мнѣ 1.000 рублей серебромъ, или отдать ее ему такъ, на память его дочери Варварѣ. Теперь у этой щетки волосы почти всѣ выпали, самъ не знаю отчего,—почти осталось одно древко; но я не могу съ нею разстаться, такъ она мнѣ дорога, несмотря на всѣхъ покупщиковъ (а ихъ было много) и мои нужды.—Но я заговорился и отступилъ отъ разсказа, по случаю этой головной щеточки.

Арестованнаго раненаго и больного Муравьева-Апостола увезли тотчасъ въ Петербургъ. Говорю тебѣ за вѣрное и несомнѣнное, что я знаю его разговоръ во дворцѣ съ государемъ; видѣлъ его въ домѣ коменданта и его четырехъ товарищей, передъ тѣмъ, когда намъ читали сентенціи передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ [1]). Потомъ, послѣ сентенціи, въ ту ночь, когда его и его товарищей вели изъ крѣпости на казнь, я сидѣлъ въ казематѣ въ то время уже не въ Невской куртинѣ, а въ кронверкѣ, и ихъ мимо моего окна провели за крѣпость. Надобно же такъ случиться, что у Бестужева-Рюмина запутались кандалы, онъ не могъ итти далѣе; каре Павловскаго полка какъ разъ остановилось противъ моего окна; унтеръ-офицеръ пока распуталъ ему и поправилъ кандалы, я, стоя на окошкѣ, все на нихъ глядѣлъ; ночь свѣтлая была... Каре тронулось, и, когда черезъ часъ насъ

---

[1]) Это была счастливая случайность. Каждый разрядъ для слушанія сентенціи собирали въ особыя комнаты, кругомъ установленныя павловскими гренадерами. Дверь изъ комнаты, гдѣ былъ собранъ 1-й разрядъ, распахнулась въ ту комнату, гдѣ стояли пятеро висѣльниковъ; я и многіе бросились къ нимъ. Но мы только успѣли обняться, насъ и разлучили.

вызвали въ каре, тоже итти на казнь, и когда мы пришли за крѣпость, то передъ нами стояла на валу одна висѣлица съ пятью петлями. Это было въ два часа ночи съ 12 на 13-е іюля 1826 года. Не знаю, гдѣ ты былъ въ это время,—я не успѣлъ у тебя спросить,—кажется, васъ всѣхъ, гвардейскихъ офицеровъ взяли въ особенныя каре, и васъ уже казнили передъ своими полками; мнѣ сказывалъ Барятинскій.

Муравьевъ-Апостолъ сорвался съ веревки; не знаю, лопнула ли она отъ тяжести, или сорвалась, но онъ полетѣлъ внизъ, когда у нихъ вырвали скамейку изъ-подъ ногъ; онъ сильно ушибся, кровь лилась съ его лица; съ нимъ вмѣстѣ сорвались, каждый со своей петли, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій. Когда ихъ подняли палачи, Муравьевъ и Бестужевъ поворотились задомъ и пожали другъ другу руки (руки были связаны назадъ); Каховскій же въ это время, пока приготовляли новыя петли, ругалъ безпощадно исполнителя приговора, тутъ же бывшаго генералъ-губернатора петербургскаго Голенищева-Кутузова. Ругалъ такъ, какъ ни одинъ простолюдинъ не ругается. «Подлецъ, мерзавецъ, у тебя и веревки крѣпкой нѣтъ; отдай свой аксельбантъ палачамъ, вмѣсто веревки» и проч... Ихъ троихъ въ скорости опять вторично повѣсили. Говорили и говорятъ, что Пестель, Рылѣевъ и проч. оторвались;—пустяки,—я это знаю полжительно, что Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій были такъ несчастны, что вытерпѣли такую муку; Рылѣевъ же и Пестель сразу повисли. Объ этомъ въ нашей куртинѣ не только разсказывалъ самъ плацъ-майоръ Подушкинъ и плацъ-адъютанты, но еще мнѣ разсказывалъ офицеръ Волковъ, бывшій при самой ви-

сѣлицѣ во время казни; и всѣ разсказывали въ одно и то же слово. Всѣ пять тѣлъ мучениковъ положили въ одинъ ящикъ и спрятали въ комнатѣ, которая была сдѣлана въ валу, гдѣ они и до смерти своей содержались, пока итти на петлю. Народу послѣ сказали, что тѣла ихъ брошены въ воду крѣпостного канала, и народъ все смотрѣлъ въ воду, говорятъ, цѣлый день; одни приходили смотрѣть въ воду; другіе уходили, ничего не видавши и кивая головами. Съ 13-го на 14-е іюля, ящикъ съ тѣлами пятерыхъ увезли на какой-то островъ Финскаго залива и закопали въ яму, вмѣстѣ съ известкою. Работали яму и прочее, говорятъ, солдаты инженерной команды Петербургской крѣпости вмѣстѣ съ палачами. Одни говорятъ, что тѣла похоронены за Смоленскимъ кладбищемъ на островѣ, другіе— около завода тоже на островѣ. Положительно объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ не знаю [1]).

Много бы я тебѣ сказалъ о моихъ сношеніяхъ съ Муравьевымъ-Апостоломъ, и что мы дѣлали, что говорили, что намѣревались дѣлать, и что былъ онъ за человѣкъ. Это теперь не пишу; это все не слѣдуетъ къ твоимъ вопросамъ въ настоящее время.

4. Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ. Былъ юнкеромъ въ старомъ Семеновскомъ полку; за бунтъ въ 820 г. переведенъ офицеромъ въ полтавскій пѣхотный полкъ и жилъ всегда у Муравьева-Апостола. Повѣшенъ, оторвался и опять повѣшенъ. Я многое о немъ знаю.

---

[1]) Ихъ схоронили на Голодаѣ, за Смоленскимъ кладбищемъ и, вѣроятно, недалеко отъ Галерной Гавани, гдѣ была гауптвахта, потому что съ этой гауптвахты наряжались часовые, чтобы не допускать народъ на могилу висѣльниковъ. Это обстоятельство и было поводомъ, что народъ повалилъ туда толпами. Хорошіе секреты! М. Б.

5. Каховскій. Не знаю его,—повѣшенъ и оторвался, опять повѣшенъ [1]).

1-й разрядъ.

... 4. Борисовъ 2-й (Петръ). Основатель славянскаго общества, цѣлью котораго было освобожденіе всѣхъ славянъ въ Европѣ и соединеніе ихъ въ одну федеративную республику. Арестованъ на квартирѣ у Горбачевскаго, къ которому онъ пріѣхалъ изъ Ново-

---

[1]) Сорвались съ петли изъ пяти висѣльниковъ—точно трое: М. Бестужевъ, С. Муравьевъ и третій, ты говоришь, Каховскій, я утверждаю—Рылѣевъ. Ты основываешь свое убѣжденіе на словахъ плацъ-майора Подушкина, плацъ-адъютантовъ и офицера Волкова; но изъ всѣхъ изъ нихъ свидѣтельство только Волкова, какъ единственнаго личнаго свидѣтеля принять должно; всѣ прочіе говорили по слухамъ. Но какъ могъ знать Волковъ, кто Каховскій, кто Рылѣевъ? У кого онъ могъ спросить объ этомъ? Не у палача же, не у Кутузова же!

Сверхъ того тюремная жизнь морально такъ измѣнила всѣхъ насъ, что братъ Николай едва призналъ Рылѣева, когда въ Алексѣевскомъ равелинѣ они бросились другъ другу на шею. И чтобы яснѣе доказать тебѣ, что молодой офицеръ Волковъ, присутствуя по обязанности на такой страшной экзекуціи при благородствѣ его чувствъ, что онъ тебѣ потомъ доказалъ въ Кексгольмѣ,—онъ былъ ошеломленъ, онъ былъ нравственно уничтоженъ ужасомъ совершившейся предъ его глазами драмы. Въ доказательство сему я приведу его же свидѣтельство, повторенное тебѣ, что, когда висѣльники сорвались съ петли, они приблизились другъ къ другу и пожали связанныя руки на вѣчное прощаніе. Они сдѣлать этого не могли по двумъ очень уважительнымъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что упавши, на порогѣ смерти, они больно ушиблись и были не въ состояніи исполнить этого обряда. Одинъ Рылѣевъ, разбивъ при паденіи голову и потерявъ много крови, могъ подняться и говорить съ Кутузовымъ. Во-вторыхъ, они не могли этого сдѣлать уже потому, что были наряжены передъ казнью, въ какіе-то мѣшки, съ круглыми отверстіями на днѣ, куда просунули головы осужденныхъ и подъ ногами связали веревкой. Въ лихорадочномъ состояніи своей памяти, Волковъ смѣшалъ моменты. Точно это было—но только было въ началѣ

градъ-Волынска, гдѣ служилъ въ 1-й батарейной ротѣ 8-й артиллерійской бригады; Горбачевскій жилъ въ это время 30 верстъ отъ Новоградъ-Волынска въ мѣстечкѣ графа Василевскаго въ Барановкѣ, гдѣ стояла артиллерійская 8-й же бригады 2-я легкая рота, куда на время онъ былъ прикомандированъ. Послѣ

казни. Когда осужденныхъ ввели на эшафотъ, всѣ пятеро висѣльниковъ приблизились другъ къ другу, поцѣловались и оборачиваясь задомъ, потому что руки были связаны, пожали другъ другу руки, взошли твердо на доску, которая должна была, заставить ихъ умирать дважды... И эта доска, эти веревки не измѣнили надеждамъ Незабвеннаго. Они умерли дважды, можетъ быть умирали въ медленныхъ страданіяхъ цѣлыя тысячелѣтнія минуты, но умерли, погибли, а этого-то только ему и хотѣлось.

Теперь я тебѣ хочу привести свои доводы, что третій, сорвавшійся съ петли былъ Рылѣевъ, а не Каховскій. Въ тотъ же день, тотъ же самый плацъ-майоръ Подушкинъ посѣтилъ меня въ Невской куртинѣ. Когда я его спросилъ: «Скажите пожалуйста, мы знаемъ, что повѣшенныхъ должно быть пять, а мы видѣли только двухъ?»—Три сорвались, батюшка, сорвались!—отвѣчалъ онъ.—«Кто же сорвался?»—спросилъ я.—М.-Апостолъ, Бестужевъ и еще третій—онъ бранился съ г. губернаторомъ Петербурга.—«Кто же это?—Ну, право, батюшка не знаю...—Плацъ-адъютантъ Трусовъ положительно сказалъ, что это былъ Рылѣевъ. Впослѣдствіи, когда наши дамы прибыли въ Читу, Катерина Ивановна Трубецкая и Александра Григорьевна Муравьева, подтвердили это. Они говорили, что въ тотъ же день во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ Петербурга разсказывали, какъ достовѣрное, сдѣлавшееся извѣстнымъ черезъ молодого адъютанта Кутузова, что изъ трехъ сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылѣевъ и, обратившись къ Кутузову, сказалъ:—«Вы, генералъ, вѣроятно, пріѣхали посмотрѣть, какъ мы умираемъ. Обрадуйте вашего Государя, что его желаніе исполняется: вы видите, мы умираемъ въ мученіяхъ»...

Когда же неистовый возгласъ Кутузова: «Вѣшайте ихъ скорѣе снова»,—возмутилъ спокойный, предсмертный духъ Рылѣева, этотъ свободный, необузданный духъ передового заговорщика вспыхнулъ прежнею неукротимостью и вылился въ слѣдующемъ отвѣтѣ:—«Подлый опричникъ, тиранъ! Дай же палачу твои аксельбанты, чтобъ намъ не умирать въ третій разъ». М. Б.

сентенціи увезенъ съ Трубецкимъ въ Сибирь, въ Нерчинскій заводъ, въ Благодатскій рудникъ, потомъ въ иЧту и оттуда въ Петровскій заводъ; въ 1839 г.—на поселеніе въ деревню Подлопатки, около Селенгинска, гдѣ жилъ около года съ братомъ своимъ Андреемъ. Потомъ переведенъ подъ Иркутскъ, въ д. Разводную, гдѣ отъ удара умеръ. Тамъ и похороненъ. Не знаю и не помню, въ какомъ году.

5. Борисовъ 1-й (Андрей). Служилъ съ братомъ въ 8-й арт. бригадѣ, въ 1-й батар. ротѣ вмѣстѣ съ Горбачевскимъ; вышелъ въ отставку въ 1824 году и жилъ въ Курской губерніи; въ 1825 году былъ вытребованъ Горбачевскимъ въ Новоградъ-Волынскъ послѣ Лещинскаго лагеря. Былъ посылаемъ въ разныя мѣста и арестованъ въ Курской губерніи, (гдѣ стояла рота конная артилл. подъ командою подполковника Глинки). Былъ вездѣ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ и, когда братъ умеръ скоропостижно въ Разводной, онъ въ отчаяніи хотѣлъ зарѣзать себя бритвою, потомъ зажечь домъ, но этого не могъ и тотчасъ же повѣсился. Онъ въ Петровскомъ казематѣ помѣшался и былъ до смерти такимъ. Похороненъ въ одной могилѣ съ братомъ—въ Разводной.

6. Горбачевскій (Иванъ). Родомъ Черниговской губерніи; служилъ въ 8-й артиллерійской бригадѣ, въ 1-й батарейной ротѣ, потомъ былъ въ 1825 году прикомандированъ въ ту же бригаду, во 2-ю легкую роту; служилъ вмѣстѣ все время съ Петромъ Борисовымъ; былъ принятъ въ Славянское тайное общество. Въ 1825 году при соединеніи Славянскаго общества съ Южнымъ былъ назначенъ и выбранъ членами общества Начальникомъ Славянской Управы, самой многочислен-

ной и рѣшительной по характеру ея членовъ. Былъ арестованъ въ скорости послѣ Борисова Петра въ Волынской губерніи, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, въ м. Барановкѣ. Послѣ сентенціи въ пятый (кажется) день былъ отправленъ изъ Петербургской крѣпости вмѣстѣ со Спиридовымъ и Барятинскимъ въ крѣпость Кексгольмъ и посаженъ былъ вмѣстѣ съ ними въ отдѣльную отъ крѣпости на островѣ башню, подъ названіемъ въ простонародіи Пугачевой башни.

И дѣйствительно, они тамъ застали въ башнѣ двухъ дочерей знаменитаго Пугачева, казненнаго въ Москвѣ, въ 1775 году. Съ тѣхъ поръ содержались тамъ эти двѣ жертвы, и, когда привели въ башню Горбачевскаго, Спиридова и Барятинскаго, то черезъ нѣсколько дней ихъ выпустили жить на форштадтъ крѣпости Кексгольма, подъ присмотръ полиціи, выдавая имъ по 25 коп. ассигнаціями въ сутки. Тутъ же съ ними съ 1775 года содержалось все семейство Пугачева: казачка—законная его жена, сынъ и двѣ дочери, и еще взятая имъ въ жены во время бунта, какая-то офицерская дочь, бывшая у него женою подъ именемъ императрицы Екатерины Алексѣевны; до пріѣзда новыхъ арестантовъ (Горбачевскаго, Спиридова и Барятинскаго), всѣ они прежде въ разное время померли, тамъ же остались въ живыхъ двѣ дочери, выпущенныя изъ башни во время пріѣзда Горбачевскаго, Спиридова и Барятинскаго. Изъ Кексгольма перевезли насъ въ 1827 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Шлиссельбургъ (крѣпость на Ладожскомъ озерѣ), опять Горбачевскаго, Спиридова и Барятинскаго, гдѣ они содержались до октября мѣсяца того же года, и оттуда Горбачевскій отправленъ былъ съ фельдъ-еге-

ремъ въ Восточную Сибирь, въ Читу вмѣстѣ съ Барятинскимъ, Николаемъ и Михаиломъ Александровичами Бестужевыми. Оттуда Горбачевскій въ 1830 году переведенъ въ Петровскій заводъ въ казематъ, гдѣ содержался и работалъ вмѣстѣ съ прочими казенную работу до половины 39 года; потомъ выпущенъ на поселеніе (съ запрещеніемъ выѣзжать куда-либо — такъ и всѣмъ приказано было) въ Петровскій заводъ и тамъ оставленъ на житье, хотя прежде и просился вмѣстѣ съ Оболенскимъ и Быстрицкимъ жить на поселеніи въ городѣ Верхнеудинскѣ. Теперь живетъ постоянно въ Петровскомъ заводѣ, Забайкальской области.

... 9. К ю х е л ь б е к е р ъ (Вильгельмъ, или, какъ мы его звали, Василій) не знаю, когда арестованъ [1]).

Изъ Петербургской крѣпости, привезли его послѣ насъ въ Кексгольмъ въ августѣ 1826 г. вмѣстѣ съ Александромъ Поджіо и Вадковскимъ. Потомъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и оставался въ крѣпости 10 лѣтъ въ казематѣ. Когда ему вышелъ срокъ на поселеніе, его изъ крѣпости привезли въ Сибирь и поселили отдѣльно отъ брата его Михаила въ Акшѣ на границѣ Монголіи; тамъ женился; оттуда переведенъ былъ въ Баргузинъ къ брату, изъ Баргузина въ Курганъ; тамъ ослѣпъ и тамъ умеръ.

....Вотъ тебѣ, любезнѣйшій Мишель, первый разрядъ

---

[1]) Въ Варшавѣ, куда онъ успѣлъ пробраться послѣ 14 декабря. Счастливо избѣжавъ по пути всѣ опасности преслѣдованія, онъ, какъ истый нѣмецъ, былъ арестованъ въ Варшавѣ изъ желанія, послѣ долгихъ лишеній—выпить чашку к о ф е. Проходя мимо гауптвахты, онъ призналъ мундиръ того полка, гдѣ одинъ изъ его знакомыхъ офицеровъ с л а в н о в а р и л ъ к о ф е, подошелъ къ солдатамъ и началъ разспрашивать, гдѣ живетъ такой-то. Это возбудило подозрѣніе, и онъ былъ задержанъ. М. Б.

съ сухою хроникою, которую ужасно скучно писать такимъ образомъ. Надобно бы писать и описать каждаго характеръ, степень ума, дѣйствія въ обществѣ; родъ, откуда явился, гдѣ служилъ, какой губерніи, гдѣ учился, что дѣлалъ, что думалъ, что съ нимъ приключилось въ жизни и проч., и проч. Но есть возможность это сдѣлать? (Признаюсь чистосердечно, я бы это и могъ сдѣлать, и исполнить завѣщаніе Сергѣя Ивановича,—сколько силъ достало бы,—потому что любопытствовалъ много, у всѣхъ разспрашивалъ, и у меня память на это чертовская). Но посмотри хорошенько на мое душевное и физическое положеніе; до того ли, чтобы писать исторію или записки о всемъ, что я видѣлъ въ жизни моей, слышалъ и испыталъ. Вѣдь это надобно написать цѣлые томы, и ты этому повѣришь, когда современемъ я тебѣ сообщу только наименования главъ, о чемъ надобно писать. Пожалуй, я тебѣ, такъ сказать, дамъ однѣ рамки, а ты вставляй туда, какія хочешь картины, и рисуй, какъ можешь, ежели ты въ состояніи это сдѣлать,—т.-е. я разумѣю, если у тебя есть память, факты и матеріалы. Лѣтъ не знаю сколько, но только много тому назадъ времени, я написалъ было порядочную тетрадь, не ту, что ты ви-

а другую; любопытная вещь была; многіе, которымъ я давалъ читать, восхищались, дорого ее цѣнили. Но въ одно прекрасное утро мнѣ надобно было изъ дому куда-то отлучиться надолго; думалъ, думалъ, что дѣлать съ такою массою бумаги написанной,—кому отдать? кому все это поручить? Не нашелъ человѣка по нашему разумѣнію: взялъ все и бросилъ и побросалъ въ печку, которая, какъ нарочно, тутъ же топилась; даже едва достало терпѣнія у меня

бросать все въ огонь, такая была масса исписанной бумаги. Говори, что хочешь, а дѣло сдѣлано; не ты одинъ меня за это ругаешь,—даже есть одинъ такой мой пріятель, что за этотъ пожаръ пересталъ со мною переписку имѣть, такъ разсердился на меня.

Слушай, что я тебѣ скажу, и ты долженъ мнѣ вѣрить, потому что мнѣ 61-й годъ, и стыдно бы было лгать и что-либо преувеличивать. Если бы мнѣ удалось написать или описать свою жизнь, оно было бы очень любопытно. Начиная съ 812 года, когда мнѣ уже было 12 лѣтъ, когда мы бѣгали отъ французовъ, и за французами; потомъ мое воспитаніе въ гимназіи, у іезуитовъ, потомъ въ корпусѣ, описать бы все это: какъ насъ учили, какіе были учителя, понятія того времени, нравы, обычаи, начальство; кого я въ это время видѣлъ, что объ нихъ говорили, и проч., и проч. Все это я помню,—и помню такъ, что могу судить справедливо и описать, какъ слѣдуетъ. Это было бы хорошо, потому что я по своему положенію почти не имѣлъ дѣтства; я не помню, чтобы я былъ ребенкомъ, отрокомъ, юношею,—такъ были развиты понятія и такая была жизнь моя; причиною всему было—тогдашнія обстоятельства и обстоятельства семейства нашего. Потомъ вступленіе въ тайныя общества; тутъ широкое поле является для описанія; мы, кромѣ того, что исполняли службу честно и аккуратно, мы еще трудились, читали, писали, работали; шныряли вездѣ,—забыли родныхъ, радости и веселіе... За все это попали въ крѣпость и въ Сибирь. Тутъ съ этой эпохи опять новый міръ; аресты, тюрьмы всѣхъ возможныхъ родовъ (даже я сидѣлъ подъ арестомъ двое сутокъ въ церкви, какъ я тебѣ сказы-

валъ),—каторжная работа; потомъ поселеніе не лучше казематовъ и каторжной работы; потомъ разсѣяніе нашихъ по всей русской земли, смерть товарищей, потери и проч., и проч... Но это еще не все. Я жилъ и живу между русскимъ народомъ, не отдѣляясь отъ него никогда; такое уже мое положеніе, такія обстоятельства и такое мѣсто. Тутъ много любопытнаго, замѣчательнаго, интереснаго; а ссыльные, что за народъ любопытный,—оклеветанный, убитый, но люди и умные, разсудительные, даже, скажу тебѣ странную вещь, люди очень добрые и честные. Многихъ я изъ нихъ видѣлъ, говорилъ съ ними, многимъ я былъ даже пріятель;—что они разсказываютъ, это поэзія. Что твои въ журналахъ повѣсти стоятъ противъ ихъ разсказовъ и ихъ приключеній; я никогда не читаю журнальныхъ повѣстей; мнѣ, если скучно, заведу разговоръ съ ссыльнымъ,—вотъ тебѣ и повѣсть,—да еще какая? Говорятъ, что они много врутъ; пускай себѣ врутъ,—эта ложь основана на исторической достовѣрности, и на то есть у меня умъ, чтобы изъ его разсказовъ взять все достовѣрное, хорошее и любопытное. Здѣсь былъ Максимовъ [1]), писатель; онъ хотѣлъ все узнать въ три дня и уѣхалъ; такъ не живутъ съ народомъ, и такъ въ короткое время нельзя его узнать; жаль, что такъ случилось, а онъ человѣкъ умный.

Какъ мнѣ тоже жаль, что вы съ братомъ Николаемъ приковали себя къ этой скалѣ Селенгинской. Развѣ вы жили и живете между народомъ?—вовсе нѣтъ; нѣсколько купцовъ, казаковъ и офицеровъ и

---

[1]) С. В. Максимовъ, авторъ книги «Сибирь и каторга». Ред.

чиновниковъ, это не народъ; много чрезъ это вы всѣ, всѣ и всѣ потеряли. Спроси ихъ и подумай,—гдѣ они видѣли народъ? Гдѣ они его поняли и изучили?

Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читалъ,—сочиненіе нашего Ивана Ивановича Пущина о своемъ воспитаніи лицейскомъ и о своемъ Пушкинѣ, о которомъ онъ много написалъ. Бѣдный Пущинъ,—онъ того не знаетъ, что намъ отъ Верховной Думы было даже запрещено знакомиться съ поэтомъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, когда онъ жилъ на югѣ;—и почему? Прямо было сказано, что онъ по своему характеру и малодушію, по своей развратной жизни сдѣлаетъ доносъ тотчасъ правительству о существованіи Тайнаго Общества [1]).

И теперь я въ этомъ совершенно убѣжденъ,—и онъ самъ при смерти это подтвердилъ, сказавши Жуковскому: «Скажи ему, если бы не это, я бы былъ весь его».—Что это такое? И это сказалъ народный поэтъ, которымъ именемъ всѣ аристократы и подлипалы такъ называютъ. Прочти со вниманіемъ объ ихъ воспитаніи въ Лицеѣ; развѣ изъ такой почвы вырастаютъ народные поэты, республиканцы и патріоты? [2]). Такая ли наша жизнь въ молодости была, какъ ихъ? Терпѣли ли они тѣ нужды, то униженіе, тѣ лишенія, тотъ голодъ и холодъ, что мы терпѣли? А посмотри ихъ нравственную сторону. Мнѣ разсказывалъ Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ про Пушкина

---

[1]) Совѣстно было ему объ этомъ сказать,—но знаю, онъ догадался,—я часто съ нимъ говорилъ о Пушкинѣ, сидѣвши вмѣстѣ въ 3-мъ отдѣленіи Петровскаго каземата. М. Б.

[2]) Можно прибавить—и историки. М. Б.

такія на югѣ продѣлки, что уши и теперь краснѣютъ [1]).

Ты скажешь, а Пущинъ Ив. Ив. развѣ худой человѣкъ? Я скорѣе скажу, чудо человѣкъ, что хочешь, такъ онъ хорошъ. Но я тебя теперь спрошу, республиканецъ ли онъ, или нѣтъ? Заговорщикъ онъ, или нѣтъ? Способенъ ли онъ кверху дномъ все переворотить? Нѣтъ, и нѣтъ,—ему надобны революціи дѣланныя, чтобы были на розовой водѣ: они всѣ хотѣли все сдѣлать переговорами, ожидая, чтобы сенатъ къ нимъ вышелъ и, поклонившись, спросилъ: «Что Вамъ угодно,—все къ Вашимъ услугамъ!»

— «Чортъ возьми, да вы то что хотѣли сдѣлать на своемъ югѣ», спросишь ты у меня,—«и что вы сдѣлали тамъ?» Вопросъ твой будетъ очень натуралень и справедливъ. Мы, славяне (слушай), были народъ очень смирный; въ тихомолку хотѣли рано или поздно, хорошо ли или худо, соединить всѣ славянскіе народы въ одну федеративную республику. Дѣла наши шли хотя медленно, но хорошо; но чортъ насъ попуталъ, или, лучше сказать, Тютчевъ, открывши намъ Южное общество. Страсти разгорѣлись; собрался корпусъ 3-й подъ Лещинымъ на маневры, и тутъ-то мы упрашивали и умоляли Муравьева-Апостола начать дѣйствія, ибо мы увѣрены были увлечь всѣхъ и все. Но не тутъ-то было:—Муравьевъ-Апостолъ заразился петербургскою медленностью, и случай былъ упущенъ съ 30-ю тысячью солдатъ. Потомъ, когда славяне отбили его и вырвали изъ когтей аре-

---

[1]) Его прогналъ отъ себя Давыдовъ. Его прогналъ отъ себя Раевскій. Его прогналъ отъ себя Воронцовъ; его прогналъ отъ себя и генералъ Инзовъ. М. Б.

стовавшихъ его, эти же славяне упрашивали его и умоляли итти въ одинъ переходъ и упасть, какъ снѣгъ на голову, на Кіевъ и взять его; тѣмъ болѣе тамъ была бригада въ караулѣ съ готовыми членами тайнаго общества, ожидавшими его. Онъ и тутъ не послушалъ, отговариваясь, что къ нему придутъ войска для усмиренія и къ нему же они присоединятся; ходилъ, ходилъ, пока ему картечь лобъ не расшибла, и все кончилось веревкою и Сибирью.

Что жъ хорошаго, послѣ этого въ умѣренности, въ хладнокровіи, нелюбви къ пролитію крови, въ медленности, въ холодномъ разсудкѣ, въ расчетѣ какомъ-то? Все это по-моему и по-нашему; однажды Кузминъ, не разслушавши на совѣщаніи одномъ, о чемъ толковали и спорили, и думая, что рѣшили поднять весь корпусъ на другой день,—объявилъ объ этомъ своей ротѣ и вышелъ на линейку въ лагерѣ въ походной амуниціи. Мнѣ дали знать объ этомъ, я прибылъ къ нему и началъ его упрекать въ поспѣшности (держалъ методы—не спѣшить Муравьева-Апостола и по своей обязанности, какъ начальникъ управы), и чтобы онъ ожидалъ впредь приказаній. Онъ взбѣсился и сказалъ: «Чортъ васъ знаетъ, о чемъ вы тамъ толкуете понапрасну! Все толкуете, конституція, Русская Правда, и прочія глупости, а ничего не дѣлаете. Скорѣе дѣло начать бы, это лучше бы было всѣхъ вашихъ конституцій». Муравьевъ-Апостолъ ему тоже выговаривалъ за такую поспѣшность, а тотъ ему отвѣчалъ: «Если Вы насъ будете долѣе удерживать, то мы и безъ Васъ найдемъ дорогу и въ Кіевъ и въ Москву»—И это не одинъ Кузминъ говорилъ и желалъ. Этого требовало все общество Славянское, и

Муравьевъ-Апостолъ не разъ грозилъ мнѣ, что онъ меня убьетъ, если что случится, приговаривая мнѣ: «Вы этихъ собакъ, славянъ держите въ рукахъ; это—цѣпныя бѣшеныя собаки, которыхъ только тогда надобно спустить съ цѣпей, когда придетъ время дѣйствовать».

Такъ ли должно было дѣйствовать, такъ ли должно было управлять людьми, для которыхъ нѣтъ страха, нѣтъ преградъ, въ душѣ которыхъ только и было одно слово дѣйствовать, съ изступленіемъ какимъ-то бѣшенымъ и съ отчаяніемъ!

Пишу къ тебѣ, не вставая съ мѣста, и написалъ много, самъ не помня, что я писалъ въ (тѣхъ) прежнихъ листахъ; пишу безъ плана, безъ системы. Я тебѣ хотѣлъ только сказать, что если писать, такъ писать сначала до конца, все подробно и по порядку времени и мѣста происшествій. Начать съ французской революціи; вліяніе ея на Европу, потомъ на Россію; состояніе въ 815 году Россіи; исторію тайныхъ обществъ въ Европѣ и Россіи,—все это хотя бы вкратцѣ описать. Потомъ уже взяться и за происшествія съ 825 года по день амнистіи 856 года.

А какъ ты думаешь это сдѣлать съ моею малороссійскою лѣнью и съ моимъ положеніемъ—ты думаешь это легко? Это правда, что я лѣнивъ, но это лѣнь кажущаяся,—лежу, ноги задравши вверхъ, и читаю серьезную книгу,—просто наслаждаюсь; но это все до поры; если что меня расшевелитъ, самъ чортъ съ моею дѣятельностью не управится. Вотъ тебѣ передъ глазами и доказательство: вмѣсто того, чтобы тебѣ написать листъ одинъ, а много два, а я тебѣ, не вставая съ мѣста написалъ десять; читай по пятницамъ и

скучай; брани меня, что хочешь говори; а теперь не успѣлъ тебѣ о прочихъ разрядахъ написать; на слѣдующей почтѣ остальное тебѣ пришлю.

Кланяйся усердно Маріи Николаевнѣ. Что Ваша больная? Обнимаю и цѣлую въ душѣ твоихъ дѣтей. Кланяйся имъ отъ меня; сегодня вторикъ, а въ четвергъ отходитъ почта; мнѣ писать надобно по крайней мѣрѣ десять писемъ въ разныя мѣста. Оттого и тебѣ не успѣлъ всего написать. Прощай, будь здоровъ, и ожидаю твоего увѣдомленія о полученіи этого письма и о твоемъ мнѣніи; до тѣхъ поръ и не буду къ тебѣ писать, а только приготовлять.

Жму тебѣ руку.

Твой Ив. Горбачевскій.

Ник. Ник. еще не пріѣхалъ. Еще прошу тебя, не обвиняй меня за безпорядокъ письма: я набросалъ свои нѣкоторыя мысли, спѣша и кончивши десять листовъ не вставая съ мѣста. Также убѣждаю тебя и прошу дружески, этого письма не посылай никому. Можешь дѣлать выписки какія тебѣ угодно, брать всѣ происшествія и мысли, но чтобъ письмо было у тебя или уничтожено! Я надѣюсь, что ты исполнишь мое желаніе. Ты видишь, это письмо не такъ написано, чтобы другому читать [1]).

... 4-й разрядъ.

...12) Александръ Муравьевъ (корнетъ кавалергардскаго полка). Петербургъ, Чита, Петровскій

---

[1]) Горбачевскій закончилъ свой списокъ и переслалъ его окончаніе Бестужеву со слѣдующими почтами. Ниже печатаются отрывки изъ этого окончанія. Ред.

заводъ. Когда ему вышло на поселеніе, а это было раньше двумя лишними годами, чѣмъ выйти на поселеніе брату его родному Никитѣ, то онъ просилъ, чтобы его оставили жить на поселеніи въ Петровскомъ заводѣ, по тѣхъ поръ, пока не кончится срокъ работы каторжной его брату Никитѣ, и послѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на поселеніе. Объ этомъ желаніи Муравьева представилъ въ Петербургъ комендантъ генералъ Лепарскій. Оттуда вышло повелѣніе взять Александра Муравьева еще въ работу и держать по тѣхъ поръ, пока не выйдетъ срокъ Никитѣ Муравьеву, что комендантомъ и исполнено.

... 5-й разрядъ.

1) Рѣпинъ. Взятъ въ Петербургѣ. Чита, Петровскій заводъ. На поселеніи около Иркутска, деревня по якутскому тракту, деревня ..... Не помню, въ которомъ году фельдъегерь везъ изъ Якутска его товарища въ Грузію (Андреева или Заикина), но, кажется, Лаппу. Тотъ попросилъ фельдъегеря переночевать у Рѣпина и у него отдохнуть; фельдъегерь согласился и ушелъ на другую квартиру ночевать. Хозяинъ квартиры Рѣпина, поселенецъ, сговорившись со своею любовницею, подперли двери и окошки квартиры Рѣпина и зажгли домъ. Оба бѣдные товарищи вмѣсто радости свиданія нашли смерть. Рѣпина нашли мертвымъ около порога, а его товарища около окошка отъ дыма задохшимся. Поселенецъ во всемъ признался. Былъ слухъ, что иркутское начальство все это скрыло.

2) Глѣбовъ (Михаилъ). Не знаю, гдѣ арестованъ. Петербургъ, Чита, Петровскій заводъ. На поселеніи—въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, деревня Кабанскъ; тамъ онъ былъ отравленъ сильнымъ ядомъ одною женщиною со своимъ любовникомъ, унтеръ-офицеромъ инвалидной команды, и ими ограбленъ.

... 6-й разрядъ.

... 2) Люблинскій (Юліанъ). Въ 823 году изъ Варшавы былъ приведенъ въ кандалахъ въ Новоградъ-Волынскъ Волынской губерніи за участіе въ Польскомъ тайномъ обществѣ подъ присмотромъ полиціи. Познакомившись тамъ съ Петромъ Борисовымъ, вступилъ въ Славянское общество. Арестованъ въ 826 г. въ началѣ, привезенъ въ Петербургъ, потомъ въ Читу и оттуда на поселеніе въ Иркутскую губ., въ Тунку. Послѣ амнистіи уѣхалъ на родину въ Новоградъ-Волынскъ.

... 7-й разрядъ.

... 3) Загорѣцкій. Арестованъ въ Тульчинѣ. Петербургъ, Чита; потомъ на поселеніи за Якутскомъ въ Вилюйскѣ; жилъ въ лѣсу далеко отъ Вилюйска; собака ему, запряженная въ саночки, возила въ лѣсъ одна хлѣбъ и прочіе припасы; онъ тамъ одинъ охотился и жилъ; послѣ взятъ, какъ говорили, въ солдаты; теперь живетъ въ Тульской губерніи.

...Лица, сужденныя военнымъ судомъ при Главной Квартирѣ 1-й Арміи въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ.

I. Офицеры Черниговскаго полка, осужденные подъ висѣлицу (стоять) и потомъ въ Сибирь въ каторжную работу. На висѣлицѣ въ Васильковѣ были прибиты имена Кузмина, Щепилы, Ипполита Муравьева-Апостола и проч. убитыхъ.

1) Соловьевъ (Веніаминъ). Содержался подъ арестомъ (арестованъ въ полѣ подъ Трилѣсами) въ Могилевѣ, для исполненія приговора суда, былъ изъ Могилева перевезенъ въ Васильковъ; тамъ подъ висѣлицей исполнена сентенція военнаго суда. Потомъ перевезенъ въ Острогъ Волынской губерніи, гдѣ стоялъ на квартирахъ Черниговскій полкъ; тамъ имъ всѣмъ предъ полкомъ переломили шпаги (это, кажется, прежде было сдѣлано, а потомъ ихъ увезли въ Васильковъ подъ висѣлицу, простоять $^1/_2$ часа). Потомъ ихъ отвезли въ Кіевъ; оттуда пѣшкомъ посланъ до самаго Нерчинскаго завода; оттуда—въ Читу, въ Петровскій заводъ и на поселеніе въ 840-мъ году въ Красноярскую губернію. Послѣ амнистіи уѣхалъ въ Рязанскую губернію.

2) Кузминъ послѣ ареста на полѣ подъ Трилѣсами, гдѣ былъ раненъ картечью въ правое плечо навылетъ, въ корчмѣ на ночлегѣ застрѣлился. Похороненъ около Трилѣсъ.

3) Сухиновъ послѣ разбитія Черниговскаго полка скрылся и бѣжалъ въ Молдавію; но услыша тамъ, что его товарищей арестовали, и что они сидятъ въ кандалахъ, не могъ этого перенести, возвратился въ Кишиневъ и объявилъ о себѣ, кто онъ такой.

Его арестовали, судили въ Могилевѣ, сослали вмѣстѣ съ Соловьевымъ въ Сибирь. Тамъ въ Нерчинскомъ заводѣ сдѣлалъ заговоръ, чтобы изъ Читы освободить всѣхъ арестантовъ, освободить всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, находящихся въ Нерчинскихъ заводахъ, и бѣжать на Амуръ и далѣе. Но было все это открыто наканунѣ самаго исполненія. Судъ присудилъ его и еще 5 человѣкъ заговорщиковъ разстрѣлять; но тоже наканунѣ исполненія приговора въ тюрьмѣ на ремнѣ, около печи повѣсился; такъ и умеръ. Вѣроятно, онъ этого бы и не сдѣлалъ, если бы ему сказали, что онъ будетъ разстрѣлянъ; ему кто-то сказалъ вечеромъ, что его будутъ наказывать кнутомъ; онъ этого не могъ перенести и самъ себя умертвилъ.

4) Мозалевскій и Быстрицкій—ту же имѣли участь, что и Соловьевъ. Мозалевскій умеръ на поселеніи въ Красноярской губерніи. Быстрицкій же послѣ амнистіи возвратился на родину въ Кіевскую губернію.

II. Прочіе офицеры Черниговскаго полка отданы были всѣ въ солдаты. Полкъ Черниговскій былъ уничтоженъ,—вновь сформированъ, дано было ему другое названіе. Солдаты всѣ судились военнымъ судомъ въ кандалахъ; на эти кандалы графиня Браницкая пожертвовала безъ денегъ 200 пудовъ желѣза, за что ее хвалили и превозносили безкорыстіе.

3.

Петровскій заводъ. 1861 г., іюля 6 дня.

Письмо твое отъ 19 іюня, я получилъ 1-го числа іюля, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! и да здравствуетъ почта: мы, кажется, живемъ другъ отъ друга 170 верстъ. Не буду къ тебѣ писать много,

потому что рука чертовски болитъ,—ревматизмъ, кажется, опять ко мнѣ пожаловалъ. Я бы къ тебѣ и совсѣмъ не писалъ сегодня по вышеписанной причинѣ, но Сашка присталъ—непремѣнно къ тебѣ послать игрушки, имъ сдѣланныя для твоего Николая и Елены; ну, просто плачетъ почти: «Пошлемъ, да пошлемъ; что обо мнѣ подумаетъ Николенька, что я такъ долго не посылаю къ нему обѣщаннаго».

Очень жаль Нат. Ник. [1]); бѣдная, такъ молода была, и такъ рано умереть. Ты скажешь—чахотка была; да развѣ это резонъ—имѣть въ такихъ лѣтахъ чахотку, и отъ чего? Что же касается до твоихъ молитвъ къ Аллаху и предположеній, то объ этомъ рѣчь впереди: дай срокъ, какъ русскіе говорятъ. А все мнѣ жаль, что я тебѣ не могъ пересказать и десятитысячной доли того, что бы могъ тебѣ передать, не говоря уже о матеріалахъ; время было коротко; опять говорю: подожди, дай срокъ. А рука болитъ, и не могу болѣе писать.

Прощай.

Твой Ив. Горбачевскій.

Маріи Николаевнѣ мой усердный поклонъ и мое глубокое почтеніе; дѣтей твоихъ душевно обнимаю. Получилъ я письма преинтересныя—одно отъ Натальи Дмитріевны Пущиной, другое отъ Оболенскаго.

(Приписка сбоку письма). Пожалуйста, когда будешь разбирать, игрушки, разбирай со вниманіемъ, потому что много есть мелкихъ вещей; объ этомъ тебя проситъ Саша.

---

[1]) Селиванова, свояченица М. Бестужева. Ред.

IV.

Два разсказа Ив. Ив. Горбачевскаго.[1])

(Въ передачѣ П. И. Першина-Караксарскаго).

I.

Событія 1812 года знакомы мнѣ лично. Я двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ при отцѣ моемъ, состоявшемъ тогда при штабѣ Барклая-де-Толли, а потомъ Витгенштейна и Кутузова. Воспитывался я въ кадетскомъ корпусѣ[2]), поступилъ на службу на 19-мъ году артиллеристомъ въ 8-ю бригаду. Въ тайное общество «Соединенныхъ Славянъ» поступилъ въ 1820 году[3]), на 20-мъ году своей жизни, по предложенію Борисова 2-го.

---

[1]) Разсказы эти, записанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ П. И. Першинымъ-Караксаркскимъ въ 1862 году приведены имъ въ статьѣ «Воспоминанія о декабристахъ» (Истор. Вѣстн., 1908 г., № 10). Першинъ ручается за точность своей передачи даже въ стилистическомъ отношеніи. Въ первомъ разсказѣ излагаются эпизоды, извѣстные изъ «Записокъ» Горбачевскаго. Совпаденіе разсказа въ общемъ и въ отдѣльныхъ частностяхъ съ версіей «Записокъ», а также съ письмомъ Горбачевскаго къ Бестужеву, дозволяетъ съ довѣріемъ отнестись къ передачѣ г. Першина. Ред.

[2]) Горбачевскій обучался въ Витебскѣ—сперва въ народномъ училищѣ, а потомъ въ Губернской гимназіи; по окончаніи ея поступилъ въ такъ называемый «Дворянскій полкъ», изъ котораго выпущенъ былъ въ 1819 году въ артиллерію—прапорщикомъ. Ред.

[3]) Ошибка: общество основано было въ 1823 году; въ томъ же году вступилъ въ него и Горбачевскій. Ред.

До 1825 года былъ дѣятельнымъ членомъ общества. Въ эти первые годы молодости не было дней, посвященныхъ удовольствіямъ и юной безпечности. Труды по дѣлу общества, занятія по службѣ, труды по пополненію образованія и чтеніе книгъ поглощали все время мое, тогда молодого, пылкаго юноши. Балы, маскарады, всѣ удовольствія свѣтскихъ людей мнѣ были незнакомы. Утро принадлежало службѣ: смотрамъ, разводамъ, ученьямъ; остальное время дня—канцелярскимъ формальностямъ. Вечера были поглощены разнообразными занятіями по «думѣ» нашего общества «славянъ», требовавшаго дѣятельности, распоряженій и такихъ распоряженій, которыя требовали осмотрительности и притомъ самой тщательной осторожности по сохраненію тайнъ общества.

Союзъ «Славянскаго» общества съ «Южнымъ» вызывалъ рядъ безконечныхъ занятій и сужденій. Собраніе наше представляло нѣчто въ родѣ палаты депутатовъ, гдѣ въ извѣстное время собиралось 150 членовъ и болѣе. Всякая мѣра предстоящихъ дѣйствій общества, предложенная президентомъ союза, обсуждалась и рѣшалась большинствомъ голосовъ. Засѣданія наши представляли полную возможность и независимость въ высказываніи мнѣній, гдѣ не было подобострастія низшаго къ высшему, служебные ранги не мѣшали равенству въ дѣлахъ общества, дружескія отношенія при обсужденіи какихъ-либо мѣръ не мѣшали горячимъ спорамъ въ защиту своихъ идей; гдѣ всякая мысль проходила чрезъ критику умовъ всѣхъ членовъ и уже выходила очищенной отъ пристрастій и промаховъ. Нерѣдко бывали и крупныя разногласія по принятію какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ, на которыя болѣе осторожные не соглашались.

Изъ такихъ спорныхъ вопросовъ приведу одинъ случай, которымъ рѣшился вопреки благоразумію рискованный шагъ. Поручикъ Х. докладываетъ, что ротный командиръ Саратовскаго полка не дозволяетъ солдатамъ 8-й артиллерійской бригады ходить въ его роту, что, конечно, препятствовало распространенію идей среди нижнихъ чиновъ о предпринимаемой реформѣ. Предстояло избавиться отъ ротнаго командира, но какъ? Предложенные планы были различны и многіе рискованы, на которые начальникъ нашъ Муравьевъ, человѣкъ осторожный и предусмотрительный, былъ весьма разборчивъ, не дозволялъ никакихъ крайнихъ мѣръ, которыя могли бы огласить тайну. Однако жъ, молодые люди большею частью обладали энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и были готовы на самую крутую мѣру, лишь бы устранить препятствіе. Поручикъ Кузминъ вызвался взбунтовать роту Березина, и это предложеніе принято собраніемъ съ восторгомъ, съ криками «ура» и «браво». Такое рѣшеніе не только не одобрено Муравьевымъ, но привело его въ бѣшенство, какъ противника крутыхъ и опасныхъ мѣръ.

— Слушай, Горбачевскій,—сказалъ онъ:—если ты не предупредишь этого сумасброднаго намѣренія, я тебя убью.

Выразивъ повиновеніе начальнику, я въ то же время, втайнѣ сочувствуя намѣренію Кузмина, шепнулъ ему, чтобы онъ привелъ свой планъ въ исполненіе, но осторожно.

Устранить Березина отъ командованія ротой было необходимо, и съ этимъ всѣ были согласны, кромѣ Муравьева, который пришелъ въ негодованіе и пред-

ставилъ резонъ всей невыгоды и риска, грозящаго разрушеніемъ общества съ печальными послѣдствіями.

— Если ты, Горбачевскій, не уймешь этихъ цѣпныхъ собакъ, я тебя убью—снова повторилъ Муравьевъ.

Собраніе кончилось.

Въ четыре часа утра прискакалъ ко мнѣ фейерверкеръ.

— Ваше благородіе, третья [1]) рота Саратовскаго полка взбунтовалась.

— Вели поскорѣе осѣдлать мнѣ лошадь,—сказалъ я.

Пока я одѣлся и привелъ себя въ порядокъ, выйдя изъ дому, третью роту я нашелъ уже на линіи.

Шекола, одинъ изъ членовъ общества, рослый и дюжій мужчина, еще наканунѣ, тотчасъ же по окончаніи собранія, взялъ на себя взбунтовать роту и въ этомъ успѣлъ въ совершенствѣ. Вся рота на линіи кричала: «Давайте намъ другого командира: мы не хотимъ Березина!». Командиръ полка, трусливый старикашка, чтобы уладить скандалъ, былъ на все согласенъ, лишь бы дѣло не приняло серьезнаго оборота. Шекола, видя благопріятный результатъ, пробѣжалъ по заднимъ рядамъ роты со словами: «Соглашайтесь, ребята». Заявленіе роты было командиромъ принято, и Березинъ смѣненъ, а вмѣсто него назначенъ командовать ротой одинъ изъ членовъ нашего общества.

Вербовалась въ члены общества большею частью молодежь съ неустановившимися, невыработанными взглядами, со смутными, неясно очерченными идеа-

---

[1]) Въ «Запискахъ» Горбачевскаго, стр. 23—1-я гренадерская. Ред.

лами. Молодежь жаждала подвига, дѣятельности. Не скажу, что это были умныя все головы,—скорѣе это были горячія головы.

Хотя я упомянулъ, что въ нашемъ «парламентѣ» была полная совбода въ выраженіи мнѣній, но далеко не всякое мнѣніе принималось къ свѣдѣнію. Горячимъ головамъ сейчасъ же требовалась дѣятельность, онѣ не выжидали хода событій, не соображались съ обстоятельствами. Изъ такихъ горячихъ головъ былъ и Кузминъ. Онъ, какъ говорится, рвался къ бою. Ему надоѣло по нѣскольку часовъ сидѣть въ собраніи и выслушивать главарей о планахъ и способахъ новаго государственнаго устройства.

— Послушайте, Горбачевскій,—разъ, оставляя собраніе, сказалъ мнѣ Кузминъ,—знать не знаю я вашихъ конституцій, революцій, республикъ; мнѣ бунтъ давайте.

Такихъ сумасбродовъ былъ не одинъ Кузминъ...

Извѣстна исторія доноса Майбороды и Шервуда...

Надвинувшіяся событія застали насъ [1]) врасплохъ, въ походъ собрались въ одну ночь: лошадей подковали, обозъ соорудили живо...

Разбили, разсѣяли насъ около Бѣлой Церкви. Многихъ арестовали, въ числѣ которыхъ былъ и Кузминъ. Въ первой стычкѣ съ императорскими войсками Кузминъ былъ тяжело раненъ, но всю дорогу, пока насъ везли подъ строгимъ конвоемъ въ Бѣлую Церковь, страдалъ молча отъ тяжкихъ ранъ. На одной изъ стан-

---

[1]) «Насъ» здѣсь и ниже неточно, такъ какъ 8-я артилерійская бригада, въ томъ числѣ и Горбачевскій, въ возстаніи Черниговскаго полка участія не принимала. Ред.

ціи раздался выстрѣлъ: то Кузминъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета, направленнаго въ грудь, спрятаннаго въ рукавѣ шинели.

2.

[Насъ привезли на ямскихъ тройкахъ въ Зимній дворецъ. Это было глубокой ночью]. Мы стоимъ въ оковахъ въ огромныхъ залахъ дворца, позади насъ часовые, да флигель-адъютанты шныряютъ молча.

Вдругъ распахнулись двери кабинета, и вошелъ императоръ Николай. Быстрыми шагами подошелъ къ намъ.

— Чего вы хотѣли? Конституціи?

— Нѣтъ, государь,—сказалъ Н.:—мы имѣли намѣреніе образовать федерацію изъ всѣхъ славянъ...

— Я государь, не могу справиться съ такой идеей, чтобы объединить всѣхъ славянъ, а вы самовольно, сумасбродно задумали вершить судьбами народовъ...

Краткій допросъ всѣхъ насъ сдѣлалъ самъ государь, и опять завязали намъ глаза и увезли...

Дальнѣйшую эпопею вы знаете.

Указатель.

Аврамовъ, фельдфеб. Черниг. полка, 139—141.
Александръ I, импер., 39, 61, 71, 75.
Алексѣевъ, капит. конно-егерск. полка, 191.
Алексѣевъ, ученикъ М. Бестужева, чиновникъ на Петр. заводѣ, 243.
Андреевичъ 2-й, Як. Мих., дек., 11, 17, 28, 32, 42, 60, 70—72, 74, 76, 95—103, 155, 157, 286.
Андреевъ 2-й, Андрей, подпоруч. л.-гв. Измаил. п., дек., 77, 305.
Анненковъ, Ив. Алкдр., поруч., дек., 244.
Апостолъ-Кегичъ, Гр. Ив., офиц. Черниг. полка, 122, 142, 182.
Балуганскіе—братья, ученики М. А. Бестужева, 243.
Барклай-де-Толли, М. Б., кн., 310.
Барятинскій, кн., Алкдр. Ив., дек., 194, 244, 290, 295.
Батенковъ, Гавр. Степ., подполк., дек., 265.
Башмаковъ, Флег. Мир., дек., рядов. Черн. полка, бывш. командиръ 17 артил. бриг., 68, 69, 113, 114, 186.
Безакъ, ген., комендантъ Бобруйск. крѣпости, 178.
Березинъ, командиръ 1-й гренад. роты, Саратов. полка, 22, 23, 312, 313.
Бестужева, Леля (Ел. Мих),—дочь М. А. Бестужева, 285, 309.
Бестужева, Мар. Ник., жена Мих. Ал. Бестужева, 284, 304, 309.
Бестужевъ, Коля (Н. М.), сынъ М. А. Бестужева, 285, 309.
Бестужевъ, Мих. Алкдр., шт.-кап., дек. 194, 239, 245, 250, 257, 262, 265, 268, 276, 281, 283, 285, 295, 296, 299. 304, 308, 309, 310.
Бестужевъ, Ник. Алкдр., кап.-лейт., дек, 194, 287, 292, 296, 299.
Бестужевъ-Рюминъ, Мих. Пав., подпор., дек., 6—17, 21, 28—39, 41, 43—45, 49—53, 60, 64, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 77, 85, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 98—100, 102, 103, 114, 115, 122, 127, 147, 149, 151, 155, 175, 187, 191, 219, 283, 288—293, 300.
Бечасновъ, Вл. Алдр., прапор. дек., 30, 31, 49, 72, 80.

Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, Пав. Серг., пор., дек., 246, 247, 260, 268, 272, 282.
Богуславскій, юнкеръ Полтавскаго полка, 25—26.
Бондаревъ, ссыльный поселенецъ, 228, 230, 231, 234.
Борисовъ 1-й, Андрей Ив., отст. подпор., дек., 49, 75—85, 155, 293, 294.
Борисовъ 2-й, Петръ Ив., подпор., дек., 3—9, 11, 13, 14, 17, 21, 22, 28, 30—32, 34—37, 39—41, 49—51, 60, 61, 64, 71, 72, 75, 77—82, 84, 85, 292, 294, 306, 310.
Бочаровъ, ссыльный поселенецъ, 198, 199, 202—207, 211, 212, 228, 231, 232, 234.
Браницкая, гр., А. В., статсъ-дама, 143, 144, 155, 222, 224, 308.
Быстрицкій, Алдр. Андреев., подпор., дек., 111, 122, 139, 140, 142, 147, 149, 151, 181—183, 187, 191, 192, 214, 287, 296, 308.
Бѣлелюбскій, офиц. Черниг. полка, 122, 142, 182.
Бѣлозеровъ, Бор. Вас., купецъ въ Петров. заводѣ, 284.
Бѣляевъ 2-й, Петръ Петр., дек., 260.
Вадковскій, Ѳед. Ѳед., прапор., дек., 113, 116, 141, 296.
Василевскій, гр., собственникъ мѣстечка Барановки, 293.
Васильевъ, Мих., ссыльный фельдфеб., 198, 199, 212.
Веденяпинъ 1-й, Аполлонъ, подпор., дек., 28, 29, 31, 32, 36, 77.
Веденяпинъ 2-й, Алексѣй, прапорщ., дек. 77.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христ., ген.-фельдм., 309.
Владимирскій, лѣкарь Нерчинскихъ заводовъ, 234.
Войниловичъ, А. Ст., дек., квартирмейстеръ Черн. пол., 111, 122, 125, 126, 142, 182.
Волковъ, офицеръ, свидѣтель казни декабристовъ, 290, 292.
Волковъ, ссыльный поселенецъ, 284.
Волконская, кн., Мар. Ник., жена дек., 195, 228, 244.
Волконскій, кн., Серг. Гр., ген.-майоръ, дек. 12, 233, 244, 264.
Воронцовъ, пр., М. С., Новороссійскій ген.-губ., 172, 226, 301.
Врангель, 28.
Враницкій, Васил., полков. квартирм. части, дек., 12, 28.
Вреде, ген.-майоръ, 184.
Высочинъ, прапорщ. конно-артил. роты № 6, дек., 5.
Габбе, полков., 12.
Гебель, Густавъ Ив., команд. Черниг. пол., 61, 63, 65—69, 76, 89, 93, 103—105, 107—110, 116, 117, 146, 159, 160, 182, 219—221.
Гейсмаръ, Ѳед. Клим., ген.-майоръ, 147, 150, 158, 162, 222, 286.
Глинка, Вл. Андреев., подполк., 294.

Глѣбовъ, Мих. Ник., кол. секр., дек., 306.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Илар., 310.
Голенищевъ-Кутузовъ, кн., Пав. Вас., петерб. воен. ген.-губ., 290, 292, 293.
Голиковъ, ссыльный фельдфебель, 198, 199, 202—207, 211—213, 228—232, 234.
Головинскій, юнкеръ 4-й парочной роты, 78, 79.
Головинскій, братъ предшествующаго, маршалъ Овручскаго повѣта, 79.
Горбачевская, мать декабриста, 253, 254, 274.
Горбачевскій, Ив. Вас., надв. совѣтн., отецъ дек., 253—255, 273.
Горбачевскій, Ив. Ив., подпор., дек., 3, 6, 7, 11, 14, 24, 25, 28—30, 32, 34, 37, 39—41, 44—51, 53, 60, 64, 71, 72 74, 77, 78, 80, 83, 84, 90, 194, 217, 236, 238, 246, 251, 259, 263, 266, 269, 272, 275, 280, 282, 283, 285, 286, 292—295, 303, 304, 309, 310, 312—314.
Горбачевскій, Никол. Ив., воен. инженеръ, братъ декабриста, 254, 255.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., нач. штаба 3 корпуса, 182, 183, 227.
Громницкій, Петръ Ѳед., поруч., дек., 5—7, 25, 28, 49, 78, 80—85.
Грохольскій, солдатъ Черн. полка, разжалов. изъ офицеровъ, 151, 185, 186.
Давыдова, Александра Ив., жена дек., 244.
Давыдовъ, Вас. Льв., отст. полков., дек., 12, 168, 169, 225, 237, 301.
Демосѳенъ, 255.
Добрынинъ, надзир. въ Петровскомъ казематѣ, 269.
Драгомановъ, юнк. Полт. полка, 32, 174, 175.
Дубровинъ, Ник. Ник., управляющ. Петр. завода, 284, 304.
Дуровъ, полк., кіевскій полицеймейстеръ, 134, 187, 188.
Ентальцова, Александра Вас., жена дек., 195, 228.
Ентальцовъ, Андрей Вас., подполк., дек., 53.
Ефимьевъ, капит. Саратов. полка, 86.
Желтухинъ, генер., командиръ дивизіи, 171, 172, 226.
Жизневскій, офицеръ Черниг. полка, 122, 146, 182.
Жуковскій, В. А, поэтъ, 300.
Жуковскій, знакомый декабристовъ въ Петр. заводѣ, 284.
Завалишинъ, Дм. Ирин., лейт., дек., 245, 250, 251, 257, 262, 265, 268, 274, 276, 277, 281.
Загорѣцкій, Ник. Алкдр., поруч., дек., 306.
Заикинъ, Никол., подпоруч., квартирм. части, дек., 305.
Зинкевичъ, штабъ лѣкарь, 168, 169, 224, 225.
Ивановъ, Илья Ив., провіантск. чиновн., дек., 4, 6, 9, 76, 77, 81.

Ивашева, Камилла Петр., жена дек., 244.
Ивашевъ, Вас. Петр., ротм., дек., 244.
Ильинская, Е. Дм., жена доктора Дм. Зах. Ильинскаго, 249.
Инзовъ, Ив. Ник., новороссійскій ген.-губ., 301.
Іаковъ II, король англ., 40.
Какауровъ, унт.-оф. Черниг. полка, 113, 114.
Капнистъ, Алексѣй Вас., чл. тайн. общ., 164.
Карлъ I, король англ., 40.
Каховскій, Петр. Андр., отст. поруч., дек., 191, 290—293.
Квистъ, Анна Ив., сестра И. И. Горбачевскаго, 237.
Кириловъ, берггауптманъ, 231.
Кирѣевъ, Ив. Вас., прапор., дек., 76, 77, 79, 81, 247, 260, 263, 268, 272, 282.
Киселевъ, Пав. Дм., генералъ, 12.
Климантовъ, почтмейстеръ въ Нерчинскѣ, 234.
Козаковъ, ссыльный поселенецъ, 204—206, 231.
Козловъ, капит. Черниг. полка, 137.
Кондыревъ, офиц. Черн. полка, 122, 142, 182.
Константинъ Павловичъ, цесар., 61, 71, 75.
Красовскій, ген., Аѳ. Ив., нач. штаба 4 корпуса, 134.
Кренницкій, отставной поруч., 78.
Крупенниковъ, подполк., чл. тайн. общ., 128, 131—133, 164.
Крыжановскій, (под)полк. лейбъ-гвардіи польскаго конно-егерск. полка, 13.
Кузминъ, Анастасій Дмитр., поруч., дек., 22, 24—27, 38, 39, 49, 64, 70, 93, 103—110, 114, 119, 120, 122, 126, 136, 141, 142, 147, 149, 151—154, 184, 220—222, 228, 286, 287, 302, 306, 312, 314.
Куракинъ, кн. Бор. Алексѣев., сенаторъ, 193, 228.
Курбатовъ, домовладѣлецъ въ Петр. заводѣ, 277.
Курносовъ, ген.-майоръ, 155.
Кучковъ, унт.-оф. Черниг. полка, 140, 141.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карл., кол. ассес., дек., 296.
Кюхельбекеръ, Мих. Карл., лейт., дек., 296.
Лангъ, жандармскій поручикъ, 93, 106, 107, 162, 220.
Лаппа, Матвѣй, подпор. л.-гв. Измайл. пол., дек., 305.
Лепарскій, Стан. Роман., генер., 206, 209—214, 230, 233—235, 305.
Лисовскій, Ник. Ѳед., поруч., дек., 49, 78, 80—82, 84, 85.
Лунинъ, Мих. Серг., подполк., дек., 44.
Люблинскій, Юліанъ К., дек., 306.
Людовикъ XVI, король Франц., 40.
Маевскій, поруч. Черниг. полка, 122, 146, 182.
Майборода, Аркад., капит. Вятск., полка, 15, 314.
Максимовъ, С. В., писатель, 244, 299.
Малецкій, старшій адъют. 4 корпуса, 134.

Малявинъ, ротмистръ Ахтырскаго полка, 99, 100.
Мещерскій, кн., офицеръ Черниг. полка, 122, 142, 182.
Милехинъ, помощн. управляющаго Нерчинск. завода, 229.
Михайловъ, ссыльный поселенецъ, 234.
Мозалевскій, Алдр. Евтих., прапорщ., дек., 116—123, 127—136, 160, 163, 181—183, 187, 190, 192, 193, 195—197, 200, 202—204, 206, 207, 213, 214, 227, 229, 230, 232, 234, 287, 308.
Мозганъ, Пав. Дм., подпор., дек., 37.
Молчановъ, Дм., дек., подпор. 17 егерскаго пол., 113, 116, 181.
Молчановъ, прапорщ. конно-піонернаго эскадрона, 191.
Мошинскій, гр., Петръ, волынск. губерн. предв. дворянства, 13.
Муравьева, Александра Григ., жена дек. Никиты Мих. Муравьева, 195, 244, 248, 293.
Муравьевъ, Алкдр. Захар., командиръ Александрійск. гус. полка, 12, 88, 132.
Муравьевъ, 2-й, Алкдр. Мих., корнетъ кавалерг., пол., дек., 304, 305.
Муравьевъ, Артам. Зах., полк., дек., 12, 28, 73, 88—94, 98—100, 132.
Муравьевъ-Амурскій, гр., Ник. Ник., 268.
Муравьевъ, Никита Мих., кап., дек., 305.
Муравьевъ-Апостолъ, Ипп. Ив., подпор., дек., 122, 125, 126, 147, 149—151, 154, 184, 228, 287, 307.
Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив., подполк., дек., 68, 88, 93, 104, 108, 121, 122, 147, 151, 155, 159, 220, 221, 286.
Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., подполк., дек., 5—11, 13, 15, 26—31, 33, 34, 37—41, 44—53, 63—65, 68—72, 74—78, 80, 81, 85, 87—95, 98, 99, 101—151, 153—165, 171, 173, 175, 181, 184, 187, 191, 219—222, 286, 291, 293, 297, 300—303, 312, 313.
Мухановъ, Петръ Александр., шт.-кап., дек., 242.
Набоковъ, полковн., командиръ Кременчуг. пол., 12, 129.
Набоковъ, генер., презусъ комиссіи, судившей Сухинова, 226.
Нарышкина, Елиз. Петр., жена дек., 193—195, 228, 244.
Насоновъ, Дм. Ив., слуга Оболенскаго изъ ссыльныхъ, 241—243, 246. 247, 258, 269, 279, 280.
Нарышкинъ, Мих. Мих., полк., дек., 244, 273.
Нащокинъ, поруч., конно-артилл. роты, дек., 28, 77.
Непомнящій, ссыльный поселенецъ, денщикъ маркштейгера Черниговцева, 230, 231, 234.
Несмѣяновъ, жандармскій поруч., 68, 93, 120, 121, 136.
Никитинъ, ряд. Черниг. полка, 191.
Никифораки, поруч., 101.
Никифоръ, кучеръ, 283.

Николаевъ, унт.-оф. Черниг. полка, 130, 191.
Николай I, имп., 64, 75, 314.
Оболенская, кн., Варв. Сампс., жена дек., 238, 266.
Оболенская, кн., Нат. Петр., сестра дек., 247, 251, 253, 258, 262, 266, 269.
Оболенскій, кн., Евг. Петр., поруч., дек., 236—239, 241, 244, 247, 248, 251, 252, 255, 258, 259, 263, 265, 266, 272, 274, 275, 278, 280, 284, 296, 309.
Оболенскій, кн., Мих. Евг., сынъ дек., 267.
Орловъ, Мих. Ѳед., ген. майоръ, дек., 12.
Павловъ, поруч., полковой адъют. Черниг. полка, 117, 118, 136, 137.
Пановъ 2-й, Ник. Алексѣев., поруч., дек., 194.
Первоухинъ, Ив. Ив., надзир. въ Петровск. заводѣ, 243, 280.
Першинъ-Караксарскій, Петръ Ив., знакомый И. И. Горбачевскаго въ Петровскомъ заводѣ, 241, 310.
Пестель, Пав. Ив., дек., 12, 50, 53, 191, 285, 290.
Пестовъ, Алкдръ Сем., подпор., дек., 5, 9, 11, 32, 33, 44, 45, 49—51.
Петинъ, Вл. Ник., поруч. Черниг. полка, 111, 122, 146, 182.
Повало-Швейковскій, Ив. Сем., полков., дек., 12, 13, 28, 94—97, 100, 114.
Поджіо, Алкдръ Викт., отст. подполк., дек., 240, 246, 247, 257, 260, 263, 269, 272, 280, 288, 296.
Поджіо, Варв. Ал., дочь дек., 289.
Подушкинъ, Е. М., плацъ-майоръ, свидѣтель казни декабристовъ, 290, 292, 293.
Птицынъ, цѣловальникъ изъ ссыльныхъ въ Нерчинскѣ, бывшій юнкеръ гусарск. полка, 228, 232, 234.
Пугачевъ, Емел. Ив., 295.
Пушкинъ, Алкдръ Серг., 300, 301.
Пущина (фонъ-Визина), Нат. Дм., жена дек., 238, 244, 247, 260, 263, 264, 269, 272, 309.
Пущинъ, Ив. Ив., кол. ассес., дек., 241, 242, 252, 300, 301.
Пыхачевъ, капит., командиръ 5-й конной роты, 12, 28, 30, 53, 161.
Раевскій, Ник. Ник., генер., 12, 301.
Ракуза, солдатъ Черниг. полка, разжалованный изъ офицеровъ, 151, 185, 186.
Рикъ, горный штабъ-офицеръ, 232, 233, 235.
Ротъ, Логгинъ Осип., генер., командиръ 3-го корпуса, 68, 161—164, 183.
Рыбаковскій, офиц. Черниг. полка, 119, 122, 142. 182.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., отст. подпор., дек., 191, 286, 290, 292, 293.
Рѣпинъ, Ник. Петр., шт.-кап., дек., 305.

Сакенъ, гр., Фаб. Вильг., коман. 1-й арміей, 226.
Саулъ, царь израил., 47.
Саша, мальчикъ, котораго Горбачевскій бралъ съ собою въ 1861 г. въ гости къ М. Бестужеву, 284, 309.
Свистуновъ, Петръ Ник., корн., дек., 242, 258, 263, 265, 266, 271, 275, 280.
Селиванова, Нат. Ник., свояченица М. А. Бестужева, 309.
Семичевъ, ротм. Ахтырскаго полка, дек., 90, 101.
Скоковъ, жандармскій прапорщ., 68, 93, 121, 134, 136.
Смолянинова, Филанц. Осип., теща Дм. Ир. Завалишина, 250, 268, 276.
Соловьевъ, бар., Веніам. Никол., шт.-кап., дек., 26, 27, 37, 49, 64—66, 103, 105, 106, 108—112, 115, 116, 122, 140—142, 147, 149, 150—153, 156, 181—184, 187—193, 195—197, 200, 202—204, 207, 211, 213, 220—222, 227, 229, 232, 234, 286, 287, 307, 308.
Спиридовъ, Мих. Матв., майоръ, дек., 21, 26, 27, 31—33, 44, 45, 47—50, 64, 73, 78, 80, 83—87, 90, 295.
Старцева, Харіеса Поликарп., вторая жена Д. Д. Старцева, 249, 250.
Старцева, Өед. Дм., родственница Д. Д. Старцева, 285.
Старцевъ, Дм. Дм., селенгинскій купецъ, 249, 285.
Сутгофъ, Алкдръ Ник., дек., 194.
Сухиновъ, Ив. Ив., поруч., дек., 38, 39, 49, 64, 70, 71, 99, 103—107, 110, 115—117, 125, 126, 135, 136, 143, 144, 147, 149, 151, 157, 158, 165—173, 181—183, 187, 188, 191—193, 195—200, 202—214, 217—234, 286, 287, 307.
Сычевъ, Алкдръ Поликарп., свящ., въ Благовѣщенскѣ, 238.
Сычевъ, Евгеній Полик., сынъ о. Поликарпа Сычева, 238, 280.
Сычевъ, Поликарпъ Павлов., свящ. въ Петровскомъ заводѣ, 237, 243, 244, 248, 249, 252, 262, 269, 271, 280.
Тизенгаузенъ, Вас. Карл., полк., дек., 12, 28, 53, 174—177.
Тимонъ, гр., командиръ Изюмскаго полка, 217, 218.
Тиръ, сосланный студ. Виленскаго унив., 229.
Тихановскій, генер., командиръ 9-й дивизіи, 119, 120.
Тихоновъ, подпор. 9-й арт. бриг., дек., 32, 38.
Толь, бар., Карлъ Өед., ген.-адъют., нач. штаба 1-й арміи, 240.
Траянъ, римск. импер., 41.
Троцкій, поруч., Полтав. полка, 175—178.
Трубецкая, кн., Ек. Ив., жена дек., 195, 228, 244, 293.
Трубецкой, кн., С. Петр., дек., 12, 244, 288, 294.
Трусовъ, подпоруч. Полтав. полка, 175—178.
Трусовъ, плацъ-адъютантъ, свидѣтель казни декабристовъ, 293.

Трухинъ, майоръ Черниг. полка, 111, 112, 115, 122, 134—137, 139, 160, 163, 221.
Тютчевъ, Алексѣй Ив., дек., 5—8, 11, 49, 64, 78, 80—86, 90, 301.
Усовскій, поруч. Полт. полка, 11, 53, 175.
Фердинандъ VII, король испанск., 40.
Фитингофъ-фонъ, Алдръ Христ., горный инженеръ на Нерч. заводѣ, шт.-оф., 233.
Фришъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, 235.
Фроловъ, 4-й, Ал-дръ Филип., подполк., дек., 12, 28, 53.
Фурманъ, Андрей, кап. Черниг. полка, дек., 113, 114, 122, 181, 222.
Харитоновъ, Иванъ, унт.-оф. Черниг. полка, 133, 141.
Хотяинцовъ, подполк., дек., 164.
Цицеронъ, 255.
Чебаевскій, горный штабъ-офицеръ, 232—234.
Черниговцевъ, маркштейгеръ Нерчинскихъ рудниковъ, 204—206, 229—231.
Черноглазовъ, подпор. 9-й артил. бриг., дек., 32, 38.
Шахиревъ, Андрей, поруч. Черниг. полка, дек., 32.
Шварцъ, полковн., команд. Семеновскаго полка, 197.
Шекола, юнкеръ, 22, 23, 313.
Шервудъ-Вѣрный, Ив. Вас., 314.
Шимковъ, Ив., прапорщ. Сарат. полка, дек., 84, 86.
Штейнгель, бар., Вл. Ив., отст. подполк., дек., 242.
Шультенъ, поруч. артил. бригады, дек., 32, 37.
Шутовъ, фельдф. Черниговск. полка, 114, 119, 120, 141, 191, 192.
Щеголевъ, П. Е., 283.
Щепила, Михаилъ Алексѣев., поруч., дек., 26, 36, 37, 39, 64—66, 103—108, 110—112, 116, 118, 122, 127, 141, 147, 148, 151, 154, 184, 220—222, 228, 286, 287, 307.
Щепинъ-Ростовскій, кн., Дм. Алдр., штабсъ-кап., дек., 194.
Щербатовъ, кн., Алексѣй Григ., командиръ 4-го корпуса, 134, 135, 163, 164.
Энгельгардъ, юнкеръ, 94, 95.
Юлій-Цезарь, 36.
Юшневскій, Алексѣй Петровичъ, генер.-интенд. 2-й арміи, дек., 12, 244.
Яблоновскій, кн., Антонъ, членъ польск. тайн. общества, 13.
Якубовичъ, Алдръ Ив., капит., дек., 244.
Янчуковскій, Викторъ, подполк., помощн. начальника Нерчинскихъ заводовъ, 243.

Московская Центральная
Публичная библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. И. И. Горбачевскій и его «Записки». (Статья Б. Е. Сыроѣчковскаго) VII
2. Записки декабриста. И. И. Горбачевскаго.
I. Происшествія Лещинскаго лагеря 1
II. Возстаніе Черниговскаго полка 57
III. Судьба участниковъ 179
3. Приложенія.
I. И. И. Сухиновъ. (Статья И. И. Горбачевскаго) 217
II. Одиннадцать писемъ И. И. Горбачевскаго князю Е. П. Оболенскому 236
III. Три письма И. И. Горбачевскаго къ М. А. Бестужеву 283
VI. Два разсказа И. И. Горбачевскаго (въ передачѣ П. И. Першина Караксарскаго) 310
4. Указатель 316